

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Л. М. Дробижева

Социальные проблемы
межнациональных отношений
в постсоветской России

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Drobizheva.pdf>

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
СОЦИО-
ЛОГИИ

Л.М. Дробижева

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ в постсоветской России

Москва

Центр общечеловеческих ценностей

2003

УДК 316
ББК 60.5
Д75

Д75 Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. — 376 с.

ISBN 5-88790-064-4

В этой книге рассматриваются актуальные проблемы межнациональных отношений в российском обществе, изменений в самосознании национальностей и формировании общероссийского самосознания, обсуждается, насколько обоснованы представления о неравенстве этнических групп, каковы реальные различия в распределении богатства, престижа и власти, что является наиболее важным для русских и людей других национальностей, чтобы чувствовать себя равными.

Автором обсуждаются перспективы общероссийской гражданской интеграции.

**УДК 316
ББК 60.5**

ISBN 5-88790-064-4

© Дробижева Л.М., 2003
© Институт социологии РАН, 2003
© Центр общечеловеческих ценностей, 2003

Предисловие

Моя профессиональная судьба, как у многих социологов, складывалась так, что свои научные интересы доводилось реализовывать главным образом в ходе больших исследовательских проектов.

До 1990-ых годов я работала в проекте «Оптимизация развития наций в СССР», осуществлявшемся под руководством Ю.В. Арутюняна. С начала 90-ых годов сама руководила тремя большими проектами: «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов» (1993-1996 гг.), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (1997-1998 гг.), «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (1999-2001 гг.).

Проекты осуществлялись в Башкортостане, Саха (Якутии), Северной Осетии-Алании, Татарстане, Туве, Магаданской и Оренбургской областях. В значительной части они носили характер мониторинга. По итогам этих проектов опубликованы несколько коллективных монографий и сборников статей, в которых я выступала как автор, руководитель исследований и ответственный редактор.¹

Но, кроме того, за последние годы по материалам проектов мною были написаны статьи в коллективные работы для разных аудиторий, в журналы и книги, которые выходили за рубе-

---

¹ Ценности и символы этнического самосознания. М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1995; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации 90-ых годов; Суверенитет и этническое самосознание. М., 1995; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-ых годов. М., 1996; Говорит элита Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробижевой. М., 1996; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998; Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряжённости. М., 1999.

Исследования стали возможны благодаря поддержке Фонда Дж. и К. Макаруров.

жом и могут быть неизвестны большинству наших читателей. Некоторые сборники, в которых публиковались мои статьи, выходили небольшими тиражами, и теперь их не могут найти заинтересованные специалисты и практики, работающие в сфере межнациональных отношений, особенно на местах.

Сейчас пришло время собрать вместе и новые тексты, и то, что осталось актуальным из написанного за последние 7 лет.

Межнациональные отношения понимаются в контексте данной книги широко. Это и отношения между народами на институциональном уровне, и межличностные отношения людей в повседневной практике.

Мы исходили из того, что этничность не всегда проявляет себя в существовании чётко выраженных этнических групп, члены которых находятся в постоянном взаимодействии. Она имеет и другие виды выражения.

Национальности, которыми оперируют в статистике или используют в социологических опросах, лишь один из видов социальной классификации — **этническая категория**, построенная на основе приписывания извне и самоотнесения изнутри. Это — номинальная этническая группа. Люди, которых выделяют по таким категориям, совсем не обязательно находятся в реальных межличностных связях.

Другим видом этносоциальной фрагментации пространства являются **этнические сети**, проявляющиеся в разнообразных децентрализованных контактах, при которых этничность становится каналом взаимопомощи, обмена информацией, услугами. Наконец, существуют или могут образовываться **этнические общины** — относительно устойчивые, дислоцированные на какой-то территории группы, члены которых находятся в более разносторонних и тесных связях. Это явление не только прошлого. В условиях высокого притока новых мигрантов не все они оптимально адаптируются в инациональной среде, создают относительно замкнутые анклавные структуры, усиливая этническую фрагментацию, межэтнические сопоставления и нередко напряжения.

В нашем исследовательском поле объектом были этнические категории и этнические сети.² Такой подход, впервые применённый нами в отечественной социологии, даёт возможность рассматривать номинальную и реально функционирующую этничность.

В названии книги и в тексте речь идёт о социальных проблемах межнациональных отношений. Этнополитические проблемы и проблемы этноэкономические затрагиваются нами лишь в аспекте их восприятия в разных этносоциальных средах.

С точки зрения социальной проблематики центром изучения является выяснение того, как национальность ассоциируется с другими социальными делениями, какое значение она имеет в социально-экономической жизни людей, их отношениях и влияет ли, а если влияет, то как, на трансформационные процессы.

Источниковой базой, на которую мы опирались, были материалы уже упоминавшихся исследований.

Отобранные для исследований республики представляли этноконфликтные ситуации разного типа, а среди областей были выделены те, которые сравнимы по социально-экономическому положению с соседними республиками и давали возможность сравнить положение русских в «своей» и инациональной среде. В каждом из субъектов федерации опрашивалось от 1000 до 1317 человек. Выборка была репрезентативной для русских и национальностей, дающих название республикам. Параметры выборки представлены в приложении. Кроме того, использовались материалы официальной статистики и результаты глубинных свободных интервью автора с экспертами (230 интервью).

В некоторых главах книги материалы или сюжеты повторяются. Но этого нельзя было избежать, так как каждый раз они приводятся в разной связи.

---

² Такой подход мы использовали в проекте «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации», реализованном под моим руководством в 1999-2002 гг. / Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М., 2002, с. 17, 120-121. Учитывались также выводы, полученные нашими коллегами Ю.В. Арутюняном, В. Радаевым, В. Савва, западными исследователями Р. Робертсоном (1995), Д. Хандельманом (1997), М. Кастельсом (2000), К. Калхуном (1997).

Мне хотелось бы сказать, что стимулировали меня в создании книги мои студенты. Параллельно с научной работой уже несколько лет я преподаю курс «Этносоциология» в Государственном университете гуманитарных наук (ГУГН), в Московской высшей школе социальных и экономических наук и теперь в Университете — Высшей школе экономики. Этносоциология — наука молодая, хотя имеет корни с начала XX века, как и многие другие социологические направления. Преподают её теперь во многих вузах, ведущих специализацию по социологии. Того учебного материала, которым располагают учащиеся, да и преподаватели, явно не хватает. Да и для подготовки магистерских, кандидатских и даже докторских диссертаций надо располагать уже имеющимися выводами в науке, а работ, их содержащих, нельзя достать даже в крупных библиотеках страны.

Я признательна всем тем, кто стимулировал меня в создании книги. Моя искренняя благодарность О.В. Щедриной и И.М. Кузнецову, помогавшим мне подготовить книгу к изданию.

Мне бы хотелось поблагодарить моих коллег по работе над проектами: В.В. Коротееву, П.М. Козыреву, М.С. Косолапова, И.М. Кузнецова, Л.В. Остапенко, С.В. Рыжову, Г.У. Солдатову, коллег в Татарстане — Г.А. Исаева, Р.Н. Мусину, Т.А. Титову, Л.В. Сагитову, в Саха (Якутии) — У.А. Винокурову, Р.А. Кузьмину, А.Д. Бравина, Д.В. Брагину, И.Е. Спиридонову, Э.Я. Яковлеву, в Оренбургской области — В.В. Амелина, Э.М. Виноградову, а также из США — Д. Бари и Г. Лapidус за интересные обсуждения идей и методик.

Я признательна Ю.В. Арутюняну за добрые советы и В.А. Тишкову, директору Института этнологии и антропологии РАН, в котором я работала долгие годы, за обстановку свободного творчества.

Проекты не могли бы быть реализованы, если бы не были поддержаны Фондом К. и Дж. Макартуров. Я признательна за внимание и поддержку в работе сотрудникам Фонда, и прежде всего Т.Д. Ждановой, С. Кинг, Э.А. Орловой.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕШЕНИЕ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Россия является страной с большим разнообразием этносоциальной фрагментации общества. Народ, составляющий большинство в стране, национальности, дающие название российским республикам и не имеющие административных образований, диаспорные группы и среди них новые мигранты — все они имеют разные проблемы, решение которых зависит от модели развития межнациональных отношений, которую вырабатывает государство и общество.

Отношение к меньшинствам — людям разной этнической и расовой принадлежности в полиэтнических странах всегда являлось одним из показателей зрелости гражданского общества и состояния демократии в государствах, и сейчас это одна из моральных и политических проблем, стоящих в современном мире на повестке дня.

Этнополитические проблемы, так же как этносоциальные, за десятилетие трансформаций в России существенно изменили значимость и содержание. Из главных для жизни страны в начале 1990-ых гг. они стали не первостепенными. Угроза сепсиса как центральная проблема сменилась опасностями фобий и экстремизма.

Изменилась политика в отношении акторов этнических полей, дискурс и социальная практика.

Что удалось и что не удалось сделать власти и обществу?

Какие завоевания демократического перехода имели принципиальное значение для современного периода?

Этими завоеваниями в России можно считать:

1. Предотвращение югославского варианта событий в период распада Союза; выход из ста двадцати конфликтных ситуа-

ций, которым придавалось этническое звучание, в большинстве случаев переговорным путём. Исключениями стали военные действия в Чеченской республике и вооружённые столкновения в Северной Осетии.

2. Приостановка этнически манифестируемых дезинтеграционных процессов с помощью использования процедур реального федерализма. После подписания Федеративного Договора 1992 г., в его адрес было много критики. Но в результате мы стали жить в другой стране: федеративные отношения были распространены не только на республики, но и области, и этим относительно демократическим путём «гасилась» политизация этничности через особенности статуса республик. По сути только в силу традиций их называют национальными республиками. На основе доктринального пространства они являются российскими республиками.

С другой стороны, по Федеративному Договору 1992 г., повышался вес всех территориальных образований, что для такой большой страны как наша, к тому же с чрезмерным уровнем централизации в советское время и имперским прошлым, было важным, способствовало демократизации и являлось каким-то психологическим возмещением той дезинтеграции, которую надо было преодолевать гражданам после распада Союза. Страна стала меньше, но добровольность объединения субъектов Федерации закреплялась подписанием Федеративного Договора их представителями.

Система договоров, закреплённая в Конституции РФ, теперь критикуется всеми, но тогда, в 1994 г., на примере Татарстана она дала возможность избежать чеченского варианта развития событий. И это признаётся даже критиками договоров.

Элементы сепаратизма и дезинтеграции в большей мере порождались непоследовательностью действий и борьбой политических сил в самом Центре, нежели акциями в субъектах Федерации. Опасности сепаратизма после 1994 г., за исключением Чечни, уже не было, и речь может идти именно о дезинтеграции (но не сепаратизме), которая зависела от общего положения в стране.

3. Принятие законов в этнополитической сфере в соответствии с нормами международного права и международными договорами РФ; отмена 5 пункта, изменение фиксации национальности в паспорте.

4. Наконец, безусловно важным было то, что в 1990-ые гг. люди перестали скрывать или стыдиться своей этнической идентичности, стали свободно говорить между собой на родном языке.

Ю.А. Левада, Л.Д. Гудков фиксировали по результатам опросов ВЦИОМ снижение антисемитизма, В.Д. Шапиро писал о недискриминации евреев. В стране появились национальные школы.

Снижение психологического чувства неравенства по признаку этнического меньшинства, как показали наши исследования, стало значимым *ресурсом* для адаптации людей к рыночной экономике и демократизации.

Репрезентативные исследования, которые мы проводили в Саха (Якутии), Северной Осетии-Алании, Татарстане, Башкортостане в 1994-2000 гг.¹ показывали, что у людей, принадлежащих к народам, дающим название республикам, деятельностные установки (готовность получить новую специальность, повысить свою квалификацию, иметь дополнительную работу, открыть свое дело, поддержка свободы слова, печати) в тенденции были даже несколько выше, чем у русских.

Можно было предполагать, что это связано с суверенизацией республик и изменением статуса русских, раньше чувствовавших себя «старшим братом». Но и в областях, соседних с республиками, например, Оренбургской, сходных по своим ресурсам с Татарстаном и Башкортостаном, была та же картина.² Следовательно, чувство достоинства не только личностного, но и группового, имело значение. Не случайно, когда у русских в

---

¹ Исследования проводились в городских и сельских условиях, но деятельностные установки больше выражены у горожан.

² Социальные неравенства этнических групп: Представления и реальность / Автор проекта и отв. ред. Дробижева Л.М. М.: Academia, 2002. С. 98-170.

2000-2002 гг. стало несколько улучшаться социальное самочувствие, это сразу стало менять, активизировать деятельностные установки у них. Исследования показывают, что неущемленная, позитивная этническая идентичность может быть ресурсом для деятельностной активности групп.

5. Достижением последнего десятилетия стали изменения в правовом поле. В результате принятия законов «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики (1996) в институциональное пространство включены не только народы, дающие название республикам, как это было в советское время, но и меньшинства, не имеющие административных образований.

6. Со второй половины 1990-х гг. появилась возможность «разгосударствленного», национально-культурного самоопределения граждан, этнических меньшинств, диаспор через создание этнокультурных общественных объединений, национально-культурных автономий (НКА). Они, конечно, далеко не всегда, как показывают исследования, объединяют всех людей той или другой национальности в конкретных локальностях, но для заинтересованных граждан служат удовлетворению их интересов и расширяют пространство формирования гражданского общества. В целях координации деятельности НКА и для связи с органами государственного управления при Правительстве РФ создан Консультативный совет, который состоит из делегированных на определенный срок представителей федеральных НКА. Такие советы создаются и при органах исполнительной власти в субъектах РФ и даже при органах местного самоуправления.

НКА на местах не только удовлетворяют культурные потребности заинтересованных групп граждан, но и в случае конфликтных напряжений выступают инструментом межэтнического диалога.

7. В сфере федеративных отношений, которая затрагивает интересы национальностей, проживающих в республиках, произошли серьезные, если не сказать, кардинальные измене-

ния. Пережив период безбрежного законодательного творчества, регионы с 2002 г. встраиваются в единое законодательное поле. Не все в этой сфере оптимально, но принципиально значимо то, что регионы почувствовали и возможность самостоятельности, и ее границы. Важность их социального опыта для государства в целом необходима. И в этом отношении различия стали выстраиваться не по линии республики — области, а по тому, каков позитивный опыт каждого субъекта федерации.

Нередко у нас и за рубежом говорят о феодализации страны, особенно применительно к периоду 1990-х гг. Но надо понять, что мы переживали в тот период реакцию на чрезмерную централизацию в советское время и экономические сложности, заставлявшие искать далеко не всегда легитимные способы выживания в субъектах федерации.

8. Наконец, в науке, в идеологии, дискурсе появилась возможность исходить из разных концепций, понятий, использовать разные термины. Так же, как и в мировой науке, обсуждаются и используются для интерпретации социальной реальности конструктивизм, инструментализм, примордиализм, эффективность полипарадигмальных подходов. Важно, что этничность стала интерпретироваться не как застывшая, вечная, а как **изменяющееся, ситуативное явление, имеющее свою историю** (возможность деконструкции) и **используемое в разных контекстах** (этническая идентичность, этноцентризм и т.д.) **и соотношении с российской гражданской идентичностью.**

Беспокоит лишь то, что по теоретическим вопросам у нас проходит немало школ и других видов обсуждений и реже стали проходить обсуждения конкретных болевых точек в сфере этнических проблем.

Так же, как и в других сферах жизни общества, *демократизация не решает всех этнонациональных проблем. Она имеет свои лимиты.*

1. Мажоритарная система (один человек — один голос) никогда не обеспечит учёт интересов меньшинств в федеральных органах государственной власти.

Недопредставленностью в федеральных органах власти аргументируется другое неравенство — доминирование во властных структурах республик представителей национальностей, дающих названия республикам. В Саха (Якутии) при 37% якутов в республике в правительственных структурах их было более 69%,³ в Татарстане во второй половине 1990-х гг. в Государственном Совете было более 70% татар (в составе населения по оценке — 51%). В палате представителей Госсобрания Башкортостана башкиры составляли 41,1% депутатов, в Законодательной палате — 55,2% (в составе населения республики башкир было 22%).⁴ Участие во власти — проблемная ситуация, воспринимаемая как дискриминация русскими в республиках, а представителями других народов в федеральном Центре. Естественно, депутаты в законодательные органы власти должны избираться или назначения на должности в исполнительные органы должны происходить по критериям способностей людей. Но именно, исходя из этих критериев, трудно представить адекватность им состава органов власти, приведенного выше.

Демократии в мире используют специальные приемы солидаризации полиэтнических обществ. Так выражением принципов интегральной демократии являются символные назначения лиц иной, чем большинство расовой или этнической принадлежности, с соответствующими должностям способностями. Примером может служить деятельность К. Пауэла и К. Райс в составе команды Буша младшего.

2. Сохраняется дискуссионность в правовом положении: права человека в демократиях приоритетны, но сегодня «права меньшинств» рассматриваются как часть универсальных прав человека (race equality directive Европейского Союза). Правозащитники сосредотачивали внимание в основном на институциональной дискриминации, но не менее страшна неформаль-

---

³ Винокурова У.А. Сказ о народе. Саха (Якутия), 1994. С. 129.

⁴ Габдрафиков И.М. Республика Башкортостан. Модель этнополитического мониторинга. М., 1998. С. 35, 36; Социальное неравенство этнических групп. С. 110.

ная дискриминация. Известно, что из республик, особенно северокавказских, идёт отток русского населения. Это — реальный показатель состояния межэтнических отношений, и причина не только в социально-экономических условиях (русским легче найти в центральных районах работу и быть принятыми окружающим населением), но и в психологической некомфортности, а подчас и дискриминации, которую чаще всего связывают с назначениями на должности.⁵

Коллеги, призывающие не употреблять этническую терминологию, предлагают говорить только о дискриминации того или иного человека, не использовать и термин «межэтнические отношения».⁶ Это странно не только потому, что им пользуется вся мировая литература, и в составе мировых социологических конгрессов работают соответствующие сессии и комитеты, но и потому, что фиксируются ситуации, когда реальной дискриминации людей по этническим признакам нет, но отношения неблагоприятные. Речь приходится вести не об ущемлённости людей — в Саха-Якутии, например, ущемление ощущают больше якуты (до 12-19% и реже русские), а об отношениях, которые как неблагоприятные чаще ощущают русские.

Нас призывают не говорить об этом. И что же, мы должны молчать, если институционально люди разных национальностей в Москве равны, а погромы, избиения людей по внешнему виду и цвету кожи, антисемитские плакаты имеют место? Формально армянин или цыган может быть не дискриминирован, и дети его учатся вместе с другими в школе. Однако ко мне как специалисту, работающему в Институте социологии, обращались не раз москвичи с вопросом, куда детям можно пойти учиться, чтобы их не называли в учебных заведениях чёрными, азерами, чтобы детям от смешанных браков не было необходимости менять фамилии на русские.

---

⁵ Гучинова Э.Б. Республика Калмыкия. Модель этнополитического мониторинга. М., 1997. С. 28; Анайбан З. Республика Тыва. Модель этнополитического мониторинга. М., 1996. С. 32.

⁶ Расизм в языке социальных наук. Санкт-Петербург, 2002. С. 157.

Поэтому и существуют понятия «предрассудки», «негативная, враждебная установка», которые изучают социологи, а не только формально фиксируемая дискриминация, которой занимаются юристы и правозащитники. Мы не раз и до нынешней дискуссии слышали, что главными виновниками «этнизации» конфликтов и суверенитетов являются «этнические предприниматели», к числу которых относили и ученых, занимающихся конфликтологией и межэтническими напряжениями. Никто не будет отрицать ответственности всех, исследующих эти сложные явления. Она должна быть непременно. Но не ведет ли акцентация внимания на этих акторах к тому, что общество уже не будет обсуждать ответственность действующих политиков, лидеров, военных, «олигархов». Примеры такого перенесения внимания с реально ответственных лиц мы в истории уже переживали.

Борьба с дискриминацией конкретных лиц любой этнической принадлежности, выступающих как граждане страны, не закрывает необходимости обсуждать и предупреждать развитие ксенофобий, предубеждения и изоляционистского поведения.

2. Демократии не снимают представлений о преимуществе доминирующей этнической группы, существующих у нерусских и русских. В важнейших жизненных позициях — получить хорошо оплачиваемую работу, открыть свое дело, занять высокий пост в органах власти — по данным наших исследований в 1999, в 2002 г., также как и ранее, имеют возможность в республиках чаще лица национальностей, дающих название республикам, а в областях с доминирующим русским населением — русские.⁷

Стоит ли реальность за этими представлениями? *И да, и нет.* Исследования показывают, что русские в подавляющем большинстве в республиках не потеряли в должностях. Но социальная мобильность, продвижение у них ниже, чем у так называемого титульного населения. Демократизация не сняла, а скорее обнажила эту проблему для обсуждений.

---

⁷ Социальное неравенство этнических групп... С.130-133 и др.

В современных условиях нами выявлено три типа социальной динамики взаимодействия групп в республиках. Первый, когда этнические группы имеют сходную динамику (**развиваются вместе и вровень**). Пример такого типа — Татарстан (приближается к нему Башкортостан), Адыгея, Горный Алтай, Хакасия, Карачаево-Черкесия..

Второй тип, когда группа, дающая название республике, значительно опережает русских в темпах и численности доли высоко квалифицированного труда (**опережающее развитие**). Пример — Саха (Якутия), Бурятия, (приближается к нему Калмыкия).

И третий тип, условно говоря, **«догоняющего развития»**. Пример Башкортостана, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карелии, Мордовии, Тувы, Удмуртии, Чувашии, до 90-ых гг. — Чечено-Ингушетии.⁸

Неоднотипность статусного взаимодействия, естественно, требует и разнообразия этнической политики в регионах.

3. Демократизация механически не обеспечивает производительности и процветания для всех культур. Процесс суверенизации в республиках показал, что свободы не везде и не во всём используются продуктивно.

Есть старые и появились новые неравенства этнических групп, которые не связаны с дискриминациями. Старые прежде всего определяются соотношением городского и сельского населения, новые — степенью адаптации к рыночной экономике, политическим, социально-культурным и психологическим ресурсом.

4. В условиях глобализации и демократизации в государствах растёт приток мигрантов разной этнической принадлежности. В России эта проблема обострена меньшей готовностью принимающего населения и повышенными ожиданиями прибывающего. Здесь проблемы восприятия и адаптации мигрантов легли на

---

⁸ Социальное неравенство этнических групп... С. 28-37.

травмированное сознание большинства после распада Союза, национальных движений, последствий чеченских событий.

Слабая демократия не справляется с ростом этнофобий. Опыт Франции и Австрии предупреждает, что с ними не всегда справляются и развитые демократии. Есть тенденции, позволяющие прогнозировать, что проблемы фобий, этнической неприязни, экстремизма оттеснят по значимости для страны этнически нагруженные проблемы взаимоотношений Центра и республик.

По данным ВЦИОМ, угрозу со стороны людей других национальностей в 1996 г. ощущали 33%, а в 2000 г. 56%. Идею «Россия для русских» поддерживали в 1996 г. 46%, в 2000 г. — 55%. В 1996 г. враждебность со стороны русских ощущали 30% по российской выборке, и русские со стороны нерусских — 40%. Массовые кровопролития, столкновения на национальной почве ожидали в России в 2002 г. 37% опрошенных, а в том месте, где живёт респондент — 19%.

С раздражением и неприязнью к цыганам, чеченцам относились в 1996 г. 27-28%, а в 2002 г. — 31-36%.⁹

В связи с экстремизмом растут мифы вокруг ислама. О нём судят по фундаменталистам. Но именно они искажают ислам. В «медицинских» сурах Магомет учил замиряться любыми способами, не враждовать, находить общий язык. На этом в мягком исламе следует концентрировать внимание. Ведь к концу века 80% населения мира будет жить в странах Азии и Африки, а в Европе — всего 5%. Война в Ираке обострит, естественно, межкультурное общение.

5. Наконец, проблемы федеративных отношений останутся актуальными как для состояния российского общества, так и для этнически чувствительных групп среди русских и нерусских.

Усилия федерального Центра по созданию единого законодательного пространства были необходимыми. Но это простран-

---

⁹ Общественное мнение 2002 г. Ежегодник. М., 2002. С. 131.

ство не может быть единообразным. Фрагментированность России была и будет существенной. Поиски баланса интересов должны идти к такой модели федерализма, которая приводила бы к необходимости сотрудничества между федеральными и региональными органами власти.

Ситуативный подход — наиболее эффективный для решения сложных проблем федеративных отношений, в том числе по кругу совместных предметов ведения, проблеме договоров, интерпретации положений Конституции РФ.

Тенденции унитаризма, так же как сепаратистские проявления и региональные автаркии, вредны для сохранения России как единого правового, экономического и культурного пространства.

«Выравниваемое» правовое пространство практически не адаптировано к реальным процессам. За время «приведения в соответствие» предстояло исправить 3,5 тысячи нарушений, но через год таких отклонений насчитывалось 4 тыс.

При унитарном стиле руководства в регионах невозможно учесть и реальное разнообразие, и выстраивать длительные стратегии развития, ибо они должны учитывать вариабельность развития и иметь финансовое подкрепление.

Современный бюджетный федерализм заменил прежние несправедливости, но он закрыл многие стимулы развития. Наконец, процесс успешной централизации (даже если учесть, что это ответ на период ельцинского времени) не отвечает тенденциям глобализации — во всём мире самостоятельность регионов растёт.

При «приведении в соответствие законодательного пространства» остаются конституционные противоречия, например, в сфере языка. Конечно, лучше в стране иметь единый алфавит, но в Конституции РФ вопрос языка отнесён к компетенции республик. И стоило ли подписывать закон о кириллице в День Конституции 12 декабря 2002 г.? Не лучше ли было решать этот вопрос Согласительной комиссией. Их, на мой взгляд, надо шире использовать.

Федеральным властям нецелесообразно реализовывать свои цели только с позиции давления большинства или силы. Они в таком случае теряют ресурс доверия со стороны элит и массового общественного мнения. Кроме того, существует Северо-Кавказский регион, где нарушение баланса власти грозит мало предсказуемыми последствиями.

ОСТАНУТСЯ ЛИ ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛЬНЫМИ В XXI ВЕКЕ

Ушедший век, особенно его вторая половина, ознаменовался событиями, тесно связанными с этническими чувствами и интересами людей.

Демонтаж почти всех колониальных образований, признание западным сообществом проблемы меньшинств как проблемы этнокультурного многообразия мира, как проблемы социальной дискриминации и определения статуса недоминирующих народов, конституционные реформы во многих государствах, проведённые с учётом этнокультурного фактора (Бельгия, Канада, Испания и др.), движения за права аборигенных народов и, наконец, создание международной Организации непредставленных народов и наций давало основания называть XX век — веком меньшинств.

Он был веком не только сбывшихся надежд, но жертв и тревог. Сепаратистские движения в насильственной форме жестоко подавлялись. Либеральные демократии Запада, также как и другие страны, столкнулись с эскалацией насилия внутри государств. По подсчётам директора Института Мира в Осло Д. Смита две трети войн только за половину 90-ых годов были связаны с этническими конфликтами. Три четверти их жертв — мирное население.¹⁰

---

¹⁰ The State of War and Peace. Atlas..D. Smith with K. Ingstad Sandberg and P. Baev and W. Hauge. L.: Penguin, 1997, p. 13.

К сожалению, далеко не все созданные в результате национальных движений государства обеспечивают права и достойную жизнь своих меньшинств. Многим из них не всегда под силу обеспечить самостоятельное стабильное развитие и безопасность граждан. Некоторые могут существовать только при поддержке других государств, что далеко не всегда находит понимание среди их налогоплательщиков.

Учёные — приверженцы гуманистической психологии, обобщая социальные практики, говорят о потребностях людей в удовлетворении не только физиологических потребностей, потребности в выживании, безопасности, но и в позитивной идентичности, в уважении, самоактуализации. По концепции А. Маслоу эти потребности имеют «пирамидальную» структуру.¹¹ Джон Дэвис писал о потребностях, «которые побуждают людей стремиться к равенству, достоинству и власти».¹²

На основе таких подходов ряд исследователей под руководством американского политолога Теда Гурра обработали громадный массив информации и выявили 233 группы меньшинств в мире, которые они определили как «группы в состоянии риска».¹³

Однако другие этнологи, в частности, В.А. Тишков, считают, что выделение этих групп условно, что могут быть выделены и другие группы, не включённые Гурром только на основе того, что они не осознают проблемы, хотя, может быть, переживают и более серьёзные ситуации «или же эти проблемы есть часть общих проблем остального населения государства». Но, пожалуй, главное, на что обращают внимание критики тех, кто разделяет опасения меньшинств (сторонников понимающей, гуманистической социологии), это то, что потребности у групп большинства аналогичны тем, которые заявляются от имени мень-

---

¹¹ Maslow A.H. *Motivation and Personality*. № 4. 1954.

¹² Davies J. Ch. Maslow and Theory of Political Development. *Getting to Fundamentals // Political Psychology*. 199. Vol. 12 # 3. Н. 416, 417

¹³ Gurr T.R. *Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts*. Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 1993.

шинств. И делается предположение, что наступивший XXI век будет временем реакции групп большинства на «проекты от имени меньшинств».¹⁴ Но так или иначе этничность, во всяком случае, в ближайшей перспективе вряд ли даст возможность забыть о себе.

В условиях всё новых этнических вызовов среди учёных и политиков дискутируются проекты оптимального государственного устройства: создания его на основе культурно — однородного согражданства, а значит допущения во имя этого изменения территориальных границ или, наоборот, укрепления полиэтнических государств за счёт улучшения системы управления и совершенствования культурной политики. Это те споры, которые ведутся и у нас в связи с распадом СССР и взрывами этничности в России и в других странах с сепаратистскими движениями. Публикации работ Э. Геллнера и Э. Хобсбаума¹⁵ дали дополнительный стимул к научным дискуссиям.

Политические преобразования, связанные с укреплением вертикали власти и обсуждением возможности демонтажа асимметричной федерации, так же как непрекращающиеся вооружённые столкновения в Чеченской республике, делали эти дискуссии не только научно, но и политически актуальными.

В мире насчитывается до 5 тысяч народов и немногим более 200 государств. И хотя число государств растёт, иметь их могут не все народы. Большинство государств остаётся полиэтническими, и в мировой практике такими считаются все государства, имеющие более 5% иноэтничного населения. (Это Венгрия, Ирландия, Португалия, Албания, Армения, Мальта, Йемен, Сомали, Барбадос, Ямайка, хотя за границей живёт каждый второй ирландец, албанец, армянин, каждый третий мальтиец, йемец, ямаец, каждый четвёртый венгр, португалец, сомалиец, барбадосец.)

---

¹⁴ Тишков В.А. Политическая антропология.

¹⁵ Геллнер Э. Нации и национализм. М. 1991; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. С.-Пб. 1998.

Россия стала более этнически однородной в сравнении с СССР, где русские составляли 51% населения, но и сегодня остаётся поликультурным государством. И попытки некоторых политиков представить нашу страну как моноэтническую не имеют оснований. 17% российских граждан — не русские. Среди них есть народы численностью более миллиона — татары (свыше 5 млн.), чуваша, башкиры, мордва, большие диаспорные группы украинцев (около 4 млн.), белорусов (более 1 млн.) и народы, насчитывающие всего несколько сот человек (орочи, энцы и др.). Если мы можем и хотим сохранить Россию как целостное полиэтническое государство, нужна политика, позволяющая согласовать интересы личности и государства, этнических групп большинства и меньшинств.

ПОИСКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ

Мировой опыт знает по сути две модели этнической политики — ассимиляторскую и мультикультурную, с вариантами — от естественной, мягкой аккультурации до свободной конкуренции. Полностью ассимиляторская модель редко где удаётся. Достаточно вспомнить, как в США переходили от декларирования политики «плавильного котла» к определению её как «салат» и затем «винегрет».

В связи с реальной ситуацией учёными обсуждаются перспективы этнокультурной и государственной идентичности как основы для социальных коалиций. В одних ситуациях они представляются конкурирующими. Так, в период этнополитического кризиса начала 90-ых годов государственный советник по политическим вопросам при президенте Татарстана Р.С. Хакимов писал: «Мировое сообщество пребывает в иллюзии, что мир состоит из государств, в то время как он состоит из народов.»¹ В более спокойной обстановке этническая и государственная идентичность существуют как взаимодополняющие: ты можешь себя чувствовать русским и россиянином, татарин и россиянином. Двойная, тройная и более идентичность в современном мире — частое явление. Так, более 40% русских в Татарстане и Башкортостане чувствуют себя в равной мере и россиянами и татарстанцами, башкортостанцами, а более 30% татар и башкир — и теми и другими или даже больше россиянами.² (Не за-

---

¹ Хакимов Р. Сумерки империи. Казань 1993. С.71.

² Результаты опросов по Проекту «Социально-экономическая дифференциация этнических групп и проблемы интеграции в России» в 1999 г. (рук. проекта Л.М. Дробизева). Выборочная совокупность в Татарстане 1000 чел., в Башкортостане — 1317.

будем к тому же, что этническая и гражданская идентичность, как правило, уступает базовым идентичностям — дети, родители, гендерной и, чаще всего, социально-статусной).

Насколько удаются проекты мобилизации в обществе этнической или государственной идентичности зависит, естественно, от многих обстоятельств: социальной, экономической и политической обстановки в стране, шлейфа исторических традиций, уровня фрустраций. Но с точки зрения деятельностного подхода важно, из каких представлений об этничности, исходят социальные акторы. Поэтому неудивительно, что в период демонтажа колониального мира, роста этнического сепаратизма во многих странах идут дискуссии вокруг примордиалистской и конструктивистской концепции в понимании этничности. Шли они и в нашей стране. Примордиалистская концепция была наиболее распространенной. В ней выделяется два подхода: социально-исторический и биосоциальный. Так до сих пор вызывает интерес (причём не у гуманитариев, как можно судить по вопросам во время общественных обсуждений этнических проблем) биосоциальная теория Л.Н. Гумилёва об этносе как явлении географическом, части биосферы Земли, о связи этноса с энергией космического излучения, способствующего появлению у части людей повышенной тяги к действию — пассионарности. Такие люди, по Гумилёву, объединяясь на основе единых стереотипов поведения и общности самосознания, и образуют этнос. Растратив энергию, полученную в момент пассионарного толчка, этнос переходит к равновесному состоянию или распадается на части.

За рубежом биосоциальный подход к объяснению этноса представлен, прежде всего, наиболее известным его интерпретатором Пьером ван ден Берге, который понимает этничность как предрасположенность человека к родственному отбору. Родственный отбор и родственные связи играют решающую роль в феномене этничности, согласно этой концепции.

Но в самом примордиализме все же доминировали социально-исторические или культурно-психологические подходы, сто-

ронники которого понимают этничность как явление социальное, устойчивое, присущее всем историческим эпохам. К примордиалистам относят советского историка-этнолога Ю.В. Бромлея, которого сравнивают с Э. Смитом. Они понимали этнос как *устойчивую* форму групповой интеграции, обладающую присущими ей культурными характеристиками и самосознанием.

Эта концепция также как и марксистское (по сути тоже примордиалистское) представление о нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей, обладающей единством экономической жизни, культуры и психологического склада успешно использовалась в период этнического ренессанса конца 80-ых — начала 90-ых годов. Но похоже именно в связи с этим стали активно стимулировать другие подходы — понимания этничности как символического и социального капитала, который может использоваться для мобилизации в разных целях, в том числе для достижения гедонистических устремлений, в борьбе за контроль над ресурсами, собственностью и т.п.

За рубежом такой инструментальный подход к этничности больше был характерен для этнополитиков (П. Брасс, Дж. Ротшильд³), которые акцентировали внимание на лидерах — «этнических предпринимателях», наживших политический капитал, используя межэтнические противоречия, этнические чувства. У нас в России об этом писали Тишков В.А., Губогло М.Н.⁴

Но наибольшее внимание в интерпретации этничности привлек, конечно, конструктивизм. Не только потому, что это общая парадигма современных социальных наук. Этнос с точки зрения конструктивизма — не устойчивая общность с культурными характеристиками, а общность людей, *разделяющих представления* о сходных чертах культуры, обладающая мифом об общем происхождении и солидарностью. Эти представления —

---

³ Brass P. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. New Delhi, 1991.

⁴ Тишков В.А. Этнический конфликт в контексте обществоведческих теорий. // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. 2 часть I. М. 1992. С.35, 36; Губогло М.Н. Мобилизованный лингвицизм. М., 1993.

результат усилий элит, этнической интеллигенции по формированию этнической общности.

Если таково представление в обществе о народах — этносах, то задачей политиков, идеологов — социальных акторов остаётся сформулировать необходимые представления, а ненужные демонтировать. *Этнополитика в таком случае имеет дело не с объектом в лице этнической группы, а с определённой ситуацией.*

Конечно, такой подход задевает этнические чувства людей. Отвечая на конструктивистский проект В.А. Тишкова в понимании этноса и идею приближения государственного устройства РФ к модели США, Р.Г. Абдулатипов — тогда заместитель Председателя Совета Федерации — писал в апреле 1994 года в письме на имя Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина: «Народы угадывают скрытую логику подобных рассуждений: России нужны Чечня, Тыва, Калмыкия и не нужны чеченцы, чуваша, тувинцы, калмыки».⁵

Обращение Р.Г. Абдулатипова было результатом не только эмоционального всплеска, но и реакцией, связанной со сломом традиционных представлений у самой элиты. Ведь в прожитые советские годы декларировались гуманитарные принципы «национальной политики», хотя на поверку в ней преобладал, конечно, инструментальный подход.

Конструктивистский подход не означает отрицания реальности существования народов. Если люди разделяют представления о существовании такой общности как народ, национальность, то это есть реальность, которая имеет свои последствия.

Такой подход разделяется нами. Однако для социолога всегда остается вопрос о пределах возможных воздействий идеологов, элиты на этническую группу. Почему легко возбуждая этнические чувства, им далеко не всегда удается погасить их.

---

⁵ Абдулатипов Р. Россия на пороге XXI века. Состояние и перспективы федеративного устройства. М. 1996. С. 232-233.

Социальные факторы определяют свои интересы и выступивших с претензиями этнических групп, действуя в возможных пределах. Политика по П. Бурдьё — ощущение игры, позволяющей неопределённое число «движений», шагов действия, приспособляющихся к неопределённому числу возможных ситуаций, которые не может предвидеть никакое правило.⁶ Имеющий опыт реальной политики П. Авен, выступая в январе 2001 года на конференции, ежегодно проводимой «Интерцентром», говорил о возможных акциях Президента России: «Есть коридор, в пределах которого можно действовать» (запись выступления моя — Л.Д.).

Определяя инновационную способность акторов вести себя в соответствии с позицией в социальном пространстве, задаёшься вопросом: как они через ментальные структуры воспринимают это пространство? Ведь их действия зависят как от их личных качеств, так и от понимания ситуации. А в этом понимании они следуют «логике социальной практики». Таким образом, есть основания определять *этнополитику как ответы на практику схожих ситуаций этнонациональных взаимодействий, в том числе через создание новых идеологических и политических проектов.*

В ПОИСКАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Политика характеризуется, прежде всего, целями и закрепляет принципы. Посмотрим, каков же был «коридор» возможных проектов в сфере межэтнических взаимоотношений для политических лидеров в России в условиях перехода к демократии.

В мире есть три документа, которые закрепляют права человека — «Всеобщая декларация прав и свобод человека ООН»,

---

⁶ Bourdieu P. In Other Words. Essays Towards a Reflexive Sociology. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990. P. 9, 11.

«Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах», принятые в 1966 году. В них есть положения о том, что, «все народы имеют право на самоопределение; все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава организации Объединённых наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право.» На эти положения, нашедшие закрепление в Уставе ООН, практически ссылаются все идеологи, защищающие права народов.

Ряд политиков из центра не раз убеждали «националов», что принцип национального самоопределения как доктрина этнического национализма устарел. Ссылаются на авторитет известного американского конфликтолога Д. Горовица, который пишет, что «национальное самоопределение — это проблема, а не решение... Есть много доводов против упора на национальное самоопределение и за принятие концепций взаимного компромисса.»⁷

Теоретические и идеологические споры вокруг того, понимать ли нацию как этническую общность — этнонацию или под термином «нация» понимать согражданство, тоже ведь имеют политический подтекст. О положениях и терминах в международных документах мало кто знал в СССР и знает в России, но вот о том, что по Конституции СССР *нации* имели право на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, помнили. Отсюда стремление идеологов снять термин «нация» в значении этнонации с доктринального пространства.

Есть и другие международные документы, которые говорят о расширении прав человека за счёт дополнительных прав этнических групп, меньшинств с «целью достижения эры демок-

---

⁷ Тишков В.А. Вступительная статья // Бюллетень № 4 Международного проекта «Урегулирование этнических конфликтов в постсоветских государствах». М. 1995. С.16.

ратии, мира и единства.» Это — Парижская хартия всей Европы от 21 октября 1990 г., европейская «Декларация о хартии народов и регионов», принятая в Карлсруэ в 1996 г. и др.⁸

Конституция 1993 г. не могла обойти международные документы. Но принималась она, когда создатели её в Центре были под непосредственным впечатлением от национальных движений, распада Союза, сепаратизма в Чечне, принятия деклараций о суверенитете в республиках России. Имел тогда значение и сыгравший свою роль субъективный фактор. Руководители республик не поддержали Президента Б.Н. Ельцина в намерении принять конституцию через Конституционное совещание (летом 1993 г.), минуя парламент. В результате торг не состоялся и тогда, термины «суверенные», «национальные» применительно к республикам и право их выхода из Федерации (оно было по Конституции СССР) из Конституции Российской Федерации были сняты.

Положение о праве на самоопределение народов снять в силу международных документов было нельзя, и ст. 5 декларирует его. Компромиссным было и определение республик, в скобках они названы государства — «Республики (государства) имеют право...» (ст. 5).

Тогда компромисс был достигнут, но впоследствии юристы и политики федерального центра и республик интерпретировали его по-разному. Первые считают, как правило, суверенной только Российскую Федерацию, а вторые считают, что имеет место разделённый суверенитет, так как республики названы в скобках государствами, а государство не может быть без суверенитета. С.М. Шахрай не так давно назвал такой суверенитет распределённым.⁹ По Конституции гарантируются и права человека, и есть положения, касающиеся прав народов — право

---

⁸ Charta Gentium et Regionum, Munchen, 1996. P. 77-78.

⁹ Шахрай С.М. Федерализм по-казански // Независимая газета. 27 февраля 2001 г.

на «сохранение родного языка», права малочисленных народов (ст. 68, 69). Суверенитет Р.Ф. провозглашён от имени многонационального народа (ст. 3).

«Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26). «Не допускается пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального или языкового превосходства» (ст. 29).

Таким образом, Конституцией закрепляется мультиэтническая модель российского общества.

Принципиальное значение для институционального пространства имело принятие Закона Р.Ф. «О национально-культурной автономии» и «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (1996 г.). Принятие их означало признание, что: 1. в поле национальной политики попадают все народы, в том числе не имеющие своих административных образований, и 2. возможность «разгосударственного» самоопределения народов. Создание этнокультурных общественных объединений, центров, автономий (НКА) расширяло пространство формирования гражданского общества.

В России создана как общественное движение Ассамблея народов России с устремлением компенсировать отсутствие в парламенте палаты национальностей, бывшей в Совете Федерации до 1993 г. НКА и Ассамблея проводят свои съезды, участвуют в обсуждении готовящихся законов в сфере этнополитики.

Идёт подготовка Закона «Об уполномоченном Федерального собрания Р.Ф. по правам народов Российской Федерации». В мире существует около 100 институтов омбудсмена, которые редко включают проблемы защиты интересов народа, чаще речь идёт о защите меньшинств. На основе социальных практик России у нас делается попытка создать правовые технологии мирного урегулирования процессов самоопределения народов. Ведь трудно назвать осетин в Северной Осетии-Алании или кабардинцев в Кабардино-Балкарии меньшинствами, а интересы их должны

учитываться. Россия не ФРГ, где действительно речь может идти о защите меньшинств, например, турок, сербов и др.

Готовится также закон «Об основах государственной национальной политики Российской Федерации». Этносоциологи участвуют в подготовке законов, опираясь на результаты изучения социальных и этнических проблем, обобщения опыта мировой практики.

В имеющемся правовом поле, принципы государственной этнонациональной политики — это:

- сохранение государственной целостности и федеративного устройства России (вспомним, как говорил С. Шахрай при утверждении его в должности Министра по делам национальностей в Совете Федерации в начале 1993 г.: «Россия может быть красной, белой или зелёной, но она должна быть единой»);
- обеспечение равенства прав граждан и народов РФ на этнонациональное развитие;
- свободное определение каждым гражданином своей национальной принадлежности;
- наказания за разжигание межнациональной вражды, оскорбления чести и достоинства по национальному признаку;
- соответствие законов и иных нормативных правовых актов в сфере этнонациональной политики общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам РФ;
- взаимодействия органов государственной власти всех уровней с общественными этнокультурными объединениями, НКА.

Цели этнонациональной политики декларируются как совершенствование государственных структур для реализации интересов граждан всех национальностей, проживающих на территории субъектов Федерации, обеспечение межнационального согласия, уважения к традициям народов, «любви к

родному краю, к России», обеспечение условий для социально-экономического и культурного развития народов и их взаимодействия, предотвращение и мирное разрешение межэтнических конфликтов.

Перед каждым мультикультурным сообществом в условиях перехода к демократии стоит непростой вопрос — как представить интересы этнических групп в политическом пространстве. Демократы реализуют мажоритарную систему: один человек — один голос. Но тогда представительные органы власти никогда не смогут учитывать интересы меньшинств. Начинаются конфликты, сепаратизм, которые, чаще всего, преодолеваются отнюдь не демократическими способами.

Есть ученые, которые вообще считают, что «этнически плюральные общества не создают питательную среду для демократии» (например, А.Рябушка и К.Шепсли¹⁰). Но реально большинство государств, считающихся демократиями, — полиэтничны и нашли способы ответить на вызовы меньшинств. Тимоти Сиск выделяет два из них. Интегральный предусматривает рассредоточение властных полномочий, создание предвыборных коалиций между этническими общинами, полиэтнических партий, основанных на интересах, выходящих «за границы этнической принадлежности», стимулирование межэтнического сотрудничества.¹¹ Пример подобной модели — США, где последние президенты демонстрировали реализацию такой политики через символичные фигуры: Б. Клинтон — назначив на пост госсекретаря М. Олбрайт, Д. Буш-младший — назначениями К. Пауэлла и К. Райс. В офисах культурных общин поляков или армян и др. в США можно увидеть фотографии встреч лидеров

---

¹⁰ Rabushka A., Shepsle K. Politics in plural Societies: A theory of democratic instability. Columbus, 1972. P. 186

¹¹ Сиск Т. Распределение власти в полиэтнических государствах: принципиальные подходы и используемые практики // Доклад на международном семинаре «Предотвращение смертоносных конфликтов: стратегии и институты. М. 1996. 14-16 августа. С. 57.

общин с президентами США, и при этом вам объяснят, что не сами лидеры просят об общении, а президенты стимулируют эти встречи: «ведь мы избиратели».

Другой подход к проблеме участия во власти в плюральных обществах — консоциональная демократия (consociational). Как правило, по мысли её автора А.Лейпхарта, работа которого «Демократия в многосоставных обществах» переведена в России (М., 1997), этот способ используют в расколотых обществах, где межэтнические противоречия зашли уже глубоко и специальные процедуры снятия противоречий сводятся к созданию коалиционных правительств с участием партий, представляющих основные сегменты общества;¹² представительству групп при назначении на ключевые посты и при распределении ресурсов; максимальной автономии в решении внутренних вопросов в делах каждой из групп; взаимному праву вето или квалифицированному большинству при принятии важных решений, касающихся общностей, которое позволяет системе действовать при высоком взаимном недоверии.

А.Лейпхарт считает, что эта модель была обобщением политического опыта Швейцарии, Бельгии, Нидерландов, Австрии,¹³ но применима и в других государствах, в том числе «третьего мира». Решающую роль в достижении соглашений по данной модели играют элиты, причем лидеры должны быть относительно свободны от давления масс, иметь свободу маневра.

Критики Лейпхарта обращали внимание на неудачу использования социальной инженерии в Северной Ирландии, на Кипре, а также на то, что процедуры, предусмотренные данной моделью, будут поощрять организации на этнической основе, закрепляя оформление различий. К тому же в каждой этнической

---

¹² Представительство не обязательно должно быть соответствующим численности групп, главное, чтобы квоты были согласованы, т.е. допускается передача полномочий.

¹³ Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М. 1997. С. 36.

группе на уровне граждан велико различие в стремлении к внутренней консолидации.

Учитывая критику консоциальной демократии, можно сказать, что, осознавая ее нежелательные стороны, к ней все же приходится прибегать, если иного способа представительства интересов противостоящих групп найти нельзя. Консоциальная демократия — это целостная система, не идеал, но некий механизм действий в конкретных ситуациях. Пример Дагестана, где конфликт сглаживался за счет распределения постов высшей власти между основными этническими группами республики, достаточно очевидно свидетельствовал, что это не самый лучший способ решения проблемы участия во власти (ведь какие-то общины были этого участия лишены, например, ногайцы и др.), но все же позволяющий избежать кровопролития и сецессии.

Предлагая российскому правительству внедрить полезные элементы из обсуждаемой системы, мы считали, что важно ввести в правительство символьные фигуры, на телевидении и радио надо систематически вести передачи о жизни народов, республик, возможно, какое-то время на языке, включить в числе дикторов людей разного антропологического облика. Однако даже отдельные принятые предложения недолго у нас просуществовали.

Хотя в России и существует Концепция Государственной национальной политики, она и не артикулирована настолько, чтобы стать общеизвестной, и не составляет стройной системы, положенной в основу практических действий. Это собственно и давало основания время от времени заявлять политикам то из центра, то из регионов, что такой политики нет. Тем не менее, в соответствии с социальными практиками в разные периоды в этнополитике доминировали разные тенденции.

В 1991–1993 гг. в России еще сохранилась угроза сецессии, унаследованная от СССР, и этнонациональные движения. Митинги в Татарстане собирали тогда от 3, 10 до 50 тысяч, Чеченская республика декларировала независимость, Саха (Якутия), Татарстан, Башкортостан приняли конституции, закрепившие

приоритетное право республик на распоряжение ресурсами и приоритет республиканских законов, а Тува к тому же еще право выхода из состава Федерации. Этот период был временем, которое в республиках называли «национальным возрождением». Центр в то время проводил политику уступок и консенсусных мер, обеспечивающих сохранение целостности страны: подписание Федеративного договора 1992 г., включение значительной части его в Конституцию РФ 1993 г. Этот период завершился подписанием консенсусного Договора между правительством РФ и правительством Татарстана.¹⁴

С того времени опасность сецессии для России, кроме территории Чечни, не грозила, сепаратизм пошел на убыль. С 1994 г. по 1999 г. этнонациональная политика реально стала стохастической, она приобретала характер колебательных мер от силовых акций в период военных действий в Чеченской республике в 1994-1996 гг. и затем в 1999-2000 гг., до стремления продолжать политику мультиэтничности через сохранение поликультурного пространства и асимметричности федеративного устройства страны. Эти колебания прослеживались и в административных назначениях на пост министра, который должен был заниматься национальной политикой, и в названиях самого министерства. В период ориентации на силовые структуры перед началом войны в Чечне, на пост министра был назначен не имеющий никакого отношения к национальным проблемам краснодарский губернатор Егоров, сменивший на этом посту С.М. Шахрая. В 1998 году, когда был взят курс на замену этнонациональной политики на региональную, министром был назначен не имевший ранее отношения к этнонациональной проблематике доктор экономических наук, бывший спикер парламента Пермской области Е.С. Сапиро. Он сменил специалиста — доктора исторических наук В.А. Михайлова, и министерство изменило название: Министерство по делам национальностей

---

¹⁴ Федеративный договор Татарстан не подписывал, референдум по принятию Конституции РФ на территории республики не состоялся.

и федеративных отношений было переименовано в Министерство региональной и национальной политики.

Действия министра, ориентированные на то, чтобы свести этнонациональные проблемы к местному самоуправлению и бюджетному федерализму, вызвали критику, в результате чего произошла новая замена министра — теперь на знаковую фигуру среди «националов» — Р.Г. Абдулатипова. Однако подготовка к усилению централизаторской политики привела к новой замене министра: Р.Г. Абдулатипова сменил бывший посол России в Азербайджане Блохин. Однако реальную политику федерального Центра, прежде всего по укреплению вертикали власти, теперь осуществляют полномочные представители Президента в 7 федеральных округах. Очевиднее всего это проявляется в кадровых назначениях, хотя и касаются они, как правило, федеральных учреждений, а не тех, что находятся в ведении республик.

Этничность в социальной жизни народов: результаты массовых исследований.

Политическая практика — лишь одна из сфер жизни национальностей. Две другие — социальные и социально-культурные практики в 90-ые годы претерпевали также существенную трансформацию. Это области непосредственного интереса социологов, и об изменениях в них можно судить по результатам специально проведенных исследований. Мы имеем возможность использовать результаты трех исследований, проведенных в республиках с наиболее сложной этнополитической ситуацией (исключив из рассмотрения Чеченскую республику как территорию с особыми обстоятельствами военных действий) — Татарстане, Башкортостане, Саха (Якутии), Северной Осетии-Алании, Туве и двух областях — Оренбургской и Магаданской. Речь идет об уже упоминавшихся исследованиях — «Национальное самосознание этнических групп и проблемы интеграций в России» (1993-1995 гг.), «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (в 1996-1998 гг.), «Социальное неравенство этнических групп и пробле-

мы интеграции в Р.Ф.» (1999-2000 гг.). Выборка в первых 2-х исследованиях составила 1000 респондентов в каждом из субъектов федерации, в 3-ем в Саха (Якутии) 1050 человек, в Татарстане — 1000, в Башкортостане — 1317, в Оренбуржье — 1160.¹⁵

ПРЕДСТАВИМ РЯД ВЫВОДОВ ИЗ ЭТИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Этничность стала для народов, дающих название республикам, реальным дополнительным социальным ресурсом. Среди татар, якутов, башкир в республиках больше людей, которые считают, что их «положение на работе за последние пять лет улучшилось» и меньше, чем среди русских, ощущающих, что их «положение ухудшилось» (см. рис. 1-4). Они реже, чем русские сталкивались с уменьшением зарплаты или часов работы не по собственному желанию, вынужденным уходом в неоплачиваемый отпуск — Саха (Якутия), Татарстан (рис. 5-8).

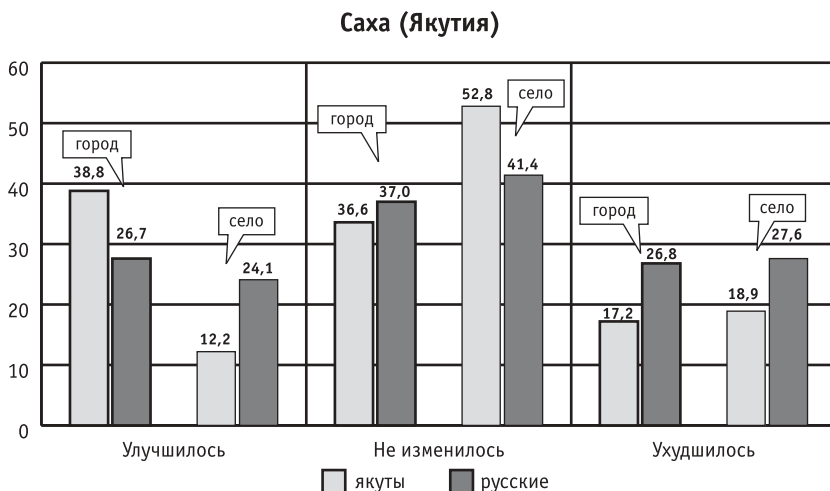
При том, что титульные национальности и русские в республиках примерно одинаково (в сходных условиях города и села) оценивали свое материальное положение, среди татар, якутов, башкир выше доля тех, кто отвечает «все не так плохо и можно жить» и меньше считающих, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (табл.), выше доля людей, относящих себя к условно называемому среднему классу (серединные слои в определении Т.И. Заславской). В сходных условиях города и села татары, якуты, башкиры чаще, чем русские, считали, что «их собственная жизнь становится лучше» или «в чем-то лучше, в чем-то хуже» и реже, что «становится хуже» (табл.).

Интересно, что среди русских и титульных национальностей практически одинакова доля тех, кому «уверенность в завтрашнем дне» дает — «собственность, капитал», «способность зара-

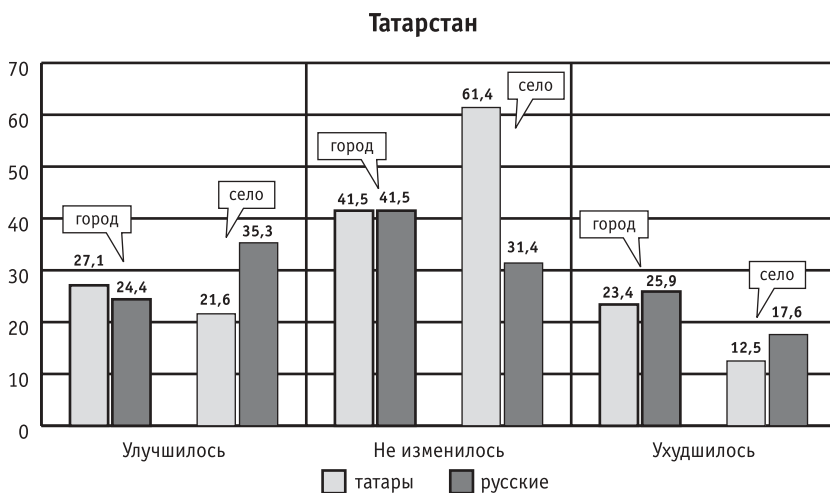
---

¹⁵ Выборка для репрезентативных опросов была разработана М.С. Косолаповым, по Башкортостану — Е.М. Козыренко.

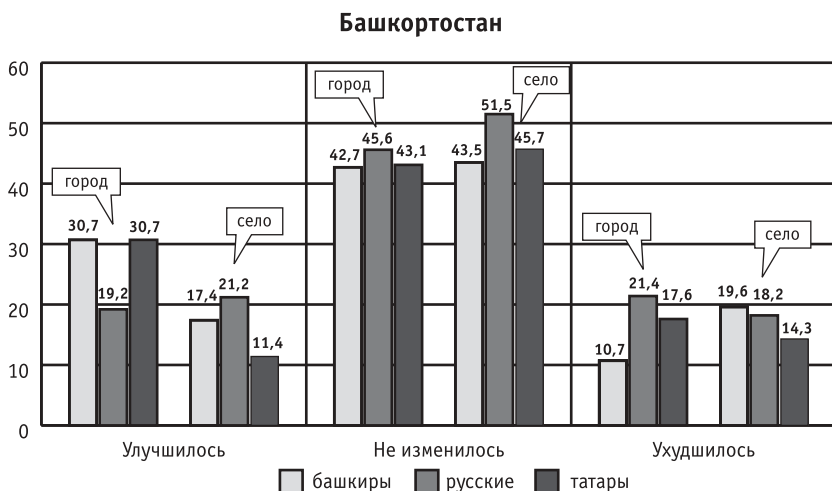
Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«Как изменилось Ваше положение на работе за последние 5 лет»
 (в % от опрошенных, сумма не равна 100%)

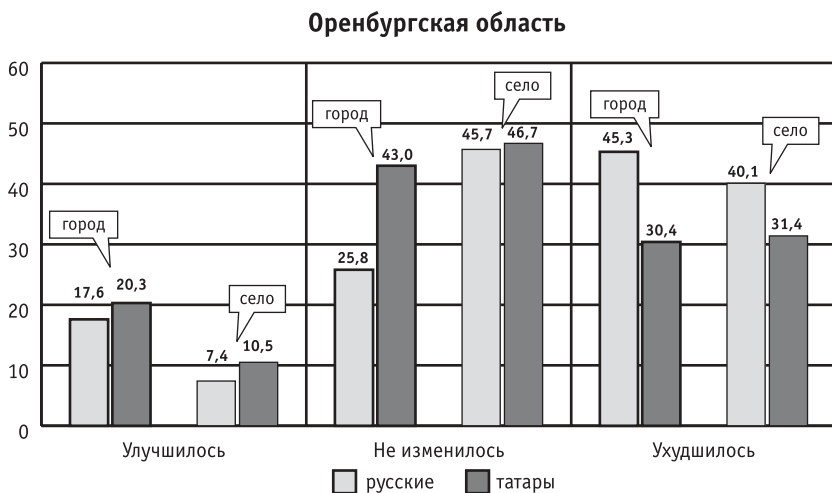
Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Как изменилось Ваше положение на работе за последние 5 лет»
 (в % от опрошенных, сумма не равна 100%)

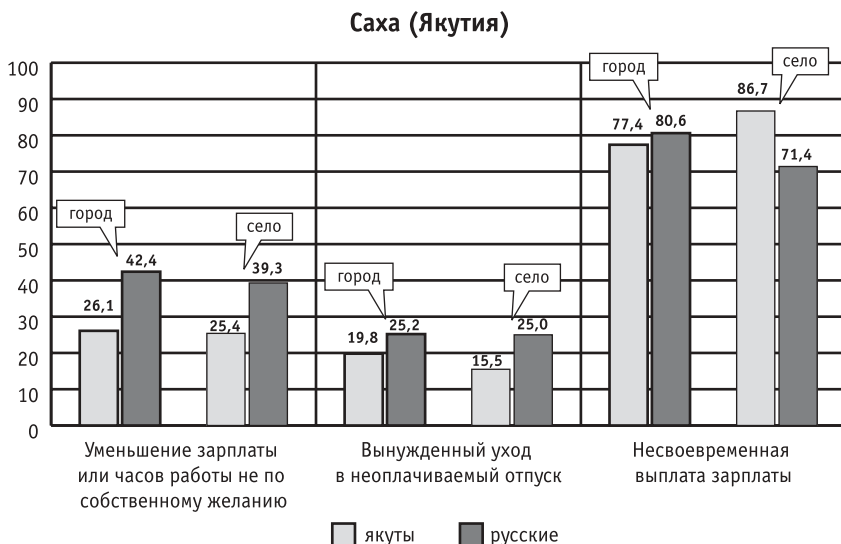
**Рис. 3. Распределение ответов на вопрос:
«Как изменилось Ваше положение на работе за последние 5 лет»
(в % от опрошенных, сумма не равна 100%)**

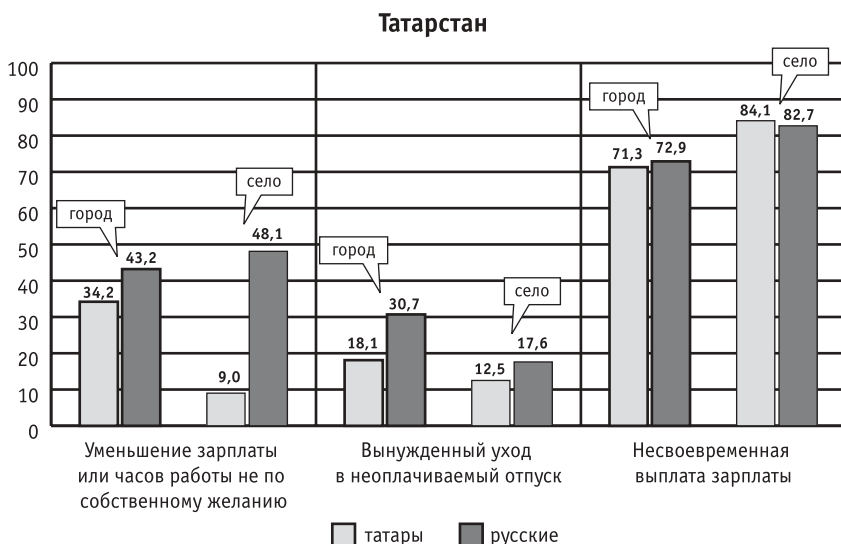
**Рис. 4. Распределение ответов на вопрос:
«Как изменилось Ваше положение на работе за последние 5 лет»
(в % от опрошенных, сумма не равна 100%)**

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние 2 года сталкиваться с такими явлениями, как...»
(в % от опрошенных, сумма не равна 100%)

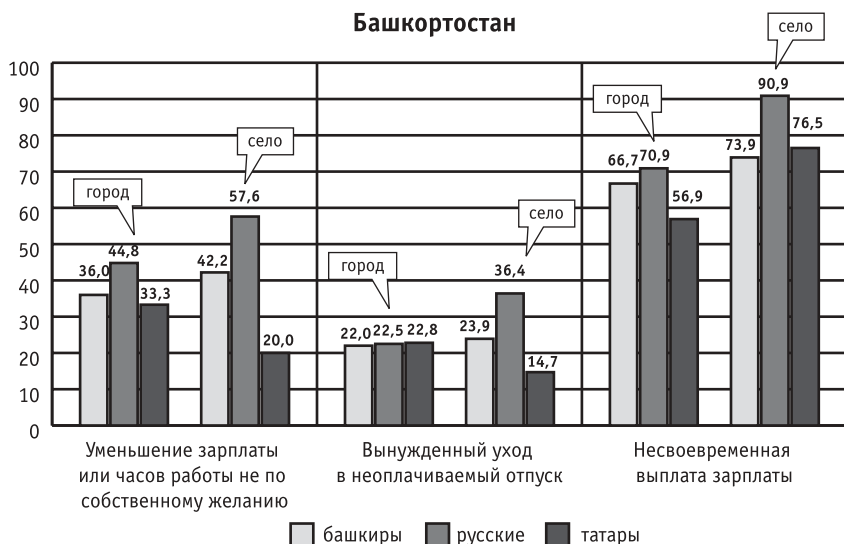

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние 2 года сталкиваться с такими явлениями, как...»
(в % от опрошенных, сумма не равна 100%)

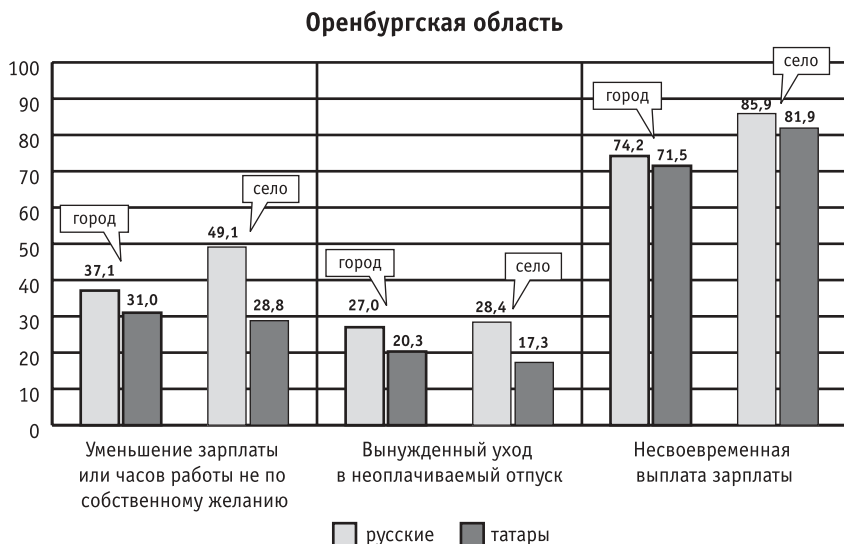

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние 2 года сталкиваться с такими явлениями, как...»
(в % от опрошенных, сумма не равна 100%)

Рис. 8. Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние 2 года сталкиваться с такими явлениями, как...»
(в % от опрошенных, сумма не равна 100%)

Таблица

Ответы на вопрос: «Как Вы оцениваете свою собственную жизнь, становится ли она лучше или хуже с течением времени?»

Варианты ответов	Республика Саха (Якутия)				Республика Татарстан			
	Город		Село		Город		Село	
	Яку- ты	Рус- ские	Яку- ты	Рус- ские	Тата- ры	Рус- ские	Тата- ры	Рус- ские
Становится лучше	12,9	8,4	11,0	8,0	14,0	10,3	14,4	10,5
В чем-то лучше, в чем-то хуже	56,7	47,0	42,7	36,0	42,4	37,5	39,2	34,3
Становится хуже	26,2	40,9	36,1	54,0	37,9	47,3	35,3	42,9
Затруднились ответить	4,3	3,7	10,1	2,0	5,7	4,9	11,1	12,4

Варианты ответов	Республика Башкортостан					
	Город			Село		
	башкиры	русские	татары	башкиры	русские	татары
Становится лучше	13,4	6,9	11,5	10,5	9,1	8,9
В чем-то лучше, в чем-то хуже	45,2	25,9	37,3	26,3	31,8	20,0
Становится хуже	23,3	50,9	35,2	41,2	45,5	32,2
Затруднились ответить	18,0	16,4	16,0	21,9	13,6	38,9

Варианты ответов	Оренбургская область			
	Город		Село	
	Русские	Татары	Русские	Татары
Становится лучше	6,6	10,9	3,7	6,6
В чем-то лучше, в чем-то хуже	32,3	30,8	29,5	36,0
Становится хуже	46,2	52,7	59,4	42,6
Затруднились ответить	14,9	5,5	7,4	14,7

ботать, профессия», но ответ «мой собственный оптимизм» у последних встречается чаще.

Социальное самочувствие национальностей, дающих название республикам, лучше не только в силу изменившегося положения республик. В исследование были включены области с

доминирующим русским населением и практически столь же ресурсные как сравниваемые республики — Оренбургская обл., соседствующая с Башкортостаном и Татарстаном и Магаданская, соседствующая с Саха (Якутией). И исследование показало — татары и в Оренбургской области и в Башкортостане (где они не являются «титულიной» национальностью) лучше переносят трудности трансформационного времени, оптимистичнее оценивают жизнь, в то время как русские в областях столь же критично оценивают жизнь как и в республиках, а доля отнесших себя к низшему слою здесь даже выше, так же как и тех, кто заявил, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» (до 40% против 20-33% по республикам).

Анализ оценок осуществлялся в разрезе город — село, ибо легко было предположить, что русских больше живет в городах, а у городских и образованных слоев населения всегда запросы выше и это может влиять на оценки и самочувствие групп. Поэтому данные везде приведены с учетом мнений городских и сельских жителей. Что касается образовательного уровня, то в Татарстане у горожан русских и татар он сейчас практически выровнен, а в Саха (Якутии) доля специалистов с высшим образованием в городе среди якутов даже выше, чем у русских.

Все это дает основание относить более оптимистические оценки у титульных национальностей именно за счет общего социального самочувствия, связанного с их изменившимся статусом в условиях либерализации.

Не случайно среди событий, которые положительно повлияли на развитие обстановки в стране, почти равные или даже более высокие оценки — особенно в Саха (Якутии), Башкортостане, в сравнении со свободой средств массовой информации, многопартийными выборами получил у титульных национальностей «суверенитет республик Российской Федерации»¹⁶ (надо

---

¹⁶ Речь идет о так называемом «распределенном суверенитете», т.е. распределении прав республик в результате Договоров между правительством РФ и правительствами республик.

отметить, что русские в республиках давали этим явлениям хотя и более низкие, но все же сходные оценки).

Новую ситуацию не только в республиках, но резонансом и в областях этнические группы ощущали через очевидные изменения во властном ресурсе. Если в советское время кадровые назначения, во всяком случае, в верхних этажах власти жестко регулировались Центром, то общая политическая либерализация в стране открыла конкурентные шлюзы доступа к ним, которыми титульные этносы сполна воспользовались.

В Госсовете Татарстана свыше 75% составляют татары (по Всесоюзной переписи 1989 г. татары составляли в республике 48,5%, по оценке теперь 51%), преобладают якуты в Ил-Тумене Республики Саха (Якутия), хотя по оценке саха составляют 37% населения республики, в тувинском Хурале — свыше 80% тувинцев (в составе населения их 64%). В Татарстане среди глав администраций в конце 90-ых гг. из 52 человек 43 были татары, в Саха-Якутии 69% министров — якуты. А доступ к власти в наше время означал и доступ к дележу собственности (правда, справедливости ради надо сказать, что в республике доля сохранившегося государственного контроля над ней была, конечно, выше, чем в Центре).

Властный ресурс — это в значительной мере и символичный ресурс. Не случайно этнические чувства мобилизуются вокруг символических фигур. М.Шаймиев в глазах татар — лидер, с которым считаются, и не только в Татарстане («Он сможет защитить интересы Татарстана»), в глазах русских он тот, кто сможет не допустить татарского национал-экстремизма.

М. Николаев был надеждой якутов, но русские предпочитали именно его, потому что у него были «русские корни».

Каждый раз казалось бы общие нормы, которые закладываются в доктринальное политическое пространство в республиках, да и в областях, сталкиваются с достаточно специфичной социальной ситуацией взаимодействия этнических общностей. В ходе нашего исследования, как уже упоминалось, были выявлены три модели взаимодействия русских и титульных наро-

дов в республиках: догоняющего развития, равностатусного взаимодействия и опережающего развития.

Ситуация социального взаимодействия динамична, и вероятно поэтому больше, чем можно было бы ожидать, на межэтнические отношения влияют политические и экономические факторы в стране и в конкретных регионах.

Экономические факторы влияют на межэтнические отношения, по меньшей мере, по двум основным каналам. Прежде всего, в условиях депривации, в том числе относительной, работает известная в социологии модель «козла отпущения». Начинают искать виновных и ими, как правило, оказываются «другие»: в республиках не только «лица кавказской национальности», но и взаимодействующая этническая группа.

Кроме того, обостряется ситуация за счет возрастания значимости «социальных ниш» в этнокультурном разделении труда. Например, в Саха (Якутии) в промышленности русских занято почти вдвое больше, чем якутов, а в образовании, здравоохранении, культуре, управлении, наоборот, якутов вдвое больше, чем русских.¹⁷

По концепции «культурного разделения труда» М. Хехтера «классовые» и «этнические» факторы взаимно усиливают конфликтность.¹⁸ И действительно, когда русские, работая в добывающей промышленности, в Советском Союзе получали высокие ставки и жили лучше, это далеко не всегда воспринималось как справедливое вознаграждение якутами, а теперь, когда условия труда и жизни русских ухудшились, а многие добывающие поселки просто прекратили существование, они не воспринимают свое положение как справедливое и возлагают ответственность не только на свое руководство, но и на якутов, занятых в высших эшелонах управления.

---

¹⁷ Расчеты по Материалам Всесоюзной Переписи населения 1989 г. осуществлены Л.В. Остапенко.

¹⁸ Hechter M., Levi M. The Comparative Analysis of Ethno-Regional Movements // Ethnic and Racial Studies, 1979. № 2.

Однако, заметим также, что общие концептуальные схемы в том числе и «культурного разделения труда» далеко не всегда отражают все своеобразие ситуаций. Работая в поле, неоднократно приходилось сталкиваться с наложением разных, иногда ровно противоположных ситуаций. На конкретных предприятиях отношения между людьми разных национальностей вполне благоприятные, роли их чаще всего не менялись, но в целом межэтнические отношения русские в середине 90-ых годов оценивали хуже.

В конце 90-ых г. ситуация менялась. Русские в Саха (Якутии), Татарстане даже чаще чем якуты и татары видели изменения в межнациональных отношениях в последние два года в лучшую сторону и реже представляли их как ухудшающиеся. А ущемление своих прав из-за национальности ощущали не более 10% в Татарстане, Башкортостане и не более 18% в Саха (Якутии). Причем, оценки русских и татар, башкир, якутов практически не отличались.

В печати и политических дискуссиях у нас нередко излишне драматизируют уровень этничности и состояние межнациональных отношений в стране в целом. Они, конечно, предельно конфликтны в Чечне, Ингушетии, достаточно напряженные в Дагестане, Северной Осетии (Алании), тревожные в Туве (в значительной мере из-за высокой безработицы), они, естественно, сложнее в больших мегаполисах с высоким притоком мигрантов. Но переносить уровень напряженности с конкретных регионов на всю страну ошибочно и даже вредно. Вредно не только потому, что задевает чувства нерусских, живущих в нашей стране, но и потому, что стимулирует негативную составляющую консолидации русских. Мы фиксировали ее в республиках. От 1994 г. к 1999 г. вдвое выросла доля русских, считающих, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» (около 30%), высока доля тех, кто видит в «кавказцах» образ врага. В целом негативную консолидацию по массиву россиян фиксируют ученые по данным ВЦИОМ.

***

Как видим, социальные практики настолько разнообразны (мы не можем раскрыть их разнообразие полностью), что надеяться на все решающую «выработанную этнополитику» было бы просто наивным. Не только мультикультурная политика времени перехода к демократии, но и давно действующие демократии не способны раз и навсегда решить этнонациональные проблемы. Этнополитика становится эффективнее, если она гибкая, оперативно отвечает на вызовы практик, если законы действуют, их используют в случае нарушения прав человека и группы, а общая обстановка в стране становится стабильнее. И даже в такой ситуации нельзя забывать о психологических факторах — обеспечивать доверие к власти как к гаранту согласованных решений, воспринимаемых как справедливые действия.

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ВЗАИМОДЕЙСТВУЮЩИХ НАРОДОВ

На громадной территории России посткоммунистические трансформационные процессы, естественно, зависели от состава населения регионов, в том числе от его этнических особенностей. Социально-профессиональный состав народов, процессы мобильности, связанные с включением людей в новые виды деятельности, определяли возможности модернизации, а реальное этническое равенство или неравенство и представления о них задавали тон социальному самочувствию людей.

Именно с этих двух точек зрения мы рассмотрим социальную структуру народов Российской Федерации.

В предыдущих разделах мы затрагивали эти вопросы лишь в связи с общей оценкой социальных практик в постсоветский период. Здесь остановимся на них подробнее.

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

Новая Россия наследовала достаточно высокую динамику развития народов. Если в западном мире наиболее значимые изменения в социальном развитии народов, связанные с техническим прогрессом, происходили в 1960-1970-е годы (выравнивались фламандцы и валлоны в Бельгии, франко-канадцы и англо-канадцы в Канаде и т.д.), то в СССР наиболее значимые социальные изменения, менявшие статусные позиции у народов, дававших название союзным республикам, произошли в 1970 — начале 1980-х годов, а у народов бывших автономных республик — со второй половины 1970-х и к концу 1980-х годов. В 1960-х гг. четыре, а в конце 70-х гг. 9 народов из 15, дававших название союзным республикам, по доле специалистов с выс-

шим образованием сравнивались с русскими. К концу 1980-х и 11 из 21 народов автономий по этому показателю сравнивались с русскими в республиках.¹ Так что, с одной стороны, новая Россия наследовала динамично развивающиеся народы — не случайно идеи национального возрождения возникли в условиях подъема национальных движений в СССР в 1989-1991 гг. и нашли отклик среди многих народов, с другой стороны, глубокие различия между ними. Наиболее сильная дифференциация людей разных национальностей была на высших ступеньках социальной лестницы. Но именно эта ступенька и определяла позиции в доступе к собственности, власти, престижу. По доле работников высококвалифицированного умственного труда коэффициент вариации между титульными национальностями республик составлял по результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г.² 33%, по доле рабочих средней и низшей квалификации — 17-18%.

Среди титульных национальностей российских республик выделяются якуты и буряты, доля руководителей и специалистов высшего и среднего звена у них в 2 раза выше, чем у большинства других народов (причем такие высокие показатели они имели с 1959 г.). Если в целом по РСФСР эта социальная группа составляла среди горожан 16%, то у этих народов в республиках — 26%.³

Выше, чем у русских в республиках, была доля интеллигенции (работающие на должностях, требующих высшего или среднего специального образования) у адыгейцев, алтайцев, калмыков, хакасов, карачаевцев, черкесов и практически выровненная с русскими — у коми, осетин, ингушей. Очень небольшие различия по данному показателю между татарами и русскими

---

¹ Дробижева Л.М. Россия сегодня. Трудные поиски свободы, М., 1993.

² Расчет произведен Л.В. Остапенко в ходе реализации нашего Проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России».

³ Расчеты Л.В. Остапенко по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.

в Татарстане и башкирами и русскими (в городах). А есть народы, которые имели заметно меньший интеллектуальный потенциал — марийцы, удмурты, чуваш.

Наиболее сильно влияло на социальное неравенство наличие у народов доли сельского населения. Например, сельские якуты, буряты, горно-алтайцы были сравнительно более образованными в сопоставлении с сельскими жителями других народов, но они же существенно отставали от своих городских соплеменников. Проживание в селе — это не только худшие условия образования, но для значительной части нерусского населения сохранение языкового барьера при социальном перемещении, ведь вузы в городе работали на русском языке. И только со второй половины 90-ых гг. в Татарстане, Башкортостане, Саха (Якутии) в некоторые вузы можно сдавать экзамены на родном языке.

Разная доля горожан и специалистов создавала неравные шансы начального старта для вхождения в рыночную экономику, участия в приватизации и формировании новых социальных групп.

Для включения в трансформационные процессы имела значение отраслевая занятость национальностей. Республики России имели и имеют профильную ориентацию. Татарстан — это нефтедобывающая, нефтеперерабатывающая, химическая промышленность, автомобильное машиностроение, Саха (Якутия) — добыча алмазов, золота, других ископаемых, Карелия — деревообрабатывающая промышленность, Удмуртия — оборонное машиностроение и т.д. Наиболее крупные индустриальные кадры имели татары, удмурты, башкиры, карелы, хакасы, чуваш. В городах республик их доля достигала 55-60% занятого населения этих национальностей. А меньшая занятость в индустриальном производстве характерна для алтайцев, калмыков, якутов, национальностей Дагестана, и это отражалось на вхождении в рыночные отношения.

Этносоциальной проблемой, доставшейся в наследство еще от советского времени, была проблема типа социального взаи-

модействия русского и нерусского населения республик. В целом с российскими народами у русских в республиках прослеживаются два типа взаимодействия. Один — его условно можно назвать *сегрегационным* — когда в отраслевых занятиях национальностей довольно четко прослеживаются несовпадения. Например, в Саха (Якутии) якуты в наибольшей мере были представлены в сфере управления, здравоохранения, просвещения, науки, культуры и искусства. Русские же заняты преимущественно в сфере индустрии, добывающей промышленности, имеют значительно большую долю рабочих и меньшую — управленцев. В какой-то мере это связано с территориальным размещением. Русские прибывали в Саха (Якутию) для работы на приисках. Якуты городские сосредоточены преимущественно в столице, где осуществляется управление, работают вузы, расположен современный медицинский центр. Кроме того, сельское население — якутяне рассредоточено на больших расстояниях, и там везде нужны были управленцы, знающие язык местного населения.

Но, конечно, влияет и идеологическая направленность подготовки кадров. Президент М.Е. Николаев создал специальный фонд поддержки подготовки специалистов. Якутская молодежь, в основном саха, едет получать образование в Москву, Санкт-Петербург, Новосибирск, США, Европу. В последние пять лет в Якутске построено новое современное здание факультета естественных наук Якутского госуниверситета. Во время беседы с М.Е. Николаевым я спросила его, как будут распределять студентов вузов — ведь необходимых рабочих мест пока нет, — на что президент ответил: «сначала подготовим специалистов, потом создадим места» (южнокорейский путь развития).

Во всяком случае, совершенно очевидно, что в ближайшие десятилетия тип взаимодействия саха и русских здесь останется тем же, что сложился за последние 30 лет.

Со своим своеобразием, но все же несовпадением отраслевой занятости народов, прослеживается взаимодействие этнических групп в Туве, Дагестане, Карачаево-Черкесии.

Другая модель межэтнического взаимодействия — *конкурирующая*, когда у титульных народов республик и русских более-менее сходная структура занятых. Например, в Татарстане, за исключением преобладания специалистов в сельскохозяйственном производстве у татар, в других сферах деятельности преобладает сходство с русскими. В 1989 г. среди специалистов и руководителей производства в составе интеллигенции у татар доля была 45% и у местных русских 50%. В машиностроении, нефтепереработке заняты были и русские, и татары. В составе работников партийно-государственного управления было 47,6% татар и 47% русских, учителей и врачей — 43% татар и 49% русских, художественно-творческой интеллигенции — 44% татар и 47% русских. Тогда русские преобладали (53% против 38% у татар) в среде работников хозяйственного управления. По нашим опросам 1999 г.⁴ и в этой среде татары представлены практически вровень с русскими.

О перспективах обеих моделей спорят ученые и в России и в мире. С одной стороны, при сегрегационной модели этнические группы занимают «свои ниши», взаимно дополняют друг друга и заинтересованы во взаимодействии. С другой стороны, различия в отраслевой занятости связаны с неравенством в оплате труда, условиях трудовой деятельности, получении пособий, материальных благ и в престиже, доступе к власти, и в этом отношении социальная дистанция между этническими группами увеличивается. Поэтому не исключено, что конкурирующая модель оказывается нередко более перспективной и позитивной. Во всяком случае, при такой модели в социальной сфере люди разных национальностей переживают общие трудности и радости, могут лучше понять другого. Не потому ли татарстанская модель выдержала серьезный экономический и политический кризис без насильственных групповых столкновений.

---

⁴ Данные за 1989 г. приводятся по расчетам Л.В. Остапенко; за 1999 г. — по результатам опросов по названному выше Проекту «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России»

Уже с конца 80-ых годов во многих российских республиках стал наблюдаться переизбыток дипломированных специалистов, особенно в тех из них, где он имел место и среди титульных национальностей и среди русских: Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Адыгея, Бурятия, Кабардино-Балкария, Хакасия. В меньшей мере этот процесс охватил Карелию, Коми, Удмуртию.

Отраслевая занятость и образовательный потенциал народов существенно влияли на социальную и экономическую ситуацию в условиях трансформации. Как известно, в 90-ые годы более всего пострадала промышленность. В Удмуртии, Туве, Карелии, Марий-Эл, Калмыкии, Дагестане, Кабардино-Балкарии численность работников промышленности упала вдвое, в Северной Осетии-Алании еще больше.⁵ Особый урон был на предприятиях ВПК, где традиционно работали больше русские. И это иногда создавало трудности межнационального характера. Например, в Татарстане принимали специальные меры по поддержанию оплаты труда работников в этой сфере, имея в виду возможность «перемещения» недовольства в межнациональные отношения.

Выигрывали республики с экспортной направленностью в экономике, имеющие добывающие предприятия — Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Хакасия. Уровень зарплат здесь был намного выше, чем в других отраслях (например, в 3-5 раз выше, чем в машиностроении и металлообработке).

Популярной деятельностью стала в условиях транзита и сфера торговли и обслуживания. Народы, которые издавна имели традиции в этих видах деятельности, например, Северного Кавказа, выиграли больше от развития этих отраслей.

В результате новых «выигрышей» и «проигрышей» различия между народами и республиками в доходах оставались значительными. Например, доля малоимущих в Туве составляла в

---

⁵ Труд и занятость в России. Стат. сб., М., 1999, с. 349.

конце 90-ых гг. 75%, в Саха (Якутии) — 32%, Башкортостане — 28%, в Татарстане — 20%.⁶

По данным нашего исследования 1999 г. русские в республиках оценивали свое материальное положение хуже, чем титульные национальности. Они чаще давали оценку своему положению «Денег хватает только на еду». Русские везде острее чувствовали ухудшение своего положения, но для реальной оценки причин такого самочувствия мы располагаем материалами только по республикам и областям, в которых проводились специально ориентированные на изучение этой проблемы этносоциологические исследования. Таким был уже названный Проект «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России».

По результатам исследований в Саха (Якутии), Татарстане, Башкортостане и Оренбургской области (сопоставимой с двумя последними республиками) видно, что за 10 лет русские не понизили своего реального социально-профессионального статуса в республиках больше, чем в областях. Доля перешедших из руководителей и специалистов высшего звена в низшие страты была в республиках в 1999 г. 20-23% (среди горожан), в областях — 25%. В Татарстане, например, у татар эта доля была не меньше 28% (у русских в республике — 20%). В соседней республике — у башкир понизивших статус было меньше (8%), что могло быть связано с тем, что башкиры только еще «завоевывали» место в высокостатусных, образованных слоях и больше боялись поменять вид деятельности, который еще недавно казался столь престижным, а теперь стал чаще менее оплачиваемым.

Русские, татары чаще готовы были идти на риск: в малом бизнесе у них была занята большая доля — 6-7% против 1-2% у башкир. Переход на другие виды работ у русских и саха нет оснований связывать с изменением социальной иерархии групп или с этническим ущемлением. Этот вывод мы делаем не толь-

---

⁶ Там же, сс. 331-332.

ко потому, что в русской области у них произошло то же самое изменение в статусе, но и потому, что не более 8-15% среди всех русских, то есть не только понизивших социальное положение, отметили, что они в трудовой сфере испытывали ущемление по национальному признаку.

Но вот для психологического самочувствия большой удовлетворенности, чем у русских, у башкир, татар, якутов (так же как у большинства других нерусских народов) основания были. Дело в том, что среди нерусских доля повысивших статус по сравнению со своими отцами (межпоколенная мобильность) была выше. Практически половина нынешних специалистов высшей квалификации — татар и башкир и чуть меньше саха в городах, где в основном они и контактируют с русскими, вышли из семей менее квалифицированных работников.

Если брать более отдаленную ретроспективу, то тридцать лет назад среди башкир, саха 40% трудящихся были работниками мало- и неквалифицированного труда, среди татар более 30% в то время как у русских эта категория работников в городах республик не превышала уже тогда 20%.⁷ А сейчас по доле работников физического труда низшей и средней квалификации этнических различий практически нет. Естественно, что у титульных национальностей республик это вызывает чувство удовлетворения, гордости, а русские далеко не всегда и не везде готовы воспринимать их равными партнерами.

Как уже говорилось нами выше (Гл. 1), довольно четко прослеживаются три типа *в социальном взаимодействии* русских и титульных национальностей российских республик. Первый тип, когда отстававшие в прошлом народы постепенно выравниваются с русскими, — догоняющий тип взаимодействия (в нашем исследовании пример башкир, но по той же модели развиваются калмыки, кабардинцы, некоторые другие народы), вто-

---

⁷ Расчеты Л.В. Остапенко по материалам Всесоюзных переписей населения 1959, 1979, 1989 гг. РГАЭ, фонд 1562, опись 336, ед. хр. 5512 -5514, 4845-4847, 7505 -7508, 7331-7336.

рой тип — равностатусное взаимодействие, при котором уже в 1970-ые и 1980-ые годы народы во основном стали иметь сходный социальный состав с русскими в республиках (пример Татарстана), третий — обгоняющий тип взаимодействия (Саха-Якутия) — см. рисунки 1, 2. Конечно, эти процессы не значат, что обгоняющее или догоняющее взаимодействие означают оптимальное развитие народов. Например, у саха высокая доля квалифицированного умственного труда, но превалирование идет в основном за счет гуманитарной сферы, образовательный потенциал у них реализуется не полностью, меньше саха, занятых в промышленности, а работников физического труда высшей квалификации у них вдвое меньше, чем у русских. Тем не менее, на статусной самооценке этнической группы и социальном самочувствии вышеназванные процессы, конечно, сказываются. У саха вдвое больше горожан, чем у русских, ответили, что за последние 5 лет у них улучшилось положение на работе, больше на одну треть было людей с таким самочувствием среди башкир в сравнении с русскими.

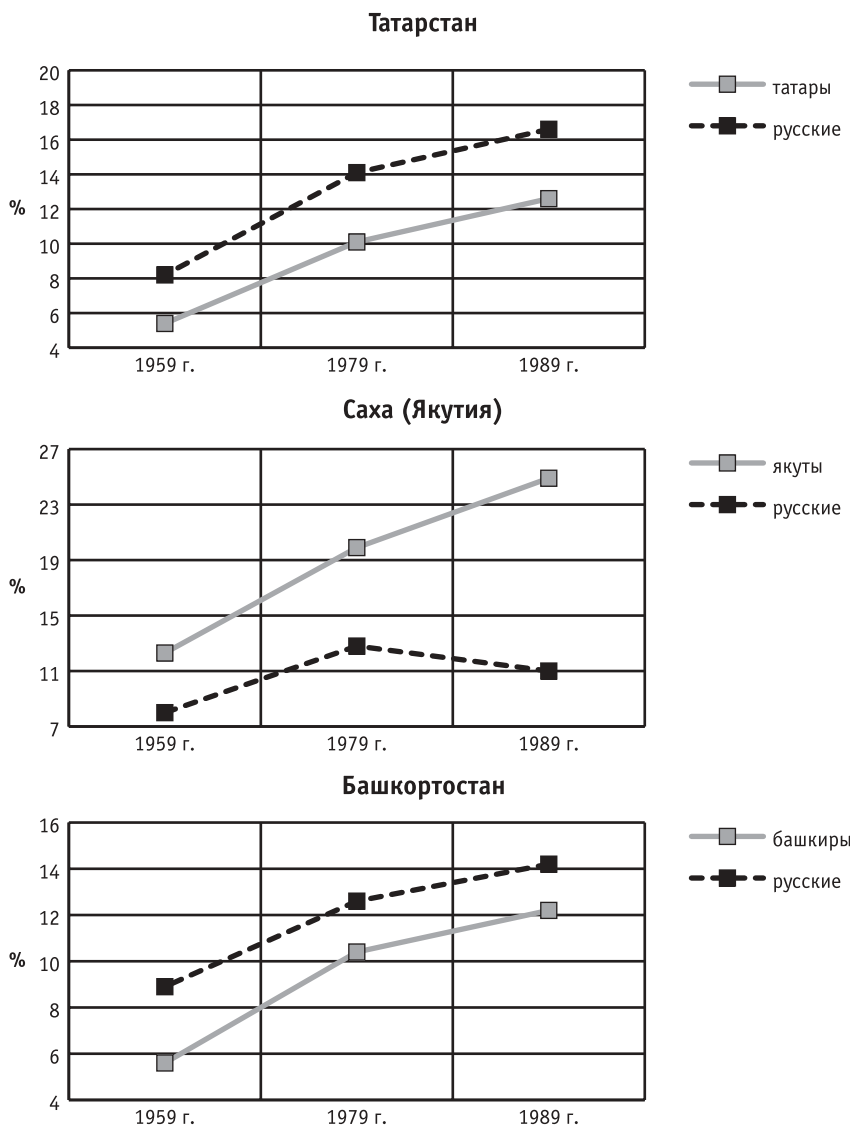
А вот равностатусное взаимодействие татар и русских в Татарстане отражалось в одинаковых пропорциях ответивших, что у них улучшилось положение на работе (29% и 28% соответственно), и в доле повысивших социальный статус (22% и 21% соответственно).

Здесь, конечно, тоже есть противоречия, ведь доля имеющих высшее специальное образование и у татар и у русских больше, чем численность работающих специалистов высшей квалификации и руководителей высшего звена, следовательно конкурентность на занятия этими видами труда есть, и, естественно, русскими она может ощущаться острее прежде всего потому, что *в элитных слоях, то есть среди тех, кто принимает решения или влияет на их принятие*, преобладают татары, так же как в Саха (Якутии) — саха, в Башкортостане — башкиры. И другие титульные национальности в республиках в высших эшелонах власти представлены обычно в большей пропорции, чем их доля в республиках.

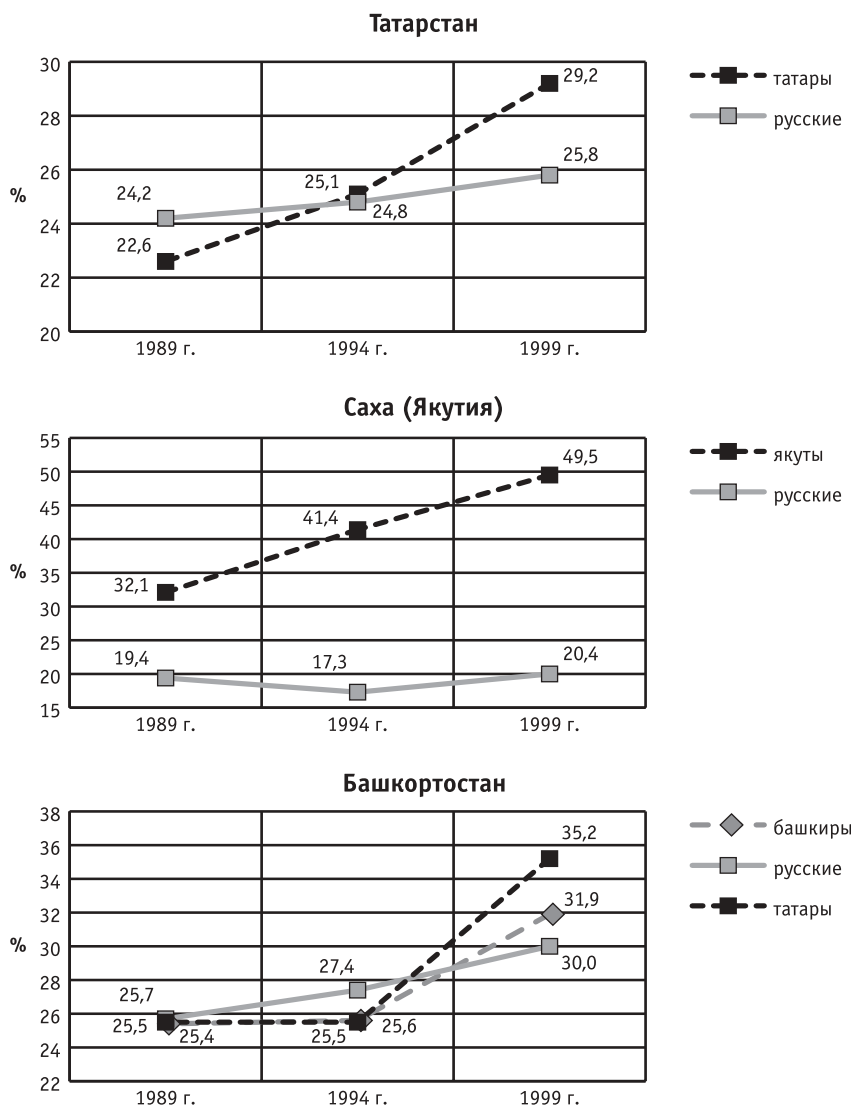

Рис. 1. Динамика социально-профессионального состава титульного и русского городского населения ряда автономных республик России за 1959 - 1989 гг. %

Специалисты высшей квалификации и руководители высшего звена

Рис.2. Динамика численности специалистов высшей квалификации и руководителей высшего звена городского населения Татарстана, Саха (Якутии) и Башкортостана по опросам 1999 г.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Проблема элитных групп, их состава, профессионального потенциала в российских республиках стала обсуждаться практически одновременно с развитием национальных движений в союзных республиках СССР. Уже тогда, в конце 80-ых — начале 90-ых гг., было ясно, что от того, кто лидирует в республиках, зависит политическая и социально-экономическая направленность трансформаций. Теперь, по истечении десятилетия, мы можем сказать, что степень радикализма действий, конечно, зависела от многих обстоятельств: действий Центра, протестного потенциала в каждой из республик (союзных и тогда автономных), международной обстановки и т.д., но вот выбор формы действий, разработка стратегий, как правило, зависели от элит. И это касалось как выбора способов взаимоотношений с Центром, так и стратегии социального и экономического развития региона, политики взаимодействия с этническими группами, прежде всего, русскими, и с оппозицией.

В СССР мы видели две модели действий этнических элит: балтийскую (прежде всего, эстонскую) — использование демократических, конституционных норм для завоевания большей самостоятельности и переустройства общества — и, условно говоря, кавказскую (Армения, Азербайджан, Грузия) — достижение целей насильственным путем.

В первой модели главными элитными акторами были правовики, социологи, экономисты, во второй — филологи, историки, деятели литературы и искусства.

В России практически имели место тоже две модели: модель Татарстана — мирное урегулирование этнического конфликта с Центром путем переговоров и использования демократических приемов (референдум, принятие конституции, выборы, заключение Договора) — и модель чеченского варианта.

Татарстанская элита, конечно же, располагала большим ресурсом, чем чеченская. Лидеры Татарстана, хотя их и именовали (особенно в центральной прессе) «партократами», «демокра-

тами от коммунистов», «красными баронами», были все же теми коммунистами, которые пришли в верхние этажи власти уже в условиях перестройки. Они, в частности, М. Шаймиев, Ф. Мухаметшин, сумели взять из оппозиции наиболее способных людей (экономистов, политологов, социологов) и включить их во власть (Марат Галеев, Р. Хакимов и др.). Татарская элита умела вести переговоры с центром, опираясь на Конституцию, на международный опыт, используя «границы возможного». Работая по Проекту «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов», я брала интервью у М.Ш. Шаймиева в 1995 г.⁸ Он сумел выделить мне для интервью время после встречи с лидером Крымской республики Мешковым. Естественно, я поинтересовалась, какие советы дал Президент Татарстана. Ментимер Шарипович ответил: «Главное — не втянуть народ в войну».

Конечно, элиты республик, как и элиты российские в целом, складывались и под влиянием объективных, исторически обусловленных факторов — мощности интеллигентской прослойки, возможности мобилизовать исторический опыт и т.п., и под влиянием субъективных факторов, в частности, умения лидеров собрать вокруг себя одаренных людей.

Так же как российские элиты в центре, в республиках элиты были многослойными не только в смысле сферы деятельности — политические, экономические, культурные, — но и политической ориентации — приправительственные, оппозиционные (контрэлиты), а также своего происхождения. Одна часть элиты пришла из партийно-комсомольского аппарата, другая из нового бизнеса, третья из оппозиции, в числе которых и «научные сотрудники», и, наконец, вышедшие на свет тенивики. Особенности республиканских этнонациональных элит, так же, впрочем, как и областных, состояли, во-первых, в пропорциях

---

⁸ Интервью опубликовано в книге «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробизевой», М., 1996 г.

этих частей. В большинстве республик выходцев из партийно-комсомольского аппарата в составе элит было больше. Во-вторых, в элитах титульных этносов была больше прослойка выходцев из села, ведь их элита была из среды более «молодой интеллигенции» — от одной трети до половины её составляли, как показывали наши опросы, люди, вышедшие из семей работников физического труда.

Татарстанский политолог М.Х. Фарукшин считает, что именно поэтому у них прочнее были земляческие связи и исполнительская дисциплина (почитание старшего, начальника).

Политологи — регионалисты (например, Н. Петров), специалисты по экономическому федерализму (С.Д. Валентей и др.) нередко связывали с партийными корнями и ментальностью более осторожные шаги в экономических реформациях руководителей республик и патернализм в стиле управления. Мы не будем оспаривать возможность такого истолкования, однако обратим внимание на факты. В одних республиках (и, кстати, областях, например, Оренбургской) при полной пророссийской и, тогда казалось, проправительственной ориентации на выборах побеждали коммунисты (Северная Осетия–Алания, Кабардино–Балкария, Оренбуржье), и реформы шли очень медленно. В других, казалось бы, конфликтующих с Центром, избежав шоковой терапии, допустили частную собственность на землю, создали благоприятные условия для инвестиций, с начала 2000 г., осознав торможение в экономике, активно стимулируют частное предпринимательство (Татарстан).

От состава, потенциала элит в решающей мере зависит конвенциональный или конфронтационный путь решения конфликта интересов.

При учете всех особенностей в ментальности этнических элит мы, социологи, исходим из реальности шекспировского понимания: «Мир — это театр, и каждый в нем играет свою роль». Разве не бывшими партаппаратчиками были М.С. Горбачев и Б.Н. Ельцин? И разве мы не знали случаев, когда бывшие оппозиционеры–националисты, включенные во властные струк-

туры, служили или стимуляторами трансформационных процессов, или пророссийских действий укрепления власти (например, тот же бывший лидер тувинских националистов, теперь депутат Государственной Думы — К.А. Бичелдей). Роль и, естественно, интересы, которые могут совпадать или не совпадать с интересами общества, определяют обычно поведение социальных акторов в элитных слоях.

Власть в предшествующие периоды в России играла слишком большую роль. Это было понятно для тоталитарного общества. В условиях демократичного транзита, когда общество было не устоявшимся, институты гражданского общества не окрепли, а центральная власть длительное время не легитимной, от региональных властей стало зависеть намного больше, чем прежде. Шел передел собственности, формирование новой системы отношений, и вопрос участия во власти стал не только символически значимым, но и актуальнейшим для социальной практики.

УЧАСТИЕ ВО ВЛАСТИ

Мировой опыт знает два способа учета интересов в мультикультурном обществе — интегральной и консociальной демократии.

В российских условиях при мажоритарной избирательной системе центральная представительная власть, естественно, формируется главным образом из состава доминирующего в численном отношении народа — русских. И даже те представители национальностей, которые проходят в Государственную Думу или становятся членами правительства, нередко бывают деятелями из Москвы, Санкт-Петербурга, не представляющими интересы народов или республик. Элиты последних реванш стремились взять за счет региональной власти.

В большинстве республик титульные национальности представлены выше пропорций в составе населения в депутатском корпусе. Башкиры, например, составляя 22% в населении рес-

публики, имеют в палате представителей Государственного собрания, избранного в 1999 г., 43,7% голосов, в Законодательной палате — 55%. Таким образом, башкир-депутатов в два раза больше, чем их доля в населении, а русских почти в два раза меньше.

В составе Государственного Совета Татарстана тоже преобладают депутаты титульной национальности, составляя 73% (русских 25,4%) по результатам выборов 1995 г. и 75% после выборов 1999 г.

В составе Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) после выборов 1997 г. саха составляли 73,1% (при 39% в составе населения). Подобные несоответствия были в Адыгее, Калмыкии.⁹

Конечно, каждый раз важна личность депутата, его способности, привлекательность для избирателей. Но диспропорции в депутатском корпусе слишком велики, чтобы объяснять их только личностными качествами претендентов.

Еще важнее для населения, кто имеет непосредственный доступ к использованию ресурсов, бюджета, собственности, назначениям на руководящие должности, то есть участие в исполнительной власти. В том же Башкортостане все ключевые посты вертикали власти — президент, глава администрации президента, премьер-министр, государственный секретарь — башкиры, Кабинет министров на 60%, главы администраций на 55% башкиры.¹⁰ В Саха (Якутии) 70% министров — якуты (при 39% в составе населения).

Преобладанию титульных национальностей среди высших постов в республиках способствует так называемый «языковый ценз», когда, например, в конституции республики, законах

---

⁹ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации 1995-1997. Электоральная статистика. М., 1998, с. 129.

¹⁰ Галлямов Р.Р. Постперестроечная эволюция политических элит российских республик: этнический аспект // Этнопанорама. 2000 г. № 1, с. 20-27.

«О Президенте», «О выборах Президента» говорится о том, что президент должен владеть двумя языками — русским и титульной национальностью. Знание двух языков де факто учитывается и при назначениях на многие важные государственные посты, например, министрами образования, культуры. В то же время руководители силовых ведомств назначаются, как правило, руководством Центра обычно из среды русских. При В. Путине были назначения не только из среды русских, но тогда это лица из числа военных, служивших в других регионах или в Центре.

Между тем участие во власти воспринимается людьми как индикатор равенства или неравенства этнических групп. В российских республиках были прецеденты, когда именно из-за назначений на ключевые посты разгорались межгрупповые этнические конфликты. Так было, например, в Карачаево-Черкесии. Постоянно делятся посты ключевых фигур во власти с учетом национальной принадлежности в Дагестане (как элемент концессиональной демократии). В последние годы, когда мир стал более открыт, назначения Пауэрллы и Кондолизы Райс в администрации президента Буша или Мадлен Олбрайт в администрации Клинтона тоже рассматриваются российскими гражданами как пример доступа к власти групп разной этнической или расовой принадлежности.

Естественно, в представлении людей неравенство возможности участия во власти фиксируется. В областях и краях с доминирующим русским населением и русские и нерусские считают, что первым «легче занять пост в органах государственной власти» (например, в Оренбургской области это преимущество видели 20% русских и более одной трети татар). В республиках, наоборот, преимущества видят у титульных национальностей, и особенно это отмечают русские (в Башкортостане 42% русских, в Татарстане — 66%, В Саха-Якутии — 68%).

Когда реальная власть сосредотачивается в полиэтнических регионах в руках лиц одной национальности, то все промахи, недостатки приписываются уже не просто какому-то одному лицу, а этой национальности.

Доминирование русских в правительстве Центра имело следствием то, что требование уплаты налогов или несвоевременные выплаты зарплаты в республиках приводило к обвинению не просто «Москвы», но и русских вообще.

Доминирование саха в правительстве Саха (Якутии) приводит к тому, что не только русские начинают обвинять саха в неумении использовать средства республики, но и сами саха критикуют свой народ за нерациональное использование богатств территории.¹¹ И так чаще всего происходит во всех республиках.

Поскольку в конце 90-ых годов усилилась критика этнизированной власти в самих республиках, в том числе со стороны самих представителей титульной национальности, шаги Президента В. Путина по укреплению вертикали власти не вызвали открытых протестов в республиках.

Изучая сложные переговоры Полномочных представителей Президента в Поволжском округе, на Северном Кавказе, в Саха (Якутии), можно было сделать вывод о некоем наметившемся разделении сфер в регулировании кадровых назначений. Федеральные ведомства в субъектах Федерации и силовые ведомства в регионах реально взяты под контроль путинской администрацией. Часть экономики (главным образом, местного значения), сфера культуры, образования — все оставлено республикам.

Для республиканской элиты и прежде всего титульной национальности это — аргумент для уже давно обосновываемого ими тезиса, что татарская, башкирская, чувашская, осетинская, тувинская и т.д. культуры только и могут развиваться при государственной поддержке со стороны республиканского правительства.

---

¹¹ Речь идет о серии статей Спиридона Татаринова: «Кто мы?» и др.

СТРАТИФИКАЦИЯ В СФЕРЕ ЭНОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК

Последнее десятилетие XX века было для народов России временем наиболее свободного выбора пути своего этнокультурного развития. Не только Конституция РФ, Концепция Государственной национальной политики, Закон о национально-культурной автономии, но и региональное законодательство — принятые в республиках конституции, законы о государственных языках, в большинстве республик признававшие языки титульных народов государственными наравне с русским, разрабатываемые концепции национальной школы, наконец, обсуждение в республиках бюджетов, позволявшее самостоятельно определять средства на развитие культуры — все это представляло столько свободы, сколько этнонациональная элита не знала в прошлом.

В период подъема национальных движений в самом конце 80-ых и начале 90-ых, казалось бы, и все наболевшие вопросы были высказаны, и надежды сформулированы, и наказания депутатам даны, и опыт союзных республик мобилизован. Оставалось только проверить все заявленное опытом. Жизненные практики оказались достаточно сложными и разнообразными.

Сужение сферы функционирования языка было практически одним из основных поводов для критики советской этнической политики. Язык в условиях социальных и политических перемен часто играет роль политического символа. Это отмечают признанные в мире конфликтологи.¹² Это мы видели в условиях подъема национальных движений в Союзе и в России. Что удалось изменить? Мы постараемся обнаружить тенденции, обращаясь к опыту народов, больше сохранивших свой язык — татар (хотя в республике они живут вместе с большим массивом русских — 44%), осетин (и тот и другой народ имеют высокую долю горожан — более 63% и, таким образом, широкое ме-

---

¹² Horowitz D. *Ethnic Groups In Conflict*. Berkeley (Calif.), 1986.

жэтническое общение) и теряющим язык удмуртам (их 30% в составе населения республики, 45% из них — горожане, и в городах высокая вероятность межэтнического общения).

Судя по результатам опросов 1994, 1997, 1999 гг., доминирующая часть татар и осетин говорили на работе на родном и русском или только русском языке. Была некоторая тенденция увеличения использования двух языков, но доля говорящих только на татарском или осетинском не увеличивалась (у татар, например, соответственно, 14, 10 и 6%, у осетин она не выше).

Не увеличивалась среди горожан и доля тех, кто говорил дома только на татарском (48%, 45% и 41%). Не сокращалась и доля тех, кто дома говорит преимущественно на русском (22-25 %), большая часть из них, видимо, состоит в этнически смешанных браках. У осетин эта доля чуть меньше.

Симптоматично, что при очень высокой идеологической ориентации на изучение татарского языка, осуждения манкуртизма (так называют людей, теряющих этническую культуру), городских татар, обучающих своих детей в татарских школах, судя по опросу 1999 г., всего 4%, отдавших детей в школы с двуязычным обучением — 43%, в русские школы — 20%. Среди русских 10% горожан теперь обучают детей в двуязычных школах, хотя в 1994 г. 63% русских горожан хотели, чтобы их дети знали татарский язык, в 1997 г. — 59% (по условиям выборки различия не значимы).

У осетин ориентация на обучение на русском не изменилась, оставаясь высокой.

Для сравнения приведем данные по Саха (Якутии). Здесь язык сааха стал заметно чаще использоваться в домашнем общении горожан (47% в 1994 г., 63% — в 1997, 1999 гг.) и на работе (соответственно 16% и 28%), но свыше 70% саха на работе пользуются русским.

В 1994 г. половина русских хотела, чтобы их дети знали якутский, в конце 90-ых — 24%.

Данные по удмуртам мы имеем возможность привести только на 1994 г. (по материалам микропереписи). Тогда дома 53%

удмуртов говорило на русском и 47% на своем языке, а на работе 70% общалось на русском и 30% на удмуртском. Но эти данные в целом по народу — надо полагать, что на удмуртском общалось главным образом сельское население. Русский язык оставался не только языком повседневного общения, но и языком получения информации.

Выпуск книг на языках народов России и их тираж продолжал сокращаться, так же как это было в большинстве автономий в последнее десятилетие советской власти. Правда, он сокращался и на русском, но в большинстве российских республик тираж книг на национальных языках сократился заметно больше. Даже в более богатых республиках — донорах с особыми правами, которые позволяли оставлять здесь больше средств, чем в других субъектах федерации, сократилось и число книг на языках титульных народов и тираж: в Саха (Якутии) с 60 книг в 1990 г. до 36 в 1998 г., а тираж — с 702 тыс. экз. до 90 тыс.; в Татарстане соответственно со 169 книг до 166, а тираж — с 3236 тыс. до 1290 тыс. экземпляров; в Башкортостане число книг не сократилось с 1990 г., даже чуть выросло (с 97 до 107), но тираж сократился с 1274 тыс. экз. до 670 тыс. В Северной Осетии-Алании, не столь богатой республике, число книг сократилось более чем в 2 раза, а тираж их упал более чем в три раза, то же самое в Удмуртии.¹³

С 1990 г. по 1998 г. тираж газет на языке саха сократился в 10 раз, на татарском — более чем в два раза, башкирском — почти в 2 раза, осетинском — более чем в 2 раза, удмуртском — в 3 раза.¹⁴

Таким образом, существенных изменений в языковой практике в сторону усиления позиций языков народов не произошло. Наметилась некоторая тенденция в сторону большего использования языка титульного этноса. В общественном транспорте, в учреждениях, в сфере обслуживания можно было за-

---

¹³ Российский статистический ежегодник, 1999. М., 1999, с. 236.

¹⁴ Там же, с. 237.

метить, что люди не стесняясь, как иногда раньше — в 70-80-ые гг., свободно говорят на родном языке. В рабочих ситуациях, когда надо продемонстрировать некую солидарность или доверительность, татары, осетины, саха, тувинцы и др. переходят на свой язык. Русские, демонстрируя свое доброжелательство по отношению к ним, тоже могут сказать какие-то слова на этих языках. В поездах, на самолетах делают объявления на двух языках. Символьные изменения есть, но в реальном использовании языков они очень небольшие, и есть сигналы к их торможению. Например, в Саха (Якутии) приостанавливается приток в школы на языке саха, поскольку русские школы дают лучшую подготовку для поступления в вузы и не только в республике, но и за ее пределами. Та же ситуация в Северной Осетии-Алании.

Вместе с тем, язык стал не только этническим символом, но и тем маркером, который выступает в роли «этнической границы». Доминирующее большинство нерусских знали русский язык, и для них не было преград к общению и социальному продвижению (во всяком случае, для горожан). Иная ситуация была для русских в республиках, среди них знали язык титульной национальности очень немногие. По опыту бывших союзных республик, они понимали, что это становится ограничителем в жизненных перспективах. А выучить новый язык было трудно и из-за объективных возможностей (наличие школ, курсов, преподавателей, свободного времени для изучения, отсутствие крайней неотложности — ведь рядом живущие могли говорить по-русски) и нередко из-за субъективных ощущений («мы, русские, живем в своем государстве», «русский язык признан государственным» и т.п.). Те, кто давали понять русским, что стремятся поднять статус своего языка, становились для них «чужими». В условиях экономических трудностей переходного периода далеко не все русские в республиках были согласны с тем, что надо затрачивать средства на поддержку языка титульного этноса. Между тем, для нерусских те, кто не желал признать необходимость поддержки их языка, тоже становились «не нашими».

Титульные национальности считали, что республики — это единственное место, где полномасштабно может развиваться их культура.

Художественная культура, обычаи, нормы поведения, как правило, не выступали в роли этнической границы, в чем-то взаимодополняя или не затрагивая социальных интересов.

Идеологи этнических элит рассуждали о степени привлекательности для них современной русской культуры, но классическое наследие не отвергали.¹⁵ Правда, и споры вокруг востребованности той или иной культуры тоже иногда приобретали идеологический характер. Так, Р.С. Хакимов — директор Института истории АН Татарстана, обосновывая необходимость непосредственного контакта с «европейской культурой», писал в 1997 г. о неприспособленности русской культуры к новым реалиям.¹⁶

Однако в 1999 г. тот же тезис о прямом контакте «без посредников с европейским миром» обосновывался тем же автором уже необходимостью учитывать «европейские стандарты» в образовании для карьеры и деловых контактов в будущем.¹⁷

И все же в реальной практике не только абсолютное большинство детей нерусской национальности в школе изучало русскую литературу, а театры, даже работавшие на татарском и других языках народов, ставили пьесы русских драматургов, теле- и радиопередачи транслировали постановки и музыку в основном русских авторов или мировую классику в русском переводе. В результате взаимодействие двух основных культур в Татарстане, татарской и русской, в Башкортостане — башкирской, татарской и русской, в Чувашии — чувашской и русской и т.д. создавало единое культурное поле в каждой республике с участием национальностей.

---

¹⁵ Хакимов Р.С. Россия и Татарстан: у исторического перекрестка. Панорама — Форум. Казань, 1997, № 1, с. 55.

¹⁶ Там же, с. 55, 60.

¹⁷ Хакимов Р.С. Татарстан как полиэтническое сообщество // Этнопанорама. Оренбург, 1999 № 1, с. 37.

Разделителем в республиках оставалась религия не только из-за значительных различий в содержании, но и в силу исторического шлейфа воспоминаний о противостоянии. Наиболее сложным оно было между православными, атеистами и приверженцами ислама. Об исламе большинство российского населения знало мало. И в силу чеченской войны, а еще ранее афганской, а также поддержки ваххабитов чеченскими террористами отношение к исламистам было как к возможно опасному экстремистскому течению.

Учитывая миллионные народы, в культуре которых ислам играл существенную роль, а также религиозные чувства людей, российское правительство, отдавая наибольшее предпочтение православной церкви, на всех уровнях не забывало и о служителях мусульманского культа. Однако в образовательных курсах, в средствах массовой информации почти не разъяснялось, что татары, скажем, могут придерживаться ислама джадидистского толка — евроислама, в котором «личностное начало и свободомыслие» находятся на первом месте.¹⁸ И именно об этом чаще говорит татарская элита.

В глазах исповедовавших ислам русские нередко выглядели не понимающими их, хотя немало русских, живших рядом, видели положительные стороны придерживающихся исламских традиций (во время интервью русские нам часто говорили про татар: стремятся зарабатывать, не пьют, не курят, поддерживают крепость семьи).

В Татарстане около 70% татар в городах верующие (в селах — более 80%) и еще около 15% — колеблющихся. Доминирующая часть из них — мусульмане (другие кряшены — крещенные татары). И у русских теперь в городах не менее 60% верующих и около 15% колеблющихся. Мы имели возможность сравнить ощущение степени близости этнических и религиоз-

---

¹⁸ Хакимов Р.С. Россия и Татарстан..., с. 34.

ных групп, что позволяло выявить дистанцирующую роль религии.¹⁹ Респондентов в 1997 г. просили ответить, насколько близко или далеко они себя чувствуют с людьми другой (называлась конкретная национальность) и другого вероисповедания. Более 70% русских в Татарстане ответили, что они чувствуют себя близкими и 17% — очень близкими с татарами, но вдвое меньше чувствовали какую-то близость с мусульманами.

То же самое татары. Среди них около 80% чувствовали близость с русскими, а 16% ощущали себя с ними очень близкими, но с православными 26%, и, скорее всего, так отвечали кряшены.

Еще больше русские ощущают дистанцию с буддистами. В Туве 60-70% русских и тувинцев чувствовали взаимную близость, но с представителями иной конфессии (буддисты — православные) около 10%.

Р.Н. Мусина — исследовательница, занимавшаяся проблемами религиозности считает, что религия, «дистанцируя этнические группы, в то же время способствует сохранению толерантности». Дело еще в том, что так называемых «истинно верующих» людей в России немного. Для доминирующей части основной религиозной веры является самосознание («внутренне считаю себя мусульманином или православным»). И в то же время ощущение принадлежности к конфессии или течению внутри нее — одна из опор для этнической идентификации, а нередко и идеологической ориентации. Например, те, кто поддерживал джадидизм — евроислам, выступают за «открытость Западу», а не только Востоку, против отгораживания от светских норм жизни, за диалоговые формы при решении конфликта интересов (например, двуязычие, двойное гражданство в республиках). Это направление ислама поддерживается и официальными структурами.

---

¹⁹ Приводятся данные, полученные в ходе реализации Проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности». Руководитель и автор Проекта Л.М. Дробижева.

Радикальный ислам берется на вооружение крайними националистическими объединениями (Иттифак, Милли Меджлис в Татарстане). Они выступают за исламское государство, национальную жизнь по принципам шариата («в одной руке должен быть Коран, в другой — меч»²⁰), за один государственный язык, только за республиканское гражданство. Но сторонников у них, судя по опросам, немного (4-9%), не случайно им не удается провести депутатов в представительные органы власти.

Более сложная религиозная практика в республиках Северного Кавказа. Государство не может не считаться с высокой религиозностью (более 90%) в этом регионе, и в то же время именно здесь более всего ислам использовался в изоляционистских и традиционалистски-консервативных формах (следование практике шариата в Чеченской республике, местами в Дагестане). И одновременно в этом регионе более воинственно выступает и православие, взятое на вооружение казачеством. Что можно было предпринять в условиях роста межэтнической разобщенности?

В идеологической ориентации правительством новой России был использован характерный практически для всех государств прием — попытка создания надэтнической, надрелигиозной идентичности. Однако этот прием удастся, если механизм его реализации основывается на знании реальных явлений и событий, условно говоря, пространственных и содержательных фрагментов в жизни общества, которые солидаризируют или разделяют группы. На изучение этой проблематики был направлен наш проект «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» (Э.Г. 1997-1998 гг.).

---

²⁰ Алтын Урда, 1997, № 32, 20-21 декабря.

ЭТНИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

Этническая граница понимается не в значении территориального расселения народов, а как субъективно осознаваемая и переживаемая дистанция, рассматриваемая в контексте межэтнических отношений.

О понятии границы в этнокультурном значении писали в отечественной науке П.И.Кушнер и М.М.Бахтин.¹ В мировой науке оно стало широко известным с выходом работ известного норвежского учёного Ф.Барта.² Теоретические подходы к пониманию этнической границы специально анализировались в книге «Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России» (М., 1998. Автор и руководитель проекта Л.М. Дробижева). Здесь прежде всего мне хотелось бы пояснить, что этнические границы представляются нам в чём-то сходными с понимаемыми Ф.Бартом, но в чём-то и различающимися.

Ф.Барт рассматривает их в связи с этничностью. Этничность для него — форма социальной организации культурных отличий. По Барту этническая граница определяет группу³, а первичную значимость имеют те культурные характеристики, которым группой придаётся маркирующее значение.

Под этнической группой в книге, так же как в отечественной и мировой социологии, понимается этническая общность и в значении народа, национальности, и в значении какой-то его (её) части.

Мы вполне солидаризируемся с Ф.Бартом в том, что маркирующие этническую группу характеристики являются результатом исторических, политических, экономических ус-

---

¹ Кушнер П. И. Национальное самосознание как этнический определитель. М., 1947; Бахтин М.М. Вопросы литературы и этики. М., 1975. С. 25.

² Ethnic Groups and Boundaries / The Social Organization of Culture Differences. Ed. by F. Barth. Bergen, London, 1969.

³ Ibid.

ловий и конкретных ситуаций. В одних обстоятельствах главную роль могут играть исторические и экономические или политические и социальные условия, в других — конкретные ситуации, прежде всего ситуации мирного, заинтересованного взаимодействия групп или, напротив, конфликта.

Чаще всего именно ситуации определяют влияние прошлого опыта либо социальных, политических факторов, стимулирующих маркирующие характеристики. Актуализация в представлениях и регуляции поведения исторической памяти чрезвычайно возрастает в ситуациях межэтнического напряжения и конфликтов. В то же время социальные факторы, например меняющаяся социальная дистанция, чаще играют большую роль в предконфликтных ситуациях и т.д.

Мы также разделяем представление о том, что этническая граница является актом сознания, а важнейший способ её изучения заключается в исследовании этнической идентичности. Действительно, только если люди (личности) разделяют представления, которые становятся общими, и действуют на их основе, они становятся группой, а этничность может приобретать организационные и институциональные формы.

Этнические маркеры могут быть единичными или представлять некий набор, или, может быть, систему. И значение, и набор таких маркеров может меняться.

В чём отличие нашего подхода к пониманию этнических границ от подхода Ф.Барта?

В своих гипотезах мы исходили из того, что для маркировки различий и определения групповых границ могут иметь значение не только «культурные характеристики». Какие ещё? Это предстояло выяснить в ходе анализа материала.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ: ЧТО ОБЪЕДИНЯЕТ И РАЗЪЕДИНЯЕТ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ

Проблема взаимодействия людей разных национальностей, так же как и этнической идентичности не новая ни в социологии, ни в этнологии. Для этносоциологов она вообще была одной из главных с момента развёртывания массовых репрезентативных исследований.

Однако сейчас данная проблема осмысливается по-новому. Связано это не только с развитием теоретических представлений, но и прежде всего с попытками осмысления новой для постсоветского пространства практики.

В отечественной этнологии (тогда этнографии) ещё с конца 60-х годов, в период так называемой «оттепели», Ю.В. Бромлей и В.И. Козлов⁴ немало сделали для того, чтобы этническое самосознание стали оценивать как важную, если не важнейшую характеристику этнической общности.

С начала 90-х годов, иницилируя распространение в российской науке конструктивистского подхода к пониманию этничности, В.А. Тишков стал определять этничность как форму социальной организации культурных различий. Методологически он обращался к одному из наиболее влиятельных теоретиков — норвежскому учёному Фредерику Барту, который (тоже, кстати, в конце 60-х) высказывал мысль о том, что не сами по себе культурные различия, а «этническая граница» определяет группу. Важнейшим в его понимании этнической группы является внутренняя или внешняя категоризация. Впоследствии Ф. Барт, обобщая свои выводы, писал, что этнические группы и их характеристики — результат не только исторических, но также экономических и политических обстоятельств и ситуаций, а

---

⁴ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография, М., 1976; Он же. Очерки теории этноса, М., 1983.

значимость имеют те культурные характеристики, которые используются как маркеры различий и групповых границ. Он обращал внимание на роль лидеров, которые мобилизуют массы на коллективные действия.⁵

Разделяя представления Ф. Барта о том, что не культурная отличительность вообще разделяет этнические группы (общности)⁶, а те её характеристики, которые используются как маркеры групповых границ, мне бы хотелось обратить внимание на такие ситуации, когда маркерами служат совсем не только этнокультурные явления. Известно, что трактовка исторического прошлого способна разделять этнические общности, но могут разграничивать их и представления о будущем, интересы «сегодняшнего дня», которые лежат вне области культуры. Очевидно, что для армян Нагорного Карабаха сначала соединение с Арменией, а затем собственная государственность являются ценностями более значимыми, чем «культурное возрождение». И именно первые ценности разделяют, разграничивают их с азербайджанцами.

Также очевидно, что существенным разграничителем может быть конкуренция на рынке труда, в сферах деятельности, в политических симпатиях и антипатиях, социальных и политических целях.

Конечно, конкурирующие слои в любой сфере жизни чаще всего не охватывают всю этническую группу, но резонанс обычно выходит за пределы конфронтационного пространства.

Таким пространством бывает власть в какой-то локальности, или в самом федеральном центре. Казалось бы, гедоничес-

---

⁵ Barth F. *The Analysis of Culture in Complex Societies / Ethnos*. Stockholm, 1989. Vol. 54. P. 120-142; *Enduring and Emerging Issues and the Analysis of Ethnicity / Anthropology of Ethnicity. Beyond «Ethnic groups and Boundaries»*. Ed. by H. Vermeulen, C. Govers. Amsterdam, 1994. P. 11-32.

⁶ Здесь и далее понятие «этнические группы» используется в социологическом значении для обозначения любой этнической общности, так же как и диаспорной группы.

кие стремления свойственны бывают довольно узкому кругу лиц, претендующих на власть. Но заинтересованными в получении власти конкретной группой этнической элиты всегда являются более широкие слои, зависящие в своей деятельности от власти (предприниматели, руководители предприятий и учреждений и т.д.)

И ещё более широкий слой — это те, кто из-за чувства достоинства, потребности в паритетности или компенсации какой-то нынешней или даже прошлой ущемлённости поддерживают гедонические стремления элиты.

И Ф. Барт, и В.А. Тишков, конечно, правы в том, что на коллективные действия этнические группы мобилизует элита. Но, как нам уже приходилось отмечать, широта «мобилизованных» в каждом случае зависит от того, насколько группами осознаются те интересы, которые для лидеров становятся педалями, приводящими в движение большие массы людей. В критических обстоятельствах имеет значение и психологическое заражение, ситуация «делай, как все».

Мы обсуждаем, что способно разъединять национальности, что становится границей между ними. Но, естественно, далеко не все обычно ощущают эту границу, а главное, многое в жизни, наоборот, объединяет этнические группы, людей разных национальностей.

Задачей нашего исследования и было выяснение того, насколько социальные и политические ориентации, симпатии и антипатии объединяют и разграничивают национальности в современной ситуации.

Эта тема была одной из важнейших в Проекте «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» («Э.Г. 1997, 1998»), результаты исследований в рамках которого стали основным источником данной работы.

Реализация задачи облегчалась тем, что исследования проводились не только среди титульных национальностей и русских в республиках, но и в областях, где русское население практически доминировало. Поэтому была возможность анали-

зировать ценности и ориентации, которые появляются у русских, проживающих в тесном контакте с титульными народами, и тех из них, кто живёт преимущественно в своей этнической среде. В данном разделе книги сравниваются социальные и политические ориентации.

Социальные ориентации мы рассматриваем широко. Это не только стремление к достижительности в тех или иных сферах деятельности (ориентация на них и оценка успехов), установки на мобильность, заработка или социально справедливую оценку труда. В сфере анализа прежде всего ориентация на виды собственности, рыночную экономику, оценка её, а также инновационно-деятельностный потенциал групп.

Социальные ориентации обычно более глубокие, они чаще определяют и политические ориентации, симпатии, антипатии, которые быстрее меняются в зависимости от ситуаций. Поэтому мы начнём анализ с макросоциальных ориентации, прежде всего на рыночную экономику.

Отношение к частной собственности и рыночной экономике претерпело за последнее десятилетие везде существенные перемены. Практически около половины населения и в республиках, и в областях⁷ считает, что земля может продаваться и покупаться, более двух третей положительно относится к передаче во владение частным лицам небольших предприятий, кафе, магазинов, небольших участки земли и считает, что «личные доходы не должны ограничиваться государством». И это объединяет общины в их представлениях.

Расхождения в оценках по этническому и территориальному признаку начинаются тогда, когда речь идёт о допустимости крупной частной собственности. Так, относительно владения частными лицами крупными предприятиями и крупными уча-

---

⁷ Здесь и далее везде речь идёт о сравнении тех республик и областей, в которых проводились наши исследования, то есть Татарстана, Оренбуржья, Республики Саха (Якутия), Магаданской области, и приводятся оценки и мнения городского населения.

стками земли жители Татарстана, причём и татары и русские, так же как оренбуржцы (русские и татары), осторожнее настроены, чем якутяне и магаданцы. Их оценки в полтора — два раза реже можно оценить как доброжелательные в отношении этих видов собственности.

У татарстанцев и жителей Оренбуржья — горожан оценки варьируют в пределах 19-23%, что по условиям нашей выборки (5% ошибка выборки) надо считать незначимым, у жителей Республики Саха (Якутия) они сходны с магаданцами, но варьируют в пределах 35-43%.

Именно в отношении владения крупной собственностью есть отличия и по этническому признаку. Прежде всего это касается земли. Если крупные земельные участки считают допустимым передать в частное владение 43% русских в Республике Саха (Якутия), то среди саха — 35%. Возможно, в этом проявилось традиционное отношение к земле у саха. Известно, что в Республике Саха (Якутии) по конституции земля не передана в частную собственность. Аргументировалось это именно традиционно общественным пользованием землёй у народа саха. Впрочем, и к владению частными лицами крупными предприятиями саха положительно относятся более сдержанно, чем русские (саха — 37%, русские — 43%).

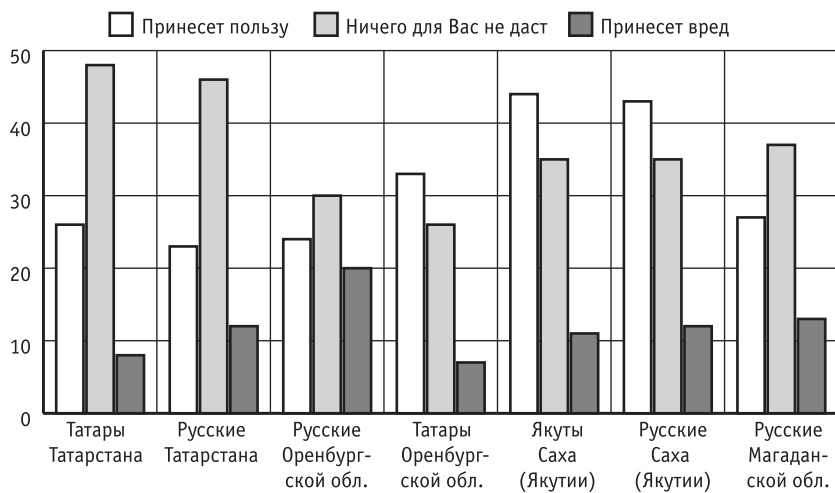
Судя по глубинным интервью с экспертами, возможно, в этом проявляется некая осторожность, обеспокоенность переходом собственности к приезжим — неякутам. Иногда высказывались опасения в отношении приобретения земли и предприятий иностранными предпринимателями, хотя в целом в Республике Саха (Якутии), так же как и в Магадане, как мы констатировали выше, более широкий круг людей, чем в центре России, допускает передачу и крупных участков земли, и крупных предприятий в частное владение.

Созвучно отношению к частной собственности и отношение в целом к рыночной экономике (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Отношение к рыночной экономике
Ответы горожан на вопрос: «Что принесет переход к рыночной экономике лично Вам» (в % от числа ответивших)

Совершенно совпадают установки у татар и русских в Татарстане и Оренбуржье, четверть которых полагает, что переход к рыночной экономике им лично принесёт пользу. И также совпадают до одного процента по данному вопросу установки саха и русских в Республике Саха (Якутии). Среди них доля уверенных в том, что лично им переход к рыночной экономике принесёт пользу, заметно больше — 42%.

Магаданцы несколько неувереннее жителей Республики Саха (Якутии), но всё же около 30% из них тоже видят личную пользу от рыночных отношений. Как показывали свободные интервью, чаще всего осторожная оценка реформ связана у магаданцев со сложной для них экономической ситуацией в области. Если якутяне страдали от невыплат зарплат и других невзгод, как и в других северных регионах, зависящих от своевременного завоза продовольствия, горючего и других необходимых продуктов, но имели, прежде всего, конечно, горожане не-

которые льготы, полученные в результате расширения суверенитета, то магаданцы от договора, который подписан в 1997 году между органами власти области и органами власти Российской Федерации, ничего ощутимого не получили. Отсюда и оценки их более скептические, чем у якутян.

Русские в областях проявляют больше осторожности и скепсиса в отношении рыночной экономики.

Украинцы и камчадалы в Магаданской области ещё более пессимистичны. Украинцы — потому, что связывают рыночные отношения с общими политическими изменениями, в том числе с распадом Союза, в результате чего они не могут вернуться на родину — в Украину, где льготные северные пенсии не выплачиваются. Теперь многие украинцы ориентированы на то, чтобы остаться в России, а родственников у значительной их части здесь нет, как нет и «насиженных мест», куда бы они могли приехать. У них есть проблемы с гражданством: какое гражданство им получать — украинское, откуда они приехали и где у большинства есть родственники, или российское, где им скорее всего придётся жить.

Камчадалы — как аборигенное население — льгот, подобных саха, за последние годы не получили и потому недовольны положением даже больше, чем русские.

Есть основания полагать, что вообще оценка перехода к рыночной экономике больше зависит от того, как реализуется в республиках и областях этот переход, а не от закоренелости некоего «традиционализма».

Так, какие-либо уравнивательные ориентации ни по этническому, ни по региональному принципу заметно не варьируют. С высказыванием «Лучше, чтобы ни у кого не было успехов, чем чтобы у одних было больше успехов, чем у других» — везде выявили согласие очень сходные и значительно меньшие группы респондентов, чем несогласные с таким мнением.

В современных условиях значительные группы людей среди разных национальностей и в республиках, и в областях имеют сходные индивидуалистические ориентации. Этот процесс

мы фиксировали таким индикатором, как доля людей, которые рассчитывают на собственные силы, а не на помощь государства, причём среди татар и среди саха в городах (где они сравнимы и где в основном контактируют с русскими) такие ориентации не меньше, а даже чуть больше, чем у русских: 61-62% и 50-54% соответственно. В Оренбуржье такие установки характерны для 40% населения, в Магадане — для 56%.

Везде и практически в равной мере (69-75%) люди разных национальностей ориентируют детей на то, чтобы «уметь зарабатывать деньги». И у них нет большого антагонизма к преуспевающим людям — предпринимателям. Антипатично к ним относятся менее 10% татар, саха, русских в республиках и Магаданской области, чуть более 10% в Оренбуржье.

Эти результаты исследования, ставят под сомнение выводы С.Хантингтона о конфликте цивилизаций. Не просматривается намеченный С.Хантингтоном разрыв между русскими и татарами, у которых культура имеет исламские корни. Нет существенных различий именно в экономических ориентациях между русскими в Саха (Якутии) и Магадане и якутами, живущими в одинаковых городских условиях.

Различия могут проявляться в способах реализации одинаковых рыночных ориентации или в общей системе жизненных ценностей. Поскольку речь идёт в целом о макроценностных ориентациях, обратимся к такому индикатору, как представление людей о том, «что нужно для возрождения вашего народа».

По поводу самого понятия возрождения народа, культуры, нации (и в значении этнонации, и в значении гражданской общности — согражданства) идут споры. Есть мнение, что вообще не стоит использовать это понятие. Одни считают, что и раньше, в советское время, для народов немало было сделано. Другие полагают, что не стоит акцентировать внимание на каких-то целях, интересах народов — надо говорить об общих Целях людей, страны. Но это споры, которые ведут учёные и политики. Когда же мы во время пилотажных (пробных) интервью беседовали с людьми и впоследствии брали интервью у экспер-

тов — управленцев, работников администраций, культурных учреждений, сферы образования, они сами спокойно использовали этот термин. А когда я сама употребляла его затем, это ни у кого не вызывало отрицательной реакции.

Важно другое: в этот термин обычные люди вкладывают не только этнокультурное значение. Это было очевидно и из свободных глубинных интервью и из результатов массовых опросов. Этот вопрос в интервью, на наш взгляд, оказался очень информативным. Он фиксирует доминантные ценности для народа, воспринимаемые как личностно значимые ценности.

На карточке, которую давали респондентам, были зафиксированы семь ценностей:

- возрождение и развитие национальной культуры моего народа;
- поддержка религии моего народа;
- развитие рыночной экономики;
- оздоровление природной среды;
- наведение порядка;
- укрепление самостоятельности республики, области;
- обеспечение интересов моего народа в руководящих органах власти республики, области.

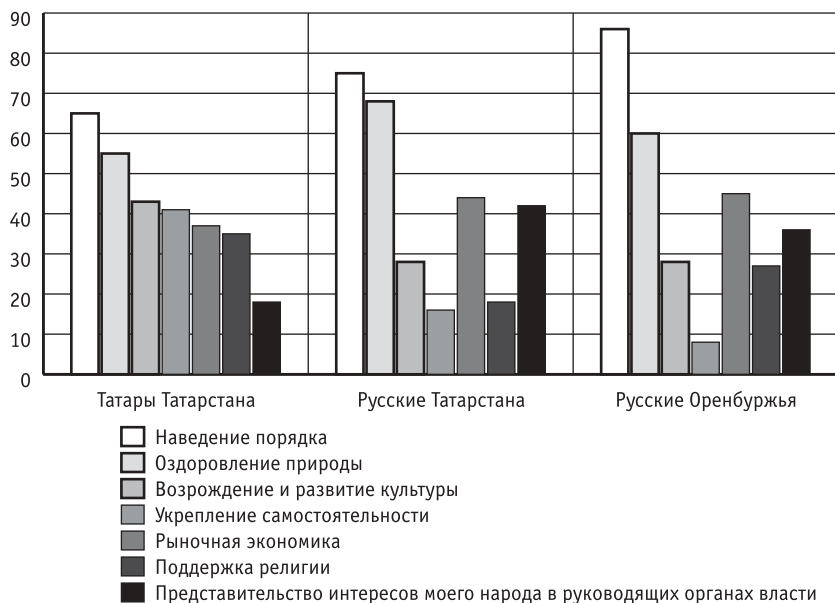
Респондентов просили ответить, что из записанного в карточке они сегодня считают необходимым больше всего, что называли бы на втором месте, на третьем.

Сравнивая массивы ответов русских в Оренбурге и татар и русских в Татарстане (диаграмма 2), видно, что и русские (в республике и области), и татары были единодушны, называя чаще всего наведение порядка и оздоровление природной среды как первостепенные ценности. А вот дальше по частоте выборов на третьем месте русские и в Оренбурге, и в Татарстане называли развитие рыночной экономики, а татары — развитие национальной культуры.

У русских за этим шли по частоте выборов представительство их интересов в органах локальной власти (причём эта

Диаграмма 2

Ответы татар и русских (горожан) на вопрос: «Что нужно для возрождения Вашего народа» (в % от числа ответивших)

заинтересованность на том же месте была у русских и в Татарстане, и в Оренбуржье), только затем — возрождение культуры, религии (у русских Оренбуржья «поддержка религии» была на седьмом месте).

Таким образом, разделяют народы не первостепенные жизненные ценности. Оздоровление природы и порядок — это, по сути ценности выживания, они общие, хотя и варьируются в пределах 67–75%. Вариации эти вызваны отражением реальной ситуации. В Татарстане по оценкам населения общая ситуация лучше, что нашло отражение в более высоком доверии к правительству Татарстана, чем к местной власти в Оренбуржье (67% у татар и 49% у русских в Татарстане против 28% в среднем в Оренбуржье).

Понимание порядка за последнее десятилетие изменилось. Если в предперестроечные годы под порядком люди разумели обычно следование нормам государственной морали, требованиям государственных органов, номенклатуры, то теперь речь идёт чаще всего просто о приостановке дезорганизации в экономике, криминала, о выплатах зарплат, пенсий и т.п.

Развитие рыночной экономики попадает в разряд близких подобным объединяющим ценностям, хотя разрыв в значимости между самими ценностями имеет место.

Надо учитывать, что проведение реформ идёт в целом в стране неоднозначно и чаще на негативном информационном фоне. Эту тенденцию по татарстанской прессе прослеживал Л.Г.Толчинский: «В правительственных газетах: на русском языке — «Республика Татарстан» и на татарском языке — «Ватаным Татарстан» соотношение отрицательной и положительной информации 35,4% к 23,9% в первой и 41,2% против 29,4% — во второй.⁸ Видимо, не только сами трудности реформ, но и информационный фон влияют на их оценку.

Особенностью же Татарстана является ещё и повышенное внимание прессы на татарском языке к вопросам этнической культуры, религии. В результате в газете «Ватаным Татарстан», читаемой в основном знающими татарский язык, но известной более широким кругам татарского населения, обсуждение экономических реформ ведётся в 9 раз реже, чем в газете «Республика Татарстан».⁹ Такое соотношение информации — результат отражения внимания в обществе к значимым проблемам, но оно оказывает влияние на публику.

---

⁸ Толчинский Л. Т. Современные средства массовой информации как фактор, определяющий специфику духовного влияния на процесс социально-экономического реформирования. Автореферат канд. дис., Казань, 1998. С. 15.

⁹ Толчинский Л. Т. Современные средства массовой информации как фактор, определяющий специфику духовного влияния на процесс социально-экономического реформирования. Автореферат канд. дис., Казань, 1998. С. 15.

В результате разграничивают этнические общности представления о значимости сохранения и возрождения культуры. У татар оно приобретает этнополитическое звучание восстановления достоинства, равенства. Не случайно вслед за этой ценностью, стоящей на третьем месте, на четвёртом идёт «укрепление самостоятельности республики», то есть, по сути, политическая ценность.

У русских этой политической ценностью является «представительство их политических интересов» в органах власти. Она у татарстанских и оренбургских русских — четвёртая по значимости. Обратим внимание, что у татар в Татарстане, которые в результате суверенизации получили в республике реальный доступ к власти, потребности в таком представительстве стоят на последнем месте и актуализированы не более чем у одной пятой городского населения (диаграмма 2).

Анализируя результаты социально-экономических и этнополитических ориентации, мы, естественно, обращали внимание на социальный состав проинтервьюированных респондентов, поскольку различия в интересах могли быть связаны с видом деятельности людей, социально-экономическим положением. Но каких-либо существенных смещений нет в группах, выделенных на основе самооценки социального положения (ответ на вопрос: К какой группе Вы себя относите — специалисты, служащие, рабочие и т.д.). Среди русских немного больше лишь специалистов ИТР.

Надо к тому же добавить, что у татар есть известная согласованность и положительные тенденции во взаимных оценках достижений, успехов в конкретных видах деятельности. Так, из восьми видов деятельности в четырёх оценка достижений русских татарами выше, чем ими самими: в промышленности, предпринимательстве, в науке и образовании, а также в юридической деятельности.

Можно было бы ожидать разницы в оценке значимости рыночных реформ и этнополитических устремлениях от масштабов переживаний социальных невзгод, связанных с ними.

Но даже такие невзгоды, как «вынужденный уход в неоплачиваемый отпуск», «уменьшение зарплаты или часов работы не по собственному желанию», в одних и тех же условиях города русские и татары в Татарстане переживают практически в равных масштабах (8-9% и 12-15% соответственно). Следовательно, разграничивающие общество ориентации имеют субъективное основание, этноспецифическое восприятие обеими группами действительности.

Отметим, что у татар и русских практически одинаковая степень удовлетворённости работой (вполне удовлетворены работой соответственно 21% и 18%, скорее удовлетворены — 24% и 24%), и она не отличается от той, что есть у русских в Оренбуржье (вполне удовлетворены 15% и скорее удовлетворены 18%).

Довольно высокая согласованная взаимная оценка социального потенциала, особенно в инновационных видах деятельности, общность в понимании экономического положения создаёт основу для достаточно узкой и скорее всего подвижной, во многом ситуативной границы, имеющей социальный и политический смысл. В социальной среде разобщённость этнических групп создаёт конкурсность по отношению к престижным видам деятельности. Это ощущение конкурсности на трудовом месте для большинства русских и татар одинаково (39% и 38% респондентов той и другой национальности соответственно чувствуют, что на такую, как у них, работу устроиться трудно).

Политическая сфера, в какой-то мере уже затронутая нами, более динамична и ещё более ситуативна, но она требует, естественно, специального рассмотрения, во-первых, потому, что республики нередко рассматриваются политиками (да и учёными) как районы замедленной трансформации, во-вторых, потому, что русских, как более критично оценивающих обстановку в республиках, коммунисты считают группой их потенциального влияния, наконец, потому, что политические симпатии или антипатии влияют не только на восприятие действительности, но и на включённость в инновационную социально-экономическую деятельность.

В России до недавнего времени не было межрегиональных партий, сформированных по этническому и конфессиональному принципу. Но уже на выборах в 1995 г. участвовала исламская партия «Нур». Известно также, что некоторые партии «брали на вооружение» русскую идею, причём не только такие крайние радикальные, как «Русское национальное единство» (баркашовцы), но и более умеренный Конгресс русских общин.

Формирование гражданского общества в Российской Федерации нашло отражение в появлении новых общественных объединений. Часть из них образуется на этнической основе. Это различные общественные центры, ассоциации, национально-культурные общества. После принятия Закона «О национально-культурной автономии» в 1996 г. стали формироваться объединения таких обществ — национально-культурные автономии.

Кроме того, в республиках, так же как и в областях, существуют свои партии (а не только региональные объединения общероссийских), сформированные по этническому принципу. Так, в Татарстане, как известно, существуют и более умеренные ТОЦ, ВТОЦ, и крайне радикальная партия «Иттифак» (Ф.Байрамова). ТОЦ имеет и некоторые региональные объединения. Например, в Оренбуржье, где проживают относительно компактно и дисперсно татары, есть подразделения ТОЦа.

В Республике Саха (Якутии) существуют партии «Саха-Кэскилэ», «Саха-окум», религиозное общество «Кут-сюр» («Душа-энергия»), объединяющие в подавляющем большинстве саха. В республиках есть и русские или русские-пророссийские объединения типа РИЗ (Равенство и Законность) в Татарстане.

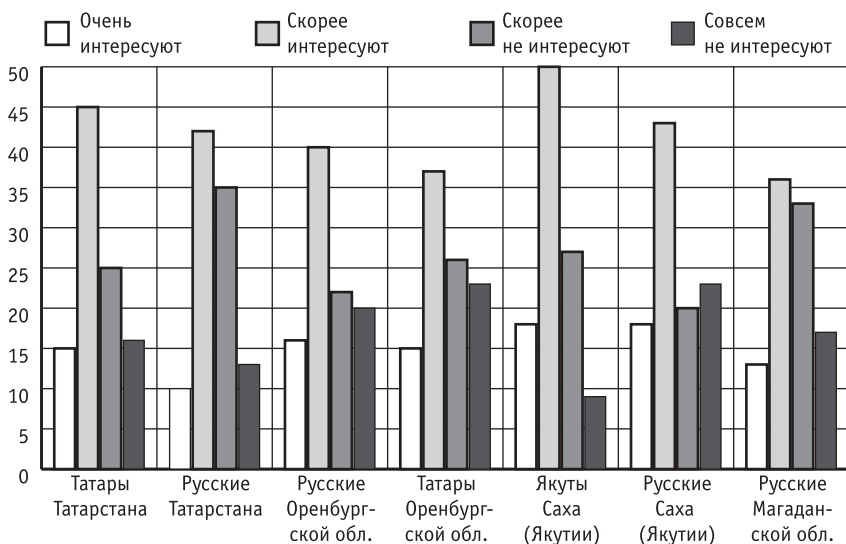
Конечно, включённость в общественную жизнь у русского населения в целом небольшая. Политологи оценивают растущую аполитичность как достаточно массовое явление. В республиках и областях, находившихся в поле нашего изучения, картина в чём-то сходная, но в чём-то и отличающаяся.

Очень интересующихся общественными и политическими проблемами везде одинаково немного: и в республиках, и областях и среди русских, и титульных национальностей — 10-17%.

Доля же тех, кого эти проблемы «скорее интересуют», составляет от 40 до 50%, и «скорее не интересуют» — 21-35%. (диаграмма 3). В актуальности политических интересов есть пусть и небольшие, но заметные этнические различия. Русских среди не интересующихся политическими и общественными проблемами в республиках несколько больше, чем среди татар и якутов (соответственно в Татарстане 25% и 35%, в Якутии «скорее не интересуются» и «совсем не интересуются» среди якутов 36%, среди русских — 42%). А доля тех, кто «скорее интересуется» и «очень интересуется», больше у титульных национальностей (соответственно в Татарстане 60% против 50% у русских, в Республике Саха — Якутии — 67% против 57% у русских). Можно было бы предположить, что это реакция русских на этнополитическую активность титульных национальностей, демонстративное стремление продемонстрировать свою отстранённость

Диаграмма 3

Заинтересованность в политической жизни.
Ответы на вопрос: «Насколько Вас интересуют политические,
и общественные проблемы» (в % от числа ответивших)

от «политических дел». Похожее явление было зафиксировано нами в конце 80-х годов в Эстонии.

Но в соседних с республиками областях доля активных в политическом отношении русских тоже несколько ниже не только по сравнению с титульными национальностями, но и русскими, живущими в республиках.

Например, те, кого «скорее интересуют» политические проблемы, составляют среди татар 45%, русских Татарстана — 42, Русских в Оренбуржье 40, в Саха (Якутия) — 50% саха и 43%, русских и в Магадане — 37% русских.

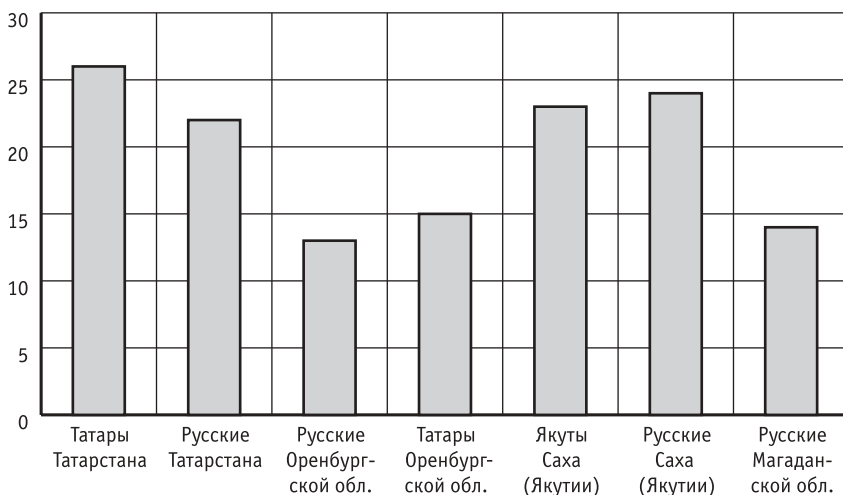
Таким образом, не очень сильно, но в тенденции уровень общественно-политической заинтересованности разделяет титульные национальности и русских в республиках, так же как и Республики и области.

В республиках, и особенно среди титульных национальностей, повыше не только заинтересованность в политической

Диаграмма 4

Общественная активность

Ответы на вопрос: «Посещаете или участвуете ли Вы в общественных объединениях, организациях» (в % от числа ответивших)

жизни, но и сама общественная активность. Доля тех, кто посещает или участвует в общественных объединениях, организациях вообще невелика — 14-24%. Но среди татар, якутов она составляет 24-22%, и почти такая же активность у русских в республиках, а у русских в областях 13-14%. (См. диаграмму 4).

Этнический фактор является дополнительным стимулятором активности. Среди татар, например, треть активных респондентов посещали национально-культурные объединения. В известной мере этническая активность титульных национальностей разграничивает общности в республиках, тем более что татарские и якутские организации в конце 80-х и начале 90-х годов проявляли большой энтузиазм. Самых участвующих в этнонациональных объединениях немного и их доля не превышает 1/4 населения, но резонанс от их деятельности был намного больший.

Русские не ответили адекватно на вызов. Серьёзной конфронтации в изучаемых республиках не произошло, так же как у республик с соседними областями.

Иная ситуация в этом отношении складывается в конце 90-х годов на Северном Кавказе и в Туве, где русские реагировали на конфликтные ситуации массовыми выездами. В большинстве регионов проявлялась закономерность, выявленная в Татарстане и Саха (Якутии). В Саха (Якутии) наблюдался значительный отток русского населения, но он был в четыре раза меньше, чем из соседней Магаданской области. Поэтому можно предположить, что связан он главным образом не с этническими противоречиями.

Таким образом, серьёзное разграничение по принципу политических ориентации между русскими и титульными национальностями не произошло и не происходит не только в силу общей невысокой политической активности населения и не столь сильных различий в экономическом положении, но и в силу во многом сходных политических симпатий и антипатий к основным претендентам на них — демократам и коммунистам (см. диаграммы 5 и 6).

Диаграмма 5

Отношение к демократам
Ответы горожан на вопрос: «Как Вы относитесь к демократам»
 (в % от числа ответивших)

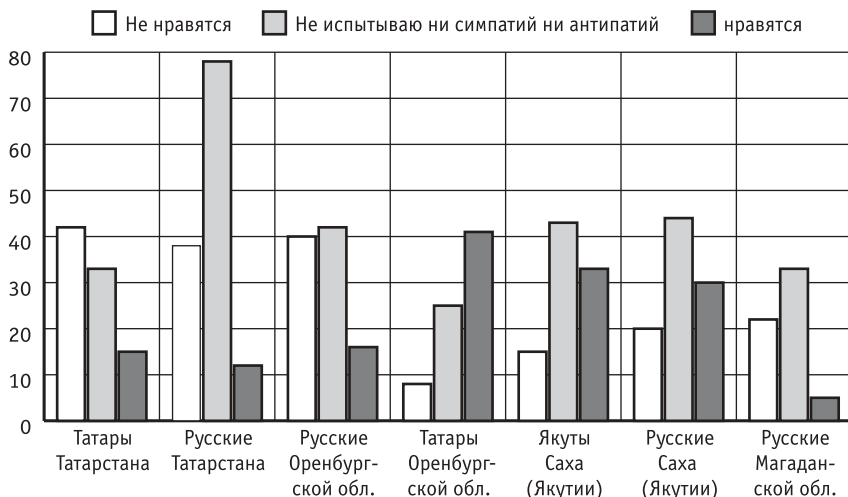
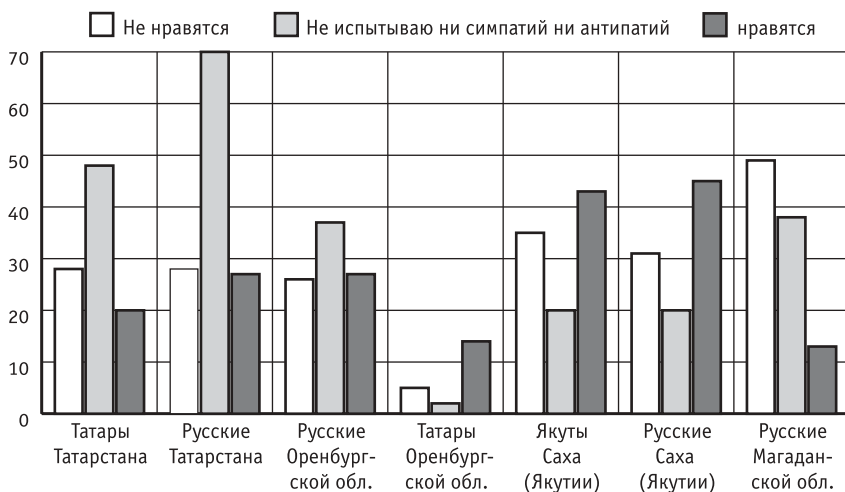

Диаграмма 6

Отношение к коммунистам
Ответы горожан на вопрос: «Как Вы относитесь к коммунистам»
 (в % от числа ответивших)

В каждой из республик — Татарстане и Саха (Якутии) — Русские и представители титульных национальностей практически в равной мере испытывают симпатию к демократам (соответственно 15 и 13% в Татарстане, 33 и 30% в Якутии). Не нравятся они также практически равной доле в каждой из контактирующих общин в республиках (в Татарстане — 38 и 44%, в Якутии — 24 и 19% соответственно).

Коммунисты «нравятся» 20% татар и 27% русских в Татарстане, «не нравятся» — практически 30% и татар и русских.

В соседнем Оренбуржье у русских до 1% процента совпадают с татарстанскими русскими симпатии к коммунистам и практически одинакова доля испытывающих к ним антипатию (25%).

Совпадают политические симпатии и антипатии, как мы видели, и среди саха и русских в Республике Саха (Якутии). Но здесь в обеих общинах больше симпатий к демократам: они нравились 33% саха и 30% русских, а коммунистам симпатизировали соответственно 19 и 24%.

В Магаданской области меньше симпатии к демократам в сравнении с Саха (Якутией). Вероятно, это связано не только с резким ухудшением экономического положения в Магадане, невозможностью из-за несвоевременных выплат заработной платы выехать «на материк», как там говорят. Дело ещё в том, что в период правительства Е.Гайдара была выдвинута идея о преимуществах вахтового метода работы в области и излишках живущего здесь населения. Но уезжать-то людям отсюда сейчас трудно, а многие и не хотят. Поэтому с демократами здесь связаны неприятные ассоциации, хотя и коммунисты тоже очень многим не нравятся — ведь немало людей здесь ещё помнят политические лагеря.

И всё же с демократами себя ассоциировали (близко и очень близко) почти вдвое больше людей, чем с коммунистами (36% против 19%), причём больше и в сравнении с населением других территорий, изучавшихся по Проекту.

Методически вопрос на ассоциативность — «Насколько близко или далеко Вы себя чувствуете с коммунистами, де-

мократами и т.п.» — больше проясняет поляризацию по политическому принципу. Так, одинаковая доля, и в общем-то небольшая, среди татар и русских ассоциировали себя с коммунистами (17 и 23%) и также с демократами (16 и 23%). Становится очевидным, что в Оренбуржье прокоммунистически настроено больше людей (32%), чем в Татарстане, хотя с демократами ассоциирует себя такая же доля населения, как среди русских в Татарстане (23%).

В Республике Саха (Якутии) всё же большая часть людей ассоциировала себя и среди саха, и среди русских скорее с демократами (34 и 29%), чем с коммунистами (19%).

Таким образом, сколько-нибудь существенных расхождений в симпатиях и антипатиях к основным политическим силам между этническими общинами в каждой республике нет.

Есть различия между регионами, республиками и областями. В целом восток Сибири отличается более демократическими настроениями, хотя именно настроениями больше, чем поведением. Об этом можно судить по электоральному поведению и установкам на готовность «жертвовать материальным благополучием ради возможности свободно высказывать свои взгляды». Оренбуржье в какой-то мере отличается от Татарстана большим расположением к коммунистам, а Магаданская область несколько большими, чем население Республики Саха (Якутия), симпатиями к демократам.

Что касается республик и областей, то сегментация на российском пространстве очень велика. И мне хотелось бы обратить внимание на то, что одни различия, накладываясь на другие, нередко в одних случаях гасят друг друга и подогревают в других. Например, русские в Татарстане, казалось бы, настроены более демократично (напомним: ассоциировала себя близко и очень близко с демократами среди русских 23%, а среди татар — 16%). Так же как среди татар, треть русских считали, что «расширение отношений с Западом» пошло на пользу России, в равной мере они одобряли «многопартийные выборы», и более трети (так же как и среди татар) полагают, что «свобода СМИ по-

шла на пользу». Но в то же время они ощущали, что на верхних этажах власти их потеснили и чаще недовольны республиканским правительством, чем татары, а потому некоторые оказываются в одних рядах с коммунистами: доля тех, кому нравились коммунисты, у них, пусть и немного, но выше, чем у татар.

Сопоставляя данные, иногда легко ошибиться, не зная ситуации в конкретной республике или области. Так, зондируя глубину демократических ориентации, в опросном листе мы ставили вопрос: «Что для Вас важнее — иметь нормальный уровень жизни, даже если придётся бояться говорить всё, что думаете, или иметь возможность безбоязненно говорить всё, даже если придётся отказаться от материального благополучия». Татары чаще выбирали второй вариант, чем русские (34% против 25%). Судя по доле ответивших, этот выбор делали среди них не только респонденты из среды интеллигенции. Почему?

Конечно, среди русских больше неудовлетворённых своим материальным положением (72% против 57% у татар, которые нередко имеют поддержку от живущих в сельской местности родственников). Но дело не только в этом. Татары, так же как саха и другие титульные национальности, теряя в материальном обеспечении, приобрели больше потенциала для реализации чувства достоинства, возможность свободно говорить на языке, высоко оценивать своё прошлое, свою культуру.

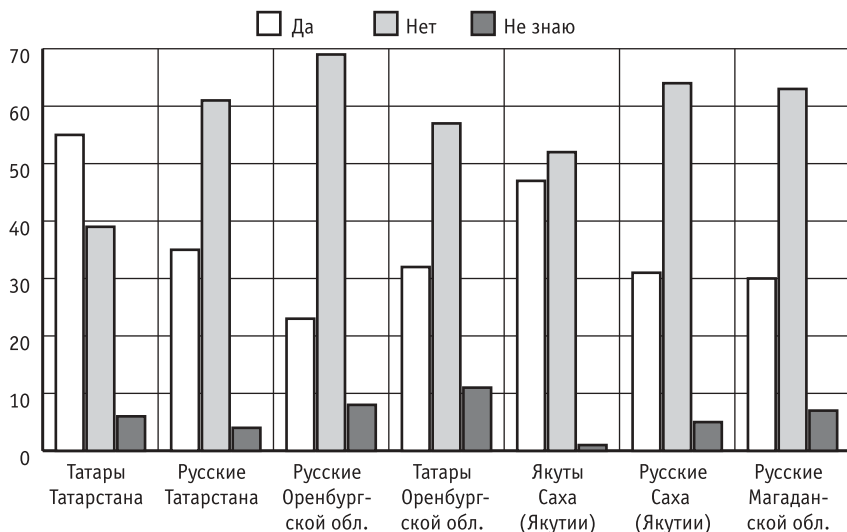
Русские же в республиках адаптируются к равному партнёрству, причём происходит это в условиях ухудшения материального положения и растущей неуверенности в завтрашнем дне. Среди татар выразили подобную неуверенность 39%, а среди русских — 61% (см. диаграмму 7). Проявляется эта неуверенность больше среди людей среднего, то есть основного трудоспособного, возраста и старшего поколения. Ответственность за это русские возлагают на «демократов у власти».

В Саха (Якутии) все оценки изменений в сторону увеличения политических свобод выше, чем в Татарстане и Оренбуржье. Здесь материальное положение русские и саха оценивают одинаково, а удовлетворённость работой у русских даже несколько

Диаграмма 7.

Уверенность в завтрашнем дне :
Ответы горожан на вопрос: «Есть ли у Вас чувство уверенности
в завтрашнем дне?» (в % от числа ответивших)

выше, чем у саха, и доля симпатизирующих демократам в обеих этнических общинах вдвое больше, чем у татар и русских Татарстана.

Более высокая критичность к изменениям у русских в сравнении с саха всё же наблюдается. Среди них несколько больше доля тех, кто считал, что «дела в России идут в чём-то в правильном, а в чём-то в неправильном направлении» (29% ответов против 19% у саха), более сдержанные оценки пользы от свободы СМИ, многопартийных выборов, меньшая «уверенность в завтрашнем дне» (неуверенных 64% против 48% у саха), меньше доверия к республиканскому правительству (26% против 56% среди саха).

Таким образом, потенциал демократических преобразований у русских не меньший, а в чём-то больший в республиках. Они могли бы выполнять роль стимулятора преобразований, но

ухудшение их материального и одновременно социально-политического положения в республиках в результате трансформации вызывают у них опасения дальнейших этнополитических изменений, которые могут произойти только в условиях продолжения «перехода к демократии» и станут для них неблагоприятными. Отсюда их более сдержанные оценки демократических преобразований.

Титульные национальности в республиках также испытывают экономические трудности, но они их переживают в условиях выигрыша в социальном и политическом положении. Осознающие этот выигрыш понимают, что они могут сохранить его, только поддерживая «демократический переход». Поэтому некоторый дисбаланс политических интересов и ориентации разграничивает этнические группы. Но, как мы показали, несогласованность ориентаций небольшая и заметно варьирует по субъектам федерации.

Очень важно, что различия по этническим общностям и между республиками и областями проявляются скорее в симпатиях и антипатиях к демократам (люди, конечно, имеют в виду прежде всего стоящих у власти и называющих себя демократами), но не в оценке самих демократических преобразований. В оценке последних и между республиками и областями, и между титульными национальностями и русскими совершенно очевидно преобладает сходство.

В политической сфере разъединяет, безусловно, проблема участия во власти. Последнее десятилетие было временем, когда и в исполнительной и в представительной власти титульные национальности стали составлять большинство, в том числе в Саха (Якутии), где саха — 37%.

Русские это чувствуют. На вопрос: «Влияет ли национальность человека на его возможности занять высокий пост в органах власти Вашей республики, области?» — в Татарстане и Саха (Якутии) 64% русских ответили «Да, влияет». Среди татар такого мнения придерживается 31%, саха — 55%. Конкуренция во власти, совмещающаяся с представлениями о потенциале, до-

стоинстве каждой нации, действительно разграничивает людей контактирующих общин.

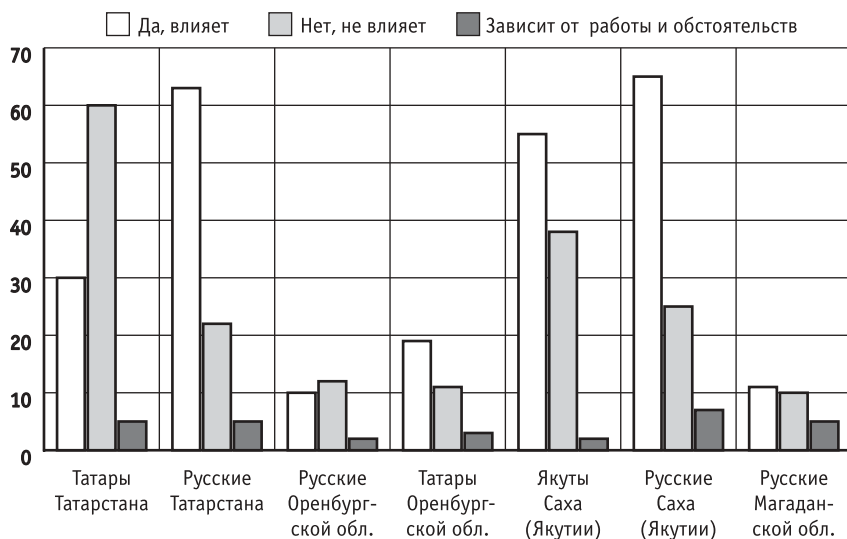
В Оренбуржье, Магаданской области всего 10-11% русских считают, что национальность влияет на участие во власти, а среди татар в Оренбуржье это мнение разделяли 18,5% (диаграмма 8). Так что вопрос о власти в республиках для русских и титульных национальностей — главный разграничитель в политической сфере.

С другой стороны, нерусские всегда обращали внимание на недопредставленность своих интересов в центральной власти. Состав Правительства и Государственной Думы РФ давал для этого основания. Эти представления совмещались с мнениями о державнических и даже имперских настроениях русских.

Однако, как показывают исследования И.Клямкина, ВЦИОМ, да и наши опросы, такие настроения — далеко не массовые сре-

Диаграмма 8

Представление о конкуренции во власти по национальному признаку. Ответы горожан на вопрос: «Влияет ли национальность человека на его возможность занять высокий пост в органах власти Вашей республики (области)?» (в % от числа ответивших)

ди русских. Они нередко имеют защитный характер и тогда вполне согласуются с ориентациями в среде других народов.

Один из вопросов нашего интервью касался именно великодержавных настроений. Респондентов спрашивали, согласны ли они с тем, что «для сохранения военной мощи страны можно идти на снижение уровня жизни людей». Согласие с этим мнением выразили 8-14% русских. Причём именно в республиках было меньше русских, согласных с таким суждением (а больше в Оренбуржье). И надо сказать, что среди титульных национальностей такого же мнения придерживается столь же небольшой круг людей.

Вместе с тем не сильно расходились позиции татар, саха и русских в охранительных установках. Они фиксировались согласием с высказыванием «Даже для спасения экономики России нельзя распродавать её природные богатства» (65-79%). Шире такое мнение было распространено среди русских Саха (Якутии).

Защитные настроения проявляются и в оценках взаимодействия с западными странами. 36% татар и саха полагают, что эти страны помогают России, чтобы «ослабить нашу страну». Среди русских в Татарстане и Оренбуржье такого мнения придерживается ещё больше людей — чуть более половины, а в Саха (Якутии), Магаданской области — 39-43%.

Таким образом, судя по нашим данным, великодержавный настрой русских — это на сегодняшний день больше миф, чем реальность. Но он имеет исторический шлейф и потому влияет на отношения людей как разграничивающий фактор.

Пожалуй, в недоверии правительству федерального центра единодушие между этническими общинами было в 1990-е гг. больше всего. Между областями и республиками есть различия в этом отношении, но различия эти главным образом в том, что в областях недоверие к центральному правительству ещё больше (доверяли российскому правительству 22-25% по этническим общинам в республиках и 10-17% в областях).

Подведём некоторые итоги.

Материалы исследования показывают, что российское общество сильно сегментировано. Реализация предыдущего¹⁰ и данного Проекта позволила выявить значимость региональных социально-политических различий в этнокультурном аспекте.

Своеобразие сегодняшней России — в изменениях в каждом сегменте и наложении их друг на друга. Республики, также как и области, отличаются по своему инновационному потенциалу (массовости слоев, заинтересованных в реформах, готовности к либеральной трансформации общества, политическим симпатиям и антипатиям и т.д.).

Мы не имели возможности проанализировать ситуацию во всех республиках и областях, но выделили те из них, которые (исключая зону Северного Кавказа) являются достаточно сложными для взаимодействия с Центром и в известной мере более важными для прогнозирования федеративных отношений. Сравнивали мы их с областями, схожими по ресурсам.

Ориентации на рыночные отношения, трансформацию в экономике не разделяют ни народы, живущие в республиках, ни республики и области. В установках на собственные силы, умение зарабатывать деньги, развитие рыночных отношений, готовности уйти от уравнилельных оценок труда в республиках и областях позиции людей больше сходные, чем различающиеся. **Вывод об этноконфликтных республиках как зонах задерживающейся трансформации должен быть откорректирован.**

Выводы С.Хантингтона о конфликте цивилизаций, о культурных различиях, кардинальным образом влияющих на трансформационные процессы, не нашли подтверждения на нашем материале.

Для населения республик и областей, особенно для русских в республиках, характерен диссонанс между глубинными по-

---

¹⁰ Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализмов в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996.

литическими ориентациями на формирование гражданского общества и их электоральным поведением в отношении основных политических сил.

Примерно 20% русских голосовали за коммунистов и ЛДПР, разочаровавшись в демократах или ожидая от «перехода к демократии» ухудшения своего положения в республиках, но значительно большая часть их поддерживала «свободу средств массовой информации» (38–53%), многопартийность (30–44%), расширение связей с Западом (38–59%).

Основной политический вопрос, который разделяет русских и титульные национальности в республиках, — **это вопрос об их участии во власти на местах.** Для русских не характерны активные протестные акции и движения. И одной из важных причин этого факта, выявленных в данном исследовании, является преимущественный интерес русских в политической сфере к борьбе основных политических сил на российской арене — коммунистов и сторонников трансформации, а также сходство в основных политических интересах с титульными национальностями. Это сходство имеет стратегическое значение, в то время как «границы» интересов в социально-политической сфере чаще всего ситуативны.

Существенные культурные маркеры, актуальные в современных условиях и связанные с различающимися социально-политическими интересами, также ситуативны. Важнейшим из таких маркеров в республиках сейчас является язык. Знание или незнание языка титульной национальности открывает или закрывает дорогу к престижным командным должностям, доступ к власти, так же как знание русского языка для титульных национальностей по-прежнему является условием получения многих специальностей и высшего образования.

Язык — фактор длительного значения в межэтнических отношениях, но вариации в значимости его, несомненно, ситуативны. В Татарстане, в северокавказских республиках он играет большую роль и в социальной жизни, и в межнациональных отношениях, в Саха (Якутии) или других республиках с преобла-

дающим русскоязычным населением — меньшую. Русские в республиках меньше рассчитывают на поддержку государства, на свою способность заработать (хотя инновационный потенциал у них по ряду показателей выше, чем у титульных национальностей), у них везде меньше уверенности в завтрашнем дне.

В социально-экономических и политических ориентациях населения довольно чётко прослеживается регионализм. У титульной национальности Татарстана велико сходство с русскими Оренбуржья, а Саха (Якутии) — с населением Магаданской области.

Таблица 1.

Оценка политических изменений в России за последние годы

Характер изменений		Татарстан		Оренбург		Саха (Якутия)		Магадан
		Татары	Русские	Русские	Татары	Саха	Русские	Русские
Свобода СМИ	пошли на пользу	40	38	42	19	53	20	53
	повредили	18	23	22	22	16	12	8
	и то и другое	24	23	20	30	15	3	28
	ни то ни другое	7	6	30	15	10	3	4
	н/з	10	10	8,4	-	5	1	-
Многопартийные выборы	пошли на пользу	27	30	30	22	52	43	44
	повредили	31	29	34	15	27	29	12
	и то и другое	20	15	7	30	3	13	22
	ни то ни другое	7	9	5	11	9	6	7
	н/з	14	16	19	18	9	7	-
Расширение отношений с западом	пошли на пользу	35	38	43	30	97	59	47
	повредили	17	20	20	19	9	11	16
	и то и другое	24	19	11	26	8	14	24
	ни то ни другое	7	5	2	нет	5	6	3
	н/з	16	18	-	23	10	10	-
Дела в России идут в правильном направлении	в правильном	9	9	8	4	22	19	6
	в неправильном	32	37	47	33	42	41	27
	в чем-то в правильном, в чем-то в неправильном	43	42	29	48	19	29	56
	н/з	-	-	14	14	-	-	9

У саха и русских в Саха (Якутии) и Магаданской области благоприятнее установки и на экономические преобразования и в отношении политических свобод (см. табл. 1).

Возможно, демократизация пойдёт с востока Сибири на запад. Здесь всегда селилось более свободное население. И сейчас этот регион дальше от Центра, вынужден больше рассчитывать на свои собственные силы. Борьба за выживание стимулирует инициативу, свободолюбивые силы. Но возможно и другое объяснение: сюда не дошёл тот уровень разочарования, который переживает население Центра и ближайших к нему регионов.

Установки на трансформацию нередко гасились ошибочными действиями Центра. Особенно это очевидно по материалам Магаданской области, поведению русских в республиках.

В регионах продолжало формироваться локальное самосознание. При большем уровне доверия к местной власти, чем общероссийской, этнорегиональное сознание выше, чем областническое (см. табл. 2). Таким образом, множественная идентичность людей — характерная черта трансформационного периода и для русских, и для титульных национальностей».

Таблица 2.

Российское и региональное сознание

Кем вы себя чувствуете в большей мере	Татарстан		Оренбург		Саха (Якутия)		Мага- дан
	Тата- ры	Рус- ские	Рус- ские	Тата- ры	Саха	Рус- ские	Рус- ские
Только татарстанцем, якутянином, оренбуржцем, магаданцем	36,8	7	16	11	26,8	3,6	19
Только россиянином	2,2	12,1	6	11	1,1	31,8	9
Тем и другим, но больше тат., якут., оренб., маг.	38,9	19,0	16	26	52,9	10,9	24
И тем и другим, но больше россиянином	2,2	25,8	6	7	0,7	27,2	7
И тем и другим в равной мере	18,4	34,5	46	44	18,6	24,1	29
Ни тем, ни другим	0,4	0,7	2	нет	нет	6,1	5
н/з	-	2	-	-	-	-	-

Очевидно, что в республиках и областях наблюдаются сходные «защитные» и антизападные настроения, потребность в наведении порядка. В какой-то мере, возможно, в этом проявляется интегрированность российского пространства.

При длительном недоверии к центральной власти, неуверенности в завтрашнем дне, разочаровании в демократах «у власти» ожидать высокой готовности к новому витку либеральных реформ не приходится.

На протяжении всей работы над Проектом мы стремились насколько возможно глубоко изучить, что во взаимодействии народов, людей разной национальности разграничивает, дистанцирует их друг от друга и что может объединять. Изучали не для того, чтобы обрисовать их отличительность, а с тем, чтобы найти пути снятия жесткой этнизации социальных отношений.

Только располагая достаточно достоверным эмпирическим материалом, можно, на наш взгляд, выбирать модели этнической политики, которые ученые предлагают на суд общечеловечности.

Еще 10-15 лет назад выбор и оценка эффективности национальной политики делались нашими учеными только на основе отечественного опыта, ибо опыт других стран обычно брался для сопоставления в плане демонстрации наших преимуществ.

Сейчас наши сопоставления стали широкими. Мы знаем, что с трудностями в межэтнических взаимодействиях сталкиваются практически все полиэтнические государства. Представление о том, что переход к демократизации сам снимает этнонациональные проблемы не оправдалось не только в России. Разные страны с давней демократией не демонстрируют безболезненных примеров их решения и меняют принципы управления ими. США еще в 60-е годы отказались от политики «плавильного котла» (melting pot) и стали именовать свою идеологию салатом (salad bowl). В салате, как известно, при общей консистенции сохраняется вкус каждого ингредиента. А в 1998 г., когда обсуждались итоги нашего Проекта в Стенфордском университете, мы слышали от наших коллег — американских ант-

ропологов, что в дискурсе этническую политику в США они называют винегретом.

Канада демонстрирует относительно высокую готовность населения к толерантности в межэтническом общении на личностном уровне. Канадские ученые на обсуждении проблем федерализма в Принстонском университете в 1996 г. приводили данные — 90% канадцев высказываются за равные возможности людей независимо от этничности и цвета кожи и проявляют сдвоенную идентичность — гражданскую (канадец) и этническую. И тем не менее мы знаем, что мультикультурная политика, которая в начале 70-х годов была официально объявлена в этом государстве, от индивидуального уровня ее реализации перешла к групповому и институциональному, хотя такая трансформация тоже рождала новые проблемы.

Свою модель культурного плюрализма, соединенного с кантональным принципом государственного устройства, имеет Швейцария. И примеры таких моделей можно было бы еще дополнять. Нам важно, что нет единых принципов, обеспечивающих и в демократических обществах решение этнонациональных проблем, они разные и к тому же меняются в пределах каждого государства в зависимости от конкретной ситуации.

Российская Федерация тоже сейчас ищет свои подходы к формированию эффективной модели межэтнических взаимодействий.

Принятая Государственная Концепция национальной политики исходит из принципа культурного плюрализма и федерализма как способа решения этнонациональных проблем. Но, как известно, среди политиков в Центре, да и в регионах, немало ориентированных не на этнически плюральное общество, а на доминирование культурно-однородного русско-православного государства.

Не забыто еще и недавнее советское прошлое, когда однородность выстраивалась на идеологической основе.

Поиски путей наиболее безболезненных решений могут быть эффективными только на основе дискуссий, участники

которых опираются на знание реальной ситуации в субъектах федерации.

Эмпирический материал подтверждает, что не этнокультурные различия народов, так же как и людей разной национальной принадлежности, сами по себе составляют этническую границу между ними. Межкультурные различия и этническая граница имеют разное смысловое наполнение. «Граница» формируется в самосознании этнической общности, людей ее составляющих. Она по-разному может быть представлена на идеологическом уровне этнической элитой и в массовом сознании. Прекрасно иллюстрирует подобную рассогласованность пример русских в республиках России. Лидеры русских объединений декларируют защитную идеологию русской культуры в условиях стремления к этническому доминированию титульных национальностей. Но в массовом общественном мнении у русских приоритетными ценностями сейчас являются: экономическое реформирование, обеспечивающее развитие народа, экологическая безопасность и участие во власти. Эти данные являются устойчивыми. Они зафиксированы опросами в 1994 г. и 1997 г. и в республиках, и в областях (1997).

Полученные материалы также достаточно убедительно свидетельствуют, что маркерами этнических границ могут выступать *не только этнокультурные различители*. В уже приведенном примере мы видим, что доминирующее представление о потребностях народа у русских оказались вне культурной сферы. Между тем у татар и у якутов, живущих рядом с ними в республиках, первоочередные потребности для народа фокусируются вокруг сохранения и развития языка и культуры. И это разное видение интересов и потребностей создает дистанцию между этническими группами.

В Туве, при всех декларируемых элитой потребностях в суверенизации, возрождении этнических традиций в культуре, реально дистанцирует тувинцев и русских представление об их социальном положении. Особенно высокий уровень безработицы среди тувинцев создает у них представление о том, что при всех

трудностях, характерных для всего населения республики, русские устроены лучше, и это дистанцирует этнические группы.

Более жесткими границами являются представления о ценности суверенитета республик, которые разделяет большинство людей титульных национальностей и в среднем около трети живущих там русских.

Признание того, что этнические границы формируются не только этнокультурными маркерами, открывает новые возможности для понимания, почему в большинстве этнически плюральных обществ межнациональные отношения не сводятся к поиску «чужаков», а строятся на основе заинтересованного взаимодействия. Так происходит не только потому, что люди разной этнической принадлежности бывают объединены на основе других идентичностей — социально-профессиональных, гендерных и т. д., но и потому, что в их ценностях и осознаваемых потребностях есть не только разграничивающее, но и объединяющее.

Судя по материалам, полученным в ходе массовых опросов и экспертных интервью, такими объединяющими ценностями, которые воспринимаются как лично значимые, выступают экологическая безопасность, проведение эффективных экономических реформ, борьба с преступностью.

Существенная зона согласия есть, как мы видели, в политических и социальных ориентациях этнических групп. Как сама этническая граница не есть что-то раз данное и неподвижное, так и зона «прозрачных границ» и зоны согласий меняются.

Четко проявляется в ходе анализа материала растущая регионализация. В установках и ориентациях населения по базовым индикаторам развития: отношению к рыночной экономике, ориентации на собственные силы, отношению к многопартийности, свободе средств массовой информации, а также в политических симпатиях и антипатиях у основных контактирующих этнических групп в республиках и населения соседних областей сходные позиции.

Регионализация страны может быть рассмотрена в разных аспектах и неоднозначно оценена. Но в плане обсуждаемых про-

блем она означает увеличение идентичностей и нейтрализацию этничности.

И, что совершенно очевидно, нарастающее дистанцирование областей и регионов от Центра снимает исключительную обвинительность республик в сепаратизме, а значит, снижает уровень границ между республиками и областями, между их жителями разной национальности.

КУЛЬТУРНЫЕ МАРКЕРЫ ЭТНИЧЕСКИХ ГРАНИЦ

Теперь о маркерах этнических границ, которые связаны с этнокультурными характеристиками этнических общностей. Как показывает опыт национальных движений, язык чаще всего становится опорой для этнической мобилизации. Это понятно, ибо язык был и остается для людей большинства национальностей основным идентификатором их этнической принадлежности. Наши исследования в 1994, 1995 и 1997 гг. подтвердили эту закономерность. Фактором этнической границы язык становится не только потому, что является средством этнической мобилизации, но и потому, что стал той этнической характеристикой, которой сейчас в республиках придается социальное значение. Владение как русским, так и языком титульной национальности открывает большие возможности для социального продвижения, занятия престижных позиций.

Как показано в главе III, значимость языка как этнической границы различается при том, что интенсивность мобилизации вокруг него снижается везде. Прослеживается та же закономерность, что и в отношении трансформационных ценностей. На востоке — в Республике Саха (Якутии) граница по языковому принципу выстраивается политической элитой достаточно жестко, но реальная практика общения более либеральна. Саха не потеряли потребности в изучении русского языка, есть симптомы повышения ориентации на него в связи с необходимостью образования в вузах и средних специальных учебных заведе-

ниях. А русские не ощущают сильных препятствий в социальном продвижении именно на языковой основе.

В Татарстане, Туве языковая граница для русских остается осознаваемой и ощущаемой чаще. В этих республиках мера жесткости данной «границы» больше определяется руководством республик. Из последних фактов обращает на себя внимание решение Правительства Татарстана о снятии 15% надбавки за знание языка, сокращение числа факультетов в вузах, где прием студентов идет на татарском языке. В то же время в идеологемах этнической элиты язык по-прежнему остается средством, мобилизующим внутреннюю солидарность.

Религия — тот фактор, которому в последнее время учеными и политиками все чаще придается дистанцирующее значение. Материалы исследований показывают, что реально в республиках и областях идут два далеко не синхронных процесса. Идеологи суверенитета в республиках и лидеры национальных общин в областях рассматривают религию как «запасник» этнической мобилизации. В Татарстане, например, идеологи во властных структурах упорно препятствуют распространению фундаментализма в исламе, «очищают» религиозные настроения, формируя джадидистскую концепцию ислама и предпочитают осторожно педалировать этот рычаг этнической солидаризации.

В Саха (Якутии), как и в ряде других республик Российской Федерации — Удмуртии, Марий Эл — активизируется интерес к дохристианским верованиям (шаманизм, вера в духов). Интервью с экспертами и наблюдения дают основания полагать, что в этом находят отражение попытки дистанцироваться от православия, укрепить этнокультурную отличительность. Нельзя сказать, что такие усилия уже увенчались успехом. Среди идеологов идут дискуссии, а религиозность населения в Саха (Якутии) ниже, чем в Татарстане, Северной Осетии-Алании. Но в целом, конечно, в идеологии религия используется как инструмент солидаризации.

В то же время очевидно и другое — в массовом сознании религия является этническим идентификатором не первосте-

пенной значимости (среди того, что объединяет, «роднит» со своим народом, религия идет на 4-5-м месте). Людей разных национальностей она дистанцирует главным образом в бытовой сфере, накладывая отпечаток и внося различия в образ жизни, стиль поведения.

Более высокую значимость в ориентациях религия приобретает в условиях растущих страхов, опасений, жизненных невзгод. Исходя из полученных в ходе опросов данных, это наиболее заметно проявляется в Северной Осетии-Алании, где более высокую религиозность и осетин, и русских можно понять именно в таком контексте.

И наконец, область, где этническая граница реально ощущается и переживается людьми, — это психологическая сфера. На нее проецируются дистанции из всех социально значимых ситуаций в жизни людей. Именно в этой сфере этничность выступает как компенсирующий механизм, проявляет себя в защитной функции, восполняет потребность в групповой принадлежности, когда другие идентичности неустойчивы, ненадежны или просто теряются. В ней переживаются все старые и недавние обиды, воспринимается статус своей группы и «других», проявляется стремление к позитивной идентичности, происходит избирательность получаемой информации, появляются оценки удовлетворенности-неудовлетворенности интересов, потребностей, переносится ответственность на иные группы, идет поиск врагов, «козлов отпущения», возникают негативные проекции.

Некоторые психологи считают, что граница создается типами психологических реакций и потребностей, и ищут особенности «коллективистских» и «индивидуалистических» культур, их совместимость и несовместимость. Это задача специальных исследований.

Для общей оценки ситуации во второй половине 1990-х гг. с точки зрения выработки политики в межэтнических отношениях следует прежде всего обратить внимание на усиление чувства этнической солидарности у русских. Индикатор солидарности — согласие с позицией «Я никогда не забываю, что я —

русский человек» в опросах 1994 и 1995 гг. у русских всегда был невысоким, характерным примерно для одной пятой части населения.

По данным опроса 1997 г., 39% русских (в городах) Татарстана и Саха (Якутии) присоединились к этой позиции, а в Оренбурге и Магадане она была выбрана 44% русских. Эти показатели приближаются к тем, что были характерны для татарского населения в период остроты этнополитического конфликта (1994).

Выросла готовность к защитным действиям, даже экстремального характера. Четверть русских в республиках (а в Оренбурге и Магадане 27-29%) считают, что «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа». В 1994 г. такие установки имели место менее чем у 10% русских.

Таким образом, мобилизационная солидарность русских растет, но для них характерна низкая степень самоорганизации. Это может затруднять диалоговый режим межэтнического взаимодействия. В условиях экономических трудностей и политической нестабильности негативные этнические проекции будут возрастать, а уровень толерантности снижаться. Психологические поиски границы могут увеличиваться, они способны усилить значения этнических границ в других сферах.

Что можно противопоставить таким тенденциям?

Государство на федеральном уровне и уровне субъектов Федерации обязано не допускать социальной дискриминации на этнической основе, обеспечить правовые гарантии равенства возможностей в трудовой и политической сфере для людей независимо от национальности.

За исключением малочисленных народов не должно быть льгот по национальному принципу, а поддерживающую политику следует адресовать живущим в более трудных условиях. При этом ориентация на социальные права будет снимать этнические несправедливости, не акцентируя сами этнические различия.

Результаты дает поддержка экономической деятельности не по принципу «свой — не свой», патрон-клиент, а по принципу экономической эффективности.

В непосредственно этнической сфере гражданину в любой республике и области важно предоставить права и возможности для реализации этнокультурных потребностей, что в целом-то предусмотрено и Государственной Концепцией национальной политики и Законом о национально-культурной автономии. Ожидания государственной поддержки культуры у титульных народов, а теперь и у русских, очень велики и оцениваются как плата за избирательное нивелирование в прошлом. Но средства ограничены, и соревновательность за их получение тоже возбуждает конкуренцию. Справедливым в такой ситуации будет, если государство поддержит инициативы, проявившие себя на основе соревнования.

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНО-ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБЩЕСТВА

ЭТНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Глобализация, в которую, как и весь мир, включается Россия, не исключает социального, экономического и культурного своеобразия ее регионов и народов, ее населяющих. Не случайно мы все чаще, определяя вариативность этого общего явления, называем происходящие процессы «глокализацией».

Среди ученых и политиков не прекращаются споры о том, какой путь оптимален — забыть об этничности, как можно реже упоминать о ней («этничность — персональное дело каждого»), обеспечить экономическое благополучие населения (и тогда напряженность уйдет из этой сферы сама собой) или, наоборот, продемонстрировать, что государство помнит о полиэтническом составе своих граждан и стремится гарантировать их интересы согласно законодательно закрепленным нормам. Исторический опыт государств и народов многообразен, и наиболее надежный выбор можно сделать на основе знания социальных практик в самой стране.

Ради получения такого знания и работают социологи.

Во имя стабильности страны, предупреждения конфликтов и межэтнического противостояния важно своевременно выявлять ситуации возможных напряжений, связанных с тем, что характерные для современного мира ситуации конкуренции за рабочие места, участие во власти, а также угрозы личной безопасности и потери культурной самобытности воспринимаются как намеренная дискриминация тех или иных этнических групп.

Не будем скрывать и того, что внутренняя солидарность, присущая отдельным этническим группам, а также сохраняющаяся (вопреки теоретическим ожиданиям) устойчивая этническая идентичность, этнические чувства порой воспринимают-

ся как нежелательное явление, а культурное разнообразие — как препятствие социальным инновациям.

Насколько оправданны представления об этнической дискриминации и об этнокультурных препятствиях на пути трансформационных процессов в России? Почему ситуации отбора на рынке труда, неизбежные в условиях социально-экономической конкуренции, воспринимаются в общественном сознании как проявления неравенства и каковы реальные различия в распределении богатства, престижа, власти в этнических группах? Насколько влияет этничность на положение людей в стратификационной иерархии современного российского общества? Попробовать ответить на эти вопросы и было задачей проекта «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации» (далее «СН»).

Проект «СН» — третий, который осуществил авторский коллектив под моим руководством в 1999–2001 гг.¹

В ходе работы над проектами мы имели возможность наблюдать на основе анализа данных репрезентативных опросов населения и материалов глубинных интервью с экспертами, как на протяжении 90-х гг. интересы этнических общностей смещались из сферы поначалу символической, культурной и психологической (принятие Декларации о суверенитете, провозглашения языков народов, дающих название республикам, государственным, сохранение ценностей культуры, групповой идентичности) в сферу государственно-политическую, а затем

---

¹ По результатам проектов опубликованы книги: Ценности и символы этнического самосознания. М., 1994; Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1995; Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации 90-х годов; Суверенитет и этническое самосознание. М., 1995; Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996; Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой. М., 1996; Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. М., 1998; Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., 1998; Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М., 1999.

и социально-экономическую. Т.е. интересы оказались напрямую связаны как с собственностью, доходом, престижем, так и с властным, интеллектуальным ресурсом групп.

Проблема адекватности, справедливости выстраивающихся социальных иерархий, в том числе этнической, клановой, территориальной и т.д., новой социальной стратификации в целом становится одной из центральных в современном российском обществе.

Значимость конкретного анализа проблем, связанных с изменением классов, слоев, социальных общностей, с субъективным истолкованием этих изменений различными, в том числе этническими, группами определяется многими обстоятельствами и, прежде всего, тем, что современная социальная стратификация не стабилизировалась, а основные тенденции трансформации социальной структуры до сих пор вели к углублению конфликтности по поводу воспринимаемого социального неравенства.

Вокруг принципов и границ социальной дифференциации идут научные и политические дискуссии. Применительно к национальностям они приобретают дополнительную остроту. Если границы между социальными слоями оказываются особенно подвижными и неустойчивыми в переходном обществе, то этнические границы в этот период, напротив, становятся более рельефными, обращающими на себя внимание.

В Западной Европе, с казалось бы более устойчивыми социальными делениями, социологами, подчеркивающими значимость этничности в социальной стратификации, в 70-е гг. XX столетия было введено понятие «новой этничности», которое связывалось с групповым социально-политическим поведением и выстраиванием этими группами границ, преследующих цели признания их интересов другими группами². Одни иссле-

---

² Thompson R.H. *Theories of Ethnicity. A Critical Appraisal*. N.Y.: Greenwood Press, 1989. P. 91; Bonacich E.A. *Theory of Ethnic Antagonism: The Split Labor Market // Social Stratification, Class, Race and Gender in Sociological Perspective / Ed. by D.B. Grusky*. Boulder; San-Francisco; Oxford: Westview Press, 1994. P. 474-486.

дователи связывали это явление с притоком новой эмиграции, другие — с утратой прежней силы коллективного действия в идентичности рабочего класса, которая «замещалась» этнической идентичностью³. Н. Глэзер и Д. Мониэн писали о снижении значимости отношений собственности как главного классовообразующего фактора, в то время как этничность признавали более фундаментальным источником стратификации⁴.

Наложение социально-дифференцированных полей на этнические дает разнообразный спектр перспектив стабилизации в полиэтнической стране. Интеграция, не только социальная, но и межэтническая, во многом зависит от той модели социальной структуры, системы социальных отношений между стратами, которая будет утверждаться в обществе, и от представлений людей о складывающихся отношениях.

Естественно, межгрупповая интеграция в обществе возможна на основе общих или сходных интересов, ценностей, норм поведенческой культуры.

Целью нашего исследования было установить, какую роль играет этничность в формировании представлений о социальном неравенстве и как социальная дифференциация этнических групп влияет на интеграцию в современном российском обществе.

Предметом анализа было реальное или воспринимаемое людьми социальное неравенство этнических групп. Это несколько иной ракурс исследования в сравнении с изучением социальной стратификации народов, этнических групп, которое велось в отечественной этносоциологии прежде.

Особенностью этносоциологии после ее утверждения в нашей стране в 60–70-е гг. было как раз особое *внимание к изучению социальной структуры этнических общностей* (прежде

---

³ Bell D. *Ethnicity and Social Changes* // *Ethnicity. Theory and Experience* / Ed. with introd. by N. Glazer, D.P. Moynihan. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1975. P. 171.

⁴ Glazer N., Moynihan D.P. *Introduction* // *Ethnicity. Theory and Experience*... P. 17.

всего, наций союзных республик), но акцент делался на сравнительном анализе народов с точки зрения их развития.

Связано это было не только с субъективным фактором — этой темой как пионеры начали заниматься крупные специалисты, *изучавшие именно социальную структуру*, — Ю.В. Арутюнян, О.И. Шкаратан⁵.

Для них этнические группы были одним из полей стратификации. Собственно, и все другие характеристики — семейные, этнокультурные, социально-психологические выступали для них, условно говоря, вспомогательными, дающими возможность более разносторонне охарактеризовать социальный состав и мобильность в полиэтническом обществе.

Но была и другая, объективная причина того, почему изучение социальной структуры народов занимало центральное место в этносоциологии. Это — сам характер полиэтничности, многокультурности в СССР и сейчас в России.

В США, Канаде, Англии, где изучались социальные проблемы этничности, они существовали главным образом в связи с взаимодействием групп мигрантов или с группами мигрантов. Для США основной социальной проблемой были взаимоотношения не между аборигенным населением и колонистами из Европы, а между отдельными группами колонистов. Поляки, греки, итальянцы — белое неанглосаксонское население — боролись здесь за свои права с теми, кто называл себя WASP. Во Франции, Германии проблемы регулирования межгрупповых этнических отношений с 60-70-х гг. XX в. тоже преимущественно вставали в связи с мигрантами. Для социологии межэтнических отношений (это было главным предметом изучения в этнической сфере на Западе) положение этнических групп в социальной иерархии общества было одним из факторов, определяющих характер этих отношений. Естественно, фокусом изучения было место той или иной группы на социальной лестнице в обществе.

---

⁵ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971; Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса. М., 1970.

Поскольку для многих групп место в иерархии могло закрепляться на протяжении жизни не одного поколения, это накладывало отпечаток на их поведенческие нормы и жизненные ориентации, давая основания для формирования в общественном мнении представлений об их «габитусе», как бы обуславливавшим этническое разделение труда.

В традиции либерального, гуманистического направления социологии и социальной антропологии в этих странах было внимание к проблемам неравенства, в том числе этнического.

Таким образом, фокусом изучения для индустриально развитых обществ было место этнических групп в социальной иерархии.

В России, так же как раньше в Советском Союзе, этническое «небольшинство» — это прежде всего народы, живущие преимущественно на своей территории (даже если речь идет о разных этнических группах, проживающих на одной и той же территории) — так сложилось наше государство как полиэтническое.

В Советском Союзе нерусские составляли практически половину населения страны. И это, естественно, стало неким объективным основанием для того, чтобы изучение фокусировалось на адекватности социальных структур самих народов социальной структуре общества в целом, а не на месте меньшинств в структуре общества, и прежде всего, конечно, внимание уделялось наиболее крупным народам и имеющим свою государственность, пусть скорее символическую, чем реальную. Хотя, разумеется, само сравнительное сопоставление давало повод для дискуссий о равенстве.

Конечно, имела значение и идеологическая заданность. В идеологическом дискурсе государство и партия декларировали тогда идею сближения народов, выравнивания уровня их экономического и культурного развития.

Что сделали этносоциологи, «войдя» в национальную проблематику?

1. Они, насколько возможно, адекватно показали степень «сближения».

2. Дали трактовку «сближения наций» как процесса увеличения сходства в их социальной структуре и появления общих норм и ценностей. В то время как в официальной трактовке сближение понималось чаще как «дружба народов».

3. Этносоциологи на основе анализа конкретного материала (наиболее очевидно это было продемонстрировано на примере взаимодействия русских и эстонцев в Эстонии) показали, что сходство в социальных параметрах контактирующих общностей, особенно движение к такому сходству, совсем не всегда ведет к улучшению межэтнических отношений, ибо «возникает конкурентная ситуация между ними и она не может не быть напряженной»⁶.

В современной России мы живем в других условиях. Появились новые сферы деятельности, социальные слои, формирующиеся классы. Усилилась социальная поляризация. Существенно обострилась социальная конкуренция, особенно в больших городах. Люди знают, что если они смогут хорошо зарабатывать, то будут иметь комфортное жилье, машины, т.е. потребительские блага видеть не в кино, а пользоваться ими.

Социальные позиции, которые занимают люди разных национальностей, приобретают в этих условиях совсем иное звучание.

И в то же время в социальной политике нового государства этнический принцип не присутствует. Произошло это не только потому, что Россия стала этнически более однородным государством, а этнические проблемы стали часто восприниматься обществом как проблемы взаимоотношений с мигрантами, но и потому, что в общественном мнении утвердилось представление, что политика социальной поддержки, так называемого патернализма, не дала эффекта сохранения Союза и предотвращения насильственных конфликтов.

В новой России этнонациональная политика, судя по принятым документам — законам «О национальной культурной ав-

---

⁶ Социально-культурный облик советских наций /Отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. М., 1986. С. 378, 432; Русские. Этносоциологические очерки / Отв. ред. и авт. программы Ю.В. Арутюнян. М., 1992. С. 120, 135.

тономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др., — и по действиям администрации В.В. Путина, скорее всего будет определяться как политика мультикультурализма. Она предполагает концентрацию внимания не на развитии народов, не на рефлексии этих процессов, а на идеологии интеграции полиэтнического общества, стратегии стабильности, политического и культурного равноправия и согласия, что характерно для многих других индустриальных стран⁷.

Политика мультикультурализма, безусловно, смягчает межэтнические отношения, в основном применительно к дисперсно расселенным группам, но, как показывает исторический опыт, не решает всех проблем. Так, перемещение центра внимания на культурные аспекты, опробованное в Канаде (не две нации, а две категории граждан, отличных по языку) в чем-то либерализировало взаимодействие этнических групп, но не сняло противоречий между франкоканадцами и англоканадцами.

В социальной политике, если таковая проводится в странах, принявших модель мультикультурализма, задачей является защита обездоленных, главным образом не адаптировавшихся мигрантов. Но это не снимает конкуренции между другими этническими группами, особенно компактно проживающими, которые претендуют на участие в распределении материальных, сырьевых и властных ресурсов (пример басков и каталонцев в Испании, шотландцев и североирландцев в Англии).

Вхождение России в пространство государств с рыночной экономикой, новые акценты в этнонациональной политике нашего государства предопределяют изменения фокуса исследования социальных изменений в этнических группах. Главным становится изучение неравенства этнических групп.

---

⁷ Habermas J. *Vergangenheit als Zukunft: Das alte Deutschland im neuen Europa?* Ein Gespräch mit Michael Heller // H.M. Heller. Zurich, 1991. S. 29 u.a.; Петриковская А.С. Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. 1993. № 2.

Рассматривая проблему неравенства в этническом ракурсе, в проекте «СН» мы сделали попытку в данном исследовании соединить три направления изучения. *Первое связано с ответом локальных сообществ на вызовы глобализации.* Локальными сообществами в исследовании по проекту «СН» выступают этнические и региональные (республики и область). Собранная социологическая информация давала возможность ответить на вопрос, как экономический национализм, ищущий ответ на неотвратимость глобализации, в которую встраивалась вся страна, влиял на социальные позиции и в целом на соотношение статусов этнических групп в регионах, и в то же время, как социально-культурный потенциал этнических групп стимулировал или, наоборот, ограничивал этнические и локальные претензии.

Другой аспект, связанный с глобализацией, — модернизационный потенциал культур, возможность профессионализации групп до уровня, достаточного для освоения новых технологий; способность гибкого реагирования на процессы углубления или, наоборот, сглаживания традиционных (например, гендерных, возрастных) неравенств, обусловленных глобализацией.

Второе направление — как влияли общие трансформационные процессы в российском обществе на старые и новые этнические неравенства.

Один из известных исследователей современных социологических теорий Петр Штомпка назвал трансформационные процессы постсоветского периода травматическими. Травматизм связывается прежде всего с тем, что изменения происходили сразу во всех сферах жизни: экономике, политике, социальных отношениях, культуре. Достаточно вспомнить, какие понятия появились в науке и обществе для описания происходящих явлений — «шоковая терапия», «катастрофическое сознание», «аномия»⁸, чтобы понять сложность не только самой действительности, но и ее осмысления наукой.

---

⁸ Дезинтеграция нравственных ценностей, ценностных ориентаций, появление ценностного вакуума.

Выступая на XV Всемирном социологическом конгрессе (июль 2002 г., Австралия), Джеффри Александер, развивая идею «травмы», верно, на наш взгляд, обратил внимание на то, что важно различать травму общества и травму группы, а в каком-то варианте — «травму случая». Это может быть стечение обстоятельств для страны, социальной группы, народа, травма геополитическая, экономическая или культурная.

Легко вспомнить, как одно и то же событие — распад Союза — для России и русских было травмой, заключавшейся в потере прежнего статуса в геополитическом пространстве, но для большинства эстонцев или латышей это воспринималось не травматически. В то же время в Эстонии или Латвии для большинства русских данное событие было не только политической, но и социальной, психологической и культурной травмой. Они сразу почувствовали неравенство во всех сферах.

То же самое и в российском обществе. Многими русскими национальные движения в российских республиках — Татарстане, Туве, Саха (Якутии), в северокавказских республиках — воспринимались как продолжение сепаратизма в союзных республиках, как метастазы травмы распада Союза. Но в самих республиках большинством из среды титульных национальностей они воспринимались как возможность поднять свой статус, получить поддержку сохранения национального языка, престижа своей культуры. Трансформационные процессы как в политике — крах советского режима, допущение свободы слова, партий, передвижений, в экономических отношениях, так и в культуре — смену идеологии, культурный плюрализм — русские и нерусские народы в чем-то переживали схоже, но в чем-то и очень отлично. И именно сходство фоновых практик и отличие конкретных реакций четко проявились в результате исследований по проекту «СН».

Наконец, нашим третьим направлением изучения было влияние старых и новых этнических неравенств на процессы дифференциации и интеграции в российском обществе.

ФРАГМЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА КАК ВОЗМОЖНАЯ ОСНОВА ДЛЯ ИНТЕГРАЦИИ

Изучая конкретные проявления равенства-неравенства на индивидуальном и групповом уровне, необходимо обратиться к общемировому контексту, связанному с глобализацией. Глобализацией М. Уотерс называет «процесс, в котором географические ограничения, налагаемые на социально-культурные нормы (установления), отступают и в ходе которого люди все более осознают, что эти ограничения отступают»⁹.

Один из самых признанных авторов, анализирувавших эволюцию мировой системы, И. Уоллерстайн показал, что в современной мир-экономике как социальной системе фундаментальные процессы дифференциации затрагивают не только индивидов, корпорации, классы, но прежде всего государства¹⁰.

Основой дифференциации, которую описывает Уоллерстайн, является международное разделение труда — и именно с этой точки зрения мир является единым целым.

Российские исследователи обсуждают, к какому из трех типов государств — участников современной мир-экономики можно отнести современную Россию. По Уоллерстайну выделяются:

- «ядерные» высокоразвитые государства, занимающие господствующие позиции в мир-экономике, извлекающие максимальную выгоду из всемирного разделения труда, обладающие сильной и эффективной политической организацией;
- так называемые «периферийные» государства, являющиеся преимущественно сырьевой базой для мир-экономики, зависимые от высокоразвитых государств и, как

---

⁹ Waters M. Globalization. L.; Routledge. P. 3.

¹⁰ Идеи Уоллерстайна анализируются в работах И. Девятко «Понятие мир-системы и мирсистемный анализ современности» (История теоретической социологии СПб. 2000 Т. 4), В. Садовникова «Мирсистемный анализ: происхождение и основные идеи» (Философские перипетии. Вестник Харьковского государственного университета. Харьков, 1998 № 409).

- правило, со слабыми правительствами;
- условно говоря, «полупериферийные» государства, занимающие промежуточные позиции по степени зависимости в мировой системе от экономической поддержки высокоразвитых стран.

Но в самой громадной по территории России регионы оказываются балансирующими как в глобальной мир-системе, так и внутри страны, которая и объективно, и субъективно находится в положении далеком от определенности, где изменяется практически все. Узнаваемо-неузнаваемая актуальность, о которой пишут мыслители, характерна и для российского пространства¹¹.

В этом мире время «утрачивает прошлый гранднарративный смысл», но пространство, «напротив, становится чуть ли не единственной мерой сведения деятельности людей к некоему культурному знаменателю»¹².

Рассмотрение меняющейся природы времени и пространства привело, как пишет А. Согомонов, к формированию устойчивой метафазы «сжатия времени и пространства»¹³. Социальное время ускоряется, а социальное пространство фрагментируется. Глобальное и локальное становятся наиболее фундаментальными проявлениями современной социальности и знаковым процессом становится глокальность.

Как видел читатель, рассматривая в ряде глав неравенства и сходства этнических групп в конкретных условиях субъектов Федерации, городской и сельской местности, мы чаще всего могли фиксировать малосравнимые социальные практики на фоне единых процессов. Напомню только один фрагмент. По важному критерию модернизации — уровню образования (доле специалистов с высшим образованием) якуты в Саха (Якутии) в го-

---

¹¹ Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000; Согомонов А. Ю. Глокальность // Глобальность постсоветского общества. М., 2001.

¹² Согомонов А. Ю. Глокальность... С. 63.

¹³ Там же.

родских условиях уже более десятилетия «обгоняют» русских. Но у якутов большая часть народа живет не в городе, а в сельской местности, где включенность жителей, тем более в условиях высокой дисперсии по территории, в современные виды деятельности очень невысокая.

В Татарстане совсем иное. Здесь русские и татары по уровню образования были очень сходными и, что особенно важно, они мало отличались уже в конце 80-х гг. по отраслевой занятости работников, в том числе по доле производственной, художественно-творческой интеллигенции, в то время как в Саха (Якутии) или Башкортостане доли производственной интеллигенции у русских и титульных национальностей различались более чем в 4 раза¹⁴. Процесс шел общий — модернизации, но вариации его в количественных выражениях, а тем более в качественных характеристиках, чрезвычайно богаты.

Поэтому для российских условий очень важны выводы ученых, изучавших процессы глобализации, прежде всего о «глобализации», понимаемой как процесс адаптации глобальных хозяйственных практик к местным условиям и как понятие для описания реструктуризации социального пространства¹⁵.

Приведу рассуждение А.Ю. Согомонова, которое, на мой взгляд, адекватно и прогностически описывает это явление: «Территории (и даже группы и индивиды!) отныне отличаются друг от друга не только историко-хронологической «развитостью» или «отсталостью» по воображаемой модернизационной шкале, а своими неповторимыми рисунками того, как в них переплетаются включенность в глобальные потоки и следование местным культурным традициям, социальным устоям. По глобальному критерию разнятся страны, города, регионы, организации и отдель-

---

¹⁴ Конкретные данные см.: I разд., гл. 2.

¹⁵ Robertson R. Globalizations: Time-Space and Homogeneity — Heterogeneity // Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. L.: Sage, 1995, P. 28-29; Luke T. New World-Order and Neo-World Orders: Power, Politics and Ideology in Informationalizing Globalities Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. Global Modernities. L.: Sage, 1995, P. 91-107.

ные индивиды. Анализируя их, конечно же, можно говорить о неравномерности их развития по отношению друг к другу и неравнозначности их статусов, но *такое сравнение сегодня уже не образует символического капитала и вряд ли может использоваться солидаристически* — в политическом ли смысле, или при формировании новых идеологий развития.

Идентичность места сегодня, скорее, детерминирована глобально, то есть структурирована пространственно, нежели предопределена логикой символического времени»¹⁶.

Время настоящее и прошлое, давнее и недавнее, по-разному воспринимается социальными акторами и целыми группами в процессе самоидентификации. Из глубинных интервью с людьми одной и той же национальности и даже близкого статуса видно, что одни в традициях культуры, подчас даже архаических, видят способ защитить общество от стандартизированной массовой культуры, нравственного опустошения и поддержать деятельность работников. Другие считают, что как можно быстрее надо уйти от прошлого, оно сковывает, сдерживает. Из интервью директора Департамента по реализации в правительстве Саха (Якутии) Егора Павловича Журкова: «Как жить? Может быть две крайности... Свести все к самодостаточности, сохранить нетронутой самобытность народа. Второй путь — путь открытого миросуществования, вписывания в новые отношения. Этот путь, как мне кажется, больше отвечает новому времени. И мы видим мир перед собой, и мы оказываемся вписанными в мировые процессы... В комитетах (имеются в виду комитеты правительства республики), особенно по бюджетной системе, мы видим, как отражаются эти споры».

Из интервью Николая Алексеевича Лутинова, директора Литературного музея (г. Якутск) (он рассуждает о том, что время сейчас иное, как раньше, жить нельзя, но что-то в прошлом было рациональным): «В жизни каждого народа есть та сфера производства, которая составляет исконное занятие народа. И подрыв

---

¹⁶ Согомонов А.Ю. Глокальность...

этой сферы деятельности подрезает все национальные корни. И после этого происходят необратимые процессы... Чтобы менять внутренний склад жизни, нужно время. Нельзя сказать, что народ сломался, он, наверное, при новых условиях жизни становится другим... У нас есть глубоко порочный подход ко всему — единообразный. Пытаются сравнивать многомиллионные города и Якутию, а она вся — это миллион с небольшим жителей... Народы осваивают такую громадную территорию, на них держатся редчайшие сферы деятельности... Эти люди даже фактом своего существования, обитая на громадных территориях, несут дополнительную положительную силу».

Понятие исторического времени для сравнения и понимания своего места в настоящем меняется, и осмысление этого людьми имеет существенное значение для представлений о равенстве-неравенстве народов, этнических групп.

В нашей интерпретации результатов исследования, мы теперь не используем понятий «выравнивание уровней развития», «догоняют», «опережают». Мы говорим о своеобразии этнических групп, их позиций, статусов, о явлениях, формирующих представления о равенстве-неравенстве.

В концепциях глобализации есть, конечно, и другой подход, который нельзя не учитывать. Он более прагматический и связан с распространением новых технологий в глобальной экономике в век информационного общества. Речь идет о культурных особенностях того сообщества, которое лидирует в освоении новых технологий и, как следствие этого, фрагментирует экономическое и социальное пространство. Это особенно интересует экономическую социологию. В. Радаев пишет о неодинаковой адаптации этнических групп к одним и тем же условиям труда, обращаясь к примеру выходцев с мусульманского Востока, которым труднее приспособляться к жесткому ритму промышленного конвейерного производства. Но зато многие из них при первой возможности стремятся завести свое маленькое дело (торговое, ремесленное). Он пишет, что «очень трудно, порой, пожалуй, даже невозможно резко порвать с традиционными занятиями, с выра-

ботанными трудовыми обычаями и ритмами»¹⁷, и приводит цитату из Р. Миллера: «Иммигранты приносят с собой различное понимание труда и того, что является подходящей и желаемой работой; разные трудовые мотивы и ценности; разные ориентации по отношению ко времени, к оценке будущего, к уровню производительности; целостную систему значений и трудовых диспозиций — т.е. совершенно различную культуру труда»¹⁸.

В мировой литературе выделяют направления исследований, дающих основание судить о готовности работников разных культур к современным видам производств. Одно из них акцентировано на изучение процессов модернизации в разных культурах. Как известно, наиболее масштабным в этом направлении был проект американского социолога А. Инкелеса, в котором сравнивались изменения в социальной сфере, культуре, психологии населения в странах Европы, Азии, Америки, Африки и были выделены характерные черты современного и традиционного типа¹⁹.

Другое направление больше связано с изучением социально-психологических черт работников в разных культурах с целью облегчения взаимодействий при передаче управленческой и производственной культуры. Наиболее известными крупными исследованиями в этом направлении были работы Дж. Хофстеда²⁰.

---

¹⁷ Радаев В. Сектора хозяйства // Российский экономический журнал. 1995. № 4, С. 86-87.

¹⁸ Miller R. K., Jr. Patterns of Employment Difficulty among European Immigrant Workers during the Great Depression: Local Opportunity and Cultural Heritage // Ed. by Berg I. Sociological Perspectives on Labor Markets. N. Y.: Academic Press, 1981 P. 298.

¹⁹ Inkeles A., Smith D.M. Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries. 3rd ed. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1982; Inkeles A. National Differences in Individual Modernity // Comparative Studies in Sociology. Vol. 1. JAL Press, Inc., 1978.

²⁰ Hofstede G. Culture's Consequences: Intern Differences in Work-Related Values. L.: Sage, Beverly Hills. 1980.

По инициативе Гарвардской академии международных и региональных исследований был осуществлен громадный междо-национальный проект под руководством Лоуренса Харрисона по интерпретации фактора культуры в экономическом и политическом развитии стран мира. Целью исследования было выяснить, до какой степени культура предопределяет экономическое и политическое развитие, каким путем преобразуются культурные преграды, тормозящие прогресс²¹.

Под прогрессом имеется в виду «движение к экономическому развитию и материальному благосостоянию, социально-экономическому равенству и политической демократии». К культурным факторам отнесены «ценности, установки, верования, ориентации и убеждения, преобладающие среди членов общества».

Эти актуальные исследовательские задачи интересовали, естественно, и участников нашего проекта. Мы имели их в виду, рассматривая сложившиеся или складывающиеся этнические равенства-неравенства. Во всех главах читатель видел, как мы пытались находить реально работающие на нашем поле индикаторы интересующих нас процессов.

Обобщая международный и отечественный опыт, О.И. Шкаратан и В.В. Карачаровский выделили компоненты культуры этнических групп (преимущественно связанные с традиционной культурой), «которые в той или иной степени воздействуют на трудовую деятельность в современном производстве, на меру и структуру ее эффективности (т.е. на качество продукции, готовность к нововведениям, стабильность и текучесть кадров, удовлетворенность трудом и т.д.)²². К ним отнесены:

- 1) система общих ценностей культуры;
- 2) традиционные ценности и нормы трудовой деятельности и связанная с ними структура мотивов трудовой деятельности;

---

²¹ Культура имеет значение. М., 2002, С. 11.

²² Шкаратан О.И., Карачаровский В.В. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 9.

- 3) иерархическая модель престижности профессий и участия в профессиональных занятиях;
- 4) характер профессионально-статусных и образовательных притязаний;
- 5) распределение ролевых функций, закрепленных за половозрастными и другими категориями, традиционное для данной культуры.

Мы рассматривали распространение названных элементов культуры в изучавшихся этнических группах с точки зрения их влияния на восприятие равенства-неравенства групп.

Что касается проблемы общих жизненных ориентаций, ценностей, то уже в предшествовавших проектах, в том числе в проекте 1997-1998 гг., посвященном этническим и административным границам (в рамках концепции Ф. Барта), нами был установлен сходный комплекс ценностей семьи, достатка, работы у русских, татар, якутов. Различия были зафиксированы несущественные²³, и то же самое повторилось в данном исследовании: свыше 80% русских, татар, якутов и почти столько же башкир среди первостепенных ценностей называют семью, 70% и выше — достаток, около 60% — хорошую работу.

Более тонкая вариабельность, связанная с культурными традициями, фиксируется в мотивах трудовой деятельности, в профессиональных ориентациях, прослеживается в стратегии экономической мотивации и типах экономических ориентаций. Наш материал подтверждает, что наряду с «протестантской этикой», описанной М. Вебером, существуют и другие «исторические формы», поддерживающие капитализм (о чем писал М. Кастельс²⁴).

Вопреки ожиданиям, существенных расхождений в достижительских ориентациях разных этнических групп, действующих

---

²³ Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Авт. проекта и отв. ред. Л.М. Дробижеева. М., 1998.

²⁴ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М., 2000. С. 194.

в одинаковых локальных условиях (город — село), мы не обнаружили. И.М. Кузнецовым был проведен специальный анализ, из которого видно, что в условиях города разница между русскими (традиционная православная этика) и татарами (традиционная исламская этика) по доле ориентированных на достижительную модель (выбор ответов «много зарабатывать, пусть даже без особых гарантий на будущее», «иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск») была статистически незначима (24% у русских, 27% у татар). То же самое в Саха (Якутии), где контактируют русские с якутами, у которых уровень религиозности невысокий и частично связан с шаманизмом. Здесь тоже доля ориентированных на достижительную мотивацию в труде была практически одинаковой (соответственно 22 и 27%).

Отличия были выявлены по регионам. В Саха (Якутии) доля ориентированных на достижительность была 15%, а в Татарстане, Оренбуржье, Башкортостане 24-27%, что связано было прежде всего с уровнем урбанизации регионов и характером расселения сельских жителей, т.е. с региональными различиями в возможностях вовлечения в рыночную экономику.

Исследование показало, что в одинаковых условиях города якуты не менее русских не только ориентированы на достижительную мотивацию в труде, но и проявляют большую заинтересованность в продолжении рыночных реформ (60% якутов и 43% русских), а также демонстрируют расчет на собственные силы, уверенность в себе (чаще соглашаются с суждением «у меня достаточно способностей и умения, чтобы воплотить в жизнь задуманное»).

Следовательно, инновационная готовность в условиях реформ у народов, дающих название республикам, не меньше, чем у русских. Причем речь идет о русских, как живущих в условиях давно освоенных территорий (Татарстан, Оренбуржье, Башкортостан), так и в условиях исторически недавнего освоения, куда едут обычно категории наиболее мобильного населения — Саха (Якутия).

Какие же варианты взаимодействия могут быть в таких условиях? Один — возрастание конкуренции этнических групп.

Он возможен, если у них одинаковая сфера профессиональных интересов, например торговля, нефтяной или алмазный бизнес. Другой — взаимная заинтересованность друг в друге, когда этнические группы взаимодействуют в разных, но взаимосвязанных сферах деятельности.

Но реально в регионах складывается разная ситуация в конкретных сферах деятельности. Например, в Татарстане в нефтяной, нефтехимической и машиностроительной промышленности заняты как русские, так и татары. И те и другие одинаково заинтересованы в развитии этих отраслей.

В Саха (Якутии) несколько иная ситуация. В одних отраслях — алмазодобывающей, нефтяной — заняты преимущественно русские, в торговле русские и якуты конкурируют, а в науке русские доминируют в естественных и технических дисциплинах, а якуты — в гуманитарных.

Таким образом, на этих примерах видно, что и дифференциация, и интеграция в разных регионах возможны на разных основаниях. Либо на основе общих интересов в развитии отраслей региона превалирует интеграция, и тогда восприятие неравенства чаще всего, если и существует латентно, то не акцентируется. Либо интересы этнических групп локализуются в разных отраслях, но развитие их осознается как взаимно необходимое. Тогда тоже может иметь место интеграция, и она реально происходит на основе, условно говоря, «притяжения разностей» (вариант современной Саха (Якутии), Башкортостана), но неравенства осознаются острее.

Если первый вариант межгрупповой интеграции может сохраняться в условиях сложного и даже конфликтного социально-политического контекста (пример Татарстана 1992-1993 гг.), то второй без более-менее стабильного социально-политического каркаса способен привести к серьезным трениям и возможности открытых конфликтов. Неоднозначность ситуации в том, что этот «каркас» может ассоциироваться и с авторитарной властью, а не только с той, которая умеет совмещать свободу и порядок.

Мировые информационные потоки (финансовые в изучаемых регионах еще малозаметны) в чем-то сглаживают (повсеместный рост образования), но чем-то одновременно усиливают разнообразие территорий, вариантов межэтнического взаимодействия.

Мы обращались к одной важнейшей стимулирующей ценности «достижительности», которая унифицирующе воздействует практически во всех сферах деятельности. Пересекая государственные границы, она имеет перспективу приживаемости в российских условиях не только среди русских. Ведь прошло еще лишь десятилетие рыночных реформ, а уже есть одинаковые последствия в непохожих ситуациях.

Еще более распространенной ценностью стала ориентация на образование. В отличие от «достижительности» эта ориентация имела устойчивую традицию и в советское время. В перестроечные годы на какой-то период казалось, даже «деньги можно добыть без образования». Как сказала одна бизнес-леди в Оренбургской области: «Мы думали, будут деньги — образованных людей найдем. Теперь мы понимаем: знаний не хватает. Мой сын должен получить первоклассные менеджерские знания, знания в финансовой области, и тогда он поможет мне или сменил меня».

Хотелось бы акцентировать роль социальных акторов и институтов, прежде всего лидеров регионов, в стимулировании образования.

Среди республик и областей, в которых мы работали, в двух республиках — Саха (Якутии) и Татарстане — образование благодаря особому вниманию президентов приобрело особую ценность.

Тогдашний президент М.Е. Николаев (Якутия) говорил об этом в своих программных выступлениях. Им выделялись специальные средства для поддержки докторантов, выплачивались целевые стипендии, при его поддержке был построен новый современный университетский корпус для естественных и технических наук, оплачивались дорожные расходы тем, кто ехал учиться в Европу и США.

Во время интервью с М.Е. Николаевым я задала вопрос, почему он так стимулирует образование, ведь получившим многие специальности негде будет работать (якуты уже имеют долю специалистов с высшим образованием среди населения более высокую, чем русские), он ответил: «Мы смотрели, как было в Южной Корее. Там тоже сначала подготовили специалистов, а потом создали рабочие места». На образование работал и авторитет президента, и соответствующие институты.

В Татарстане наличие образованных специалистов стало аргументом для президента и республиканской элиты в обосновании претензий на особый статус республики, способной принять на себя большую ответственность за происходящее на ее пространстве²⁵. В интервью руководителей двух департаментов администрации Оренбургской области прозвучала одна и та же мысль: «Если бы у нас был такой образовательный потенциал, как у губернатора Росселя (имелись в виду специалисты в области экономики, бизнеса, политических технологий — *прим. автора*), мы бы куда лучше жили, ведь область наша богатая».

Таким образом, стимулирующая роль лидеров в наращивании образовательного потенциала выступала очевидным статусным фактором, позиционирующим группы в условиях глобализации, сглаживающим неравенства этнических групп и одновременно выступающим как потенциал интеграционных процессов.

И все же при интегрирующей и нивелирующей этническое неравенство роли образования сама трудовая этика, культура труда, отношение к дисциплине, организации, бережливости остаются у народов различающимися. Влияет ли культура на неравенство?

«*Культура имеет значение*» — так назвали книгу по результатам уже упоминавшегося межстранового исследования, осуществленного Гарвардской академией международных и региональных исследований, Л. Харрисон и С. Хантингтон.

---

²⁵ Интервью М.Ш. Шаймиева // Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробичевой. М., 1996. С. 77.

Еще в 60–70-е гг. за рубежом, а у нас позже, особенно в конце 80-х — начале 90-х, неравенство в положении людей в разных регионах и у разных народов связывали с колониализмом или его последствиями, с имперской политикой метрополий. Но с 80-х гг. в Западной Европе, а с середины 90-х во всем мире уже активно обсуждали идеи Фрэнсиса Фукуямы, Лоуренса Харрисона, Сеймура Липсета, Томаса Соуэлла, Сэмюэля Хантингтона о культуре как ведущем стимулирующем или препятствующем факторе в социальном, политическом и экономическом прогрессе.

Сейчас, на рубеже нового века, этот вопрос актуален и для нас. В условиях суверенитетов возможности развития регионов в значительно меньшей степени, чем прежде, определялись центром. Но вот итоги трансформаций были далеки от ожидаемых. Слишком скромные итоги прогресса были причиной этнонациональной апатии и отсутствия какой-либо мобилизации, когда центр в лице Конституционного суда стал отменять суверенитеты и договоры между правительством РФ и правительствами республик, активно вмешиваться в избирательный процесс в субъектах Федерации. Демократические институты оказались слабыми, а расширившийся диапазон свободы не помог преодолению бедности и неравенства. По оценкам независимого эксперта МОТ Лилии Овчаровой, за последнее десятилетие численность бедного населения в России увеличилась с 6 до 30%. За счет падения доходов произошло 40% прироста бедности, а 60% — за счет роста неравенства. В России в целом на протяжении последнего десятилетия высока была доля тех, кто отвечал во время опросов, что «терпеть наше бедственное положение уже невозможно» — свыше 30% до 2000 г., и только в 2002 г. она снизилась до 21%. Но среди людей, относящих себя к «низшему слою» так отвечало 50%²⁶.

В полиэтнической среде причину жизненных трудностей люди часто связывают со своей этничностью. По результатам наших опросов, четверть городских и 17% сельских русских в

---

²⁶ Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5. С. 84–85.

Татарстане выбирали позицию «терпеть наше бедственное положение уже невозможно», а среди татар — соответственно 15 и 8%. Та же тенденция была и в Саха (Якутии): немногим более 20% городских якутов выбирали эту позицию (т.е. меньше, чем в среднем по стране в 1999–2000 гг.), а среди русских — более 30%.

Нерусским связывать бедность с «колониальным прошлым» уже было трудно (хотя говорить об этом не переставали и в условиях, когда «империи» уже не стало). В нашем опросном листе мы попросили респондентов оценить важность для них разных обстоятельств, влияющих на жизненный успех. Этнический признак был в ряду других обстоятельств, таких, как пол, возраст, полезные связи с нужными людьми, родственники на руководящих постах, поддержка земляков, проживание в столице, в большом городе. Все этнические группы оценили «подходящую национальность» как менее значимое условие в сравнении с другими (табл. 1).

Доля придающих значение этому фактору в индивидуальном успехе как «очень важному» колеблется и у русских в разных республиках, и у башкир, татар, якутов в пределах 14–18%, то есть практически одинаково, а как «скорее важному» — от 13% (русские в Саха-Якутии) до 30% (башкиры в Башкортостане). «Богатые родители» или «полезные связи» как условие успеха называются по меньшей мере в два раза чаще более важными. Хотя мы не можем сбрасывать со счетов пусть и не столь значительные группы людей, чувствующих национальность как препятствие или преимущество в жизни, тем не менее *этническая принадлежность сама по себе* как для народов, дающих название республикам России, так и для живущих там русских не играет решающей роли в их социальном росте и представлениях о неравенстве возможностей.

Именно поэтому имеет смысл обратиться к значимости культурных ценностей, жизненных ориентаций у этнических групп как фактору, влияющему на неравенство.

С.В. Рыжова, которая анализировала представления русских, якутов, татар о нищете, бедности и богатстве в нашем проекте,

Таблица 1.

**Оценка горожанами Татарстана, Башкортостана,
Саха (Якутии) и Оренбургской области
важности различных обстоятельств для успеха в жизни
(% указавших «очень важно» и «скорее важно» от ответивших)**

Варианты обстоятельств	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбург- ская обл.	
	Тата- ры	Рус- ские	Баш- киры	Рус- ские	Тата- ры	Яку- ты	Рус- ские	Рус- ские	Тата- ры
Богатые родители	82,4	81,4	92,0	87,5	90,7	88,4	77,1	89,5	85,9
Родственники на руководящих постах	86,6	83,7	93,2	86,0	87,9	84,2	76,5	88,9	85,3
Полезные связи	95,4	90,2	92,9	92,8	94,2	94,6	90,5	95,7	92,4
Поддержка земляков	65,6	62,3	64,2	57,1	60,0	82,1	62,4	46,2	68,2
Подходящая национальность	37,6	46,8	50,0	43,7	54,0	40,2	27,7	36,2	39,6
Проживание в столице	45,7	42,4	60,6	51,9	63,2	75,8	43,4	51,5	46,0
Подходящий возраст	72,9	70,5	78,7	78,2	50,0	82,0	64,3	76,9	67,9
Соответствующий пол	38,3	37,0	56,8	41,1	53,8	45,7	33,4	42,6	47,8

Примечание: Сумма превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

обнаружила, что у русских не только в республиках, но и в Оренбургской области в восприятии нищеты и бедности (т.е. того, чего им не хватает), за исключением Саха (Якутии)²⁷, не прослеживалось потребностей активистского толка. А это уже фактор культуры. Выше мы констатировали, что не сама по себе этническая принадлежность (судя по оценке респондентов) важна для жиз-

²⁷ Скорее всего, это можно объяснить тем, что немалая часть русских в Саха (Якутии) — это более активные мигранты, приехавшие сюда заработать.

ненного успеха. Но обратим внимание (табл. 1) на высокую значимость «поддержки родственников», «связей с нужными людьми», в Саха (Якутии) — земляческих связей — все эти факторы так или иначе связаны с культурными нормами — традиционными или оставшимися нам от советского прошлого. Это дает основание утверждать, что на нашем поле в фрагментации реального равенства-неравенства людей имеет значение культура.

Остается вопрос, в каких слоях общества этот фактор играет большую роль. На основе аналитической разработки С.В. Рыжовой видно, что в средних слоях значение этого фактора снижается. В представлениях о достатке активистские потребности (хорошая работа, предпринимательство, образование) присутствуют и у русских в разных регионах, и у якутов, татар, башкир. Не случайно на средние слои обычно возлагают надежды при оценке перспектив интеграции общества.

Остановимся и мы на обсуждении того, каков у нас формирующийся средний слой, и на его возможной роли в процессе межэтнической интеграции.

СМОГУТ ЛИ СРЕДНИЕ СЛОИ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП СТАТЬ ПОТЕНЦИАЛОМ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ?

В исследовании «СН» мы констатировали новую этносоциальную иерархию. Преимущественные позиции во властной нише повлияли на самооценку национальностей, дающих название республикам. При, казалось бы, мало отличающемся реальном положении в городах или селах республик они и считают себя более обеспеченными (оценка на шкале богатства), и как более престижные оценивают свои позиции (оценка на шкале престижа). В статусном положении они выиграли, а русские в большинстве своем, не потеряв профессиональных позиций в республиках, проиграли в статусных позициях.

В этих условиях важно выделить социальные слои, способные выполнить интегрирующие функции. Способен ли субъек-

тивный средний класс, на который возлагаются такие надежды в сфере социальных отношений, выполнить подобную роль в области межэтнических взаимодействий — проблема, требующая рассмотрения.

В отношении понимания среднего класса у нас нет надобности вступать в дискуссии. Для раскрытия вопроса, который поставлен, нам важно, что есть некоторый слой, «который можно рассматривать как прообраз среднего класса»²⁸.

В конце 90-х гг. XX в. в России начала формироваться новая социальная дифференциация. Появление новой буржуазии, предпринимателей, новой бюрократии, наемных работников, «челноков» и безработных в той или иной ситуации ставило перед людьми необходимость определить свою личностную идентичность, так же как свою и других групповую принадлежность. Как фиксировали наши коллеги из ВЦИОМ, самоидентификация с низшими, высшими и средними слоями к 1996 г. уже не встречала затруднений, в то время как еще в 1991 г. 1/3 опрошенных затруднялись в ответах, к какому слою отнести себя, или вообще отрицали наличие в обществе такого деления²⁹.

Для обсуждения вопроса о выделении в обществе слоев, которые могут выполнять некую интегрирующую функцию, важны именно субъективные оценки стратификационной системы, ибо в центре внимания субъективный мир людей, их оценки и ценности, жизненные ориентации. По данным проекта «СН», к 2000 г. люди, относящие себя к среднему слою, составили в регионах самую многочисленную группу (табл. 2).

Мы также понимали, что сами субъективные средние слои чрезвычайно разнообразны по социально-профессиональным позициям, уровню образования, доходам и их источникам, сбережениям, имущественному положению. В нашем исследова-

---

²⁸ Хахулина Л. Субъективный средний класс: доходы, материальное положение, целостные ориентации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 2. С. 25.

²⁹ Там же.

нии мы констатировали отличия идентифицирующих себя как средние слои по названным показателям в этнических группах, и это важно для понимания субъективных представлений о равенстве-неравенстве этнических групп (табл. 3).

Малозначимые или статистически незначимые различия в этнических группах и между республиками были в представительстве руководителей предприятий и организаций, работников госаппарата, предпринимателей.

В составе якутского среднего слоя было больше, чем у русских в Саха (Якутии), служащих, а у русских в республике заметно больше квалифицированных рабочих (скорее всего, имела значение высокая оплата труда в алмазодобывающей промышленности). Это может быть препятствием в интеграционных процессах в республике.

В Татарстане у татар и русских в представительстве практически всех социально-профессиональных групп не было различий (чуть больше было квалифицированных рабочих у русских, а у татар — специалистов). Это сходство — значимая социальная характеристика контактирующих русских и татар в республике, потенциально содействующая внутриреспубликанской интеграции.

Таблица 2.

**Социальные слои этнических групп в самооценках горожан
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Социальные слои	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Высший	0,3	0,9	0,7	0,9	0,7	0,5	1,1	2,1	0,5
Средний	70,4	57,6	75,1	58,8	75,7	72,1	64,8	52,4	49,5
Низший	23,3	41,5	24,2	40,3	23,6	27,4	34,1	45,5	50,0

Таблица 3.

**Социально-профессиональный состав среднего слоя в городах
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии) и Оренбургской области
(% от ответивших)**

Социально-профессиональные группы	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
Руководители	2,3	2,8	2,1	2,7	4,3	6,8	2,6	0,6	2,7
Работники госаппарата	1,1	0,9	3,1	0,9	0,9	6,8	3,8	5,2	5,5
Специалисты, ИТР	23,3	14,8	17,5	14,5	21,4	16,2	16,7	25,3	17,8
Служащие	31,8	30,6	33,0	35,5	29,1	55,4	35,3	48,7	47,9
Квалифицированные рабочие	34,1	44,4	38,1	37,3	36,8	9,5	33,3	15,6	11,0
Предприниматели	7,4	6,5	6,2	9,1	7,7	5,4	8,3	4,5	15,1

Но в целом, как видим, с точки зрения социально-профессионального состава средний слой разных этнических групп имеет больше сходства, чем различий.

К среднему слою чаще, чем в целом по выборке, относят себя служащие, работники госаппарата, рабочие высшей квалификации, предприниматели.

Факторный анализ³⁰ показал и другие важные сходные черты. По всем регионам и этническим группам наиболее высока корреляция соотнесения себя со средним слоем и самоопределения на шкале «богатство-бедность» (вторая — третья позиции на шкале из семи ступеней). Далее по значимости в этнических группах было также одинаковое позиционирование себя на «шкале престижа» (вторая — третья позиции).

³⁰ Статистическая значимость основывалась на расчетах коэффициента «тауби» Кэндала. Факторный анализ был осуществлен с помощью Е.М. Мартынова, которому мы выражаем искреннюю признательность.

Вторая группа факторов, положительно влияющих на самоотнесение к среднему слою, — это активистская ориентация. По всем подгруппам существует положительная корреляция самоотнесения к среднему слою и характеристики себя как «человека, у которого достаточно способностей и умения, чтобы воплотить в жизнь задуманное», ощущение уверенности в завтрашнем дне за счет «способности заработать, профессии», «собственного оптимизма».

Но, как было установлено уже в наших предыдущих исследованиях, положительная самооценка и субъективный положительный настрой групп коррелируют с толерантными установками в социальной сфере и сфере межэтнических взаимодействий и, следовательно, способствуют интеграции в обществе.

Нашим респондентам мы задавали вопрос о возможностях людей разной национальной принадлежности добиться успехов в экономической сфере и в политике. Каждый раз было очевидным, что и для русских, и для татар, якутов, башкир национальность человека важна чаще всего для занятия высоких постов в органах власти, а затем уж для того, чтобы получить хорошую работу, открыть свое дело.

Очевидно не только из мнений опрашиваемых, но и других, объективных источников (данных телефонных справочников правительств республик и областей, парламентов республик и законодательных собраний областей, президентских администраций и администраций областей), что во властных органах республик доминирует этнонациональная общность, дающая название республике, а в областях и федеральных органах власти — русские (Гл. 3 и др.).

Опросами зафиксирована современная ситуация: *наиболее заметные различия* в социально-профессиональном составе национальностей заключались в *разной представленности среди них работников высших страт*, в том числе бюрократии, политической и культурной элиты.

Политика — та сфера, где этническое неравенство не вызывает сомнений у людей всех национальностей. А вот в сфере бизнеса (возможность открыть свое дело), преимущества опро-

шенными чаще признаются менее зависящими от национальности. Хотя понятно, что и доступ к власти имеет значение не только как признак высокой статусной позиции, но и в связи с представлениями о возможностях через власть получить какие-то льготы. Но все же очевидно, что сфера частного бизнеса чаще оценивается как результат индивидуальных усилий, меньше связанных с этнонациональными преимуществами. Нам важно это констатировать потому, что представители бизнеса как раз и формируют те средние слои, которые потенциально способны составить средний класс, сравнимый с тем, какой он есть на Западе. Выделив эту наиболее бесспорную группу, способную претендовать на роль среднего класса в разных этнических группах, мы наблюдали значительную положительную корреляцию с деятельностными жизненными установками (способность и умение воплотить в жизнь задуманное, добиться успеха), безусловное сходство в оценке своей жизненной ситуации («все не так плохо и можно жить»), своего материального положения, оценке реформ, выборе способа проведения отпуска и др. Именно эта часть субъективного среднего слоя более всего похожа на средний класс в западных странах. В силу своих жизненных интересов именно эти слои заинтересованы в стабильности.

Таким образом, некоторые основания рассчитывать на средние слои как на социальную силу, интегрирующую общество и с точки зрения межэтнических отношений, есть.

***

На исходе последнего десятилетия XX в. мы наблюдали, как начатые экономические реформы и доступ к демократическим свободам до неузнаваемости изменили привычные картины жизни в республиках и областях России. Возрастающее разнообразие и фрагментация социального пространства — доминирующая тенденция при достаточно выраженной новой социальной дифференциации.

В этническом поле, в жизни народов, этнических групп со-
вмещаются старые и новые неравенства. Новые неравенства
меньше связаны с политикой государства, а больше диктуются
рыночной конкуренцией, при которой социальная дифферен-
циация определяется для каждого народа, будь то русские или
башкиры, татары, якуты или другие народы, прежде всего куль-
турой, понимаемой как ценности, установки, ориентации, убеж-
дения, воздействующие на социальное развитие.

В одинаковых условиях города или деревни в одном субъек-
те Федерации русские и народы, дающие название республи-
кам, так же как и в областях, например русские и татары в
Оренбуржье, отличаются по своим формальным социальным
параметрам несущественно. Но в представлениях о богатстве,
доступе к власти, престиже этнические общности, дающие на-
звание республикам, выделяются преимуществами в глазах
респондентов.

Эти преимущества осознаются практически всеми этничес-
ким группами как результат изменения их политического по-
ложения в результате демократизации и нового статуса рес-
публик.

Титульными национальностями доминирование в республи-
канских органах власти интерпретируется как возмещение их
недопредставленности в федеральных органах власти, где в
результате мажоритарной избирательной системы они никог-
да не смогут в силу своей численности иметь представитель-
ство, достаточное, чтобы влиять на законодательную практику
или правительственные решения.

В республиках русские при декларированных демократи-
ческих процедурах выборов не получают достаточного предста-
вительства. Политическая сфера — главное поле, где и русские
в республиках, и титульные национальности в Федерации ощу-
щают свое неравенство. Для русских это новое неравенство, для
титульных национальностей — старое в новом варианте, когда
в Федерации ситуация не меняется, но в республике принци-
пально изменилась.

Демократия не решает всех проблем в сфере этничности. Она имеет свои лимиты. Решение одних проблем порождает другие.

В республиках в условиях несравнимо больших прав, чем в советскую эпоху, не могли преодолеть старые неравенства. Они остались и от советского прошлого, и от дореволюционного.

Прежде всего, разнообразие в положении национальностей порождалось разным уровнем урбанизации. В изучавшихся регионах это проявлялось более всего в Саха (Якутии) в отношении якутов и Башкортостане в отношении башкир.

От старого осталось и разнообразие в позиционировании русских и народов, дающих название республикам. В Татарстане развитие этнических групп шло по принципу «вместе и вровень»; в Саха (Якутии) продолжалась тенденция образовательного «бума», в Башкортостане — постепенного приближения башкир к социальным позициям русских.

Обсуждая итоги проекта «СН», мы выходили на проблему русских. Зафиксирована более низкая мобильность их при том, что позиций в трудовой сфере они не теряли, у русских отмечался так же несколько меньший социальный оптимизм, чуть менее выраженные деятельностные позиции. Легко это было объяснить суверенизацией республик. Но это объяснение не проходило, поскольку у русских в областях наблюдались те же тенденции.

Мы должны были дать этому явлению социально-психологическое объяснение. При правовом этническом равенстве в постсоветской России *русские* в 1990-е гг. ощущали себя в ситуации *относительного психологического неравенства*. Как и другие российские национальности, русские пережили распад Союза, но при этом они потеряли статус «старшего брата», державу с первенствующим геополитическим положением, убежденность, что страна, в которой они живут, имеет преимущество в социальном строе. О том, что это психологическое неравенство *ситуативно*, и о том, что оно преодолевается, свидетельствовали обнадеживающие тенденции улучшения социального самочувствия русских в 2002 г. в сравнении с 1999-м.

В целом, в *социальной сфере* в условиях старых и новых неравенств есть три наиболее очевидных резерва интеграции:

- 1) деятельность этнических групп в разных экономических нишах, создающая заинтересованность во взаимодействии;
- 2) заинтересованность в экономическом развитии отраслей в условиях, когда этнические группы заняты в одной сфере деятельности;
- 3) формирование среднего слоя, объективно выступающего за сохранение стабильности развития, в чем заинтересованы все граждане России независимо от национальности.

Углубление социальной дифференциации в среде каждой этнической группы, так же как и межэтнические сравнения «кому живется лучше на Руси», естественно, не улучшало этнические гетеростереотипы и межэтнические установки. Они в изучавшихся республиках у людей разных национальностей не были хуже, чем в целом по России. В Татарстане они были даже несколько благоприятнее и в 1997-м, и в 1999-м, и в 2002 гг., несмотря на сложные отношения республики с центром. Но этническое самосознание оставалось достаточно интенсивным и актуальным. Препятствовало ли оно интеграционным процессам? Это мы будем обсуждать в следующих главах (см. гл. 10).

ПРОБЛЕМЫ АСИММЕТРИЧНОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ГЛАЗАХ ЭЛИТЫ И МАСС

На развитие российского государства как асимметричной федерации у субъектов Федерации и в федеральном Центре есть и общие, и существенно различающиеся подходы. Общее состоит в том, что все согласны: на развитие Федерации оказывают влияние разные исторические, юридические, экономические, географические, этнонациональные условия формирования субъектов Федерации. Но в Центре доминировало представление: различия в статусе субъектов, связанные с разнообразием этих условий, — явление, которое надо преодолевать. В субъектах же Федерации, прежде всего, тех, которые задавали тон в диалоге с Центром, доминировало представление о естественности таких различий, объективных основаниях асимметричности федерации. Аргументы асимметричности федерации приводились как в целом для российского государства, так и для обоснования статуса конкретных субъектов Федерации.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ

В целом для России историческими аргументами для элиты республик являлись примеры: (1) особого статуса в Российской империи Финляндии, Польши, Бухары, Хивы; (2) различия в статусе союзных и автономных республик в составе СССР.¹

К историческим аргументам можно отнести и отсылки на опыт других государств, сложившихся демократических федераций: ФРГ, США и т.д. Так, Ф.Х.Мухаметшин — Председатель Госу-

---

¹ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности Российской Федерации // Асимметричная федерация: взгляд из центра, республик и областей. М., 1998, с. 31.

дарственного Совета (парламента) Республики Татарстан в сентябре 1993 г., открывая в Казани международную конференцию «Федерализм: глобальные и российские измерения», приводил пример Швейцарии, которая формировалась как федерация из конфедерации путём передачи полномочий центру снизу вверх».²

Примером служили Бавария и Саксония в ФРГ, которые имеют некоторые самостоятельные международные права и свои конституции, где они именуются не землями, а государствами, в США — штат Луизиана, бывшая французская колония, которая добровольно вошла в состав федерации на основе зафиксированного права свободы выхода (все другие штаты такого права не имеют; в этом штате на флагштоке флаг Луизианы висит на одном уровне с флагом США, в то время как в других штатах их флаги располагаются чуть ниже; в Луизиане есть специальные программы языкового обучения). Особые права имеет штат Онтарио в Канаде (организация своих силовых структур). Все эти примеры исторически сложившейся асимметрии в федерациях служили основанием для лидеров и идеологов в республиках, обосновывавших особенности своих статусов в составе Российской Федерации.

Кроме того, исторические аргументы приводились для обоснования суверенитета республик и их особых прав, исходя из особенностей вхождения той или иной территории в состав России и СССР. В уже упоминавшемся докладе Ф.Х.Мухаметшина говорилось: «Государственность татарского народа имеет более тысячелетние традиции. В его исторической памяти сохранились расцвет Великого Булгара, эпоха Золотой Орды, завоевание Казанского ханства... В досоветский период государственности народов, проживавших на нашей территории, юридически никто не отменял. Среди многочисленных титулов российского импе-

---

² Мухаметшин Ф.Х. Доклад на международной научно-практической конференции «Федерализм: глобальные и российские измерения». // Федерализм: глобальные и российские измерения. Казань, 1993, с. 12.

ратора был титул и Царя Казанского. Формально лишь с 1917 по 1920 годы татарский народ не имел своей государственности.

1920 год вошёл в нашу историю как год создания автономной республики в соответствии с Декретом ВЦИК и Совета Народных Комиссаров СССР».³

Татарстанские лидеры и идеологи при каждом возможном случае напоминали, что и в составе СССР республика при подготовке Конституции в 1936 и 1977 г. ставила вопрос об изменении её статуса и поднятия его до уровня союзной республики. А Р.С.Хакимов государственный советник по политическим вопросам при Президенте Республики Татарстан приводил примеры обращения интеллигенции во властные структуры с такими предложениями в 1951, 1954, 1964 годах.⁴

Татарстан и Башкортостан претендовали на роль союзных республик. И их особое положение нашло отражение в государственных отношениях в СССР: Председатели Верховных Советов Татарской и Башкирской АССР наряду с Председателями Верховных Советов союзных республик были членами Президиума Верховного Совета СССР, только они от автономий.

Татарстанские лидеры вспоминают также период последних месяцев СССР, когда при подготовке нового Союзного договора бывшие автономные республики участвовали в ней на равных правах с союзными республиками. В отношении Татарстана, как утверждает Индус Тагиров — академик, историк, один из создателей Декларации о суверенитете республики, в 1991 г. до ГКЧП удалось убедить Геннадия Бурбулиса, в ту пору Госсекретаря, в правомерности требований республики относительно особого статуса.⁵

Эта идея время от времени всплывает при праздновании юбилеев, а также при различных обсуждениях. Так, в августе 1995 г.

---

³ Там же, с. 13.

⁴ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности..., с. 37.

⁵ «Казанские ведомости», 30 августа 1995 г.

в связи с пятилетним юбилеем принятия Декларации о государственном суверенитете в республике состоялись юбилейные заседания на правительственном уровне. В выступлении председателя Государственного Совета Республики Татарстан В.Лихачёва последний пятилетний период рассматривался как итог восстановления исторической справедливости. Этот период оценивался как новый этап создания своей государственности.⁶ Можно было заметить, что произошла некоторая акцентация на отрезке борьбы за государственность в 1991 г., когда Татарстан должен был подписать Союзный договор наравне с союзными республиками, что могло означать выравнивание его статуса.

В связи с юбилеем Декларации о суверенитете в газете «Республика Татарстан» была опубликована статья академика РАО и АНТ М.Махмутова «Евразия — Новый Союз?».⁷ Известно, что идея евразийства обсуждалась в РФ с разными подходами. Это было уже после выступлений А.Солженицына с идеей губернизации и заявления А.Руцкого «нам нужна не Евразия, а великодержавная Россия». В Казани обсуждался проект «Евразии» с составом: славян (русских, украинцев и белорусов) и тюрков (татар, казахов, узбеков, башкир, чувашей и т.д.). М.Махмутов, обобщая мнения представителей казанской элиты, высказывался за такие принципы возможного объединения: баланс интересов России и других участников Союза, добровольность и асимметричность союза государств и народов.

В 1998 г. стал обсуждаться вопрос о статусе Татарстана в связи с созданием союзного государства России и Белоруссии.⁸

Исторические аргументы для асимметричности Федерации были и у идеологов в Туве. В интервью, которое было взято мной

---

⁶ Тагиров И. Модель Татарстана началась с декларации; Мы научились говорить с драконом (интервью с Р.Хакимовым). // «Казанские ведомости», 30 августа 1995, с.4.

⁷ «Республика Татарстан», 26 августа 1995 г.; «Известия Татарстана», 1 сентября 1995 г.

⁸ Выступление М.Шаймиева на канале ОРТ 28 декабря 1998 г.

в 1994 г., советник Президента Республики В.Б.Багай-оол говорил: «На данном этапе нас устраивают федеративные отношения. Мы не претендуем на такой уровень отношений, как с Татарстаном — экономически это для нас нереально. Но самая большая ошибка российского руководства в том, что оно не может понять, что к каждой республике нужен специфический подход... Какие у меня аргументы? Прежде всего, исторические (Тува вошла в состав СССР в 1944 г. — Л.Д.), и приграничное положение. До сих пор ещё живы люди, которые жили в независимом государстве... Федеративно-конфедеративные отношения очень крепко связывают государства» (он приводил пример Швейцарии).⁹

Тува готовила проект Договора «О разграничении полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти Республики Тыва», но этот договор комиссия по подготовке договоров при Президенте РФ не подписала. Она выдвигала требования согласования положений Конституции республики с Конституцией Российской Федерации прежде всего в вопросе о выходе из федерации (отмены этого положения), о приоритете республики на использование ресурсов, о собственности, о придании статуса государственного языка русскому так же, как тувинскому.

17 февраля 1998 г., под председательством Г.Н. Селезнёва — Председателя Государственной Думы состоялся «круглый стол» «Конституционный процесс в России: федеральный и региональный аспекты». На заседании обсуждались вопросы согласования федерального законодательства и законодательства субъектов Федерации. От Тувы на заседании присутствовал Президент Тувы Ш.Д. Ооржак. На прямой вопрос Г.Н. Селезнёва о согласовании Конституции Тувы Ш.Д. Ооржак ответил, что вопрос непростой, руководство республики не может не считаться с тем, что конституция республики, где содержитсяложе-

---

⁹ Говорит элита республик Российской Федерации. // 110 интервью Леонаиды Дробижевой. М., 1996, с. 241-242.

ние о выходе, была принята после всенародного референдума и сейчас от этого Президент отступить не может: нужны согласительные процедуры. Лишь впоследствии, после решений Конституционного суда от 7 июня 2000 г. (№ 92-О — Собрание законодательства Р.Ф. 2000. №29. Ст. 3117.) Тува стала вносить изменения в республиканское законодательство.

Представитель от Татарстана на упомянутом совещании, Р.С. Хакимов говорил, что, если центр хочет изменений в конституциях республик, надо, чтобы он сам пошёл на встречные уступки и внёс изменения в Конституцию Российской Федерации, в которых бы учитывался ряд положений, имеющих в конституциях республик. На это член Конституционного суда Г.А. Гаджиев сказал, что сейчас об этом речи идти не может.¹⁰

Одновременно в Государственной Думе (тоже 17 февраля 1998 г.) проходили парламентские слушания, организованные Комитетом по делам национальностей — «Республики в составе Российской Федерации: правовой статус и перспективы развития». В докладе заместителя председателя Комитета Р.Н. Султанова (депутат от Башкортостана) на эту тему республики именвались «суверенными национально-государственными образованиями, формой самоопределения народов в составе Российской Федерации». Договоры о разграничении предметов ведения между органами государственной власти Российской Федерации и органами власти республик оценивались как консенсусный путь, обеспечивающий единство Российской Федерации. Говорилось о том, что положения Федеративного Договора остаются действующими.

В дискуссии на парламентских слушаниях В.Н. Лысенко выступал, отстаивая идею «рамочных законов», одинаковых для всех субъектов Федерации. Представители от республик, в том числе Р.С. Хакимов (от Татарстана), говорили, что они совсем не против выравнивания положения краёв и областей с респуб-

---

¹⁰ Цитируется по записи. Автор была участником этого «круглого стола».

ликами — наоборот, за. Только они не могут согласиться с тем, что нужно понижать планку тех прав, которые получены республиками в ходе договорного процесса. Для ряда республик это «результат развития истории», и договоры выполняют функцию своеобразного «учредительного собрания». Благодаря им и «сохраняется в стране политическая стабильность и относительный порядок».¹¹

Примечательным было то, что в Рекомендациях, принятых на парламентских слушаниях, зафиксировано, что «реформирование федеративных отношений происходит в рамках действующей Конституции Российской Федерации, *Федеративного договора и договоров о разграничении предметов ведения* между федеральным Центром и органами власти субъектов Российской Федерации, Концепции государственной национальной политики Российской Федерации... Неизменным должен оставаться принцип «не навреди», в полной мере учитывающий *исторический путь*, пройденный народами России»¹² (курсив мой — Л.Д.).

Юридическим основанием асимметричности Федерации лидеры республик считали ряд положений в самой Конституции России. Провозгласив равенство субъектов Федерации, в Конституции же (ст. 5) закреплено различие республик и других субъектов Федерации: республики названы государствами (в скобках), они имеют конституции, гражданства и другие атрибуты именно государственности; другие субъекты Федерации имеют уставы и атрибуты административной территории. Кроме того, Конституция допускает договорную форму отношений. В ст. 11 п. 3 сказано, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов Федерации осуществляется «Кон-

---

¹¹ Выступления на парламентских слушаниях (записи автора).

¹² Рекомендации парламентских слушаний Государственной Думы на тему «Республики в составе Российской Федерации: правовой статус и перспективы развития» 17 февраля 1998 г., с.1.

ституцией, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий».

Даже если, как разъяснял С.М.Шахрай, это касается только тех республик, которые не подписали Федеративный договор, то есть Татарстана и Чеченской Республики, и подписавшего на определённых условиях Башкортостана, то всё равно наличие в государстве таких субъектов Федерации с разными полномочиями свидетельствует о юридических основах асимметричности Федерации. К тому же на основании ст. 72 Конституции и договоров уже заключены соглашения, что, безусловно, означает расширение асимметричности. Но это по мнению этнических элит республик «нельзя рассматривать с негативной точки зрения».¹³ «Политика центра в отношении к субъектам должна быть гибкой, учитывающей политические реалии».¹⁴

В 1995 г. президенты трех крупных, наиболее ресурсных республик: Татарстана — М. Шаймиев, Башкортостана — М. Рахимов и Саха (Якутии) — М. Николаев обратились с посланием к Президенту Российской Федерации Б.Н.Ельцину. В нем говорилось, что ряд политиков «навязывают мысль о России как русском, православном государстве, в котором другие народы существуют якобы на правах национальных меньшинств... Поднимают вопрос о «губернизации» России». Президенты обращали внимание Б.Н. Ельцина на то, что «большинство этносов коренные народы России, живущие на своей исторической родине, и многие из них имели свою государственность в течение столетий до завоевания или вступления в состав России... Сегодня ломать status quo — значит вызвать общую дестабилизацию России». «Было бы большой ошибкой подходить к этому вопросу механически и пытаться унифицировать субъекты федерации».¹⁵

---

¹³ Хакимов Р.С. Об основах асимметричности..., с.43.

¹⁴ За последовательную демократизацию и федерализацию России. // «Панорама — форум». 1995, № 1, с. 5.

¹⁵ Там же, с. 3, 4, 5.

ПРАВОВЫЕ АРГУМЕНТЫ

К обоснованию правовых основ статуса республик лидеры подходили и на основе обращения к правам человека. Они считают права человека и права народов неразделимыми. Говорить и учиться на своем языке, иметь доступ к своей культуре — это входит в права народов, которые являются и частью прав человека, как представителя той или другой этнической группы.¹⁶

По поводу прав народов среди ученых и политиков в России идут острые споры. Не все хотят признать народы субъектом права, многие считают, что права человека выше прав народов. Элита в лице идеологов власти давала широкие обоснования связи прав человека и народа. Р.С.Хакимов (литературный псевдоним Рафаэль Хаким) писал: «В человеке невозможно отделить национальное от «человеческого». Индивид — носитель исторических традиций, он становится личностью благодаря языку и образованию. Поэтому права человека включают, прежде всего, право говорить на родном языке, развивать свою культуру, иметь средства к существованию и т.д.» Он обосновывал, что в принципе невозможно отвлечься от этнической принадлежности и пребывать в области «чистых» прав человека. Как аргумент привлекалась международная «Хартия прав человека», которая, как известно, состоит из трех документов: «Всеобщая декларация прав человека», «Пакт о гражданских и политических правах», «Пакт об экономических, социальных и культурных правах». Первый документ определяет права личности, а два других касаются прав народа.¹⁷

В статье 1 упомянутых «Пактов» записано:

«1. Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и

---

¹⁶ Там же. С.4.

¹⁷ Хаким Р. Сумерки империи. Казань. 1993, с.40, 43.

свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и международного права. Ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования.

3. Все участвующие в настоящем Пакте государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление несоуправляющимися и неподпечными территориями, должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право».

Идеологи в республиках знали, что по вопросу о праве народов на самоопределение идут споры, и одним из главных оппонентов являлся директор Института этнологии и антропологии РАН В.А.Тишков. В диалоге с лидерами республик и, в том числе, при общении с татарскими идеологами он выдвигал аргумент, согласно которому сам принцип самоопределения относился к периоду деколонизации. Учитывая это, в Татарстане в журнале «Панорама-форум», который широко читается интеллигенцией в республике и известен в других регионах Российской Федерации и за рубежом,¹⁸ была опубликована большая статья Хёрста Ханнума «Переосмысление самоопределения». В ней были использованы выводы книги автора «Автономия, суверенитет и самоопределение: согласование противоречивых прав (1990)»¹⁹ и показаны все дискуссии вокруг этого принципа в международной практике и, вместе с тем, опыт того, как использовался этот принцип в реальной исторической ситуации.

---

¹⁸ В составе редакционной коллегии 8 из 20 членов — ученые из научных центров США, ФРГ, Франции, Великобритании, Эстонии.

¹⁹ «Панорама-форум». 1995. №3.

В том же журнале шли публикации о международном опыте функционирования федерации в государствах мира, который является своеобразным правовым основанием для татарстанской практики. Вывод шеф-редактора журнала Р.Хакимова: «...мировая практика показывает, что асимметричность в той или иной форме встречается почти во всех федерациях».²⁰

В то же время, далеко не всегда международный опыт подтверждал эффективность этнонационального принципа административно — территориального деления. Об этом, например, не раз говорили участники дискуссий — специалисты по федерализму из ФРГ, например, проф. И.Траут — заместитель директора Института федерализма ФРГ на конференции 1993 г. «Федерализм — глобальные и российские измерения».²¹ На семинаре «Социально-политические аспекты федерализма: модель Татарстана» в июне 1997 г. о преимуществах немецкого опыта строительства территориальной федерации говорил ведущий научный советник Франкфуртского института проблем мира и предотвращения конфликтов Х.И.Шпангер.²² Тем не менее, татарские идеологи всегда находили, как мы показали выше, именно исторические и политико-правовые аргументы в защиту этнонационального принципа в федеративном устройстве Российского государства и существующей асимметрии на основе договорного процесса.

Татарстанская идеология элит и политико-правовая практика наиболее очевидно демонстрирует «субнационализм» в классификации Эгберта Яна. Как разновидность национализмов внутри России я определяла его в книге «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов» (М., 1996) как паритетный национализм, ориенти-

---

²⁰ Там же, 1995, №2, с.2.

²¹ Федерализм — глобальные и российские измерения. Казань. 1993, с. 26 и др.

²² Беляков Р.Ю. Федерализм в международном и Российском измерениях (заметки с семинара социально-политические аспекты федерализма: модель Татарстана). // «Информационно-методический Бюллетень №12 Аппарата Президента Республики Татарстан». Декабрь 1997 г. Казань, с.65.

рованный на максимально возможную самостоятельность при передаче ряда функций федеративному центру и декларирующий культурный плюрализм.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОБОСНОВАНИЯ

Далеко не все российские республики имели исторические и нормативно-правовые аргументы для защиты своих «особых прав» или обоснованности асимметричной федерации на своем примере. Но тогда подключались аргументы социально-экономического, культурного характера. Типичный пример — ситуация в Саха (Якутии). Эта республика подписала Федеративный договор, не зафиксировав особых условий, как Башкортостан. Но среди элиты Саха известно (об этом нам рассказывала в интервью 1994 г. депутат парламента У.А.Винокурова), что Федеративный договор Президент республики М.Е.Николаев подписал только после того, как от Б.Н.Ельцина получил согласие на то, что доход от 20% добываемых алмазов будет оставаться в республике. Соглашение об этом было подписано, по воспоминаниям участников официального подписания Федеративного договора, за 15–30 минут до этого.

Конституция Саха (Якутии) фиксирует республику как суверенное государство, вошедшее в Российскую Федерацию на основе Федеративного договора (а по нему республики сохраняли за собой право выхода в порядке, установленном договором). И, как уже говорилось, по Конституции республики за ней остаётся приоритетное право на использование природных ресурсов. Договор о разграничении предметов ведения между государственными органами Российской Федерации и государственными органами республики и соглашения оставляли за республикой права большие, чем предусматривались Конституцией Российской Федерации, именно в экономической сфере.

Такая асимметрия обосновывается якутской элитой «правом населения на свои территории и использование их ресурсов»; право именно коренных народов на ресурсы «исконной земли» в гораздо больших размерах права на землю, самоуправление с участием обычного права.²³ Качественные особенности природных, климатических условий, а отсюда и исторических традиций народов, живущих на территории этого северного района, служили обоснованием для того, чтобы самостоятельно регулировать вопросы социально-экономического развития, включая «вопросы собственности, формы хозяйствования», нормативы налоговой, ценовой, инвестиционной политики.²⁴

В республиках аргументом служили мировые тенденции в расширении самостоятельности регионов в решении социально-экономических проблем.

Акцентация внимания на самостоятельности именно в экономической сфере давала нам основание говорить об экономическом национализме применительно к Саха (Якутии), в известной мере Башкортостану. Хотя борьба за самостоятельность в распоряжении ресурсами и сфере экономической политики (в глазах Центра это часто выглядело борьбой за привилегии) была доминирующей во взаимоотношениях с Центром и в других республиках и областях. Больше всего эти требования шли со стороны относительно самодостаточных субъектов Федерации (или субъектов-доноров). Это и понятно, ибо промышленный потенциал Татарстана, например, во времена СССР был равен потенциалу трёх прибалтийских союзных республик, вместе взятых. Выступая на международной конференции «Предупреждение смертоносных конфликтов: стратегия и институты», организованной Комиссией по предупреждению смертоносных конфликтов Фонда Карнеги в Москве 15 августа 1996 г., М.Ш.Шаймиев говорил: «Татарстан требует в сложив-

---

²³ Выступление М. Николаева. // «Республика Саха». 4 июля 1995 г.

²⁴ Там же.

шихся условиях права самостоятельного развития», но при этом он не будет нарушать целостности Российской Федерации.²⁵

Тенденция борьбы за экономическую самостоятельность усиливалась со стороны всех субъектов Федерации в условиях кризиса после 17 августа 1998 г. В новых обстоятельствах обоснованием усиления самостоятельности выступала уже необходимость обеспечить выживание людей и сохранить дееспособные промышленность и сельское хозяйство.

Защита асимметричной федерации республиками связана с представлением их элит и немалой части населения о суверенитете республик. Республики приняли Декларации о суверенитете, в большинстве Конституций республик и в Федеративном договоре есть это положение, но в российской Конституции 1993 г. его нет. Однако есть указание (в скобках), что республики — государства. По логике лидеров республик: государств без суверенитета не бывает. Значит, речь может идти о разделённом суверенитете. Учёные по этому вопросу могут продолжать вести споры, но реальность такова, что в каждой республике отмечаются дни провозглашения суверенитета. Во многих случаях президенты или спикеры парламентов произносят речи с упоминанием суверенитета и обычно подводят итоги того, что дал суверенитет. Если в Центре многие политики и учёные говорят о «так называемом суверенитете» и часто с негативным оттенком, то в республиках официально о суверенитете говорят как о достижении.²⁶ Провозглашение суверенитета и последующее развитие государства на основе федеративных отношений оценивается как проявление демократизации. Без демократизации, начавшейся с горбачёвского времени, провозглашения суверенитетов и тем более реализации самостоятельности на основе правовых документов России быть не могло.

---

²⁵ Шаймиев М. Значение опыта Татарстана для предупреждения и урегулирования конфликтов. // «Панорама-форум», 1997, № 1, с. 4.

²⁶ «Республика Саха», 29 сентября 1995 г.; «Республика Татарстан», 30 августа 1995 г.; «Казанские ведомости», 30 августа 1995 г. и др.

Демократия далеко не всегда решает этнонациональные проблемы и обеспечивает интересы народов. Примеры Северной Ирландии, события в Квебеке и Стране Басков убедительно говорят об этом. Но так же очевидно, что без общей демократизации в стране самоопределение народов, проявление волеизъявлений, расширение самостоятельности тоже невозможны.

СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА ДИКТУЕТ РЕШЕНИЯ ЭЛИТ. ЭЛИТЫ ФОРМИРУЮТ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Социологи изучают социальную реальность. В современной конструктивистской парадигме мы используем достаточно очевидный подход: если люди определяют ситуацию как реальную, она реальна по своим последствиям. Именно на основе такого подхода мы и анализируем в данном тексте идеи элиты и массовое общественное мнение.

За 90-е гг. многое политиками в республиках понято и продумано. Научил опыт чеченского кризиса, трудности реализации экономических реформ. Авторитетный Президент Татарстана М.Ш.Шаймиев достаточно откровенно выразил итог своих размышлений: «Унитарность для России не подходит в условиях демократии. Эта страна не может быть похожа на какую-то другую страну по своему государственному устройству. Она федерация и сегодня, при внимательном изучении, остаётся асимметричной федерацией.

Что меня беспокоит? Да, сейчас переходный период. Сейчас российские органы власти вроде бы устраивают и асимметричная федерация, и те полномочия, которые взаимно делегированы в договорах. Но когда политическая и экономическая обстановка станет более спокойной, я не считаю себя наивным человеком, этот вопрос во всю силу начнут поднимать разные политические силы. Они потребуют создания демократической, но однородной федерации. И к этому надо быть готовым, это реалии жизни... Но для этого в России нужно иметь очень продуманную

национальную политику... Сегодня ни по Конституции России, ни по структуре представительных органов власти, ни в Госдуме, ни в Совете Федерации не могут быть учтены интересы и гарантированы права народов... Даже если все национальные образования проголосуют вместе, это будет лишь 25% голосов. Они лишены возможности решать свои вопросы. И те политики, которые думают, что всё так пройдет, глубоко ошибаются. Я одним из первых подниму этот вопрос. Но, думаю, сейчас не время... Когда наступило хрупкое равновесие в обществе... нельзя злоупотреблять своим влиянием и влиянием руководителей других республик. *Мы должны исходить из блага всех народов. Сейчас нужно помочь России, ведь ей тяжело.* (выделено мною — Л.Д.)

Всем нам уже стало понятно, что демократическое общество легко провозглашать, но строить его и управлять намного сложнее. Но выбор сделан, и это исторический выбор... Мы, политики, должны быть ответственными, понимать, исходя из истории, из чего состоит сама Россия и с учётом реалий спокойно стремиться к решению и защите прав каждого народа. Только так можно строить демократическую Российскую Федерацию».²⁷

Уверенно говорить о возможности влияния властных структур республик на общую ситуацию в России, развитие федерации и межнациональные отношения, естественно, можно было только в том случае, если их позиции поддерживаются большинством населения в самих республиках.

Практически все президенты пришли к руководству (некоторые остались у власти) благодаря подъёму национальных движений или национальных чувств. Но удержаться у власти они и их окружение могли только при условии, если население будет чувствовать какие-то преимущества от суверенитета и договоров с Центром, если будет найден баланс политических сил внутри республики и обеспечено межэтническое согласие. Напомним читателю, что во всех республиках, особенности статуса которых составляли асимметрию федерации,

---

²⁷ Шаймиев М. Значение опыта Татарстана..., с. 7-8.

был полиэтнический состав жителей: в Саха (Якутии) саха составляют по последним оценкам 44%, татары в Татарстане (тоже по оценкам) — 49-51%, тувинцы в Туве — 69%, башкиры в Башкортостане 21%, карелы и финны в Карелии, которую тоже обвиняли в «бюджетном сепаратизме», — 13% (по оценкам). В Российской Федерации, только в 7 из 21 республик титульный этнос составлял большинство.

Два основных обстоятельства помогли лидерам и этническим элитам удерживать стабильность в республиках. Первое они сумели использовать преимущества «бюджетной самостоятельности» в период, когда центральное правительство было нестабильным и исполнительная власть была заинтересована в их поддержке. Второе — они учли опыт союзных республик и не доводили до предельной конфронтационности законодательство, затрагивающее интересы этнических групп. Как уже говорилось, конституции они приняли от имени народов или «многонационального народа» республик, а государственными языками стали два языка: язык титульной национальности и русский. В Башкортостане, где сталкиваются интересы трёх общин: башкир, татар и русских, — закон о двух государственных языках — русском и башкирском — до сих пор вызывает большие споры.

В начале 90-х гг. руководство Татарстана, Саха (Якутии), Башкортостана, Чечни и Карелии воспользовалось ситуацией и ввело одноканальную систему сбора и перечисления налогов в федеральный бюджет. В 1992 и 1993 гг. первые две республики просто не перечисляли налоги в федеральный бюджет. В 1994 г. в связи с особыми правами и условиями Саха (Якутия), по данным Комитета Государственной Думы по бюджету, налогам, банкам и финансам, не перечислила ничего в федеральный бюджет из собранных налогов. (Насколько нам известно, республика мотивировала это тем, что ей своевременно не были перечислены из Центра средства на так называемый «северный завоз», а транспортировать продукты питания и другие товары, необходимые для жизни в северных условиях, можно только летом). Татарстан перечислил в том году 16% всех собранных налогов, Башкортостан — 12%, Карелия — 5%.

В 1995 г., по тем же источникам, Саха (Якутия) перечислила всего 0,5% от собранных налогов, Татарстан — 22,7%, Башкортостан — 26,2%. В 1996 г. последние две республики перечислили соответственно 18,9 и 27,0%. (Для сравнения: Москва перечисляла 45,6% собранных налогов. Свердловская обл. — 43,1%, Нижегородская обл. — 48,1%).²⁸ Практически все субъекты Федерации отправляли в федеральную казну в полном объёме акцизы на нефть, нефтепродукты и газ. Татарстан и Башкортостан оставляли их в республике. Саха (Якутия) получила в 1995 г., по данным А.Н.Аринина, 1 млрд. долл. США напрямую и 300 млн. долл. косвенно из 1,3 млрд. долл. США, вырученных компанией «Алмазы России-Саха». И, кроме того, Саха (Якутия) получила из федерального бюджета беспроцентный кредит на 2 млрд. долл. США.

Татарстан и Саха (Якутия) идеологически обосновали, что они не будут проводить «шоковой терапии» и используют в этом отношении те права, которые имеют по договорам. Башкортостан смягчил «шоковую терапию», не декларируя «особого пути» в реформах. Но итог в республиках был одинаковым: население чувствовало, что живёт оно чуть лучше, чем в остальной России. В Саха (Якутии) из президентского фонда получали доплату к зарплате учителя, субсидировались учёные, которые выезжали в другие регионы страны и за рубеж для защиты диссертаций, студенты, выезжающие для получения высшего образования в США и страны Европы. Работающие в научных учреждениях республиканского подчинения имели ставки оплаты труда выше, чем те, кто трудился в филиалах центральных институтов. В Якутске были построены современный медицинский центр и громадный стадион. Но, как выяснилось к 1997 г., далеко не все оставленные средства были израсходованы рационально. В Саха (Якутии) есть районы, где имели место многомесячные задержки с выплатой зарплаты, практически не совершенствовалась

---

²⁸ Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века. // Федерализм власти..., с. 61. Автор использовал материалы Комитета Государственной Думы по бюджету, налогам, банкам и финансам.

транспортная сеть. Но всё же в городах республики изменения в жизни к лучшему люди почувствовали, что, как мы покажем, отразилось на их отношении к суверенитету республики.

В Татарстане до августа 1998 г. население жило лучше, чем во многих других районах страны. В 1995 г. по уровню жизни эта республика была в числе наиболее благополучных.²⁹ Спад промышленного производства, за исключением военно-промышленного комплекса (он российского подчинения) не был столь заметным, как в других районах страны. Сельское хозяйство давало продукцию, достаточную для обеспечения населения республики и даже для продажи в другие районы. И население это оценивало. На начало 1995 г. только чуть более 1/5 населения воспринимало ситуацию в экономике как неудовлетворительную. Затем, в 1996 и 1997 гг., такой её видели уже 35-41,5%. Но стабильность в республике поддерживалась за счёт того, что рядом живущие татары и русские своё материальное положение оценивали практически одинаково.

С точки зрения внутривнутриполитической ситуации позиция руководства республики оценивалась как центристская: татары были уверены, что оно будет отстаивать интересы татар, русские знали, что радикально националистическим элементам попустительства со стороны правительства не будет.

Уровень поддержки действий Президента был практически за весь период 90-х гг. достаточно высоким. По данным татарстанских социологов, проводивших опросы в августе 1991 г., идею повышения статуса Татарстана до уровня союзной республики поддерживало 66% опрошенных: 75,3% татар и 59,3% русских, против высказалось 12,6%.³⁰

---

²⁹ Регионы России: финансовые аспекты развития. М., 1997. Т. 1, с. 470-471, т. 2, с. 522.

³⁰ Мухаметшин Ф.Х., Исаев Г.А. Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. Казань, 1998, с. 54. Опрос проводился социологической группой Верховного Совета в 1991-1994 гг. и Аппарата Кабинета Министров РТ в 1995-1998 гг. Выборочная совокупность 2400-2500 человек.

По результатам наших опросов летом 1994 г. уровень поддержки подписания договора между органами государственной власти Российской Федерации и Татарстана был достаточно высоким (60% татар и 70% русских). По данным татарских социологов через 9 месяцев после подписания Договора более 70% опрошенных положительно оценивали состояние политической ситуации в республике, в то время как в 1991 г. больше половины населения ощущали ситуацию нестабильной или напряженной.³¹

В 1994 г. опросы, проведенные нами среди городских и сельских жителей титульной и русской национальности в Саха (Якутии), Татарстане, Туве, Северной Осетии-Алании, показывали, что титульные национальности намного больше доверяли своей республиканской власти, чем федеральной. Среди городских жителей республиканской власти больше доверяли практически 40%, а среди сельских: в Саха (Якутии) и Татарстане — свыше 50%, в Северной Осетии-Алании и Туве — практически 40% при том, что больше доверяли общероссийской власти среди горожан 2-4%, а сельчан — 5% в Татарстане, 16,5% в Саха (Якутии), 9,5% в Северной Осетии-Алании и 24,8% в Туве (везде, конечно, была высока доля респондентов, которые не доверяли ни той, ни другой власти — от 16 до 36%, и совсем невысока — тех, кто доверял той и другой власти в равной мере).

Хотя в сельской местности в республиках, более всего проявлявших самостоятельность, — Татарстане и Саха (Якутии) — сельчане даже больше, чем горожане, поддерживали республиканские власти, мнение горожан было более важным для характеристики и прогнозирования всей внутривнутриполитической ситуации в республиках. При этом при интерпретации данных важно иметь в виду, что у народов, дающих название республикам, большинство населения проживает в сельских условиях, но связь горожан и сельских жителей более тесная, чем у русских. Родственные, соседские, земляческие связи поддержива-

---

³¹ Там же, с. 60, 81.

ют, по данным наших опросов, от половины до двух третей горожан по социальным и этническим группам. В интервью с экспертами и с элитой республик не раз нам приходилось слышать мысль о значении связей с селом. (Например, Ф.Байрамова — лидер радикально-националистической партии «Иттифак» в Татарстане прямо выражала уверенность, что во время выборов в Государственный Совет республики в 1995 г. она рассчитывает получить голоса своих сельских земляков). Мнение горожан безусловно влияет на поведение сельских жителей. При этом сами горожане более требовательны в отношении республиканских властей и потому чаще более критичны. Именно этим объясняется, видимо, тот факт, что, отвечая на вопрос, на кого вы больше рассчитываете в защите интересов своего народа, среди городских татар в 1994 г. 23% назвали власти республики.

Примечательно, что и среди русских горожан в Татарстане ровно столько же — 23% рассчитывали именно на республиканские власти в защите своих этнонациональных интересов и почти столько же больше доверяли республиканской власти, чем центральной.

В других республиках доля русских, доверяющих республиканской власти, колебалась от 19% в Саха (Якутии) до 9-11% в Туве и Северной Осетии-Алании. Причём доверие к российской власти со стороны русских горожан тоже было небольшим (11-15%), а в защите своих этнонациональных интересов на российское правительство рассчитывали 14-29%.

Опросы, проведенные в 1999 г. по сопоставимой с 1994 г. выборке, показывали, что в защите своих интересов население республик на власти в республиках рассчитывали в 2-3 раза больше, чем на российские.

Среди лидеров в Татарстане и Саха (Якутии) наибольшей поддержкой практически до конца 90-х годов пользовались президенты республик М.Шаймиев и М.Николаев. Их поддерживали в силу проводимой ими политики в отношениях с федеральным правительством и внутриреспубликанской политики, в том числе в межнациональных отношениях. На президентс-

ких выборах М.Шаймиев в 1991 г. получил 91% и в 1996 г. 97% голосов (в 2001 г. — 76%, а М.Николаев — свыше 60% (1996 г.).

По данным социологической группы при Аппарате Кабинета Министров Республики Татарстан в 1998 г. (март) положительную оценку деятельности президента республики давали 82% опрошенных респондентов, негативную (включая тех, кто затруднился дать оценку) — 18%. В Казани это соотношение было 77 к 23, в городах республики — 83 к 17, в сёлах — 84 к 16.³²

Мы приводим данные именно этой социологической группы, руководимой Г.А.Исаевым, потому что её оценки и прогнозы были верными, и результаты наших опросов 1994, 1997, 1998, 1999 гг. по сравнимым вопросам, как правило, совпадали.

Совершенно очевидно, что при таком высоком уровне доверия президент пользуется поддержкой во всех слоях населения, но всё же, и по данным группы Г.А.Исаева на 1997 г., и по нашим данным опросов 1994 и 1997 гг., наибольшая поддержка была выражена предпринимателями, инженерно-техническими работниками, учащимися, пенсионерами, а больше критически настроенных было среди гуманитарной интеллигенции и малоквалифицированных рабочих (работники физического труда на предприятиях). В возрастных когортах более высокими были показатели поддержки среди молодёжи и лиц старше 50 лет.

В Саха (Якутии) к республиканской власти было несколько больше доверия среди старших возрастов, а в социальных группах — среди руководителей, предпринимателей, специалистов, учащихся более-менее равномерно и чуть выше доверие среди малоквалифицированных работников физического труда. Более критично в Саха (Якутии) были настроены инженерно-технические работники и квалифицированные работники физического труда в промышленности. Скорее всего, это было связано с падением производства на добывающих предприятиях и в других отраслях и тем, что именно там было больше русских. Боль-

---

³² Там же, с. 169.

шинство их поддерживало президента Николаева, но в целом уровень запросов у них был высокий, они привыкли к высокой оплате труда и северным льготам (надбавки к пенсии, отпуску) в советское время, а в постперестроечный период они многое потеряли. И на республиканское правительство идёт проекция этого недовольства.

Но, если в Татарстане и Саха (Якутии) или Карелии от суверенитета что-то в экономическом плане очевидно население выиграло, то в Туве этого почти не чувствовалось. Поэтому тувинцы поддерживали руководство республики в основном из-за чувства возвращённого достоинства, которое, несомненно, выросло в период принятия документов о суверенитете. Русские же и в моральном, и в материальном плане из-за падения промышленного производства (в нём они доминировали), вытеснения из управленческого аппарата проигрывали. Отсюда самый низкий здесь уровень поддержки русскими руководства республики, его низкий рейтинг именно со стороны специалистов и служащих.

С точки зрения возрастных когорт в Туве поддержка республиканского правительства была больше среди старшего поколения тувинцев (50 лет и старше), а молодёжь, наоборот, была более критична. Среди русских такая поддержка была мала во всех возрастных группах (5-12% больше доверяли республиканской власти и 10-17% и республиканской, и российской). Уровень недоверия всем властям здесь был самый высокий из республик, в которых проходили наши исследования (34-37% по возрастным группам).

Естественно, политику борьбы за расширение самостоятельности руководство республик могло активно проводить, чувствуя поддержку общественного мнения.

Результаты массового интервьюирования населения в Татарстане, Саха (Якутии), Туве и Северной Осетии-Алании дают возможность представить, насколько разделяются идеи большей самостоятельности массовым общественным мнением.

В 1994 г. по результатам наших опросов идеи о полном суверенитете (не обязательно выходить, поясняли тогда в республи-

ках, важно иметь это право выхода) разделяли до одной пятой части представителей титульных этносов. В наибольшей мере эту идею поддерживали татары,³³ в меньшей — тувинцы и саха.

Обратим внимание на то, что в одно и то же требование народы вкладывали разное значение. Для татар, как можно судить по результатам интервью, в том числе с лидерами, право выхода — это для сторонников «Иттифака» сецессия, но их очень немного (это объединение поддерживали 1-2% даже в период подъёма национальных чувств), для большинства же это требование означает, что они свободно, добровольно выбирают свой статус в Российской Федерации.

Для осетин «право выхода» — это было тогда — в начале 90-х гг., — скорее возможное средство давления на российское руководство в решении территориальных споров с Грузией и Ингушетией. Не случайно в принятой Конституции Северной Осетии-Алании нет положения ни о суверенности республики, ни о праве выхода.

Другое дело, разделенный суверенитет — С.М. Шахрай называет его «распределенным». В нем находит выражение теория дуалистического федерализма. Конституция РФ зафиксировала совместную компетенцию Федерации и субъектов, рассматривая практику федеративных отношений в РФ с этой точки зрения, говорят и о кооперативном федерализме.

Разделенный суверенитет (внутри Российской Федерации) поддерживался значительно более широким кругом населения. Среди татар (городских) его поддерживали в 1994 г. 43% (при том, что за полный суверенитет тогда было 21%), а в 1997 г. — 55%, в 1999 г. — 54%, среди саха — 64% в 1994 г. и 70% в 1997 г., 59% в 1999 г., среди осетин в 90-е годы его поддерживали более 60% и среди тувинцев — свыше 40%.

---

³³ Но данные были повторяющимися: 21% в 1994 г., 21% в 1997 г. и 17% в 1999 г. (среди горожан).

Отметим также, что именно самостоятельность в составе РФ, в распоряжении ресурсами, прежде всего, поддерживается и русскими. Свыше 40% русских в Татарстане разделяли в 1994 г. и в 1999 г. эти представления, и на основе этого мы можем говорить о *формировании в ряде мест этнорегионализма*.

Анализируя социальную базу поддерживающих идеи относительной самостоятельности, мы видим, что сам массив, высказавшихся в целом за разделенный суверенитет республик, достаточно велик. Он больше, чем доля элитных слоёв, то есть тех групп, которые вырабатывают решения или влияют на их принятие. Он больше, чем доля интеллигенции в целом.

Таким образом, вывод о том, что идеи суверенитета разделяются лишь интеллигенцией или её частью, которую стали именовать «этническими предпринимателями», должен быть откорректирован. Элита несёт ответственность за то, какими, в какой форме разрабатываются эти идеи, как они реализуются. Но совершенно очевидно, если бы такие идеи не отражали жизненные интересы достаточно широких слоёв населения, вокруг них нельзя было бы мобилизовать массовое общественное мнение.

Таким образом, идеи суверенитета не в крайней форме сепаратизма, а в виде реального федерализма или с элементами конфедеративного устройства разделялись более чем половиной титульных народов и чуть более 40% русского населения. У политической элиты в этих республиках была реальная довольно массовая база поддержки.

Социально эта база дифференцирована: по вопросу возможной сепаратизма между интеллигенцией и работниками физического труда титульной национальности различия достигают примерно 1/4 в Татарстане, в других республиках — 1/2, 1/3. Интеллигенция чаще настроена более радикально. А по вопросу распоряжения ресурсами между интеллигенцией и квалифицированными рабочими различия небольшие.

Рассогласованность интересов относительно статуса республик (республика; суверенная республика в составе Российской Федерации; независимое государство) имеет место во всех со-

циальных группах, но более она заметна среди специалистов. Например, среди русских специалистов в 1997 г. 50% хотели бы видеть Татарстан республикой в составе РФ и 44% — суверенной республикой в её составе, а среди татарских специалистов 65% — за суверенную республику и 16% — за республику в составе РФ; у рабочих же более согласованные ориентации: 46% русских и 51% татар хотели бы, чтобы Татарстан был суверенной республикой в составе Российской Федерации.

С точки зрения возраста в Татарстане наибольшая рассогласованность интересов наблюдается в старших возрастах за счёт высокой ориентации русских на прежнее положение республики, а татар — на суверенитет республики в составе РФ. В Саха (Якутии) рассогласованность велика по всем возрастным группам.

Очень существенный для социологов, политологов, этнологов вопрос: чем же объясняется то, что люди привержены этим идеям, хотя они, конечно, меняются, являются ситуативными?

В основе этих представлений лежало, по меньшей мере, два обстоятельства. Первое — это психологическая потребность в достоинстве, в утверждении себя как людей, условно говоря, статусной национальности. Отвечая на вопрос «Что для Вас лично важно или не важно для ощущения равенства или неравенства?», свыше 90% городских татар, отнесших себя и к среднему, и к низшему слою, в 1999 г. отметили позицию «Равное уважение к достоинству каждого народа».

Эта психологическая потребность в значительной мере эмоциональна — больше чувство, чем готовность к рациональному действию. Большинство татар считает, что нельзя идти ради суверенитета «ни на снижение жизненного уровня» (85%), «ни на межнациональные конфликты внутри республики» (88% в среднем слое, 92% в низшем), «ни на войну за независимость» (89% в среде среднего слоя и 97% в низшем слое). Не более 20% считают, что «любые средства хороши для защиты своего народа». И идею о том, что «права народа выше прав личности» разделяют не более трети татар (в городах).

Итак, мы интерпретируем потребность в суверенитете как психологическую потребность в достоинстве, в равностатусном восприятии своего народа.

Но отношение к суверенитету связано и с определенными социально-экономическими интересами. Известно, что обычно такие интересы представляют как борьбу за ресурсы. Действительно, на постсоветском пространстве было особенно очевидным, что доступ к власти обеспечивает более благоприятные возможности для владения и использования собственности. В России так было в Центре, так было и в субъектах Федерации. Мы обратимся к социальной и социально-психологической стороне данной проблемы.

Социология всегда концентрирует внимание на социальной иерархии, поведении в ней людей, человеческом представлении о неравенстве шансов на социальное самоутверждение. Этническое и этнорегиональное неравенство в сфере политики очень остро ощущается в республиках.

Глубинные интервью (а таких интервью мы берём не менее ста в ходе каждого исследования) и обобщение материалов, полученных методом фокус-групп, показывают, что не только татары или якуты, осетины, тувинцы, но и русские в республиках нередко воспринимают законы, принятые высшими государственными органами, решения федерального правительства как решения, принятые без их участия.

Существует постоянная настороженность по отношению к волевым действиям Москвы, не учитывающим интересы территорий и народов. И, хотя от этих решений могут также страдать и русские, всё же они, прежде всего, воспринимаются как результат неравного участия национальностей во власти. Типичные примеры — это прекращение поставок горючего за неплату долгов Татарстаном именно в период уборки урожая или несвоевременное осуществление так называемого «северного завоза» в Саха (Якутию). Подобные действия воспринимаются жителями республик как задевающие их личные интересы. Ведь до трети и более жителей республик считают, что с тече-

нием времени их «жизнь становится хуже», и около половины — что она стала «в чём-то лучше, в чём-то хуже», причём среди русских последних оценок меньше, чем среди татар и якутов. И это не случайно, ибо последние почувствовали через реальное повышение самостоятельности республик улучшение хотя бы своего психологического статуса, и они терпеливо относятся к материальным трудностям.

Как показывают результаты исследований в Татарстане среди русских и татар, отнесших себя к среднему и низшему слою, доля тех, у кого положение ухудшилось, в среднем слое у татар даже выше, чем у русских. Тем не менее, они оптимистичнее оценивают жизнь.

Материальное положение татары, якуты, русские в республиках оценивают очень невысоко. Более половины из них живут так, что «денег хватает только на еду», а пятая часть — это те, кто «постоянно берут в долг». Естественно, в такой ситуации они заинтересованы, чтобы больше ресурсов оставалось в регионах. Условно мы можем говорить, что это «национализм обиды и горечи».

Таким образом, социально-экономические интересы, лежащие в основе поддержки идей суверенитета, не сводятся к интересам олигархов и бюрократии, желающих иметь большой доступ к власти. Вполне определённые социально-экономические интересы связывают с экономической самостоятельностью республик и средние, и низшие слои.

От действий элит в современных условиях в начале XXI в. так же как в начале 90-х, в момент подъёма национальных движений, зависит многое. Элита у власти, которая взяла на себя реализацию идей суверенитета, поднятия статуса республик, теперь находится в сложном положении. Президенты и правительства на практике сталкиваются с трудностями реформирования экономики, слабостью финансовых возможностей для поддержания социальных гарантий населению. Они каждодневно ощущают взаимосвязанность хозяйства республик с банковскими олигархами, с промышленностью других территорий

Федерации. Поэтому именно этой элите более всего приходится нести ответственность за диссонанс между провозглашавшимися ранее лозунгами, обещаниями и даже законами и реальностью сегодняшнего положения.

Та элита, которая ещё недавно брала на себя выражение этнонациональных интересов и выступала с националистическим дискурсом, сменила декларируемые идеи и лозунги. На последних парламентских выборах в республиках её кандидаты в депутаты шли уже не с этнонациональными, а с социальными требованиями защиты экономических интересов населения, критиковали правительства за недостаточную демократизацию (слабую демократию).

В результате нередко в республиках складывались причудливые коалиции оппозиционных сил. В Татарстане после выборов в Госсовет 1995 г. оппозиционные силы сделали попытку создания «круглого стола» из среды коммунистов и «националов» (идеологов, которые защищают права максимально возможной независимости, приоритета татарского языка и культуры). Они получили поражение на выборах. Крепкого единения на платформе борьбы с «правительственной номенклатурой» (так они именовали властную элиту) не произошло. Наиболее последовательные националы продолжали критиковать властную элиту за договор с Москвой, в результате которого Татарстан «правильнее будет определять как полугосударство»,³⁴ обвиняли президентскую команду и местную власть за клиентурную модель голосования, за преимущественно персональное лидерство: голосуют не за партии и движения, а за политиков, претендующих на руководство. На что Президент

---

³⁴ Исхаков Д. Модель Татарстана. // «Панорама-Форум». 1995, № 1, с. 47-48. Речь идет об определении, введенном Р.Джексоном, для тех стран, в которых отсутствуют основные предпосылки для самостоятельного и постоянного развития. Д.Исхаков считает, что ограничителем суверенитета республики является Конституция РФ, которая вместе с Конституцией Республики Татарстан, легла в основу Договора о разграничении полномочий от 15 февраля 1994 г.

М.Шаймиев заметил, как говорят, что «членов этих партий можно уместить на диване».³⁵

Действительно, избирательный закон в Татарстане исключает возможность формирования представительных органов власти по партийным спискам. Между тем, избирательный закон Российской Федерации предусматривает голосование по партийным спискам.

Есть расхождение Законов РФ и Татарстана и в формировании местной власти. По российскому законодательству главы администрации избираются прямым голосованием, по татарстанскому — главы местных администраций назначаются президентом. Они же и попадали в депутаты парламента, поскольку могли влиять на избирательные настроения местного населения (построить мост, провести газ, поддержать учителей, школы, конкретно показать, что оппозиционные президенту силы только критикуют, а они дело делают). Новые выборы в Татарстане с 2003 г. будут проходить уже в соответствии с общероссийскими законами.

Парадокс состоял в том, что часть националистических сил стала требовать привести Конституцию и законодательство республики в соответствие с общероссийским законодательством. Так в феврале 1998 г. в Казани состоялся объединительный съезд мусульман, на котором был избран муфтием лояльный к президентской власти Гусман Исхаков. Оппозиционные силы «националов» понимали, что они теряют возможности влияния на правоверных мусульман накануне предстоящих парламентских выборов. В ноябре 1998 г. под их влиянием был проведён второй Курултай, на котором присутствовали представители 30 из 43 районов Татарстана. На Курултае приняли обращение к президенту республики и спикеру Государственного совета, в котором говорится о требовании привести Конституцию Республики Татарстан в соответствие с Конституцией РФ. В обращении руковод-

---

³⁵ «Панорама форум». 1995. № 1, с.49.

ство республики критикуется за то, что государственный суверенитет не принёс народу «ни демократии, ни социальной справедливости, ни национального, ни духовного возрождения» (обратим внимание на то, что национальное и духовное идёт уже не на первом месте — Л.Д.). И самое любопытное, что дальше говорится: «Если требования Курултая будут проигнорированы властными структурами, то мы оставляем за собой право обратиться в Конституционный суд Российской Федерации с целью восстановления конституционных прав народа Татарстана». На Курултае было провозглашено создание общественно-политического движения «Омет» («Надежда»), а возглавил движение Габдулла-хазрат Галиуллы, которого старались отстранить от мусульманского и национального движения официальные власти.³⁶

Оппозиционные силы переоценивали критический настрой населения в отношении деятельности президента М.Шаймиева. Опросы, которые проводились накануне этих событий в Татарстане, показывали, что 43% татар и 36% русских оценивали деятельность М.Шаймиева за последние два года «хорошо», 45% татар и 49% русских — «удовлетворительно».³⁷ А наиболее значимыми проблемами, которые в конце 1990-х гг. беспокоили граждан, были: «неплатежи, задержки зарплаты» — 64%, «рост цен» — 50%, «преступность» — 31%, рост безработицы — 38%, «ход экономических реформ» — 33%. Несмотря на все трудности, 45% населения считали, что экономические реформы надо продолжать, 20,5% — что их следует прекратить. Как видим, повседневные жизненные проблемы существенно снизили интерес к политическим вопросам гражданского общества, и они в числе наиболее значимых просто не назывались.

Опросы 1998-1999 гг., проводившиеся после кризисных событий летних месяцев, показывали, что очевидное большин-

---

³⁶ Постнова В. «Надежда» Татарстана. // «Независимая газета», 23 декабря 1998 г.

³⁷ Исаев Г.А. Отношение населения к суверенитету республики в Татарстане. // Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998, с. 80.

ство затрудняется отдавать предпочтение каким-то политическим партиям или общественным движениям или не отдаёт никому (70 и более процентов ответов среди городских татар и русских). Удастся ли каким-то оппозиционным силам поколебать позиции официально отстаиваемого татарстанским руководством разделенного суверенитета республики, оставалось открытым вопросом.

Критические настроения увеличивались не только в Татарстане, но и в других республиках, выигравших от асимметрии Федерации.

В Саха (Якутии) осмысление интеллектуалами результатов суверенитета происходило в конце 90-х гг. под влиянием двух объективных обстоятельств и одного субъективного, ситуационного фактора. К объективным обстоятельствам относятся экономические. В связи с трудностями экономических реформ в России в целом с конца 90-х гг. Центр стал ужесточать свои отношения с субъектами Федерации, особенно с ресурсными регионами. На фоне этой общей политики в 1997 г. состоялся визит А.Б.Чубайса в Якутск. Во время встречи с правительством, руководством крупнейших компаний и корпораций состоялся серьёзный разговор о ходе реформ, об использовании тех средств, которые оставались в республике от добычи алмазов и золота, о контроле за их использованием.

Я была в Якутске сразу после визита А.Б.Чубайса и брала интервью у представителей властной и деловой элиты. Большинство было под впечатлением этих переговоров. Реакция на них была разной. Президент финансовой корпорации «Сахаал-мазпроинвест» (САПИ) Ф.С.Тумусов говорил о том, что надо было бы заранее договариваться о формах и механизмах контроля за использованием предоставленных республике средств, а сейчас возможен волюнтаризм со стороны федерального правительства.³⁸ Ф.С.Тумусов возглавлял с 1993 г. фонд содействия

---

³⁸ Из архива автора. Запись интервью 10 июля 1997 г.

населению алмазной провинции. В САПИ разрабатывались программы, важные для экономики республики, и теперь надо было держать ответ.

Генеральный директор «Саханефтегаза» М.Д.Ефимов считал позицию А.Б.Чубайса понятной: он добивается эффективного использования средств, эффективности производства.

Приезд А.Б.Чубайса стимулировал в целом обсуждение эффективности суверенитета. Как говорил вице-премьер республики С.Н.Назаров, подходы Центра к отношениям с регионами стали «очень жёсткими». «С точки зрения федеральных органов управления — это планомерный подход и абсолютно новый за последние 3 года, когда в принципе не заигрывают с регионами, называют вещи своими именами». С.Н.Назаров привёл слова Чубайса: «Если мы не будем знать, какой бюджет в республике и как он формируется, то со стороны российского правительства не может быть помощи... Вопросы экономические должны быть прозрачными, чтобы принимать объективные решения».³⁹ И в целом якутская элита восприняла это как справедливое требование. Это был один из первых «звонков» для переосмысления взаимоотношений с Центром.

Но в Саха (Якутии) критично отнеслись к заявлению Чубайса на совещании представителей субъектов Федерации, входящих в «Сибирское соглашение», состоявшемся накануне его приезда, где он говорил: «Да, мы знаем, что вам трудно. Пока будут такие регионы как Татарстан, Якутия, Башкортостан — вам легче не будет». Это заявление оценивали как попытку направить недовольство краёв и областей на республики.

В то же время, в республике считали, что перспектива как раз состоит в интеграции российских регионов. А что касается суверенитета республики, то это не только права, но и ответственность. Поэтому во многих интервью как раз высказывалась мысль о том, что на первом этапе «вседозволенности» (это о вре-

---

³⁹ Из архива автора. Запись интервью 11 июня 1997 г.

мени, когда Б.Н.Ельцин сказал: «Возьмите суверенитета столько, сколько сможете проглотить») суверенитета даже «взяли слишком много». Так, в частности, речь шла о нецелесообразности собственной авиалинии Саха и в целом ответственности за транспортные коммуникации. Председатель Комитета по взаимодействию с Государственным Собранием и общественными объединениями при Президенте Республики Саха (Якутия) В.О.Иванов говорил: «Ну, вот и набрали (о суверенитете)... Где-то реально воспользовались возможностями, а где-то эти нормы оказались мертворожденными». Так, В.О.Иванов говорил о том, что часто законы, принятые в республике, противоречат всероссийским, и это создаёт сложности и экономике, и людям. Например, это касается частной собственности. По российскому законодательству есть государственная, муниципальная и частная собственность. «Частная собственность на землю — в России уже решённый вопрос. А в нашей Конституции этого нет... А сегодня возникают споры, судебные разбирательства... У людей есть частное хозяйство, например, есть у нас предприниматели, люди работают и в сельской местности — им земля нужна... Они обращаются к российской конституции, и дело доходит до суда». В.О.Иванов приводил и другие примеры: о компетенции в сфере обороны, полномочиях в отношении воинских формирований, которые по Конституции РФ — российского ведения, а по республиканской — у Президента Республики Саха (Якутия) есть право вторгаться и в эту сферу. «Этого нельзя делать, и наш президент это понимает». Речь шла о необходимости внести поправки в Конституцию и законы. Но было и осознание того, что вопрос этот непростой, так как сталкивались мнения о верховенстве законов. В реальности ни один закон Российской Федерации не проходил ратификации в Ил-Тумэне (парламент республики), но отменить положение, заявленное в конституции суверенной республики, депутаты не хотели. «Править конституцию мы не хотим, а трансферты от России получаем», «республика сегодня дотационна, хотя мы кричим, что мы сидим на алмазах, на нефти, на газе и лесе и т.д...», «говорить

о суверенитете — это одно, а самостоятельно жить и управлять — это совсем другое».⁴⁰ Это осознание, о котором говорил В.О.Иванов, становилось ещё более широким после кризисных событий августа 1998 г.

Для Саха (Якутии), кроме общего для страны экономического кризиса, имели значение стихийные бедствия — наводнения весной 1998 и 2001 гг. — это второе объективное обстоятельство. Способность республики выдержать все эти трудности проверяла стратегию развития, выбранную и осуществляемую её руководством. И, естественно, в такой ситуации уровень критической оценки его возрастал.

После событий августа 1998 г. в печати Саха (Якутии) появилась широко обсуждавшаяся статья популярного в республике журналиста Спиридона Татаринова «Мы»,⁴¹ в которой была сделана попытка осмыслить себя как народ и ошибки президента М.Е.Николаева. Часть проблем, поставленных журналистом, касалась вопросов, связанных с возможностями реализации суверенитета. Начинал автор с психологических особенностей якутов (Татаринов употребляет не самоназвание народа — саха, а то наименование, которое ему было дано русскими, — якуты). Он обращает внимание на традицию гиперопеки детей в якутских семьях, которая «затрудняет развитие волевых черт, предприимчивости, мужества и способности к самопожертвованию». «Якутский национализм, — пишет С.Татаринов, — обидчивый, капризный, студенческий, невзрослый. У нас высокие притязания и завышенная самооценка, но мы никогда не были настолько мужественными, чтобы решиться самим нести ответственность за свою судьбу. Вечно мы виним в своих бедах других — русских, евреев и даже чеченцев. Наш комплекс неполноценности врачуетсЯ бесконечными ссылками на «временщиков» и общероссийский кризис». Он обращает внимание на ми-

---

⁴⁰ Из архива автора. Запись интервью 11 июня 1997 г.

⁴¹ Кыым, 8 сентября 1998 г., с. 2.

зерность сумм, выделенных правительством США в качестве помощи в связи с наводнением — 25 тыс. долл. Это стоимость «зеркальных дверей Дома правительства». А связывает журналист это с тем, что на Западе умеют считать деньги и, следовательно, мало ценят значимость республики, которая вела шесть лет (время, прошедшее после принятия Конституции с суверенитетом) маниловские⁴² разговоры о «вхождении в мировое сообщество». «Мы вошли в это сообщество, кланча подавая в золотую кружку, усыпанную алмазами».

Наводнение вскрыло просчёты президента М.Е.Николаева. Их журналист видит, прежде всего, в том, что не надо было беспечно обращаться с «небывалыми финансовыми ресурсами», которые стали оставлять от алмазов республике. Речь шла о построенных дорогостоящих сооружениях (стадион, медицинский центр), на поддержание которых теперь не будет даже хватать средств, о джипах и коттеджах для вождей нации. Он обвиняет властную элиту в «поощрении и разжигании в якутском народе изживенческих, паразитических и стяжательских инстинктов». Они есть в любом человеке из любого народа, но «потребительский азарт» был стимулирован и в верхушке, и в простом народе со стороны президента. «Разные люди, — пишет журналист, говорили похожие по смыслу слова: «богадельня», «интернат», «заповедник социализма», «кормушка». Он считает, что, смотря на западные страны, власть не поняла, что за обществом потребления стоит «героическое преодоление» осторожная, рациональная трата денег. А в результате «у Республики Саха есть соответствующие суррогаты почти всего, чем обладают другие государства. Суррогатный суверенитет, суррогатный президент, суррогатный парламент, суррогатные деньги».

Естественно, по поводу таких оценок в республике шла полемика. Отвечая С.Татаринovu, ученый, публицист А.Криво-

---

⁴² Манилов — персонаж книги Н.Гоголя «Мёртвые души», нарицательный образ пустого мечтателя, любителя строить воздушные замки и не делающего дело.

шапки писал, что «многие негативные события, происходящие сейчас в Якутии, имеют объективные социальные причины, над которыми наш президент, естественно, не властен».⁴³ Причины распространения низменных стяжательских страстей отсутствие твёрдых законов, обязательных для всех. Президенту, «возможно, следовало бы вести более самостоятельную политику, опираясь на здоровые силы своего народа», но в России такая традиция, что только поладивший с «самодержцем» имеет крохи с барского стола. Поэтому автор считал, что М.Николаев был прав, когда поддерживал Б.Н.Ельцина, и этим он мудро получил льготы для своего народа.

И вот теперь о третьем — субъективном факторе, который влиял на особый статус республики и, как очевидно из интервью и общения с якутянами, осознавался ими. В политологии и социологии его называют клиентурным. Президента М.Е.Николаева считали другом Б.Н.Ельцина. Напомним, он ещё в горбачёвские времена отказался отправлять золото и алмазы Союзу и стал передавать их России. А Б.Н.Ельцин сказал ему: «Устанавливай суверенитет, принимай Декларацию».⁴⁴ 20% от стоимости реализованных алмазов стали оставаться в республике. Но, когда российский президент стал болеть и положение его стало непрочным, М.Е.Николаев стал налаживать контакты с А. Лебедем. Президентская команда ему этого не простила. А впоследствии им были сделаны попытки установить отношения и с Ю.Лужковым. В 1998 г. удовлетворение потребности в финансовой поддержке для северного завоза сократилась до 5% (в 1990 г. от государства поступало 90%). От республики требовали «возвратить выделенные по бюджетным ссудам средства».⁴⁵ Но их все израсходовали, и вернуть было не из чего. В ноябре 1998 г. М.Николаев обратился к федеральному правитель-

---

⁴³ Кривошапкин-Айыга. Не мы. Кыым. 11 сентября 1998 г., с. 2.

⁴⁴ Интервью А.А.Томтосова. // Говорят лидеры республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробижевой. М. 1996, с. 148.

⁴⁵ «Независимая газета», 10 ноября 1998 г., с. 3.

ству с просьбой списать их. Он считал необходимым «обеспечить государственный протекционизм на территории всего севера России», использовать чрезвычайный бюджет для республики и полагал, что «регионы, дающие стране две трети поступлений от экспорта», заслуживают этого.⁴⁶

Между тем, рыночные отношения меняли принципы взаимодействия предприятий и учреждений. Транспортники, поставщики продукции требовали предоплаты. И в Центре правительство считало, что, пользуясь особыми правами, республика должна брать на себя и больше ответственности. И, как читатель мог видеть из интервью и примечательной дискуссии в печати, в Саха (Якутии) созрела готовность привести в соответствие республиканское законодательство с основами законодательства Федерации. Но всё же условием этого выдвигались гарантии сохранения конституционно-договорных отношений в федерации.⁴⁷

Были симптомы развития отношений с Центром в этом направлении и в других республиках. В Туве с сентября 1996 г. по октябрь 1997 г. были приняты семь республиканских законов, которыми в конституцию республики внесены 37 поправок.⁴⁸

Но, как нам приходилось наблюдать за поведением представителей Тувы на парламентских слушаниях по основному, противоречащему Конституции Российской Федерации вопросу о праве республики на выход, изменений в позиции республики до 2001 г. не было. По другому принципиальному вопросу — о верховенстве законов — противоречия снимались тем, что никакой ратификации федеральных законов не осуществлялось, а в случаях с разграничением полномочий республика охотно шла на делегирование своих полномочий по конкретным воп-

---

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Бравин А.Д. Государство и общество в развитии федеративных отношений. // Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей. М., 1998, с. 69.

⁴⁸ Козлов И.С. Новые тенденции в отношениях субъектов Федерации с органами власти Центра. // Асимметричная федерация., с. 49.

росам не собственно федеральному Центру, а его отраслевым органам — министерствам и государственным комитетам.

Совершенно очевидно, что какие-то позиции асимметрии в федеративных отношениях были больше декларативными, статусными, а какие-то оперативными, конкретными, влияющими на каждодневную жизнь людей, функционирование хозяйства. К ним, прежде всего, относились бюджетные отношения субъектов федерации с Центром. В научной литературе эти проблемы именовались бюджетным федерализмом. Именно по ним разгорались споры не только по оси республики — Центр, но и между субъектами федерации. В принципе во всех федерациях Центр стремится «выжать» из субъектов максимум для обеспечения «государственных интересов», определяемых, как правило, им самим. Субъекты же федерации — всегда конкуренты при разделе государственных заказов, субсидий и дотаций. Конфликты обычно регулируются путем компромиссов.

Особенность Российской Федерации сейчас в том, что не декларативные, а реальные федеративные отношения, тем более на договорной основе, явление новое, исторически непривычное и, к тому же, использовалось в разных ситуациях в политических целях удержания власти. Поэтому объективные различия в социально-экономическом положении субъектов, являющиеся оправданием разнообразия бюджетных отношений, нередко дополнялись «персональными» соглашениями, основания которых оставались закрытыми для общества. Именно это и вызывало протесты в тех субъектах федерации, которые особым положением не пользовались. Большинство этих субъектов — области. Отсюда неоднократные попытки Центра (Г.Н. Бурбулиса — накануне Конституционного совещания 1993 г., А.Б. Чубайса — на совещании Сибирского соглашения в 1997 г. и др.) столкнуть интересы областей с республиками, имеющими особые договоры, с целью мобилизовать максимально возможно больше средств в Центре.

Стрелки противоречий в одних случаях поворачивались против республик, а в других — ресурсные субъекты Федера-

ции, республики и области — доноры, протестовали против направления собранных у них средств в регионы, так называемой депрессивной группы (Тува, Дагестан, Агинский — Бурятский автономный округ и др.). Поэтому как среди республик, так и среди областей и краев отношение к асимметрии федерации было разным.

В областях, которые добились особого статуса (преимуществ в глазах других субъектов, — например, Свердловская область), асимметричность федерации воспринималась как естественное явление, связанное с той или другой спецификой территорий. Одним из аргументов губернатора Свердловской области Роселя была высокая доля военно-промышленного комплекса, в Калининградской области анклавное, пограничное положение, в Магаданской области — особенности северной приморской территории с монопрофильной производственной ориентацией (добыча золота, на продажу которого существует государственная монополия, и рыбный промысел)⁴⁹ и т.д.

Кроме того, аргументом было: среди республик есть те, которые имеют особый статус, значит и области могут заключать особые соглашения, это нормальное явление. «Договорный процесс это новый долгосрочный и мощный инструмент строительства основ российской государственности — с сильными и равноправными между собой северными регионами», — писал один из основных разработчиков магаданского договора — А.Н. Пилясов.⁵⁰

Вице-губернатор Магаданской области В.И.Кобец в период, когда как раз в Москве шло подписание договора с областью, говорил нам в интервью: «Магаданская область, как и любая территория России, имеет свои особенности... Одна из ошибок (Центра — Л.Д.) это попытка закон сделать единым... распространяя его на все субъекты федерации». Им приводился пример с золотом — это для территории основная отрасль. На него ус-

---

⁴⁹ Российский Север и федерализм: поиски новой модели. Отв. редактор Пилясов А.Н. Магадан, 1997.

⁵⁰ Там же, с.5.

тановлена государственная монополия. Область отдаёт золото государству, которое само назначает цену, ориентируясь на мировой рынок (и даже вырученные средства не доходят до области). А тем временем, все другие товары, которые получает недропользователь, он получает на рынке свободных цен. «От республик мы отличаемся тем, что у них очень много прав, а у нас нет. Рядом Саха республика, она может часть своей продукции продавать, в том числе и на внешнем рынке, алмазы, допустим. Она получает часть золота, а у нас нет этой возможности. Потому что республика — это нечто большее, чем область...

У республик намного больше прав. Я вообще хочу сказать, что, к сожалению, не получается равноправия субъектов Федерации, только обозначено, что они равноправны. Есть много преимуществ у различных субъектов, льгот, которые предоставляет правительство в зависимости от того, республика или область: ряд таможенных льгот, льгот на завоз оборудования, поставляемого на свою территорию, ряд преимуществ, которые республика самостоятельно получает по разным видам дотаций».

В области считали несправедливыми не только особые права Саха (Якутии), но и Москвы в отношении таможенных пошлин. «Если в Москве ввозят товары, имея льготы, то для меня это странно, — говорил вице-губернатор, — в Москве есть, а у нас нет. Почему? Это вот неравенство уже не с республиками, а по принципу «кто ближе к Кремлю, тот и в выгоде...»⁵¹

Поэтому договор с областью предусматривал ряд соглашений по свободной экономической зоне, по использованию недр и в отношении таможенных пошлин. В области считали, что, как и в Саха (Якутии), здесь должна оставаться часть налоговых поступлений вместо того, чтобы потом, после перекачки налогов в Центр, получить часть их через трансферты. Примечательно, что последнее соображение, высказанное Л.В. Якубович —

---

⁵¹ См.: Асимметричная федерация: взгляд из Центра, республик и областей / Отв. редактор Л.М. Дробизева. М., 1998. С. 165-168.

начальником Управления финансов Администрации — связывалось с этнонациональным ущемлением. «Вот мы и почувствовали ущемлённость таких исконно русских территорий по сравнению с республиками», — заметила она.⁵²

Этнонациональный аспект асимметричности федерации — это была практически третья ось противоречий. И в кризисных ситуациях — в период борьбы президента и парламента в 1993 г., в пике нарастания экономических трудностей в летние месяцы 1997 и 1998 гг., в Центре и в русских областях всегда находили «невыполненные обязательства» или «привилегии» прежде всего у республик, и подспудно это оборачивалось антитатарскими, антибашкирскими, антиякутскими, антикавказскими настроениями.

В книге, которую мы готовили по Проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности»,⁵³ эксперты высказались об отношении к асимметричности федерации. Очень примечательным было мнение председателя Комитета по межнациональным отношениям Администрации Оренбургской области, доктора исторических наук В.В.Амелина. С одной стороны, он писал: «Хочется подчеркнуть, что недовольство асимметрией направлено, в основном, против центра». С другой — возмущался тем, что идёт сокращение финансовой поддержки большинству регионов, в том числе Оренбургской области: «То есть, идёт перекалывание финансовых и социальных издержек, связанных с проводимым экономическим курсом, на области, края. Вместе с тем, основным получателем трансфертов становится Северо-Кавказский регион... По многим позициям это несправедливо... Область не имеет тех преимуществ, которые имеют соседние республики Башкортостан и Татарстан...» Межбюджетные отношения и налоговая поли-

---

⁵² Асимметричная федерация..., с. 172.

⁵³ Под этническими границами имеются в виду не территориальное расселение народов, а субъективно осознаваемая дистанция в межэтнических соглашениях.

тика — центральные, важнейшие вопросы, по мнению автора. «Оренбургская область не дотационная, она доходная, но из центра она постоянно недополучает средства, предусмотренные бюджетом... Фактически унитарная система построения взаимоотношений с субъектами Федерации сохраняется», замечает В.В.Амелин.⁵⁴

Оренбургская область представляет по большинству населения русскую область (72%), но соседствует с Башкортостаном, Казахстаном, недалеко Татарстан, Удмуртия. Межрегиональные сравнения здесь всё время пересекаются с этнонациональными. Поэтому, когда приезжаешь в область и разговариваешь с людьми, постоянно слышишь сравнения: «А у татар-то вон как живут», «башкиры, посмотрите, что сделали!».

Не случайно, видимо, в области в 1996 г. прошла большая региональная (с приглашением учёных и политиков из Татарстана, Башкортостана, Москвы) конференция о русском народе. На ней затрагивалось среди других вопросов и положение с конституциями и договорами республик.

Представители Татарстана говорили (И. Тагиров, Р. Хакимов): «Мы поддерживаем идею о выравнивании прав с областями — дотягивайтесь до наших полномочий».

В связи с этим заместитель председателя Законодательного собрания Оренбургской области В.Л.Нефёдов говорил нам в интервью: «С одной стороны логично: заключайте договор, применяйте свои какие-то методы давления на центр. Вроде бы хорошо. Но, первое отличие — у нас нет национального флага. Хитро же всё устроено! Размахивая национальным флагом, добиваются своей экономической независимости. Мы же не можем махать и кричать, что мы — казачья Оренбургская республика и т.д. Во-первых, мы не разыгрываем и не можем разыграть эту национальную идею. Мы — не титульная нация, не имеем здесь никакого государственного образования, не можем выступать

---

⁵⁴ Там же, с. 111, 114, 115.

от имени русских... Во-вторых, если каждый «дотянется» до уровня Татарстана и Башкортостана, то центр просто рухнет. Мы тоже это понимаем...

Нужно заключать единый для субъектов Федерации договор. И сделать нивелировочку, что все субъекты Федерации равную часть доли вносят на содержание центра. Не отдельные соглашения должны быть — это порочный круг, а единый Федеральный договор, под которым все должны подписаться.

При подписании такого договора доноры должны быть выделены. Там должно быть сказано, что те, кто являются донорами, имеют условия более мягкие или льготные. Именно доноры. Не потому, что это республика, а это область, а важно, что они отдают больше в центр».⁵⁵

Мэр Москвы Ю. Лужков говорил в Совете Федерации: «Мне всё больше и больше приходит в голову мысль, желание стать городом Татарстана. И в этом случае Москва, потеряв самостоятельность, приобретёт... небывалый экономический потенциал, потому что те налоги, которые платит Татарстан и некоторые другие республики... несоизмеримы с тем, что платит Москва или другой областной... субъект Российской Федерации».⁵⁶ Это, конечно, не могло не вызвать поддержки у руководителей других областей. Но, когда всё это озвучивалось для более широких масс, то могло вызывать не просто антитатарстанские, но и антитатарские настроения.

Высказывания авторитетных представителей правительств (администраций) областей — это мнение элиты. Властной элите в областях люди доверяют, безусловно, больше, чем правительству России, но меньше, чем доверяют массы в республиках своему руководству.

---

⁵⁵ Там же, с. 177.

⁵⁶ Архив Совета Федерации. Цит. по: Аринин А.Н. Проблемы развития российской государственности в конце XX века. // Федерализм власти и власть федерализма. М.. 1998, с. 62.

Областная элита довольно конкурентно относилась к правам республик и не всегда считала оправданным то, что у республик есть большие возможности в распоряжении ресурсами. А что думало по этому поводу население?

Мнения городских жителей областей, которые больше информированы, распределились следующим образом: 51% оренбуржцев и 59% магаданцев считали, что «землём, природными богатствами области должна распоряжаться *только область*», 20% оренбуржцев и 23% магаданцев — что «ими должны распоряжаться и области, и Российская Федерация *вместе*» и 8% оренбуржцев и 3% магаданцев полагали, что это прерогатива Федерации.

Таким образом, представление о праве региона распоряжаться ресурсами было не только в республиках, но и в областях.

В 1996–1998 гг. имело место усиление регионализма. Особенно в связи с дефолтом. Это выразилось в неуплате налогов (Томск, Омск, Новосибирск, Иркутск и др.), запретах на вывоз продукции, административно-принудительном регулировании цен, попытках контроля за финансовыми потоками (создание совместных расчетных пулов в Самарской области, банковского пула на Камчатке и т.д.). В 1999 г. шла борьба за то, чтобы предприятия и организации платили налоги не по месту их регистрации, а реального местонахождения. «Бюджетный федерализм» стал основным спорным сюжетом отнюдь не только в отношении с республиками. В этих условиях уже правительство Е.М. Примакова стало открыто заявлять о необходимости усиления властных полномочий Центра. Сначала стимулировали представление о возможном «развале России», хотя кроме ситуации вокруг Чечни такой опасности уже не было. Россию скрепляют не только финансовая система, железные дороги и другие транспортные магистрали, естественные монополии — РАО ЕЭС, Газпром, нефтяные компании, которые действуют в союзе с федеральным правительством и стали главными проводниками политики Центра.

Однако руководителям Центра это представляется недостаточным. Укрепление ветвей власти проводится под знаком «за-

кон и порядок», что в общем отвечало, как показывали опросы, общественным настроениям россиян (54% поддержки в 2000 г., по данным ВЦИОМ). В эти представления укладывалось и отношение к отклонениям от Российской Конституции в субъектах федерации, прежде всего в республиках. Отсюда не сопротивляемость созданию института уполномоченных президента РФ в 7 округах.

Общественные настроения в республиках и областях заметно меняются. Если ещё несколько лет назад существенно преобладали эмоции, оценки советского прошлого, психологические ощущения ущерба, потерь, задетого чувства достоинства, то теперь всё больше рационального подхода и в поведении, и в отношениях с Центром. В республиках всё чаще осознают рациональность принципа верховенства законов Федерации и, как показывает опыт, ищут компромиссы. Но конкурентность областей с республиками в отношениях с Центром сохраняется и переносится в этнонациональную сферу. Самая большая опасность, которую важно избежать руководству субъектов федерации и федерального Центра, это перенести решение противоречий ветвей власти по вертикали в сферу межнациональных отношений. Есть основания полагать, что руководство Центра и республик понимают эту опасность. Об этом свидетельствуют визиты В.В. Путина в Татарстан и Башкортостан в 2002 г., деятельность Госсовета Татарстана по согласованию законодательной базы республики и федерального Центра, реакция Путинской администрации, которая воздерживалась от радикальных шагов (ропуска Госсовета), но настойчиво проводила свои решения, в том числе с использованием способов согласительных процедур.

Недавняя история: конфликт и общность интересов субъектов федерации.

Общественные настроения в республиках и областях заметно меняются. Если еще несколько лет назад существенно преобладали эмоции, оценки советского прошлого, психологические ощущения, ущерба, потерь, задетого чувства достоинства, то

теперь все больше рационального подхода и в поведении, и в отношениях.

Одни ориентации и представления удерживаются очевидно стойко, другие оказываются чрезвычайно ситуативными.

Этот раздел мы оставляем в книге, отдавая себе отчет, что актуальность проблем суверенитета республик в 2003 г. терялась. В законодательном поле большинства российских республик, после согласования законов с федеральными, суверенитет теперь отсутствует. А в дискурсивной идеологии присутствует лозунг: «В России должен быть один президент» (Программное требование «Единой России» — ликвидация постов президентов республик во всей России).

Тем не менее, в развитии отношений Центра и регионов в недавнем историческом опыте есть немало поучительного и потому стоит к нему обратиться, а кое-что учесть.

Наиболее дискутируемым вопросом в отношениях с центром и с областями для республик был их суверенитет. Мы уже остановились на идеологии элит и мнении жителей республик. Еще раз обратимся к данным опросов.

В 1997 г., отвечая на вопрос «Какое развитие Татарстана (для якутян — Саха (Якутия) Вам кажется лучше?», больше всего татар (55%) и русских (48%) в Татарстане, так же как якутов (78%) и русских (42%) в Саха (Якутии) ответили: «Как суверенного государства в составе Российской Федерации». Такие мнения мы оцениваем как выражение паритетного национализма.⁵⁷ Уже в 2002 г., оценивая суверенитет республик, более 40% русских в Татарстане и примерно столько же в Саха (Якутии), более 70% якутов и 50% татар считали, что за это время произошли изменения «к лучшему» или «в чем-то к лучшему, в чем-то к худшему». Речь идет о так называемом гражданском (государственном) национализме, который разделяют и титульные национальности,

---

⁵⁷ Дробжишева Л.М., Аклаев А.В., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма. М., 1996. С. 372.

и русские. В нем, конечно, есть элементы этнонационализма татар. Поэтому среди русских меньше разделяющих это мнение, но все же в Татарстане — почти половина горожан.

В значительной мере это результат целенаправленного формирования республиканской общности «мы татарстанцы», «мы якутяне».

В Татарстане такая общность формируется относительно давно, еще с периода противостояния центру в периода проведения референдума о суверенитете республики и принятия Конституции 1992 г. Не случайно, уже на референдуме более 60%, следовательно, не только татары, но и часть русских, голосовали за суверенитет республики (Формулировка при голосовании была сложной: «Независимое государство, ассоциированное с Российской Федерацией, субъект международного права», но в обыденном сознании масс оно означало — суверенитет, самостоятельность, но в России).

В других республиках, в том числе в Саха (Якутии) в дискурсе (в официальных документах, прессе, выступлениях лидеров) тоже давно проходит идеологема «мы якутяне», но целенаправленно активно формируется республиканская общность в последние два года.

В мае 1996 г. была проведена учредительная конференция «Мы Якутяне». Очень примечательным было то, что в политических ориентациях участники этой конференции (из 20 условий прибыло 120 человек) разошлись, но были едины во многих других интересах. В обращении конференции говорилось, что жители Северного края собрались, чтобы «объединить свои усилия в решении собственных судеб в процессе обновления и процветания Республики Саха (Якутия)». «Каждый, кто живет или когда-либо жил на Севере, знает, что без локтя друг друга, добросердечного участия соседа невозможно выжить в наших экстремальных условиях... Мы должны объединиться для того, чтобы самим позаботиться о благосостоянии каждого якутянина и превратить слова, записанные в Конституции Республики о том, что богатства Якутии принадлежат ее народу, из декла-

рации в реальность... сделать это должны мы сами — граждане Республики Саха (Якутия)». ⁵⁸

Идеологи Саха (Якутия) считают, что для объединения вокруг национальной идеи создано общественно-политическое движение «Мы Якутяне» (возглавляет его Президент финансово-промышленной корпорации Ф.С.Тумусов). Национальная идея по Ф.С.Тумусову, как он говорил нам во время интервью летом 1997 г., фокусируется в политике на федеративном устройстве государства и достижении равных возможностей для каждого народа в республике и осознании перспектив народов Якутии в России. А консолидация населения республики достигается, по мысли участников движения, вокруг единства социальной цели. ⁵⁹

Конечно, идеи внутри республиканской межэтнической консолидации во имя социальных целей разделялись не всеми. Какая-то часть, в основном русского населения и живущих прежними представлениями лиц титульной национальности, считали в 1997 г. положение «республики в составе Российской Федерации» более желательно (43, 45% русских в городах Татарстана и Саха (Якутии) и 16% татар и 9% якутов в них). Другая часть — 21% татар и 12% якутов и 3,6% русских в городах республик считают, что предпочтительно было бы развитие Татарстана и Саха (Якутии) «как независимого государства вне Российской Федерации» (см. диаграмму 1, 2). Правда, лишь 13% и татар и якутов полагают, что «со временем республика все равно выйдет из состава Российской Федерации». Среди русских это мнение разделяют 6-8%. И 17% татар и 3% якутов думают, что это будет зависеть от исполнения Договора и других обязательств.

---

⁵⁸ Винокурова У.А., Артамонова М.П. Национализм Республики Саха и якутов Статья на международную конференцию по Проекту «Второе национальное возрождение» Национализм, национальные движения и образование национальных государств в поздно- и посткоммунистическом обществе. Мангейм, 1998. С. 18-19.

⁵⁹ Кириллина В. Основа консолидации — единство социальной цели // Новая Якутия. 1997. №2.

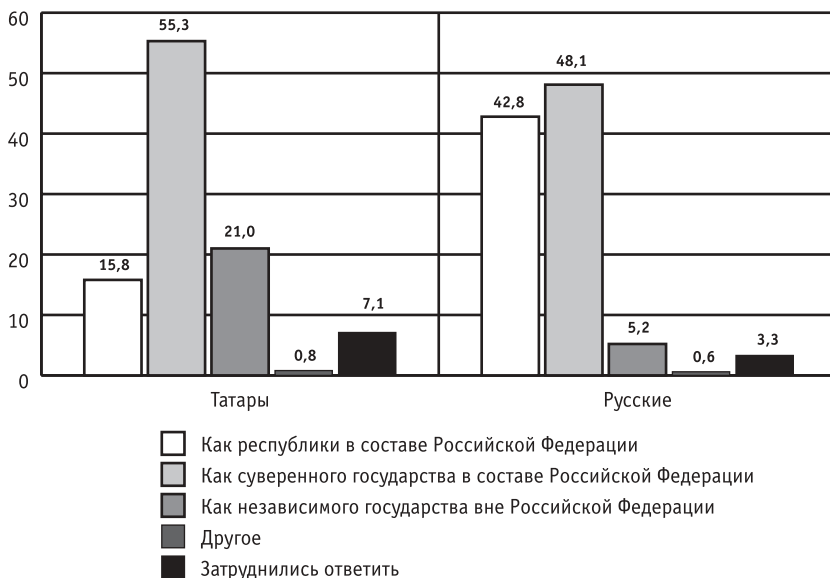
Диаграмма 1. Мнения о желаемой мере суверенитета республик

Варианты ответов на вопрос:

«Какое развитие Вашей республики Вам кажется лучше?»

(% от числа опрошенных в каждой национальной группе)

Ответы респондентов Республики Татарстан

Ориентации в перспективе, естественно, зависят от оценки результатов процесса суверенизации. Среди татар 45% и среди якутов 42% считают, что в результате провозглашения суверенитета «есть перемены к лучшему», и еще соответственно 20-33% полагают, что есть изменения «в чем-то к лучшему, в чем-то к худшему». 23% татар и 15% якутов считают, что никаких изменений не произошло (данные по городскому населению). Это мнение разделяют 42% русских в Татарстане и 35% в Саха (Якутии). «Перемены к лучшему» видят среди низ соответственно 18 и 6%, а в «чем-то к лучшему, в чем-то к худшему» — 25-27%. 8% русских в городах Татарстана и 23% в городах Саха (Якутии) видят изменения от суверенитета «к худшему» (см. диаграмму 3, 4).

Диаграмма 2. Мнения о желаемой мере суверенитета республик**Варианты ответов на вопрос:****«Какое развитие Вашей республики Вам кажется лучше?»****(% от числа опрошенных в каждой национальной группе)****Ответы респондентов Республики Саха (Якутия)**

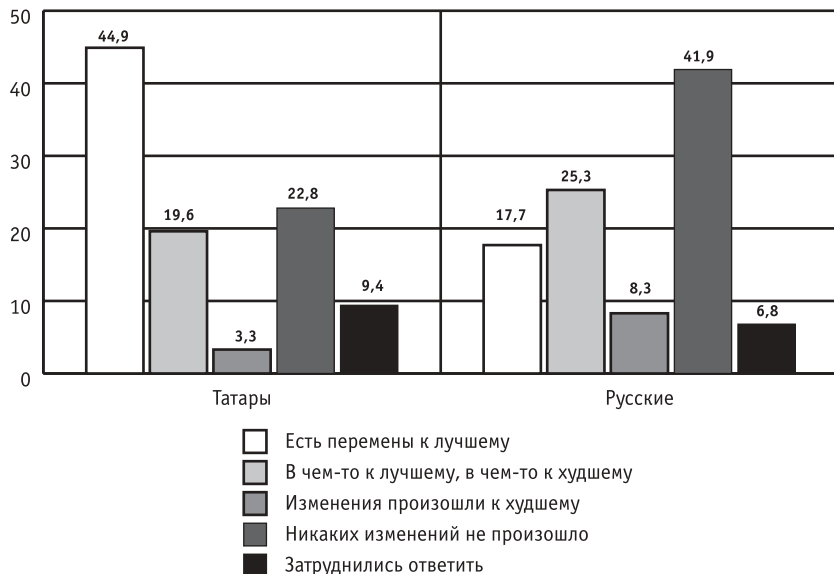
Итак, очевидно, что отношение к суверенитету разделяет титульные национальности и русских. Но в Татарстане заметно меньше, чем в Саха (Якутии). Какие-то перемены к лучшему видят в результате суверенитета республики 43% русских в Татарстане, и даже в случае отделения республики от Российской Федерации 28% русских полагали, что для них ничего не изменилось бы. И так же считает большинство татар. Это, несомненно, сближает общины и является одним из объяснений благоприятных межэтнических отношений. Можно сказать, что здесь они строятся не только на традиции толерантности, но и на общих интересах.

В Саха (Якутии) согласованность интересов взаимодействующих этнических групп меньше, и толерантные отношения

Диаграмма 3. Мнения о результативности провозглашения суверенитета республикой

«Привело ли провозглашение суверенитета Вашей республикой к каким-либо изменениям? Считаете ли Вы что...»
(% от числа опрошенных в каждой национальной группе)

Ответы респондентов Республики Татарстан

больше держатся на традициях взаимопомощи жителей Северных территорий, опасениях враждебных столкновений. Правда, лишь 11% русских считали, что в случае отделения республики от Российской Федерации их положение ухудшится, возможно потому, что такого варианта они не чувствуют в реальности или оттого, что от центра поддержки не видят.

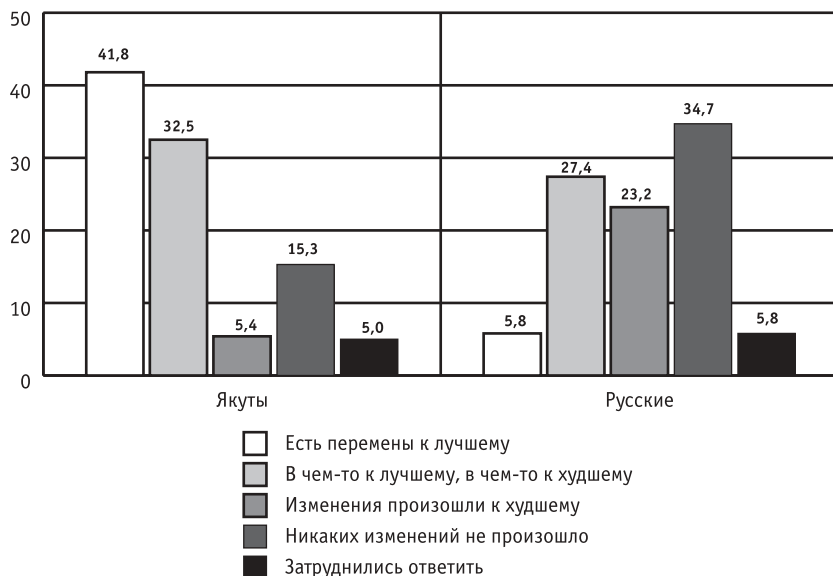
Отчего русские чувствуют негативные стороны суверенитета — очевидно. Это вопрос участия во власти и престижа, положения в республике. Даже те, кто не был занят в управлении, ощущали себя старшим братом.

В Татарстане отношения уже давно строились на партнерстве, и тем не менее 65% русских респондентов считают, что русские «оказывали большую помощь другим народам страны»

Диаграмма 4. Мнения о результативности провозглашения суверенитета республикой

«Привело ли провозглашение суверенитета Вашей республикой к каким-либо изменениям? Считаете ли Вы что...»
(% от числа опрошенных в каждой национальной группе)

Ответы респондентов Республики Саха (Якутия)

(среди татар такого мнения придерживаются 25%, а 35% считают, что помощь оказывали далеко не всегда и не во всем). В Саха (Якутии) 84% русских считают, что «русские оказывали большую помощь другим народам» (так считают 46% якутов, а 30% — «помощь была не всегда и не во всем»),

И еще важнее то, что «при устройстве на лучшую работу», и тем более «в возможностях занять высокий пост», у русских шансов меньше, чем у людей титульных национальностей в республиках.

Отвечая на вопрос «Что сегодня необходимо Вашему народу?», русские в республиках после «наведения порядка» (около 80% выборов), «оздоровления природной среды» (52–68%), «развития рыночной экономики» (63–43% выборов) называли: «обес-

печение интересов моего народа в руководящих органах республики» — 37% и в Татарстане, и в Саха (Якутии).

Конечно, судя по ответам, русских, ощущающих ограничения, — одна треть. Еще меньше тех, кто на протяжении своей жизни испытывал ущемления из-за национальной принадлежности: среди русских в Татарстане 9% (среди татар — 4%) и в Саха (Якутии) — 15% (у саха — 20%), а с плохим отношением к себе из-за национальности в повседневной жизни сталкивалось 15% русских в Татарстане (среди татар — 4%) и в Саха (Якутии) — 23% (среди саха — 39%). Таким образом, отстраненность от участия во власти больше присутствует в психологических ощущениях, нежели в реальной жизни каждого человека, но важно, что именно она со стороны русских воспринимается как этническая граница, как явление, дистанцирующее их от титульных национальностей.

Очевидно, что большинство русских, так же как и людей титульных национальностей, этого разграничителя в повседневной, реальной жизни не ощущает.

Тем не менее восприятие изменений своих позиций способствовало в последние годы этнической консолидации и русских, актуализации у них этничности. В сравнении с опросом 1994 г. доля русских, которые «никогда не забывают о своей национальности», выросла и стала такой, как была у татар в период этнической мобилизации в начале 90-х годов. А доля тех, кто считает, что «любые средства хороши для защиты интересов своего народа», составила четверть населения у городских русских в Татарстане и Саха (Якутии), (у татар — 25%, а у якутов — 34%).

Для русских это новое явление. Скорее всего, это самочувствие — реакция не только на повышение статуса титульных национальностей в республиках, но на общую ситуацию в стране и в мире, на неблагополучие и неуверенность в будущем. Во всяком случае, психологическая межэтническая дистанция от этого растет. И несмотря на то, что общая оценка межэтнических отношений ни в Татарстане, ни в Саха (Якутии) в целом не ухудшилась в сравнении в 1994 г., все же напряжение, как видно при

сопоставлении разных показателей в Саха (Якутии), ощущает около трети населения, а в Татарстане — около четверти.

Обращает на себя внимание, что *рассогласованность интересов* относительно статуса республик в составе Российской Федерации (республика; суверенная республика в составе Российской Федерации; независимое государство) *во всех социальных группах имеет место, но более она заметна среди специалистов*. Например, среди русских специалистов 50% хотели бы видеть Татарстан как республику в составе РФ и 44% — суверенной республикой в ее составе, а среди татарских специалистов 65% — за суверенную республику и 16% — за республику в составе РФ; у рабочих же более согласованные ориентации — 46% русских и 51% татар хотели бы, чтобы Татарстан был суверенной республикой в составе Российской Федерации.

С точки зрения возрастной в Татарстане наибольшая рассогласованность интересов, связанных с суверенитетом, наблюдается в старших возрастах за счет высокой ориентации русских на прежнее положение республики, а татар — на суверенитет республики в составе РФ. В Саха (Якутии) рассогласованность достаточно велика по всем возрастным группам.

Но суверенитет республики для многих людей — понятие достаточно абстрактное или наполняемое разным смыслом. И даже среди ученых спорят о возможности суверенитета в рамках Федерации, говорят о разделенном суверенитете, о суверенитете политическом и экономическом. И действительно, суверенитет бывает отличающийся. Чтобы конкретизировать понятие и сделать его однозначно понимаемым хотя бы в одной сфере, мы в интервью спрашивали: «С каким утверждением Вы бы больше согласились? Землей, природными богатствами республики должны распоряжаться:

- только Саха (Якутия) / Татарстан
- только Российская Федерация
- или должны распоряжаться и Саха (Якутия) / Татарстан и Российская Федерация вместе
- зависит от обстоятельств, от типа ресурсов и др. Среди

титульных национальностей преобладал первый выбор: так среди городских татар его сделали в 1997 г. 64%, якутов — 54%; 23% татар и 43% якутов считали, что распоряжаться ресурсами должны вместе республики и Федерация. В 2002 г. 61% татар и 54% якутов придерживались первого выбора и 28% татар и 43% — третьего.

Мнение русских в Татарстане разделилось в 1997 г. практически поровну: 41% сделали первый выбор, 44% — третий. А в Саха (Якутии) за распоряжение только республикой высказалось 35%, а за совместное распоряжение — 53%. Но за распоряжение только Российской Федерацией, т.е. центром, высказалось всего 3-6% в этих республиках. В 2002 г. треть русских в Татарстане и Саха (Якутии) делали первый выбор и 43-44% — третий.

По результатам опросов (они в 1997 г. проходили еще и в Северной Осетии-Алании) очевидно, что мнение о праве на использование ресурсов достаточно устойчиво. В тенденциях оно повторило результаты опросов, которые мы проводили и в 1994 г., и в 1995-м по Проекту «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов» в этих республиках и в Туве.

Мнения об использовании ресурсов отличаются у титульных национальностей и русских, но в целом в них больше сходства, чем отличий. Во всяком случае, основные выборы концентрируются на первой и третьей позиции и только в одном случае мнения разошлись больше чем на треть.

Таким образом, условно называемая этническая граница между русскими и титульными национальностями еще более сузилась и уже более уверенно можно сказать, что она в политической сфере концентрируется вокруг символического значения суверенитета и позиций о полном суверенитете или выходе из состава Российской Федерации, но, как мы видим, такие мнения разделяются явным меньшинством. (Диаграммы 1-4).

Второе направление, которое мы исследовали по Проекту — уровень конфронтационности между областями и республиками. Как это осмысливается теоретиками и практиками в управ-

лении, читатель уже видел из предыдущих разделов главы. А теперь обратимся к массовому общественному мнению.

О характере взаимоотношений области с центром знают немногие. В Оренбуржье — области, администрация которой одной из первых (среди областей) подписала Договор с правительством Российской Федерации, 60% даже живущих в городах не знают, что он дал, 27% считают, что никаких изменений от этого не произошло, а 55% считают себя неосведомленными в этом.

В Магадане, где опрос проходил летом 1997 г., как раз когда глава администрации подписывал Договор в Москве, о нем что-то знало 33% горожан. Поэтому всего около 20% считало, что надо стремиться к подписанию такого Договора.

О том, что республики отличаются по своему положению, респонденты обычно знали, а в Оренбуржье считали, что люди в соседних республиках (Татарстане, Башкортостане) живут лучше. Это мнение имело под собой основание. В сравнимой ситуации в городах Оренбуржья работой были удовлетворены (вполне и скорее удовлетворены) 33% и 20% — не удовлетворены из числа всех опрошенных, а в Татарстане — удовлетворены 42-45% русских и татар, а не удовлетворены 18-21%. Т.е. практически равные доли татар и русских (по условиям выборки возможны отклонения в 5%) были удовлетворены работой.

В Татарстане материальным положением (в городах) удовлетворены и скорее удовлетворены среди русских и татар 40-43% и не удовлетворены 57% в той и в другой группе. А в Оренбуржье удовлетворены 14%, а не удовлетворены 81%, причем совсем не удовлетворены среди них — 58%.

Но дело не только в статусном различии субъектов Федерации. Например, между якутянами и магаданцами по приведенным показателям различий меньше. Удовлетворены работой среди саха и русских 43-63%, не удовлетворены 22-35%, среди магаданцев удовлетворены 39%, не удовлетворены 26%. Материальным положением среди саха и русских в Саха (Якутии) удовлетворены 23-29%, не удовлетворены 77-71%, среди магаданцев удовлетворены 21%, а не удовлетворены 78%.

Следовательно, различия связаны, видимо, не столько с полномочиями республик и областей, сколько с какими-то еще другими обстоятельствами, среди которых немалую роль играет предприимчивость и дальновидность руководства субъектов Федерации, так же как, видимо, и их отношения с центром, с монополистами в энергетике, финансах. Вывод о значении умения, инициативности руководства сделала и В.В.Коротеева при сравнении положения областей и республик в экономике, отражающегося на положении населения.

Поэтому ссылки руководства областей на свое бесправие в сравнении с республиками — аргумент, в известной мере, оправдательный. Не случайно в главах книги и в интервью уже проходят мысли: «Мы не против прав республик, мы сами хотим таких же» — и недовольство обращено чаще к центру.

Взгляды многих людей теперь изменились и стали у одной части населения более лояльными, у другой — просто более ориентированными на себя. Во всяком случае, отвечая на вопрос «Считаете ли Вы, что каждая республика должна иметь право на свободный выход из Российской Федерации», или «Республика не должна иметь такого права», или «Это зависит от обстоятельств», половина магаданцев полагала, что республики должны иметь такое право, одна пятая часть, что это зависит от обстоятельств, и одна пятая — что такого права они иметь не должны.

Оренбуржцы менее лояльны, и треть из них уверена, что права на выход республики не должны иметь. Но все же это только одна треть, а 41% считают, что право на выход республики должны иметь, и еще 11% — что это зависит от обстоятельств.

Любопытно, что мнение по этому вопросу русских в Саха (Якутии) близко к магаданцам, а в Татарстане — к оренбуржцам (у русских в Татарстане больше тех, кто считает, что это зависит от обстоятельств).⁶⁰

---

⁶⁰ Данные приведены по городскому населению.

Можно было бы полагать, что такие мнения русских в областях — реакция на действия республик: «Неблагодарные, пусть уходят!» Но эти мнения совпадают с представлениями русских, живущих в республиках. Следовательно, скорее всего, это просто либерализация в массовых настроениях, желание, если объединяться, то на добровольных началах.

Именно в пользу такой версии говорят ответы респондентов на вопрос о допустимых мерах в отношении республик, если они заявляют о выходе из состава Российской Федерации. 88% магаданцев и 81% оренбуржцев полагают, что и в таком случае допустимы переговоры между центральными властями и республиками; половина (52% и 48%) считают недопустимыми меры экономического давления (допустимыми — 2-26%) и свыше 80% магаданцев, а также свыше 70% оренбуржцев полагают недопустимым «использование военной силы».

По этому вопросу мнения русских в Саха (Якутии) также совпали с магаданцами, а русские в Татарстане еще чаще, чем оренбуржцы (93% против 81%) выступали только за переговоры и за недопустимость использования военной силы (83% против 74%) и мер экономического давления (63% против 48%).

Таким образом, в массовых настроениях доминирует не конфронтационность между населением областей и республик, а формирование общих либеральных представлений по вопросу о самостоятельности субъектов Федерации.

В принципе, такие настроения согласуются с регионализацией самосознания у населения. Большинство и в областях, и в республиках, независимо от национальности, имеют сдвоенную, амбивалентную риторическую идентичность. Как в далеких Магадане (60%) и Саха (Якутии) (80% якутов и 62% русских), так и в центре России (60% татар и 80% русских в Татарстане, 60% русских Оренбуржья) чувствуют себя и россиянами, и татарстанцами, якутянами, оренбуржцами, магаданцами.

Естественно, при этой сдвоенной идентичности среди титульных национальностей республик большая доля людей считает себя татарстанцами (39%), якутянами (53%), чем россияна-

ми, а среди русских в республиках больше доля тех, кто, чувствуя себя тем и другим, все же больше осознают себя россиянами (26-27% против 0,7-4% среди саха и татар), 37% татар вообще чувствуют себя только татарстанцами и 27% саха — только якутянами (русских таких 7-4%).

Но с точки зрения сравнения самочувствия жителей республик и областей, важно, что в областях 18-19% вообще чувствуют себя только оренбуржцами и магаданцами, а только россиянами — 9-1%.

Растущий регионализм увеличивает сходство восприятий всех явлений российской действительности у жителей областей и республик.

Еще по предыдущему исследованию — «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов» — в 1994-95 гг. мы фиксировали значительно большее доверие руководству республик (особенно в Татарстане), чем **правительству** в Москве. Та же самая тенденция сохранилась и в 1997 г., и в 1999 г., и в 2002 г.

Респонденты титульной национальности вдвое (в Татарстане еще больше) чаще оказывают доверие руководству республики, чем России, и русские тоже больше (в Татарстане в два раза чаще) доверяли местному руководству (см. Диаграмму 5).

В областях вообще властям доверяют немногие, но все же и здесь в тенденции местному руководству доверия больше.

Мы уже обсуждали проблему роста у русских даже агрессивных самозащитных настроений (более четверти русских в республиках считают, что «любые средства хороши для защиты интересов моего народа»). Такие настроения имеют место и у жителей областей: 26% ответов в Магаданской области городской части населения области и 36% в Оренбуржье. Это больше, чем у русских в республиках. И доля тех, кто ответил:

Следовательно, дело не только, а может быть, и не столько в межэтнической конфронтации и противоречиях республика — область, сколько в конкретных ситуациях в каждом субъекте Федерации. Это значит, что не асимметричность Федерации со-

Диаграмма 5. Уровень доверия правительству России и правительству республики, администрации области
(% от числа опрошенных в каждой группе)

ставляет сейчас главное противоречие, мешающее единству России и толерантности межэтнических отношений.

Привлечение внимания к асимметричности Федерации для руководства субъектов Федерации, как республик, так и областей, которые недополучили прав, в немалой степени есть способ прикрытия неэффективности своей деятельности, а для многих специалистов по федерализму у нас в стране и, видимо, за рубежом — нежелание признать возможности *вариативных федеральных отношений*. В иных случаях у отечественных специалистов акцентация «непрочности» асимметричной федерации — желание продемонстрировать высокую лояльность центру и, может быть, русскости.

Для части правительства в центре асимметричность Федерации — это лишняя «головная боль» в управлении. Для других минимизация реальной асимметричности — представляющий-ся легким способ собрать больше налогов, отменяя прежние договоренности. В борьбе с так называемыми привилегиями

республик имеет смысл учитывать не только экономические факторы. Политика и психология в федеративных отношениях — тоже существенные обстоятельства. Баланс их учета нередко дает большую эффективность, чем кажущиеся простыми решения.

Правительство, декларирующее себя как демократическое, должно исходить, прежде всего, из положения и интересов населения. А в обеспечении их преодоление асимметричности федерации, как показывают исследования, не самое главное направление. У жителей областей и республик сейчас больше общих, нежели различающихся, интересов, и сохранение стабильности России зависит, прежде всего, от реализации этих общих интересов.

ПОСТПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ И УРОКИ

Нельзя понять российское общество последнего десятилетия XX века, не представив себе национальных чувств и умонастроений людей различных национальностей в Российской Федерации.

Не было исключений — русские, так же как и нерусские, ожидали от политических и экономических изменений в СССР и затем в России «лучшей жизни». Представление о ней у народов, естественно, было разным, и оно могло меняться со временем, но каждый стремился использовать свой шанс.

Политический распад СССР, межнациональные конфликты, образование независимых государств с идеологией приоритета титульного этноса, «национальные знамена» радикальных и даже фашиствующих групп, наконец, более длительная консервация прежних порядков во многих республиках Российской Федерации — все это способствовало тому, что в обществе накапливался негативизм по отношению к этническому феномену. Но именно поэтому важно понять, что же происходило.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

По мощности воздействия в современном мире национализм сравнивают с либерализмом. «Нет в мире силы мощнее», — так начинает М. Линд широко известную среди специалистов статью «В защиту либерального национализма».¹ Вокруг проблем, порождаемых национализмом, причин его проявления и харак-

---

¹ Lind M. In Defence of Liberal Nationalism // Foreign Affairs. — 1994. — Vol. 73. — # 3. — May-June. — P. 87. Пер. на рус. яз: Линд М. В защиту либерального национализма // Панорама-Форум. — 1996. — # 1.

тера проявлений идут научные и политические споры. Известно, что все аналогии относительны. Тем не менее когда рассуждают о национализме, мне всегда вспоминаются лекции профессора Косвена на историческом факультете МГУ, который начинал лекцию о семье словами: «Брак. Что такое брак? Хорошую вещь браком не назовешь, но все же большинство людей в брак вступают».

Я буду следовать уже принятой методологии: не рассуждать, плох или хорош национализм, а анализировать, какой политики и практики придерживаются его сторонники, и выявлять, насколько они радикальны, либеральны или реакционны.

В отечественной литературе термин «национализм» обычно понимался в негативном смысле как превосходство народа над другими и использовался как ярлык, с помощью которого осуществлялось политическое преследование. Наиболее полноценное определение национализма в этой парадигме дал польский социолог Я. Щепаньский. Он писал: «Национализм — это признание собственной нации наивысшей ценностью», иррациональное объяснение превосходства своей нации над другими, непризнание равенства народов, нетерпимость по отношению к другим нациям, нежелание смешиваться с ними (эксклюзивизм), недопустимость смешанных браков. Это идеология, политика и практика.²

С началом перестройки, расширением контактов с Западом, наконец, под влиянием начавшихся национальных движений в Прибалтике, Грузии, на Украине, которые воспринимались тогда как могильщики прокоммунистических сил в центре, национализм стал и у нас в стране рассматриваться не в оценочном значении, а как категория научного анализа.³ Под ним подразумевают политическое движение, стремящееся к завоеванию или

---

² Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. — Новосибирск, 1967. — С. 193.

³ Дробичева Л.М., Аклаев А.Р., Коротева В.В., Солдатова Г.У. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. — С. 49.

удержанию власти и оправдывающее эти действия с точки зрения доктрин национализма. Доктрины сводятся к тому, что существуют такие общности, как нации с присущими им качествами; интересы и ценности нации считаются приоритетными перед другими интересами и ценностями; нация должна быть как можно более независимой, для чего ей нужен в той или иной мере политический суверенитет. Национализм — это прежде всего политический принцип, суть которого в том, что политические и национальные единицы должны совпадать.⁴ Однако в большинстве государств победившего национализма на постсоветском пространстве не сумели избежать дискриминации «новых меньшинств» — русских и других этнических групп, которые говорят преимущественно на русском языке. В силу этого, а также традиций, закрепившихся в повседневном общении, в России термин «национализм» часто используется в старом значении.

Два обстоятельства побуждают обратиться к заявленной теме. Первое связано с нарастающим разрывом между популярными, журналистскими, идеологизированными политическими взглядами и научными разработками проблем национализма, который вредит взаимопониманию народов. Второе — стремление еще раз обратить внимание на разнвариантность национализма. Явление это подобно айсбергу: лишь верхушка его находится на поверхности, а большая часть — в скрытом состоянии. В зависимости от социально-политического контекста «подводная» часть всплывает, обнажая свои округлые или острые края. Следовательно, задача общества — выработать к нему такое отношение, которое не позволит ему превратиться в состояние, способное разбить неустойчивый корабль нашего общества периода перехода к демократии.

---

⁴ Геллер Э. Нации и национализм. — М., 1991. — С. 23; Breuilly J. Nationalism and the State. — Manchester, 1982. — Р. 3; Демократизация и образы национализма... — С. 18; Коротеева В. В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме? // Pro et Contra. — 1997. — Т. 2. — # 3. — Лето. — С. 185.

Отношение к национализму в мире менялось циклически. После 1917 г. образование новых государств на обломках великих многонациональных империй конца XIX в. проходило под знаком национального самоопределения. Но эта позитивная валентность национализма, как отметил Р. Суни, выступая на школе, организованной фондом «Евразия» весной 1999 г., быстро исчерпала себя в течение первого же послевоенного десятилетия, еще до прихода фашизма с его экспансионистскими установками и всего, что из него следовало, — шовинизма, расизма, антисемитизма.

Новая эйфория национального самоопределения возникла после Второй мировой войны в связи с освобождением народов Европы от нацистской оккупации и последовавшим затем распадом «заморских колониальных империй». Но и на этом этапе либеральная традиция поддержки национального самоопределения была откорректирована в связи с проявлениями расизма и воинствующего этницизма в ходе реализации идей национализма. Недоверие к националистическим убеждениям в развитых демократиях укрепил союз национализма с левым антиколониализмом.

С опасениями и все же в ряде случаев с несомненной поддержкой западный мир отнесся к образованию государств на месте распавшегося Советского Союза. Но именно этнические конфликты на постсоветском пространстве и территории бывшей Югославии подтвердили амбивалентный и небезопасный характер национализма.

Если и теперь национализм «третьей волны» в конце XX — начале XXI в. в своих агрессивных проявлениях представляется очевидной угрозой, то важно проанализировать его разнообразные проявления, чтобы выделить именно те его виды и формы, которые при неизбежных обстоятельствах совместимы с переходом к демократическому обществу.

Проблема совместимости демократических транзитов и национализма не нова и сложна. Известно, что признанные авторитеты в области демократических транзитов считали внутри-

государственное единство, устойчивую идентичность граждан важнейшими условиями успешности процесса демократизации, а этнонациональные разногласия, ведущие к различным формам национализма и подъему национальных движений, оценивают как препятствие для достижения демократии в обществе.⁵ Признавая, что и в развитых демократических государствах сохраняются этнонациональные проблемы и националистические устремления (примеры — Баскония в Испании, Корсика во Франции, Квебек в Канаде, Северная Ирландия и Шотландия в Великобритании), специалисты обращают внимание на готовность в этих странах решать проблемы ненасильственным путем через демократические институты. Однако и в таких обстоятельствах «этнонационализм, особенно в его острых формах, порождаемый нерешенностью проблем национального и территориального единства и идентичности, несовместим с демократией».⁶ Такой вывод логичен с точки зрения демократизации. Но он остается дискуссионным с точки зрения национализма. Ведь именно с демократизацией обычно связывается возможность волеизъявления народов.

Принципиальное значение имеют по крайней мере *три теоретико-методологических принципа, продемонстрировавшие свою эффективность*. Первый — рассмотрение зарождения и развития национализма *в исторической перспективе*, понимание отличия национализмов XVIII в. от современных и осознание возможности трансформаций каждого конкретного национализма. Известный историк Г. Кон успешно продемонстрировал такой подход, исследовав европейский континент. Ему принадлежит вывод о том, что история национализма — это постоянное вырождение рационального начала в некое безумие, наиболее ярко выразившееся в национал-социализме с

---

⁵ Rustow D. Transitions to Democracy. — London: Routledge, 1970. — P. 53; Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты. — М., 1999. — С. 33.

⁶ Мельвиль А. Ю. Указ. соч. — С. 33.

его войнами, насилиями, мессианским авторитаризмом.⁷ Г. Кон на европейском материале показал важность *второго* необходимого для анализа национализма методологического *принципа* — *сравнительного, кросскультурного*. Известно, что уже более двухсот лет существуют разные представления о нации: «французское», исходящее из идеи свободного сообщества граждан государства, основанного на политическом выборе, и «немецкое», базирующееся на культуре и общем происхождении. Г. Кон на сравнительном материале предпочел говорить о двух типах национализма: «западном» и «восточном». Первый он видел в Великобритании, Франции, США, Нидерландах, Швейцарии, второй — в Германии, странах Восточной Европы, России. «Западный» национализм обычно характеризуется как либеральный, основанный на рациональном свободном выборе и лояльности, преданности граждан государству, «восточный» — как органический, иррациональный, основанный на преданности народу, имеющий культурную основу.⁸

Для нашей темы важно, что при сравнительном подходе западные исследователи как *либеральный* национализм характеризовали лишь первый, который впоследствии чаще называли *гражданским*, противопоставляя его этнонационализму. Американский социолог Л. Гринфельд, развивая эти идеи, ввела нормативную оценку типов национализма. Первый тип, выделенный ею, — *индивидуалистический*, он предполагает моральное и политическое первенство индивида. Принципы, положенные в его основу, — это по сути принципы либеральной демократии. Свобода и достоинство человека имеют приоритет и воплощаются в политических институтах государства. Л. Гринфельд видит воплощение этого типа в Англии и США. Второй и третий типы — это, согласно ее определению, коллек-

---

⁷ Kohn H. The Idea of Nationalism. — New York: McMillan, 1967. — P. 329-331.

⁸ Подробнее на русском языке об историографии национализма см.: Коротеева В. В. Указ. соч.

тивный национализм: гражданский и этнический. Для гражданского национализма характерна уверенность в политических и культурных силах, достижениях и даже превосходстве (пример — Франция), этническому присущ комплекс неполноценности нации в самой ее сущности и тех свойствах, которые неподвластны проверке. Такой тип Л. Гринфельд видит в немецком и русском национализме. Им в возможностях либерализма отказывается.

Р. Суни говорил, что уже Г. Кон в своих представлениях был евроцентричен. Известно, что Э. Смит считал, что нельзя резко противопоставлять «западный» (гражданский) национализм «восточному» (этнокультурному). Оба имеют как культурную, так и территориальную основу.⁹ О том, что этническая и гражданская модели национализма не только накладываются друг на друга, но и со временем могут даже менять свое значение, писал в 90-е годы Р. Брубейкер.¹⁰

И в связи с этим я бы подчеркнула необходимость *третьего методологического принципа* для понимания национализма — *рассмотрения его в социальном и экономическом контекстах*. Элементы именно такого подхода можно найти уже в работе Г. Кона, который объяснял особенности «западного» и «восточного» национализма социальным составом участников национальных движений. В странах с мощным третьим сословием требования касались главным образом экономики и политики. Там же, где буржуазия была слаба, требования концентрировались на культуре.

Даже те исследователи, которые открыто стоят на конструктивистских позициях (если они не предвзятые специалисты), признают, как, например, Р. Суни, важность контекста. Выступая на семинаре, организованном Фондом «Евразия» в г. Короле-

⁹ Smith A. The Ethnic Origins of Nations. — Oxford, 1986. — P. 149.

¹⁰ Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. — Cambridge, Mass., 1992. — P. 9-11.

ве весной 1999 г., Р. Суни говорил: «Нациестроительство — это процесс. Там, где национализм добивался большего успеха, этому предшествовало наличие некой территориальной, языковой или культурной общности, которая использовалась как исходный материал для интеллектуального проекта национальности».

Именно социальный и экономический контекст определяет, на мой взгляд, процесс развития националистических дискурса, политики и практики. Известно, какое решающее значение придают исследователи и политики, стоящие на конструктивистских и инструменталистских позициях, трактовке наций, деятельности элит. Но насколько интеллектуально мощной бывает элита, выражающая и формирующая идеи национализма, и вместе с тем насколько готовы те или иные социальные группы и вся масса населения поддержать ее идеи, зависит от состояния общества: уровня экономического развития, политической структуры государства, социально-культурных факторов, в том числе норм и ценностей, доминирующих в обществе, доверия политическим институтам, чувства гражданства и взаимного доверия граждан, степени осознания единства государства и др. Чрезвычайно интересной с точки зрения концепции социальной истории и полезной для нас была работа М. Хроча (*Social Preconditions of National Revival in Europe*, 1985), который связал возникновение и развитие националистских движений не просто с индустриализацией, но и с процессами коммуникации и мобильности (по К. Дойчу).¹¹

Из понимания значимости общего исторического, политического, социального контекста появилось признание того, что национализм бывает разным (В. Коннор, Т. Наирн, Д. Холл, Д. Брейлли, Р. Брубейкер и др.) или, как нам приходилось писать, вариативным.¹²

---

¹¹ Deutsch K. *Nationalism and Social Communication: An Inquiry into the Foundations of Nationality*. — Cambridge, Mass.: MIT Press, 1966.

¹² Демократизация и образы национализма...

НАЦИОНАЛИЗМЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ХАРАКТЕР И ТИПОЛОГИЯ

У национализма не одно лицо. Мы видели задачей своего исследования показ реальных типов национализма, характерных для состояния российского пространства. При этом мы исходим из того, что они могут быть и сходными, и уникальными. Итоги дискуссий убедили нас прежде всего в том, что очень важно выделить и *отделить от национализма такое понятие, как этницизм.*

Этницизм — это не только этническая лояльность, но и осознанное стремление людей к этнической самоидентификации, декларирование принадлежности к своему этносу, включенность в жизнь своего народа, стремление к сохранению этнических ценностей, целостности и воспроизводства своего народа.

Этницизм больше, чем этническая идентичность, ибо на личностном уровне означает не только осознанное отношение к себе как члену этнической общности, но и заинтересованность в ее поддержании и развитии, готовность к идеологической и политической мобилизации, к действиям во имя сохранения народа.

Национализм мы понимаем в том значении, которое закрепилось за ним после выхода работ Э. Геллнера. Это не оценочное понятие, а следование принципу, согласно которому политические и этнические единицы должны совпадать, культура должна быть обеспечена своей собственной политической крышей.

Но, как уже обращали внимание исследователи, на земле насчитывается около 8000 языков, народов, конечно, меньше, и при этом 200 государств.¹³ Следовательно, не все народы смогли и смогут создать самостоятельные государства. Мы при-

---

¹³ Геллнер Э. Указ соч., С. 104, 105.

нимаем этот подход в целом, но исходим из того, что национализм не может быть понят как нечто статичное, а является динамичным процессом. Он меняется стадияльно и по направленности акцентируемых доктрин, по своему характеру и по мере интенсивности. Он может иметь отличающиеся доминанты у разных народов и изменяться у одного и того же народа.

Предварительное изучение этнополитических ситуаций в республиках Российской Федерации с 1988 г. по 1993 г. с учетом их исторического прошлого, особенно в советских условиях, геополитического положения, динамики изменений социальной структуры контактирующих этносов в республиках, дало основание для выделения районов исследования, позволяющих в наиболее очевидном выражении проследить разные типы национализма. Ими стали: Северная Осетия — зона вооруженного межреспубликанского и межэтнического конфликта, Татарстан — лидер конституционного конфликта, Саха (Якутия), Тува, где элементы конституционного конфликта вследствие несовпадения ряда положений республиканских конституций и новой Конституции Российской Федерации осложнены относительно недавними межэтническими, групповыми конфликтами.

Задачей нашего исследования в проекте «Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов (1993–1996)» — «НИК» — ставилось: выяснить различия в идеологии национализма; выявить актуализированные идеи, их направленность и интенсивность, готовность различных социальных слоёв следовать им, описать общественные объединения народов, установить формы национализма — толерантные, амбициозные, агрессивные.

Насколько сильны вариации в представлениях о самой государственной суверенности, подтвердили уже первые результаты исследования. Даже в Татарстане — республике, в которой «идея независимости» была закреплена в конституции и говорилось об ассоциированном членстве в РФ, весной 1994 года (после заключения Договора между правительством Российской Федерации и правительством Татарстана на основе Консти-

туции РФ и Конституции Республики Татарстан), результаты наших опросов были таковы: от идеи суверенитета определенно отказались 10% городских татар, согласны были видеть республику суверенным государством в составе Российской Федерации 44%, и при этом около 40% считали, что республики должны иметь право на выход из России. Но, при этом, крайней точки зрения — «вести независимую политику, вплоть до выхода из РФ» — придерживалось 9%. Вместе с тем, за исключительное право республики распоряжаться землей и природными ресурсами высказалось более 60% опрошенных татар.

В Северной Осетии, где главной проблемой была защита территории, целостности республики, «видеть республику как суверенное государство в составе Российской Федерации» хотели бы 63% осетин-горожан, и 36% считали, что республики должны иметь право на выход. В то же время за «независимую политику вплоть до выхода из РФ» высказалось всего около 2% респондентов.

На предварительном же этапе на основе анализа национальных движений на территории бывшего Советского Союза (т.е. не только в Российской Федерации) с учетом мирового опыта (Э. Геллнер, Д. Холл) мы выделили в современной этнополитической ситуации 5 типов национализма:

1. Классический, этноприоритетный национализм, когда главной доктриной является создание собственного независимого государства, в котором реализуется потенциал данного народа. Приверженность интересам этого государства признается доминирующей лояльностью.

В отношении других народов проводится интегрирующая политика (обязательность одного государственного языка, гражданство на основе демонстрации лояльности, приоритет культуры титульного этноса и т.д.).

Наиболее характерный пример такого типа национализма был продемонстрирован Эстонией, на каком-то этапе — Грузией.

2. Паритетный, соотнесенный национализм. При таком национализме доминирующей идеей является притязание на госу-

дарственную власть (или, как вариант, самоуправление от имени народа), в рамках конфедерации (или ассоциированного членства) либо федерации.

Верность интересам государства или иной самоуправляющейся единицы (национальный округ, поселок и т.п.) также провозглашается доминирующей лояльностью, но допускается разделенный суверенитет и провозглашается культурный плюрализм и даже, возможно, паритет культур.

Такой тип развития национализма до 1991 года демонстрировали Казахстан, Киргизия, в Российской Федерации близок к нему был башкирский, карачаево-черкесский национализм.

3. Экономический (иногда торговый) национализм, он связан, как правило, с борьбой за приоритет в использовании природных ресурсов. Иногда он бывает одной из «подпирающих» идеологием при формировании национализма с доминирующей идеей государственной независимости (тип 1) (так это было, например, в Эстонии, так это стало после 1991 года в Туркмении), но может становиться и ведущей доминантой в идеологии и политике. Например, в богатой природными ресурсами Саха (Якутии) (здесь добывается более 90% алмазов страны, 24% золота, более 30% олова) идея приоритета в их использовании, распоряжении ими, самостоятельной экономики — основная в защите суверенитета, своей государственности.

В начале марта 1994 года на 1-ом Конгрессе молодежи Республики Саха (Якутии) президент М.Е. Николаев говорил: «Вы знаете, что руководство республики на протяжении последних трех-четырех лет стремилось к всемерному укреплению экономической самостоятельности республики, неуклонно следовало по курсу, выработанному всенародно и изложенному в декларации о государственном суверенитете от 27 сентября 1990 года». Это Президент сказал уже после того, как население Саха (Якутии) проголосовало, опираясь на авторитет самого М.Е. Николаева, за новую Конституцию Российской Федерации. Он еще раз вернулся к этим идеям в своем выступлении: «Главное для нас — экономика...» Он обрисовал стратегические задачи при

вступлении в третье тысячелетие: первое — это формирование государственности республики, установление бескорыстных доверительных отношений в Российской Федерации на конституционно-договорной основе; второе — создание подлинно самостоятельной, высокоэффективной экономики, способной действовать на равных условиях рыночных отношений и интегрироваться в мировое хозяйство; третье — это духовное возрождение народа.¹⁴

Четвертый тип — оборонительный или защитный национализм — характерен для народов, которые в наибольшей мере испытывают опасность потери своей самобытности, культуры, языка, территории, ощущают себя дискриминируемыми. Элементы ущербности присутствовали в национализме всех народов, включая русских (потери традиций, культурных ценностей, не соответствовавших господствовавшей идеологии, потери в демографическом потенциале, экологии и т.д.). Но в судьбе некоторых народов идея выживания становится постоянно ощущаемой необходимостью, доминантой в жизни людей. Такой она воспринималась турками-мехетинцами, крымскими татарами, немцами Поволжья. Оборонительный, защитный национализм стал практически доминирующим в политической идеологии и жизненной доктрине в Северной Осетии, так же как и в ингушском национализме.

Собранный нами по Проекту материал содержит множество фактов, подтверждающих такую идеологию и жизненную установку. Приведем только один пример. В ходе нашего исследования было проведено интервьюирование (метод свободного интервью) лидеров республик — в каждой республике интервью были взяты у 30 человек. В число лидеров вошли первые лица из президентской, исполнительной и представительной власти, руководители общественных движений, партий, видные ученые, деятели культуры — те, кого в ходе опросов наши рес-

---

¹⁴ Республика Саха, 1994, 2 марта.

понденты чаще других называли, отвечая на вопрос «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы Вашего народа?». Список был скорректирован также с помощью опроса независимых экспертов. В ходе интервью мы просили назвать три самые жизненно важные для республики проблемы. В Северной Осетии в ходе интервьюирования ни один из лидеров не обошел проблемы защиты территории от претензий на нее со стороны ингушей. Большинство назвали эту проблему первой. Приведем некоторые высказывания, чтобы читатель мог ощутить не только осознание проблемы, но и эмоциональную атмосферу, в которой происходит это осознание: «Сюда хлынули бандформирования», «Возвращение беженцев по решению Центра осуществлять нельзя. Почву для этого надо готовить», «Не примирили кровников, а хотят возвратить беженцев», «Не решен вопрос о границах, а хотят выполнять Закон о реабилитации репрессированных народов», «Они (ингуши) шли на Владикавказ, а народ встал на защиту», «Они создали свои базы, раздавали десятки тысяч оружия», «Мы только противостояли», «стали создавать отряды обороны», «Трое суток мы вели только оборону».

Разговаривая непосредственно в районе боевых действий в с.Чермень с жителями, я фиксировала в июле 1994 г. те же настроения: «Они хотят отнять у нас землю, сжечь дома», «мы слышали эти призывы по трансляции из Назрани» (от столицы Ингушетии до этого села чуть более десятка километров). Последовательная непримиримость к ингушам, задачи укрепления своего осетинского государства обосновываются необходимостью обороны, защитой интересов народа.

Наконец, концептуально мы выделяем пятый тип национализма — модернизационный или реформаторский национализм. Такой национализм возможен, когда метрополия стагнирует, не обеспечивает или тормозит инновационные импульсы, а потенциал народа (образовательный и информационно-технический) достаточно высок. Элементы такого национализма прослеживались на каком-то этапе в республиках Прибалтики, ког-

да перестройка в СССР была объявлена, но трансформационные процессы стали тормозиться командой М.С. Горбачева. Элементы такого национализма прослеживались и в России, когда она была в составе СССР, да и сейчас по отношению к некоторым участникам СНГ.

Мы рассматривали примеры постсоветского пространства, но подобные примеры были и в других государствах. Так, последний тип национализма наблюдается в Словении, Хорватии.

Конечно, приведенная типология условна. Один тип национализма может соединяться или переплетаться с другим, могут меняться доминанты в идеологии и политике, концептуальная модель мобилизации. Нам важно было подчеркнуть — национализм бывает разный. Важно понять идеологию, политические действия и восприятие их массами, психологические установки и ориентации групп. Такая концепция дает возможность определения реальных «полей противоречий и конфликтов».

Национализм же в значении преувеличенной, иррациональной оценки значимости своего народа, этнической замкнутости, эксклюзивизма и стремления к этническому доминированию мы называем гиперэтнической идентичностью, гиперэтничностью с ее крайними формами в виде этнического экстремизма, т.е. готовности идти на любые жертвы во имя этнических целей.

Конечно, и национализм в значении стремления к «политической крыше» тоже бывает, как уже говорилось, различным по форме: от, условно говоря, мирного, стремящегося решить проблемы конституционными путями до агрессивного, объявляющего газават, войну до победного конца.

Изучаемый период насыщен событиями, которые были способны быстро изменять общеполитическую ситуацию в стране и, в соответствии с этим, влиять на политику элит и массовые настроения в республиках, менять сам характер и формы национализма.

Существенные изменения во взаимоотношениях республик и Центра происходили как раз в начале нашего исследования —

весной 1993 года. Именно тогда, в момент Конституционного Сопения (май 1993 года) — период практически последней попытки несильовым путем изменить соотношение власти, Президент Б.Н. Ельцин, заинтересованный в принятии Конституции, минуя Верховный Совет, еще раз готов был пойти на уступки республиканским лидерам. Он одобрил заявление, которое давало возможность регулировать отношения с республиками, не подписавшими Федеративный договор, только двухсторонними договорами, а с другими республиками двухсторонние договоры могли дополнять положения Основного Договора. Он согласился с формулировкой: «республика — суверенное государство в составе Российской Федерации».

В одном из первых вариантов президентского проекта Конституции было даже положение о том, что в Верховной Палате парламента 21 республике предоставляется такое же количество мест, как и 68 другим субъектам Федерации. Но Конституционное Сопение, как известно, не выполнило предназначавшейся ему роли.

Не получив поддержки от руководителей республик, Президент изменил тактику. Опираясь на лидеров краев и областей, которые, поддерживаемые демократами, стоящими у власти, проявили активность во время Конституционного Сопения и выступили против особых прав — суверенитета республик и их права на самоопределение вплоть до выхода из состава Федерации, Президент перестал ориентироваться на руководство республик. Однако, суверенитет и право на самоопределение, правда, декларированное, республики имели и по сталинской Конституции 1936 г. и по действующей — 1977 года, и в условиях объявленной демократизации надежды на реальное самоопределение выросли. Когда стало ясно, что в готовящейся новой Конституции этого права республики лишаются, лидеры республик выступили с решительными протестами. М. Шаймиев, президент Татарстана, заявил: «Суверенитет республик — не выдумка московских участников Конституционного Сопения,

а выбор народов республик».¹⁵ Председатель Верховного Совета Башкортостана (теперь президент) М. Рахимов говорил: «Суверенитет республик — волеизъявление народа... Если... такой проект Конституции (имеется в виду Новый проект Конституции РФ) будет вынесен на всенародное голосование, никто в республиках участвовать в референдуме не будет».¹⁶ Пик противостояния республик президентскому Центру пришелся на осень 1993 г. Указ Президента от 21 сентября 1993 года «О прекращении деятельности Верховного Совета» республики, за исключением Саха (Якутии), не поддержали, и даже была попытка создания Совета Субъектов федерации, отменившего Указ от 21 сентября.

Однако после подавления оппозиции Верховного Совета 3-4 октября все республиканские органы власти очень быстро отменили свои решения о неконституционности Указа Президента РФ.

Был и другой симптом, свидетельствующий об изменении ситуации: когда Президентом было принято решение провести референдум о принятии новой Конституции РФ, практически нигде в республиках не ставился вопрос об отказе от его проведения в отличие от периода, предшествовавшего апрельскому Референдуму 1993 года о доверии Президенту. Другой вопрос, как прошел сам референдум. Против принятия новой Конституции проголосовало большинство избирателей в Башкортостане, Дагестане, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Мордовии, Татарстане (выборы не состоялись ввиду неучастия большинства избирателей), Туве, Чувашии, Хакасии. Не было выборов в Чеченской республике. Не проголосовали за Конституцию избиратели в 32 республиках и областях, но в большинстве субъектов Федерации (всего их 89) она получила одобрение.

---

¹⁵ Независимая газета, 1993, 23 октября.

¹⁶ Там же.

Таким образом, в начале 1994 года ситуация сложилась как бы переломная. Президентская команда почувствовала силу своей власти, двоевластие было сломлено, на ее противоречиях регионы, и республики в том числе, играть уже не могли.

События на Украине, в Белоруссии, Казахстане демонстрировали жесткую экономическую взаимозависимость на территории бывшего СССР. Россия продемонстрировала возможность силовых, волевых действий в Абхазии. Все это не могло не учитываться республиками самой Российской Федерации. Чечня не платила налоги, Саха (Якутия), Татарстан, Башкортостан платили их не полностью, но в то же время в республиках приходило осознание неперспективности дальнейшей конфронтации с Центром. В середине февраля 1994 года был сделан шаг к взаимному компромиссу — подписан Договор «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан», зашедшей дальше других в политике суверенизации. Один из советников Президента Татарстана вскоре после подписания Договора напишет: «Я лично думаю, что в какой-то степени на принятие такого решения повлиял страх — страх перед экономическими, социальными проблемами, страх перед наступающими в России шовинизмом и политической нестабильностью. Москва стала финансовой империей. Она способна в течение 24 часов проглотить всю банковскую сеть Татарстана».¹⁷

Как свидетельствуют итоги опросов в ходе нашего исследования (по проекту НИК), в Татарстане в апреле 1994 года среди городских жителей одобрили подписание Договора почти 60% татар и около 70% русских (33% татар и 29% русских затруднились оценить его).

Во время наших интервью с лидерами многие подчеркивали важность Договора как шага в сохранении суверенитета, так как

---

¹⁷ Хакимов Р. Год упущенных возможностей. Казань, 1994. С. 8, 3.

в нем сказано, что заключен он на основе как Конституции Российской Федерации, так и Конституции Татарстана.

В России не всем понравилось заключение договора с Татарстаном. В Государственной Думе были предложения от депутатов обсудить и денонсировать этот Договор, но здравый смысл в этот период взял верх. Как пояснял вице-премьер С.М. Шахрай, выступая в Академии государственной службы при Президенте РФ в марте 1994 г., Договор «закрыв» трехлетний период, когда на территории Татарстана фактически не действовали ни федеральная Конституция, ни федеральные законы. Договор с Татарстаном выработал возможную методику снятия противоречий между Конституциями республик и Конституцией Российской Федерации.

Летом 1994 года договор был подписан с Башкортостаном. Был подготовлен Договор с правительством Российской Федерации в Кабардино-Балкарии, готовился в Саха (Якутии). Туве, Северной Осетии.

Таким образом, манифестирование сепаратизма окончилось, начала воплощаться в жизнь тактика, направленная на то, чтобы обходить спорные, часто декларативные моменты и находить механизмы договоренности по конкретным вопросам: об управлении государственной собственностью, о ставках налогов, о деятельности правоохранительных органов и т.д.

Во время визита в Татарстан, Туву летом 1994 г. Б.Н. Ельцин говорил о вариациях, особенностях во взаимоотношениях с республиками, и, как было понятно из интервью лидеров в республиках, это очень благоприятно было встречено и татарстанцами, и жителями Тувы. Однако, полагать, что идеи суверенитета, стремления к самостоятельности забыты в республиках, было бы ошибочным. Это демонстрировалось не только событиями в Чеченской республике. Дело также в том, что решения, которые были фиксированы в Договорах с республиками, нередко трудно осуществлялись через центральную бюрократию, и это сразу усиливало внутриреспубликанскую оппозицию президентам, правительствам, заключившим соглашения.

Во многих республиках, в том числе в тех, где проходило исследование, предстояли выборы или были возможны довыборы депутатов в представительные органы, ставились вопросы о составе правительства. И тогда, как правило, снова обсуждались вопросы — кто лучше защищает интересы народа, лидеры понимали национальные знамена, играли на национальных чувствах людей. При этом одни идеи заменялись другими, иные трансформировались, третьи устойчиво поддерживались. Открытый, подчас агрессивный, национализм части элиты перерастал в скрытый, но готовый снова проявить себя в действиях.

При изучении национализма мы считали важным:

- выявить динамику доминирующих доктрин в идеологии национальных движений или этнических элит;
- проследить, насколько эти идеологемы находили воплощение в политических документах, постановлениях, законах;
- выяснить, в чем они носили конструктивный характер, соответствовали социально-экономическому, культурному потенциалу, геополитическим возможностям, прослеживались ли в них другие альтернативы развития, предполагавшие иные направления, кроме попыток найти политическое выражение, наконец, как они соответствовали принципам гражданского общества, не становились ли дискриминационными по отношению к другим народам, соотносились ли с иными интересами, например, обеспечения благосостояния народа, сохранения территориальной целостности республики и др.;
- установить, какие идеологемы разделяются массовым общественным мнением, насколько они были интериоризированы как личностные ценности в разных слоях этнических общностей.

Сами идеологические доктрины, система идеологем создается этнической элитой. Это далеко не вся интеллигенция, на которую обычно возлагается ответственность за конфликты, развитие национальных движений и их деструктивные последс-

твия. Выводы наших политологов, когда они рассуждают об интеллигенции вообще, о ее взлете в годы «перестройки» и последующем кризисе, мало отличаются от обыденного общественного мнения.

Опыт трансформационного периода воочию показал, как поляризуется социальная группа, называемая интеллигенцией.

Создатели политических деклараций, партийных программ, программ движений и ассоциаций, мобилизующих идей — это интеллектуальная элита.

Такая элита была и есть как в национальных движениях, так и у действующих властных структур, сопротивляющихся им. Если же властные структуры реализуют идеи национализма, то есть идеологии и у оппозиции, как более националистической, так и склонной к соглашению с Центром. Таким образом, это первая дифференциация, которую мы считаем необходимым учитывать в исследованиях. Профессиональный и этнический состав, социальное происхождение, история «восхождения» в элитную группу раскрывают многое для понимания той идеологии, которая создается лидерами, поэтому важно фиксировать все эти характеристики.

Мобилизующая сила интеллектуальной элиты на разных этапах национальных движений и конфликтов далеко не одинакова. В период идеологической подготовки действий национальной оппозиции или правительства республики, если оно встало на позиции борьбы за реальный суверенитет, интеллектуалы — властители умов. И именно на этом этапе, как нам представляется, они действительно несут ответственность за развитие событий. Поэтому в ходе реализации проекта (НИК) ставилась задача проанализировать кем, какими группами интеллектуалов (ученые, писатели, другие деятели культуры и т.д.) были выдвинуты те или иные конкретные идеи, получившие распространение, какую роль сыграли средства массовой информации, интеллигенция в этнической мобилизации.

Особая роль в развитии событий принадлежит правительственной элите — «первым лицам» в республиках. Ориентирясь

на изучение их действий, мы стремились избежать стереотипных подходов, исходящих от политических симпатий, помнили, что лидеры, пришедшие на волне демократизации — Тер-Петросян, Эльчибей оказались столь же неспособными остановить насилие вокруг Карабаха, как и изначально ориентированный на Союзный парламент В. Ардзинба в Абхазии. Именно поэтому, работая в республиках, мы постарались не только собрать информацию о выступлениях руководителей республик, их действиях в повседневной и экстремальной ситуации, круге их соратников, но, самое главное, дать возможность всем читателям наших исследований познакомиться со взглядами этих лидеров, опубликовав их интервью. Выше уже упоминалось, что собраны были интервью у тех деятелей, которые назывались респондентами, отвечавшими на вопрос «Кто лучше других выражает сейчас интересы Вашего народа?» и экспертами, которых мы просили назвать имена людей, которые влияют на общественное мнение и жизнь в республиках. Интервью с 30 лидерами в каждой республике — интереснейший источник, и мы опубликовали их в книге «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой» (М., 1996).

Под впечатлением растущей аполитичности населения, успехов В. Жириновского на выборах в декабре 1993 г. в Российской Федерации, неспособности интеллектуалов противостоять этнической дискриминации в отделившихся государствах, многие стали говорить о кризисе интеллигенции. Другие считают, что процессы определяются атомизацией общества, что способно снижать возможности влияния интеллектуалов на предотвращение или разрешение межэтнических конфликтов.

Основания для таких оценок, конечно, есть. Об этом говорит отсутствие более или менее массовых партий, невысокий рейтинг лидеров. На вопрос «Выражает ли сегодня интеллигенция интересы большинства народа?» в сентябре 1993 года ВЦИОМ получил ответ значительного большинства опрошенных: «Нет, не выражает». В общероссийском масштабе все выглядит так — глубокий кризис, «имеющий отношение к глубинным пластам

нашего исторического и культурного существования»¹⁸, в котором интеллигенции отводилась роль просветителя и хранителя культурных образцов, создателя ориентиров общественного развития. Ориентиры создателей оказались требующими корректировки, а возможности влияния интеллектуальной элиты на такую корректировку — неизмеримо более скромными в сравнении с иллюзиями, которые питала интеллигенция в период «разумной» перестройки.

Однако было бы очередным мифом распространение этого общего представления на всю территорию России. Во-первых, потому, что модернизационный процесс охватывал республики и регионы страны с существенными различиями в широте и интенсивности. Во-вторых, потому, что инновационные импульсы метрополии приобрели здесь свои варианты, соответствующие культурным традициям народов. Это явление не только российского, но и мирового масштаба. В одних культурах в легитимные лидеры попадали на какое-то время создатели идей, выражающие давние чаяния народов, в других — традиционно почитаемые лица в родах, тейпах, джусах, в третьих — просто люди сильной воли или обладающие умением манипулирования в коридорах власти.

Кто эти лидеры, которые способны в каждой этнической среде сегодня будоражить умы, определять общественное мнение? Нам кажется важным уйти от штампов типа — «партноменклатура», «модернисты», демократы, карьеристы, приоткрыть их реальное лицо. Это важно, поскольку именно ими вырабатываются стратегии взаимодействия с Центром, с народами, живущими на территории республик, в значительной мере формируется этническое самосознание, идентичность.

Состояние этнического самосознания социальных групп важно для возможности использования его в целях этнической мобилизации.

---

¹⁸ Левада Ю. А. Проблемы интеллигенции в современной России // Куда идет Россия? М., 1994. С. 209.

Изучению идентичности на личностном уровне посвящена книга Г.У. Солдатовой «Психология межэтнической напряженности» (М., 1998). Здесь мы остановимся на наиболее общих подходах к ее изучению.

Этническое самосознание мы понимаем широко — не только как осознание принадлежности к своему народу, но и как представления о его культуре, языке, территории, истории, государственности, условно говоря — «образ мы» и осознание интересов народа. Наше понимание сути этнического самосознания отличается от представлений об этнической идентичности, которое можно встретить в психологической литературе, сводящей этот феномен к автостереотипу — представлению о типичных чертах своего народа. Учитывая также в структуре самосознания когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы, в опросные листы включаются такие критерии идентичности, как ответы на вопросы: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности», вопросы, фиксирующие ориентации на родной язык, культуру, и реальное их функционирование («Владеющими какими языками Вам хотелось бы видеть своих детей», «На каком языке преимущественно говорите, читаете», «Есть ли необходимость в государственной защите языка, культуры Вашего народа», «Какие условия необходимы для возрождения Вашего народа», «Соблюдаете ли традиционные обычаи, обряды»), ориентация на национальных лидеров («Кто с вашей точки зрения лучше других сейчас выражает интересы Вашего народа», «Назовите, пожалуйста, выдающихся людей прошлого или настоящего, к которым Вы чувствуете расположение, уважение» и др.); отношение к традиционным нормам поведения, нравственным ценностям, территориальные представления. В то же время, целесообразно фиксировать динамику этнических чувств (ответы на вопрос: «Изменились ли за последнее время Ваши чувства к своему народу, если да, то как»), стимулирующие факторы (какие события сыграли в этом главную роль), готовность идти на жертвы во имя осознаваемых интересов народа.

Мы рассматриваем этническое самосознание как важнейший индикатор состояния этнической группы, в том числе межэтнических отношений, напряженности или конфликтности. Поэтому в опросный лист включаются вопросы, помогающие установить место этнических ценностей и интересов в иерархии общественных приоритетов и личных жизненных ценностей у людей разных возрастных и социальных групп. Отметим, что такие ценности, как «национальное возрождение народа», его культуры, языка, осуществление его интересов на государственном уровне, в том числе через представителей в руководящих органах власти, по своей значимости были выше у групп, находящихся в более этноконфликтных условиях. Например, все значения показателей у осетин были выше, чем у татар (в городском массиве опрошенных). Но вместе с тем, ни в одном массиве опрошенных национальные интересы не были самыми первостепенными. Они всегда отступали по сравнению с первостепенными жизненными потребностями — преодолением роста цен, обеспечением безопасности в связи с ростом преступности и состоянием окружающей среды. Однако, с ценностями гражданского общества — обеспечением прав человека, свободы слова, печати, терпимостью в отношении к политическим партиям, движениям, национальные интересы явно конкурировали, прежде всего, конечно, у титульных этносов. Например, среди проблем первостепенной важности обеспечение прав человека, свободы слова, печати назвали 11% осетин (городских жителей), а национальное возрождение народа, культуры, языка — 18%. И та же тенденция среди татар: названные ценности были в соотношении 8 : 12. Невысокие показатели объясняются тем, что эти ценности конкурировали с ценностями первой жизненной необходимости (прекращение роста цен, обеспечение работой), но важно соотношение. Отмеченная тенденция подтверждается и тем, что выбор властных приоритетов (обеспечение интересов моего народа в руководящих органах власти) тоже превосходил у татар интересы обеспечения терпимости в отношении к партиям и движениям.

Эти данные чрезвычайно важны, так как позволяют не только проследить значимость национальных интересов у разных народов в ситуациях, отличающихся по уровню конфликтности, но и представить соотношение гражданских и национальных ценностей в разных условиях межнациональных взаимодействий.

Изучение этнического самосознания ведется на двух уровнях: социально-психологическом, через личностные установки, и идеологическом. Источником изучения поэтому становятся не только результаты опросов, интервьюирования, но и изучение литературы, прессы, законодательных документов, программ национальных движений, партий.

Наши предыдущие исследования по тем же источникам ситуаций в бывших союзных республиках показывали, что в условиях кардинальных изменений в сфере политики, социальных отношений, экономики идеология этнического ренессанса у разных народов была во многом схожей. В статьях лидеров Народного Фронта Эстонии, литовского Саюдиса, украинского Руха, так же как и в выступлениях представителей русского патриотического движения на страницах «Нашего современника», мобилизация национальных чувств начиналась с борьбы за экологическую безопасность (менее политизированное, не осуждаемое и тогда требование, но связанное с выживанием народа). Далее, как правило, развивалась идея защиты родного языка, потерянной из-за революционных преобразований культуры, не соответствовавшей господствовавшей идеологии, в том числе той, которая была связана с религией. Наконец, выдвигалась идеология: возрождение нации — это не только восстановление полноценной культуры, но и государственности, способной защитить ее и развивать, представить интересы народа на политическом, властном уровне. Защита государственности связывалась с авторитетом армии.¹⁹

---

¹⁹ Дробижева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX века / / Духовная культура и этническое самосознание. Вып. 2. М., 1991.

В обоснование выдвигаемых идей писатели, общественные деятели опирались на историческое прошлое, которое пересматривалось в соответствии с интересами этнической мобилизации.

Сила, интенсивность пропаганды каждой из этих идей, очередность их выдвижения и масштабы распространенности, естественно, менялись в соответствии с конкретной обстановкой, историческими традициями, готовностью масс поддержать ту или иную идею. При этом широту и глубину осваиваемых идей можно было конкретно изучить уже на основе результатов опросов, совмещая данные о распространяемых идеях в прессе, программах общественных движений, многотиражных изданиях общественно-политических журналов и материалы изучения массового общественного мнения, т.е. идеологический уровень, включающий осознанные убеждения, взгляды, представления, основанные на знаниях, и уровень психологический, включающий «мотивные элементы» и, возможно, неосознанные.

Изучение источников позволило выявить основные типы идентичности в условиях более или менее спокойных межэтнических взаимодействий и в условиях конфликтов:

1. Нормальная идентичность, при которой задается и воспринимается положительный образ своего народа, благоприятное отношение к его культуре, истории, естественный патриотизм, не переходящий в фаворитизм, и вполне толерантные установки к другим народам, понимание их вклада в историю и готовность к общению с ними.

На идеологическом же уровне провозглашаемые констатации «мы-русские», «мы-татары», «наше Отечество» и т.п. не сопровождаются «отгораживанием» от мирового цивилизационного процесса, от единой полиэтнической государственности.

При нормальной идентичности на личностном уровне люди могут испытывать, на наш взгляд, разную потребность в солидарности, ассоциированности с этнической общиной, что зависит скорее от типа личности, точнее — психических особенностей того или иного человека. Однако, этот тезис требует эмпирической проверки, и в этом отношении взгляд автора данного

текста — этносоциолога и психологов могут в чем-то отличаться, и читатель может это почувствовать даже в подходах авторов этой книги, сравнив данный раздел и раздел, посвященный анализу этнической идентичности в условиях межэтнической напряженности, а также уже вышедшие статьи участников нашего Проекта.²⁰

Бесспорно, видимо, то, что в условиях межэтнических напряжений и конфликтов и при нормальных отношениях тенденция к солидарности, ассоциированности со своим этносом различается.

Мы исходим из того, что «отклонения» могут идти в разных направлениях — в сторону нарастания этничности и в сторону ее отрицания, поэтому мы выделяем и другие типы:

2. Этноцентричная идентичность, не в том смысле, что точкой отсчета для восприятия другой культуры является собственная культура, а в плане акцентированности на значимость этничности, ориентированности на нее, ее безусловного предпочтения. Такая этноцентричная идентичность переживалась на наших глазах практически всеми народами бывшего Союза. Представители каждого народа говорили о своем ущербе от тоталитарного режима, забывая, что все другие тоже переживали свои утраты.

Этноцентричная идентичность предполагает замкнутость, и, возможно, неагрессивный этноизоляционизм. В некоторых культурах он программируется просто традиционными нормами, например, брачной эндогамией, часто связанной с влиянием религиозных правил. Такая ориентация на эндогамию бывает даже не связанной с каким-то негативным отношением к другим народам. Например, в советское время длительный период русская культура была престижна у народов Средней Азии, и статус русских в их глазах был высок, тем не менее, широко

---

²⁰ Рыжова С. В. Установки этнического самосознания русских // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994.

контактируя с ними на работе и даже в дружеской среде, узбеки, таджики, киргизы и туркмены очень редко вступали в межэтнические браки.

На идеологическом уровне этноцентричная идентичность оформляет свои позиции в доктринах: «Все для нации и ничего против нации».²¹

Этноцентризм в своих вариантах граничит с этноэгоизмом и изоляционизмом в крайней форме, переходя в них. Тем не менее, целесообразно выделить для эмпирической проверки и отделения от этноцентричной идентичности такие типы как:

3. Этнодоминирующая идентичность, при которой этничность становится не только первостепенной идентичностью среди других видов идентичности (гражданин, мужчина-женщина, мать, представитель профессии и др.), но и достижение целей, интересов народа, возможно и ложнопонимаемых, становится безусловно доминирующей жизненной ценностью («Мы все только клетки одного великого организма по имени нация»²², «Кто не с нами, тот против нас» и т.п.). Такая идентичность обычно связана с признанием приоритета прав народа над правами человека, с представлениями о превосходстве своего народа, иррационально объясняемого его особой миссией в истории, и, как правило, не может не сопровождаться дискриминационными установками в отношении других этнических групп, осознанным стремлением «не смешиваться» с ними (эксклюзивизм). Этот тип идентичности ближе к бытовому и часто используемому в политическом повседневном лексиконе определению «националист».

Наконец, крайней формой этнической идентичности в сторону ее нарастания является:

4. Этнический фанатизм, при котором абсолютное доминирование этнических интересов и целей сопровождается готов-

---

²¹ Речь. Газета русской партии. 1993, № 1. С. 4.

²² Там же.

ностью идти во имя них на любые жертвы и действия, вплоть до использования терроризма.

В противоположность таким типам идентичности выделяются:

5. Амбивалентная идентичность, при которой встречается и невыраженная, как бы «сдвоенная», иногда и «строенная» идентичность — «Я русский, но и татарстанец», или переходная, когда, например, дети из смешанных семей в одной ситуации чувствуют себя представителем одного народа, в другой — другого.

На идеологическом уровне мы часто встречаем такую амбивалентность, двойственность, когда русские интересы представляются как российские или наоборот.

Наконец, в литературе отмечен и такой вариант, как уничижительная идентичность. Мы назовем ее:

6. Этнотуперменность, при которой осознается низкий статус своей этнической группы, ее как бы неравноценность другим и принимается тактика избегания демонстрации своей этничности, а иногда и вообще отрицание всякой этничности. Правда, последнее встречается и при другом типе ориентации, когда в идеологии, в индивидуальном сознании и поведении декларируется отказ от этнической идентичности как незначимой идентичности, и иногда даже квалифицируемой как вредная. Назовем ее:

7. Этнотуперменность в форме космополитизма.

Каждый из выделенных типов очень редко бывает четко выраженным, чаще вариативным, переходным. И все они, конечно, требуют эмпирической проверки, после которой могут быть уточнены, что и предстоит сделать в ходе исследования. Эмпирическая проверка имеет отнюдь не только научные цели, но и актуальные практические.

В мировой науке и в общественном мнении у нас все чаще утверждается конструктивистский подход к пониманию этничности. Из него в значительной мере исходят готовящиеся программы этнической, национальной политики. Если принимается, что этничность, этнические представления насаждаются, конструируются лидерами, средствами массовой информации, то каковы

возможности такого манипулирования, исходя из состояния идеологии и личностной идентичности у тех или других народов, социальных и демографических групп? На этот вопрос ответить можно только на основе конкретных исследований.

Соотношение здоровых и кризисных форм этнической идентичности в массовом сознании мы расцениваем как показатель не только психологического состояния народа в данный исторический период, но и состояния общества. Ведь именно в период когнитивной неопределенности, меняющейся политической и социальной структуры, нечеткости интересов групп — в смутное время, как отмечается в литературе, значимость этнической идентичности возрастает, ибо она выступает одним из существенных защитных механизмов, обеспечивающих устойчивую форму солидарности.

Поэтому измеряется значимость этнической солидарности для групп, наиболее вовлеченных в ситуацию напряженности, конфликтности, как социальной, так и межэтнической в сравнении с относительно спокойным взаимодействием. Для измерения ее в инструментарий исследований — опросный лист — вводятся суждения, относительно которых респондентам предлагалось высказаться, соответствуют ли они их мнению:

«Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности»;

«Человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы»;

Метод предложен С.В. Рыжовой. Эти же индикаторы, вместе с другими служат и для решения другой задачи — измерению уровня этничности.

В научной и политической литературе мы привыкли встречать определения «рост национального самосознания», «выросшее этническое сознание». Но как оно измеряется, какие показатели вводятся для сравнения? В наших исследованиях мы имели возможность ввести два критерия: широта содержательного наполнения представлений об этнической идентичности и интенсивность ее функционирования.

Сравнения по этим критериям проводились и в сфере идеологии, и в сфере личностной идентичности. В первой широта измерялась числом и качественной наполненностью идеологем, выдвигаемых в выступлениях, статьях лидеров, в политических документах (декларации, заявления), законодательных актах.

Нами установлено, что татарскими лидерами в Татарстане аккумулировался, видимо, один из самых широких наборов идей для мобилизации этнического самосознания: государственность, возрождение культуры, языка, самоопределение в историческом прошлом, место этноса в мировом сообществе, четкое формулирование ближайших и будущих перспектив развития, территория и диаспора, интересы во взаимодействиях с Центром, с русскими и другими народами в республике — идея внутригосударственного гражданского единства («Нация — это граждане, объединившиеся в государственную общность независимо от этнического происхождения»²³, национальные, этнические права в контексте прав человека. В идеологии национального, этнического самосознания других народов набор идей был не столь широким.

Одновременно измерялась частота повторяющихся идей (интенсивность) через контент-анализ прессы и манифестов и деклараций.

На личностном уровне широта (объем) этнической идентичности измерялась шкалой этнообъединяющих признаков (набор признаков при ответе на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?») и набором показателей, фиксирующих заинтересованное отношение к развитию культуры, языка, событиям исторического прошлого, заинтересованность в государственности.

Интенсивность этнического самосознания измеряется в исследованиях шкалой заинтересованности в сохранении культуры, языка, исторической памяти, степенью ориентации на госу-

---

²³ Хаким Р. Сумерки империи. Казань, 1993. С. 217.

дарственных деятелей, представителей искусства, деятелей науки своего народа, а также степенью включенности в свою этничность — ответ на вопрос «Я никогда не забываю, что я осетин (русский, татарин, тувинец, саха)», в альтернативе — «для меня не имеет значения моя национальность и национальность окружающих.»²⁴ Ответ на этот вопрос совмещается также с ответом «Обязательно ли современному человеку ощущать себя частью какой-то национальности?».

Наши предыдущие исследования²⁵, многочисленные полевые наблюдения, давали основание предположить, что интенсивность этнического самосознания тесно взаимосвязана с межэтническими отношениями. Широта, объем этнического самосознания больше определяется знаниями, образованием, уровнем интеллекта, в то время как интенсивность этнической идентичности включает больше эмоциональных элементов и теснее коррелирует с теми факторами, которые определяют характер межэтнических отношений.

Межэтническим отношениям, этническому, гражданскому самосознанию посвящены последующие главы.

Здесь же кратко остановимся на межэтнической конфликтности, которая часто сочетается с теми или другими типами и формами национализма.

Во время дискуссий, связанных с распадом Союза и затем сепаратистскими тенденциями в Российской Федерации и других бывших союзных республиках, были предложения квалифицировать эти типы конфликтов как политические. Они действительно проявляются через действия политической элиты и властных структур. Но если идеи, выражаемые лидерами, разделяются большинством или значительной частью народа,

---

²⁴ Методика изучения акцентуированности на этничности предложена С.В. Рыжовой и опробована на материале уже проведенных опросов. См: Рыжова С.В. Установки этнического самосознания русских // Конфликтная этничность и этнические конфликты. М., 1994.

²⁵ Русские. Этносоциологические очерки. М., 1992.

как, например, это было в Прибалтийских государствах, как это было во время референдума в Татарстане, то подобные ситуации, в которых мобилизация идет по принципу этничности и задеты чувства людей, совершенно очевидно можно относить именно к этнополитическим конфликтам.

Что касается конфликтов между этническими группами, общинами, то о причинах их уже написано очень много и в зарубежной, и в отечественной литературе.²⁶ Социологи чаще ориентированы на выявление факторов напряженности в латентном периоде, т.е. предконфликтной ситуации или когда открытые, внешние проявления конфликтов приостановлены, но ситуация остается сложной, так как внутренние причины не преодолены. Период реализации нашего Проекта приходился в значительной мере как раз на такой период в республиках, Конституции которых разошлись в ряде важных положений с новой Конституцией Российской Федерации, так же как и в Северной Осетии, где период военных действий (1992 г.) прошел. Но конфликтное состояние, напряженность оставалась. Есть и еще одна особенность в наших исследованиях конфликтов. Причины конфликтов бывают более глубокими и долговременными и ситуативными. Например, когда в политических и иногда научных кругах, на бытовом уровне говорят о такой причине, как борьба за власть, то она теряет свое стимулирующее действие после разрешения этой проблемы (после выборов в органы власти, смены правительства и т. д.). Но есть причины, которые быстро преодолеть нельзя, и они даже могут обостряться. Это, например, передел собственности, дезорганизация хозяйственного механизма, приводящая к депривации, резкому ухудшению материального положения, избыток трудовых ресурсов, безработица, имеющая этническое «лицо». На изучении именно этих обстоятельств мы акцентируем внимание. Это показано в Гл. 3.

---

²⁶ Социальные конфликты. Межэтнические конфликты. Часть 1, 2. М., 1992, 1993; Национальная политика в Российской Федерации. М., 1993.

Естественно, любой конфликт почти никогда не определяется каким-то одним фактором. Социальные, экономические факторы оказываются связанными с политическими и психологическими. Поэтому в задачу исследования входит выявить ядро факторов, в наибольшей мере определяющих конкретные конфликты, уже проявившиеся или потенциальные.

Изучение ситуаций в постсоветском пространстве показывает, что один и тот же образ конфликтной ситуации вызывается сочетанием различных факторов. Например, за одним и тем же конституционным конфликтом вследствие расхождения республиканских Конституций и новой Конституции Российской Федерации в Татарстане, Саха (Якутии) и Республике Тува лежат не только общие, но и существенно различающиеся обстоятельства, стимулировавшие конфликт. Поэтому по каждой республике важно провести многофакторный анализ, который только и позволит приблизиться к пониманию ситуации, помогающему искать подходы к урегулированию противоречий.

Есть разные способы типологизации конфликтов²⁷: стадийный (от информационной борьбы к открытым столкновениям); уровневый (институциональный, групповой); и содержательный — по характеру основных требований. В предыдущих работах автор придерживалась последнего подхода. В данном случае мы намеренно отказываемся от предварительной типологизации в надежде, что новый материал позволит с большей надежностью определить образы конфликтов и их доминанты.

В национализме, так же как и в конфликтах, ученые видят как бы две стороны: рациональные интересы, осознанные потребности и чувства, эмоции, волю. При намерении регулирования конфликтов важно учитывать обе эти стороны.

Мы оперируем понятием «регулирование конфликтов», ибо опыт постсоветского пространства, так же, впрочем, как и ми-

---

²⁷ Паин Э.А., Попов А.А. Межнациональные конфликты в СССР. // Советская этнография. 1990, № 1.

ровой опыт, убеждает в необходимости отказаться от таких понятий, как преодоление, ликвидация конфликтов по двум причинам. Во-первых, потому, что обычно они не адекватны реальности. Во-вторых, потому, что сами возможности науки в этом процессе ограничены и могут быть ориентированы именно на выявление обстоятельств, условий, использование которых может содействовать регулированию конфликта.

Одно из важнейших условий рационального подхода к регулированию конфликтов — это разделить требования, связанные с политикой — утверждением государственности, суверенитета, независимости и требования, связанные с культурой; сохранением самобытности народа, его интересов в сфере языка, искусства, традиций, религии; второе условие, способствующее урегулированию — не забывать об эмоциях людей, о чувстве гордости, достоинства; третье — учитывать, что этническая идентичность — не единственная идентичность человека. Стимулирование множественности идентичности может способствовать снятию повышенной напряженности.

Но, чтобы властные структуры и общественные движения могли использовать эти выводы при регулировании межэтнических напряжений и конфликтов, надо иметь реальную информацию, адекватно отражающую осознание этнических и социальных, государственных и культурных интересов, силу эмоциональной включенности в эти интересы, готовность сменить установку «выиграть-проиграть» на ориентацию на кооперативное решение.

На российском пространстве национализм далеко не всегда приводил к конфликтам, но когда такие конфликты были, они чаще всего принимали характер этнополитических конфликтов.

ВОЗМОЖНОСТЬ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛИЗМА

Из признания того, что национализм бывает разным, можно заключить, что какие-то виды, типы, формы проявлений национализма могут в большей или меньшей мере сочетаться с либерализмом и демократией.

Наиболее известной работой, в которой обсуждается проблема либерального национализма, является уже названная статья М. Линда. В ней он утверждает, что недоверие к национализму даже в его либеральной, демократической и конституционной форме — грубое заблуждение. Оно означает поддержку любых, в том числе деспотичных многонациональных государств. Представление о национализме как устаревшем явлении из архаического прошлого — это предубеждение, которое не соответствует политической практике. Не все случаи сепаратизма плохи, а политика поддержки целостности многонациональных государств — хороша. Справедливо заключение М. Линда о том, что отделение одной нации (а иногда и нескольких) не означает, что каждое многонациональное государство готово рухнуть, как карточный домик. М. Линд утверждает, что многонациональность государства не является непреодолимым барьером для его демократизации. Важно разработать механизм разделения власти между этническими группами. Он приводит пример Швейцарии, Бельгии, Канады. Не надо бояться и сверхмощных государств типа Советского Союза, если они создаются на *добровольных* началах. Не очень ясно из рассуждений М. Линда, какой же национализм можно считать либеральным. Очевидны лишь условия, выделенные им: возможность свободного выбора человеком своей национальности и обеспечение прав культурных меньшинств, при том что обеспечение прав культурных меньшинств (выделения, соединения этнических групп) осуществляется мирными средствами.

В последнее время вышли и другие работы, в которых обсуждается либеральный национализм. В статье В. Коротеевой «Существуют ли общепризнанные истины о национализме?» дан

их обзор и сделан вывод, что у сторонников либерального национализма доминируют две темы: оправдание нации как основы политического сообщества и перераспределительной экономической политики и способы демократического разрешения проблем сепаратизма.²⁸ Автор обращает внимание на материалы дискуссии, проведенной журналом «Нации и национализм» в связи с выходом книги Д. Миллера «О нации». Д. Миллер оспаривает положение, что национализм — идеология правых сил, поддерживающих авторитарные режимы, враждебные либерализму и демократии, и утверждает, что либеральный национализм предполагает комбинацию социальной демократии внутри страны с «исключительно либеральной доктриной формального равенства на международной арене» (при этом по Д. Миллеру идея социальной справедливости живет только внутри сообщества, «имеющего представление об общей судьбе»).

Б. О'Лири, участвовавший в дискуссии, обратил внимание на соблюдение либеральных требований в отношении меньшинств. Действительно, нередко добившиеся суверенитета народы в новых государствах не соблюдают прав меньшинств. Б. О'Лири считает, что либеральное общественное мнение должно добиваться введения процедур и мер предосторожности, гарантирующих коллективные права меньшинств и индивидуальные права человека.²⁹ Но все это больше, как замечает В. Коротеева, «советы просвещенному общественному мнению», между тем как отсутствуют институты и согласованные политические процедуры реализации предлагаемых мер.³⁰

Обсуждение проблем либерального национализма оживилось не случайно. Этнические чистки, агрессивный сепаратизм, декларирование самоопределения — все связанные с этими яв-

---

²⁸ Коротеева В. В. Указ. соч. — С. 197.

²⁹ O'Leary B. Insufficiently Liberal and Insufficiently Nationalist // Nations and Nationalism. — 1996. — Vol. 2. — Pt. 3. — P. 444.

³⁰ Коротеева В. В. Указ. соч. — С. 201.

лениями проблемы приходится и западному сообществу теперь решать не «за морями», а в своих или соседних государствах.

На постсоветском пространстве этнонационализм стал реальностью на значительных территориях. И не так важно, что в одних республиках, зная современные трактовки национализма, идеологи открыто признают себя националистами — сторонниками по возможности большей самостоятельности (не обязательно сецессии), а в других, опираясь на советские представления, упорно говорят, что национализма у них нет, его «завозят» из Москвы или «западных стран».³¹ Реально национализм в тех или иных проявлениях есть. Учитывая российскую традицию понимания национализма, скажем мягче — есть *национальный регионализм*. В такой ситуации важно поддержать те его виды и формы, которые в наименьшей степени препятствуют процессу либерализации и демократизации.

Поэтому подведем некоторые итоги дискуссий, которые прошли в мировой литературе по проблемам возможности либерального национализма и демократии и позволяют выделить принципы и нормы, дающие возможность относить конкретный национализм (национальный регионализм) к либеральному. Затем мы обратимся к опыту российских республик и, опираясь на выявленные характеристики в дискурсе, политике и практике, попытаемся перейти от рассуждений о состоянии умов к реальности. Таким образом, речь пойдет о возможности либерального этнонационализма в республиках — государствах (так они зафиксированы в Конституции 1993 г.), функционирующих в условиях «разделенного суверенитета».

О либеральном национализме можно говорить, если:

- государственность декларируется от имени граждан, проживающих на территории республики, или народа в понимании сообщества людей, проживающего на данной

---

³¹ Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробужевой. — М., 1996. — С. 57.

- территории (или народов, этнонаций, национальностей, живущих в республике);
- устройство государства в республике можно отнести к либерально-демократическому типу, обеспечивающему верховенство законов, всеобщее избирательное право, представительный характер власти, выборность власти как формы реализации принципа представительства, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную;
  - обеспечивается политическое и правовое равенство граждан, в том числе право быть избранным на государственную должность;
  - допускаются плюрализм и свобода политической деятельности, свобода слова, право формулировать и отстаивать политические альтернативы, возможность внутренних разногласий при обсуждении ценностей, идеалов, в том числе национальных, этнокультурных, лингвистических, сути самой общности и ее границ в приемлемых для дискутирующих сторон формах, избегающих экстремизма и насилия;
  - наличествуют политические институты, обеспечивающие разнообразие культур, права меньшинств;
  - обеспечивается свободное право личности на выбор национальности.

В условиях современной демократии или «глобальной демократической волны» признается наиболее желательной легитимность властных структур, достигаемая в рамках демократических процедур (хотя легитимность и демократия, как подчеркивает известный специалист в области демократических транзитов А. Мельвиль, — понятия, которые смешивать нельзя.³² Легитимность власти, достигаемая на основе свободных и чест-

---

³² Мельвиль А. Ю. Указ. соч. — С. 15.

ных выборов, означает единство жителей республики, желание ее граждан различной этнической принадлежности добровольно жить вместе.

Большинство перечисленных принципов характерно для развитых или, как говорят, консолидированных демократий. Это практически идеал. Но я согласна с А. Мельвилем в том, что пытаться на все времена и для всех народов сформулировать такой идеал «означало бы впасть в опасную иллюзию». Действительно, «демократия — это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур».³³ И потому Дж. Маркофф говорит о демократии как о постоянно ускользающей цели, к которой стремятся, но практически никогда в полной мере не достигают сменяющиеся поколения демократов.

Также и либеральный национализм способен обновляться в своих принципах, институтах, процедурах, оставаясь целью, к которой национально ориентированные общественные силы, лидеры, властные структуры проявляют готовность стремиться, хотя не всегда и не во всем ее достигают.

Сама демократия не гарантирует решения многих проблем: всеобщего благоденствия, мира, в том числе решения национальных проблем. Тем более этого не может обеспечить общество перехода к демократии. Не будем забывать, что и народы, которые теперь имеют *разделенный суверенитет*, еще живут в состоянии реакции на недавнее историческое прошлое, когда реальной власти в республиках не имели, а их культура, язык не были равны русским (и далеко не во всем сейчас могут считаться таковыми).

Учитывая все это, интересно посмотреть, прослеживаются ли какие-то черты, присущие либеральным формам национализма, в российских республиках. Поскольку нет возможности проанализировать ситуацию во всех республиках, рассмотрю

---

³³ Там же. — С. 17.

дискурс, политику и элементы практики в Татарстане и Туве. Эти две республики в процессе суверенизации пошли дальше всего (исключая Чечню). В их конституциях содержатся положения о верховенстве республиканских законов над общегосударственными и приоритетном праве на использование ресурсов. Татарстан назван в Основном законе республики независимым государством, субъектом международного права, ассоциированным с Российской Федерацией на основе Договора о взаимном делегировании полномочий и предметов ведения (ст. 1). Конституционный конфликт, как известно, был урегулирован на основе Договора о разграничении полномочий и предметов ведения органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти Республики Татарстан. Договор был результатом компромисса, подписан он на основе конституций России и Татарстана, которые по ряду важных положений не совпадают. С правительством Тувы договор не подписан. В Конституции Тувы есть положение о праве выхода из состава Российской Федерации, и это является основным препятствием для подписания Договора.

Однако с точки зрения оценки либеральности *национального регионализма* (так мы обозначили то, что называют национализмом или, точнее, субнационализмом по международной трактовке) в Конституции Татарстана содержатся практически все основные принципы демократического устройства государства. Суверенитет провозглашен от имени «многонационального народа Татарстана» (ст. 1), таким образом, носителем государственности является не только титульная национальность — татары. В Конституции Татарстана, как и в федеральной Конституции, зафиксированы права и свободы человека и гражданина, соответствующие принятой ООН в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека, Международному пакту о гражданских и политических правах, Международному пакту об этнических, социальных и культурных правах (1966 г.), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений и других прав и свобод человека.

Основные права и свободы человека отражены и в Конституции Тувы. Но в ней не сказано, от чьего имени провозглашен суверенитет, кто является носителем государственности. И русские активисты считают, что это не случайная оплошность, а способ не фиксировать их как государствообразующую общность.

По Конституции Татарстана все его жители имеют право на гражданство; закон закрепляет право на двойное гражданство — татарстанское и российское. В связи с выдачей гражданам новых паспортов спорным оказался вопрос о возможности получения татарами, живущими в других субъектах Федерации, гражданства Татарстана. Это могло заметно изменить соотношение представительства национальностей в представительных органах, а также во время референдумов (в республике по Всесоюзной переписи 1989 г. татары составляли 48%, а по оценкам на середину 90-х годов — 51%)³⁴ и потому конфликтно воспринималось и в Татарстане, и в Центре. Но это вопрос практический, а от обострения противоречий руководство Татарстана постаралось уйти.

В Туве уже в Конституции заложены ограничения принятия гражданства по национальности. Там говорится, что «порядок приобретения гражданства определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации...» (ст. 31). По данным переписи 1989 г. тувинцы составляли в республике 64%.³⁵ Положение, ограничивающее гражданство по этническому признаку, было принято под впечатлением деятельности национальных движений в прибалтийских республиках, где изменение этнического состава квалифицировалось как имперская политика, обеспечивающая влияние Центра. Тем не менее это положение не может быть оценено иначе как дискриминационное.

---

³⁴ Национальный состав населения РСФСР: По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. — М., 1990. — С. 123-152.

³⁵ Там же.

Специальные статьи конституций республик устанавливают равноправие граждан независимо от национальности (ст. 3, 20, 21, 22, 29, 35, 53 Конституции Татарстана, ст. 5, 10, 31, 233 Конституции Тувы). В Конституции Татарстана содержатся следующие положения: «Взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество... граждан всех национальностей составляет социальную основу Республики Татарстан» (ст. 3), «Долг каждого гражданина Республики Татарстан — уважать честь и национальное достоинство других граждан» (ст. 53); «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни запрещается» (ст. 6).

Более или менее сходные положения есть и в Конституции Тувы, так же как и других российских республик. Но по закону в Татарстане закреплено два государственных языка, в Туве же государственным языком является только тувинский (ст. 33).

Культурный плюрализм в Татарстане нашел отражение не только в Конституции, но и в реальной жизни. Скажем, Конституцией гарантировано право пользования родным языком (ст. 20), обучения на нем в школе (ст. 41). И реально на русском училось более 90% русских детей, остальные — по свободному выбору. Есть в республике и удмуртские, и чувашские школы. Известно, что из Удмуртии туда приезжали учителя изучать опыт сельских школ по преподаванию на удмуртском языке.

В обеих республиках реализуется право на культурную автономию. И хотя сами общества нетитульных национальностей не столь многочисленны, особенно в Туве, все же важно, что они имеют право на существование.

Конечно, и в республиках, дальше продвинувшихся в создании гражданского общества, либерализации и демократизации, есть конституционные положения, которые воспринимаются нетитульными национальностями как ущемление их прав. К ним относится положение, согласно которому избранным главой республики (президентом) может быть только ее гражданин, владеющий языком титульной национальности и русским. Поскольку среди нетитульных национальностей язык народа, давшего

название республике, знают очень немногие, большинство их не может баллотироваться на этот пост. И в 1998 г. такое положение стало препятствием для реального претендента на пост президента в ходе избирательной компании в Башкирии.

Одним из принципов демократии и либерализма, как уже указывалось, является свобода политической деятельности, возможность внутренних разногласий при обсуждении самой сути нации и ее ценностей, идеалов. Естественно, наиболее активное формирование политических объединений происходило в период подъема национального движения, который пришелся на конец 80-х — начало 90-х годов. Именно тогда в Татарстане была создана наиболее известная партия, выражающая центристски ориентированные интересы татар, — Татарский общественный центр (ТОЦ), затем Всетатарский общественный центр (ВТОЦ), а также крайне радикальное объединение «Иттифак» («Согласие») и другие объединения — «Суверенитет Татарстана», «Ватан» («Родина»), Общество Ш. Марджани и пророссийские или больше выражающие интересы русских «Равноправие и законность», «Народовластие», Гражданский союз, «Согласие» и отделения общероссийских партий. Альтернативность мнений, суждений, доктрин и лозунгов была представлена в дискурсе сполна. Если официальные идеологемы строились вокруг строительства демократического общества равных возможностей, обеспечения равного партнерства национальностей (русские при этом очень редко назывались национальным меньшинством, и в фразеологии официальных лиц часто использовался термин «народы-партнеры» или просто «русские»), создания федерации снизу, на добровольных началах, на основе равноправных договоров, то крайняя оппозиция выдвигала требования полной независимости, призывала к этническим чисткам.

На митингах, собиравшихся в основном ТОЦ и ВТОЦ и насчитывавших 10-15 тыс. человек (бывало и до 50 тыс.), можно было увидеть лозунги «Защитим суверенитет», «От империи к союзу освобожденных народов», «Экономическая самостоятель-

ность», «Москва! Верни нам 250 млн нефтедолларов! Мы построим свой Кувейт!», «Татарстан не дойная корова». На митингах «Иттифака» были лозунги «Независимость!», «Русские — вон из Татарстана!», «Русские — оккупанты», «Москва — оплот колониализма», «Навеки с Россией — навеки в рабстве». «Иттифак» собирал на митинги не более 250 человек.

Правительство сдерживало национальный экстремизм. Большинство понимало, что радикалов немного. Согласно опросам 1994 г., которые мы проводили в Татарстане по проекту «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов в Российской Федерации»³⁶, сторонников «Иттифака» было не более 2-4%. Но все же подобные открытые требования и лозунги оставляли следы. Свыше 35% русских и 25% татар в 1991 г. оценивали межнациональные отношения как «очень напряженные», а 50% и тех и других чувствовали, что «межнациональное напряжение ощущается».³⁷

После 1994 г. деятельность общественных движений в Татарстане, как и в других республиках, пошла на спад (здесь не анализируется особый случай Чечни). Но идеологические и политические дискуссии продолжаются. Так, обсуждается, может ли быть сформирована гражданская нация — татарстанцы. В качестве сторонника такой возможности выступает государственный советник, директор Института истории в Казани Р. Хакимов. Его постоянный оппонент — сотрудник этого же института, один из идеологов ТОЦ Д. Исхаков, сомневающийся, что татарскую культуру сейчас можно оценивать как «высокую» (по Геллеру), т. е. такую, на основе которой можно сформировать на-

---

³⁶ Проект осуществлялся при финансовой поддержке фонда Д. и К. Мак-Артуров в Татарстане, Туве, Якутии, Северной Осетии. Руководитель проекта Л. Дробичева. Участники проекта: А. Аклаев, З. Анайбан, У. Винокурова, Х. Дзуцев, В. Коротеева, А. Коростелев, И. Кузнецов, В. Малькова, Р. Мусина, С. Рыжова, Г. Солдатова.

³⁷ Мухаметшин Ф. Н., Исаев Г. А. Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. — Казань, 1998. — С. 145.

цию — согражданство, и считающий, что паритет культур в республике нельзя осуществлять до того, пока татарскую культуру не компенсировали после дискриминации в советский период.³⁸

В республике дискутируется языковая политика: насколько можно форсировать переход высшего образования на татарский язык, введение оплаты за знание двух языков, кому доплачивать — всем или только русским, использующим два языка, когда вводить обязательное знание двух языков для работников ряда профессий и др.

Русские и представители других нетитульных национальностей чувствуют, что их потеснили во властных структурах. Хотя, как показывают наши опросы, уже в 1998 г. среди русских понизивших свой социальный статус было примерно столько же, сколько среди татар (в Казани — соответственно 16,8% и 15,6%, что по условиям выборки с возможностью отклонений в 5% означает отсутствие значимых различий). Но все же для устройства «на самую лучшую работу», как считают 72% русских, у татар возможностей больше. Среди татар поддерживают это мнение 38%.

В оценке своего материального положения русские и татары практически не различаются. И в 1998 г., и в 1997 г. абсолютное большинство русских и татар межэтнические отношения оценивали как благоприятные, хотя среди русских в 1997 г. по сравнению с 1994 г. увеличилась (с 8% до 25%) доля эгоцентриков, считавших, что «все средства хороши для защиты интересов нации», — их стало столько же, сколько среди татар.

Любопытно, что в конце 90-х годов дискуссии все чаще переходят от национальных, идеологических тем к политике. Так, обсуждается возможность введения местного самоуправления на основе выборов, а не назначений, предоставления возможности избираться в Госсовет по партийным спискам. Как это ни

---

³⁸ Исхаков Д. М. Модель Татарстана: «за» и «против» // Панорама-Форум. — 1995. — # 1. — С. 58-67.

причудливо выглядит, в борьбе за введение партийных списков объединились национально ориентированные демократы и коммунисты, в том числе пророссийски настроенные. В июле 1999 г. они проводили митинги с требованием привести избирательный закон республики в соответствие с законодательством Российской Федерации.

Знаменательно, что руководство Татарстана постоянно демонстрирует возможность обсуждения разногласий (прежде всего, конечно, с Центром) в приемлемых для сторон формах. Так решался в 1999 г. вопрос о продлении соглашений, заключенных после подписания договора 1994 г.

Сложен для Татарстана вопрос соблюдения паритета конфессий. Число мечетей растет в республике быстрее, чем количество православных церквей, верующих среди татар больше, чем среди русских (среди городского населения по опросам 1997 г. соответственно 81% и 74%, в селах — более 90% верующих)³⁹, а главное, готовых жертвовать на строительство религиозных зданий среди мусульман больше.

Идеологи центристского направления постоянно напоминают, что среди татар доминирует ислам джадидистского толка («открытый», «западного толка»). Тем не менее среди радикальных националистов есть и сторонники фундаменталистского ислама. Властным структурам в этих условиях приходится лавировать, искать примирительные механизмы. Так, в Казани кресты православного храма в Кремле, который стоит на холме, выше недалеко стоящей башни Сююмбеки. Было решено на башне водрузить шпиль с полумесяцем, который пространственно выровнял бы эти символы веры.

Примечательна была реакция президента Татарстана на заявления некоторых политологов, поспешивших найти в дви-

---

³⁹ Данные результатов опросов по Проекту «Межэтнические границы: факторы стабильности и конфликтности» // Язык и религия в межэтническом взаимодействии / Отв. ред. Л. М. Дробижева, сост. И. М. Кузнецов. — М., 1998. — Вып. 3. — С. 17-19.

жении «Вся Россия» исламскую специфику: среди инициаторов блока — М. Рахимов, Р. Аушев, А. Джаримов. М. Шаймиев заявил: «Кто так думает, глубоко ошибается. Среди инициаторов нашего блока большинство — губернаторы российских краев и областей, например, В. Яковлев, П. Сумин, Л. Полежаев, А. Гужвин и другие. Объединились и русские, и представители других национальностей и различных религий, что *неимоверно важно* в нашей стране» (курсив мой — Л. Д.). Еще один раскол на конфессиональной основе — это «страшно и недопустимо».

Политику конфессионального согласия президент Татарстана продемонстрировал указом, по которому одновременно возрождаются мечеть Кол-Шариф и Благовещенский собор. В Казани гордятся тем, что открыт Дом дружбы народов, верующим возвращена синагога, общими праздниками стали День Республики и Сабантуй, проводятся Шаляпинский (оперный) и Нуриевский (балетный) фестивали.⁴⁰

Иная ситуация в Туве. Оппозиционные партии здесь были, прежде всего «Хостуг — Тыва», но они и в начале 90-х годов и тем более теперь не являются по-настоящему влиятельными. Оппозиция оживлялась здесь в период выборов, но в основном конкурируют центристская Народная партия суверенной Тувы и Тувинская республиканская партия коммунистов. И даже в период более активных действий при подготовке республиканской Конституции требования, идеологемы были достаточно однообразны: «Москва сделала всех бедными», «Тувинцы хотят достойной жизни», «Суверенитет», «Равенство». Между тем обстановка в республике была в начале 90-х достаточно сложной. В 1990 г. здесь был открытый насильственный межгрупповой конфликт, после которого за год 10 тыс. русских покинули республику. Отток русских, уже не в таких размерах, продолжался и впоследствии.

---

⁴⁰ Республика Татарстан. — 1999. — 25 мая.

В идеологической и политической сфере здесь не заметно существенных дискуссий об альтернативах развития наций. Более или менее обсуждается, какие элементы культурного багажа следует взять в «завтрашний день». В русской среде (иногда в печати, чаще в кулуарах) обсуждается вопрос участия во власти на уровне республиканских органов и местной власти, конкретных учреждений.

«Политическая крыша» в виде разделенного суверенитета у тувинцев есть. Но вот оформленная идеология прав народа, прав человека, их соотношений едва просматривается, главным образом по законодательным документам, о которых говорилось выше. В отличие от Татарстана, где формируется идеология «мы татарстанцы», или Якутии, где используется идеологема «мы — якутяне»⁴¹, в Туве идеологема гражданского, межэтнического единства не декларируется. Это, возможно, одна из причин того, что межнациональные отношения здесь оцениваются, по данным наших опросов 1994 г., вдвое хуже, чем в Татарстане. Некоторые тувинские идеологи говорят о возможности федеративно-конфедеративных и, может быть, конфедеративных отношений в перспективе, но не сецессии.⁴²

Наиболее спорным при совмещении либерализма и национального регионализма является как раз отношение к сепаратизму и сецессии (я еще раз употребляю понятие национального регионализма или этнорегионализма теперь, после обсуждения основных идеологем в дискурсе, анализа элементов политики и практики в российских республиках, надеюсь, с большим основанием). В этнонационализме народов, дающих название республикам, со всей очевидностью выражено стремление к возможно большей политической и экономической самостоятельности, и это одна из важнейших доктрин национализма. Но основные общественные силы, стоящие у власти, да и авто-

---

⁴¹ Говорит элита республик Российской Федерации... — С. 240.

⁴² Там же. — С. 132.

ритетные интеллектуалы практически не декларируют необходимость подчинения личности воле и интересам этнонации, а это другой важнейший постулат национализма.

Патриотизм, любовь к своей земле, культуре поощряются, но в мечеть насильно не ведут и язык изучать не принуждают, тем более не заставляют жертвовать жизнью во имя народа. Среди части интеллигенции «манкуртизм», космополитизм не поощряется, но другие к этому безразличны, абсолютное большинство не поддерживает агрессивный национализм и этноизоляционизм. Поэтому национализм в большинстве российских республик во многом родствен регионализму и на примере Татарстана выглядит либеральным или близким к либеральному. Именно для такого национализма характерен не агрессивный и фанатичный, а рациональный подход к сепаратизму. Через год после заключения Договора о разграничении полномочий и предметов ведения М. Шаймиев писал: «Для нас суверенитет означает возможность самим добровольно определять ту долю полномочий, которую мы оставляем себе, и ту долю полномочий, которую делегируем России». В августе 1996 г. на международном форуме «Предупреждение смертоносных конфликтов: стратегия и институты» он напомнил: «Я всегда подчеркивал, что Татарстан требует в сложившихся условиях права самостоятельного развития», но не нарушения целостности Российской Федерации.⁴³

События в Чечне и Косово вызвали резкое осуждение и самоопределения, и сепаратизма даже среди ученых и политиков, считающих себя демократами. Утверждается, что для сепаратистов самоопределение — это всегда отторжение общего государства, политическое и культурное разделение, хотя самими пишущими⁴⁴ ясно, что это далеко не всегда так. Сепаратизма в мире, как говорится, хоть отбавляй, а на сецессию, тем бо-

⁴³ Известия Татарстана. — 1995. — 15 февр.; Шаймиев М. Значение опыта Татарстана для предупреждения и урегулирования конфликтов // Панорама-Форум. — 1997. — # 1. — С. 2.

⁴⁴ Тишков В. Феномен сепаратизма // Независимая газ. — 1999. — 28 июля.

лее вооруженную, идут немногие. Говорят, что социалистические страны создали «прекрасный материал для сепаратизма, положив... этнический фактор в основу внутреннего государственного устройства и вложив огромные ресурсы в образование и культурное развитие меньшинств», и «поддержка меньшинств... несостоятельна».⁴⁵ Но сепаратизм есть не только на «посткоммунистическом пространстве». И большевики, а потом советское государство, развивали так называемые национальные регионы не из альтруизма, а исходя из необходимости индустриализации всей территории. Они стимулировали образование в среде всех народов не только во имя гуманизма, но и руководствуясь потребностью в квалифицированных кадрах и понимая, что «государство сильно сознательностью масс», ведь через образование передавались абсолютному большинству населения государственная идеология, необходимые нормы и ценности. Модернизацию любой страны без образования населения осуществить нельзя.

Залп эмоциональной критики, видимо, объясняется тем, что урегулировать конфликты не всегда удается. Но не стоит ли сосредоточить внимание на обсуждении условий, при которых самоопределение народы предпочитают не в форме отделения, а в виде разных типов автономий, и национализм (в российском случае чаще этнонациональный сепаратизм) удастся перевести в либеральные формы. Такие условия, естественно, бывают объективными и субъективными. К объективным условиям, повышающим готовность к либеральным формам, можно отнести:

1. Этнический состав территории. Чем меньше доля титульной национальности, тем больше она должна считаться с волей другой части населения, думать об обеспечении поддержки с ее стороны, либерализировать этническую политику, выдвигать цели и задачи, которые будут обеспечивать единство всего полиэтнического сообщества.

---

⁴⁵ Там же.

2. Территориальное положение. Если республика или самоопределяющаяся этническая общность не имеет внешних границ, ей трудно ставить целью сецессию, радикальный сепаратизм. Все ставшие самостоятельными бывшие союзные республики СССР, так же как и Абхазия, Южная Осетия, Карабах, Чечня, имели внешние границы. Отсутствие таких границ ставит ограничение на сепаратизм и стимулирует поиск мирных решений.

3. Ресурсы группы, заявляющей о своих притязаниях, уровень ее модернизации. Речь идет не только о материальных ресурсах, обеспечивающих самодостаточность жизнедеятельности, но и об интеллектуальных. Чем сильнее слой интеллектуалов, чем больше среди них компетентных людей, знакомых с мировым опытом и международными подходами к решению этнонациональных проблем, тем больше шансов на возможность вести переговоры на уровне учета интересов сторон. Особенно важен состав политической элиты, уровень ее профессиональной подготовки. Эстонцам достигать более или менее либеральных путей решения национальных проблем было заметно легче, чем, например, молдаванам. У татар в этом отношении больше возможностей, чем, скажем, у чеченцев или тувинцев.

Возможность либерального национализма зависит также от внутренних и внешних субъективных факторов.

1. Чем выше легитимность и устойчивость центральной власти, ее сплоченность, организованность, тем меньше шансов у регионалов играть на противоречиях, доходить до ультимативных форм взаимодействия, и в то же время им легче договариваться о разделении полномочий и предметов ведения.

2. Велико значение государства, развития в нем демократических структур, обеспечивающих участие во власти представителей народов, их голос в средствах массовой информации, наличие в государственной структуре устойчивых механизмов регулирования конфликтных ситуаций.

3. Нельзя ожидать либерализации этнонационализма, ослабления сепаратизма, если в государстве происходит эскалация национализма шовинистического толка, если в распределении

общегосударственных ресурсов присутствует волюнтаристский момент, наличествуют клиентарные отношения.

4. Всегда приходится иметь в виду, что перепроизводство образованных людей создает препятствия для продвижения, карьеры и стимулирует недовольных к использованию культурных притязаний. Национализм становится потенциальным средством выражения фрустрации и интеллектуальной невосприимчивости, бунтом «маргиналов».⁴⁶ Поэтому, кстати, стабилизируют эскалацию этнонационализма те руководители республик, которым удастся включать в правительственные структуры или использовать иными путями потенциальных неэкстремистских идеологов национализма. Примеры Татарстана и Якутии демонстрируют достаточно успешное использование такого способа «тушения» экстремизма.

5. Все более значимым становится внешнее влияние. Надежда на поддержку или, наоборот, опасение осуждения мировым сообществом несомненно корректирует поведение лидеров как на сепаратизирующихся территориях, так и в Центре. Более четкое определение мировым сообществом позиций по вопросу о возможных формах самоопределения, об отношении к Хельсинкским принципам, об отношении к экстремизму, терроризму, обучение политиков, лидеров общественных движений, учебных решению этнических проблем, обеспечению мирного сожительства людей разной этнической принадлежности — это более надежный способ, чем демонстрация силы при регулировании конфликтов.

Естественно, далеко не всегда эти условия наличествуют, чтобы обеспечить либеральные формы национализма. И даже при их соблюдении не всегда достигаются желаемые цели. Тем не менее именно они создают или расширяют возможность либерального национализма или этнорегионализма.

---

⁴⁶ Kedourie E. Nationalism in Asia and Africa. — New York, 1974. — P. 43, 99.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕСПУБЛИКАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В этой главе мы рассматриваем межэтнические отношения на групповом и личностном уровне.

В центре внимания — отношения в республиках Российской Федерации, и для сравнения приводятся данные по областям России с преобладающим русским населением. Анализируются доминирующие тенденции в межэтнических отношениях и основные факторы, которые влияют на них в современных условиях.

Межнациональные отношения функционируют на институциональном уровне и реализуются через взаимодействия государственных и общественных учреждений и на уровне контактов между группами, между людьми разной этнической принадлежности. В последнем случае речь идет о межэтнических отношениях.

Межличностные отношения людей разной национальности — это особая сфера. Общаясь повседневно в деловой и неформальной обстановке — в соседском, дружеском, семейном окружении — люди на практике ощущают равенство или неравенство, партнёрство или ущемление, уважение или унижение, всё то, что в науке мы определяем как толерантные или интолерантные, дружественные, нейтральные или напряжённые отношения.

В концептуальном отношении мы исходим из социально-деятельностного подхода, при котором структура личности представляет иерархию видов деятельности. Каждая из них мотивирована соответствующими потребностями. У людей любой этнической группы могут быть потребности в безопасности, целостности группы, солидарности, аффилиации. Это также по-

требности в справедливости, позитивном восприятии себя другими, достижительности.¹

Межэтнические установки, этнические ориентации² и настроения представлены по результатам репрезентативных социологических исследований, проведённых в республиках, по упоминавшимся проектам «НИК», «ЭГ» и «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России» (1998-2000). Данные за 2002 г. приведены по результатам сопоставимого исследования, проведенного в Татарстане и Саха (Якутии) по проекту Д. Бари «Этничность и доверие в постсоветском обществе», любезно предоставленного нам в знак совместной работы по предыдущему проекту.

ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Наши предшествовавшие исследования подтверждали, что на характер межэтнических отношений в каждом конкретном случае оказывают влияние как общие факторы макросреды — общая политическая ситуация в стране, легитимность и устойчивость центральной власти, ориентация на либерализацию или ужесточение режима, — так и конкретная ситуация в регионе — историческое наследие взаимодействия контактирующих народов (завоевание или добровольное присоединение, была ли государственность в прошлом, были ли насильственные столкновения и т.п.), экономическая самодостаточность (регион донор или дотационный), сходство культур. Последние два фактора в той или иной мере отражаются в социальной структуре взаимодействующих этнических групп.

---

¹ Contril. *The Psychology of Social Movements*, Wiley, 1941.

² Под этническими ориентациями имеется в виду система установок в той или иной сфере деятельности — трудовой, неформального общения, семьи, по отношению к явлениям культуры, тем или другим событиям.

Известно, что Г. Оллпорт, обобщив многочисленные исследования межэтнических отношений, которые давно велись в США, пришёл к выводу, что предубеждения и конфликты ослабляются, если контактирующие группы обладают одинаковым статусом.³

Наши исследования ещё на материале народов, дававших название союзным республикам Советского Союза, показывали, что само движение к такому равностатусному положению не бесконфликтно. Когда один народ «догоняет» другой, то у догоняющего согласно закону возвышающихся потребностей (чем мы больше имеем, тем больше хотим) растут претензии, которые не всегда и не во всём могут быть сразу удовлетворены, а у тех, кого догоняют, появляются страхи и напряжение в отношении тех, кто будет претендовать на те же роли, что занимают они в социальной иерархии.

Напомним, в Советском Союзе в начале 60-ых гг. всего 4 титульных народа союзных республик имели статус, близкий к тому, который занимали русские, а к концу 80-ых гг. уже 9 из 15 народов обладали практически сходным социальным статусом, и среди них росли претензии на самостоятельное развитие и равное участие во власти, престиже.

В Российской Федерации — 21 республика. По результатам переписи 1989 г. 11 титульных народов имеют статус равный или близкий к равному с русскими, а у якутов, бурят доля специалистов с высшим образованием в два раза выше, чем у русских в республиках.

В целом по определению в западной социологии (Hechter Levi, 1979) эта модель — конкурирующая. Известно, что положения об этнической конкуренции связаны с концепцией Ф. Барта (1969 г.), с идеями социальной экологии чикагской социологической школы. Позже С. Ользак (Olzak, Wagel 1986) кон-

---

³ Allport G. The Nature of Prejudice. Cambridge, Mass. Addison. Wesley, 1954 (Ch. 16).

центрировала внимание на том, что сглаживание социальных различий усиливает конкуренцию и возможность конфликтов.

Работая в 1980-е гг. по материалам союзных республик, мы тоже в той форме, в которой можно было об этом сказать в условиях советской системы, писали, что сходство не всегда означает солидарность, а может увеличивать соперничество (Социально-культурный облик советских наций, М., 1986; Историко-социологические очерки межэтнических отношений, М., 1982, и др.). Однако, приводит ли конкуренция к конфликтам, коллективным действиям, это всегда зависит от привычности ситуации и поведения элит, состояния власти. Так, в Татарстане для поддержания межэтнического спокойствия безусловно имела значение идеология партнёрства татар и русских, декларируемая высшей властью, прежде всего Президентом Республики, легитимность его как гаранта сдержек и противовесов в межэтнических взаимодействиях.

Имело значение и обеспечение более стабильных и лучших, чем в других регионах страны, жизненных условий. Так, в Татарстане строилось много новых мечетей (их теперь более 700), но одновременно республиканские власти старались поддерживать и восстановление церквей.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ

Конституции республик Российской Федерации содержат те нормы о правах и свободах человека и гражданина, которые есть в Федеральной Конституции. Они соответствуют Всеобщей декларации прав и свобод человека ООН (1948 г.), Международному пакту о гражданских и политических правах. Международному пакту об этнических, социальных и культурных правах (1966 г.), Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений и другим международно-правовым актам, касающимся основных прав и свобод человека.

Специальные статьи Конституций устанавливают полное равноправие граждан независимо от национальности (ст. 3, 20, 21, 22, 29, 35, 53 Конституции Республики Татарстан; ст. 34, 35 Конституции Республики Башкортостан; ст. 5, 10, 31, 33 Конституции Республики Тыва; ст. 2, 10, 12, 13, 14 Конституции Республики Саха (Якутии); подобные статьи содержатся и в конституциях других республик).

В некоторых конституциях есть особые положения, касающиеся интересов этнонаций. Так, в Конституции Саха (Якутии) говорится, что «государство осуществляет свою деятельность на принципах демократии, социальной справедливости, на основе сочетания и гармонии общечеловеческих и национальных ценностей» (ст. 3).

В Конституции Татарстана есть положения:

«Взаимное уважение, добровольное и равноправное сотрудничество... граждан всех национальностей составляют социальную основу Республики Татарстан» (ст. 3), «Долг каждого гражданина Республики Татарстан — уважать честь и национальное достоинство других граждан» (ст. 53).

Во всех конституциях есть положения о том, что «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» запрещается (ст. 6 Конституции Татарстана, ст. 4 Конституции Республики Саха и т. д.).

Принципиальное значение для самочувствия людей разных национальностей в республиках имеет наличие в конституциях положений, создающих приоритет какой-то, прежде всего титульной, этнонациональной общности.

В Конституции Саха (Якутии) говорится: «Носителем суверенитета и источником государственной власти в республике является ее народ, состоящий из граждан республики всех национальностей» (ст. 1). В Конституции Татарстана записано: «Республика Татарстан — суверенное демократическое государство, выражающее волю и интересы всего многонационального народа республики» (ст. 1).

Но были республики, в конституциях которых закреплены приоритеты титульной национальности. В Конституции Башкортостана записано: «Республика Башкортостан образована в результате права башкирской нации на самоопределение» (ст. 69). В Конституции Коми есть положение: «Коми народ -источник государственности Республики Коми. Политика государства направлена на поддержание и развитие языка, культуры и жизненного уклада коми народа» (ст. 3). Есть подобное положение и в Конституции Удмуртии. В Конституции Тувы, например, говорится, что «порядок приобретения гражданства определяется с учетом демографической ситуации в Республике Тыва и способствует обеспечению устойчивого преобладания коренной нации...» (ст. 31). По переписи населения 1989 г. тувинцы составляли 64% населения республики.⁴ Положение это было принято на волне подъема национального движения 1990-1993 гг. Тогда в печати широко обсуждалась ситуация в республиках Прибалтики, где за советское время в связи с притоком русских резко изменился состав населения. В Туве была такая ситуация, что положение о праве республики на выход из состава Российской Федерации, содержащееся в конституции республики, воспринималось как способ воздействия на Центр.

Уже в 1994 г., во время репрезентативных опросов, проведенных нами, за это право высказались 30% тувинцев — меньше, чем, скажем, среди татар и осетин. Но положение это в конституции оставалось до начала реформ В. Путина по согласованию республиканского и федерального законодательства.

При прежнем положении юридическое ограничение прав по этническому признаку в тувинской конституции было.

Русскими в республиках и другими нетитульными национальностями воспринимаются как ущемляющие их права статьи в конституциях Башкортостана, Саха (Якутии), Татарста-

---

⁴ Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990, с. 123-152.

на, Тувы, Удмуртии, Бурятии, согласно которым избранным главой государства (президентом) может быть только гражданин республики, владеющий языком титульной национальности и русским. Поскольку среди нетитульных национальностей язык народа, дающего название республике, знают очень немногие, большинство их не может баллотироваться на этот пост.

Некоторые положения конституций республик действуют для всех граждан на их территории, но воспринимаются по-разному. Например, по конституциям Тувы и Саха (Якутии), в отличие от федеральной, запрещена частная собственность на землю. Аргументируется это историческими традициями аборигенных народов на этой территории. Но по сути за этими доводами скрываются опасения якутов и тувинцев, что приезжающие сюда русские, украинцы, люди других, более мобильных национальностей скупают землю, в которой, возможно, окажутся неразведанные природные ресурсы.

Между тем, русские и люди других национальностей говорят: почему мы не можем пользоваться правами, которые нам предоставлены Конституцией Российской Федерации. Мы живем в республике, вкладываем здесь свой труд, средства, а не можем закрепить за собой участок земли.

По-разному воспринимается и другое, казалось бы общее для всех граждан республик положение — о двух государственных языках. Оно существует в конституциях всех республик, кроме Тувы, где статус государственного был закреплен только за тувинским языком (ст. 33). В Башкортостане конфликтность состоит в том, что на статус государственного, кроме башкирского и русского, претендует еще и татарский язык — родной для почти трети населения республики. Дело в том, что статус языка как государственного обязывает граждан, работающих на должностях, требующих общения с разноязычным населением в медицинских, торговых, учебных учреждениях, на должностях руководителей полиэтнических коллективов, знания двух языков. Но большинство граждан нетитульной национальности

знает только русский. Специальным законодательством введение этих правил отложено на разное время в республиках. Но русские знают, к каким ограничениям в профессиональной деятельности приведет введение таких правил по примеру бывших союзных республик, ставших независимыми государствами. Поэтому они с опасением смотрят в будущее, т. к. возможностей изучить язык для взрослых очень мало. Вместе с тем татары, якуты, тувинцы считают вводимые нормы справедливыми, восстанавливающими их равенство, достоинство.

И многие русские считают это справедливым. По результатам наших опросов среди городских русских Татарстана в 1994 г. 70% хотели, чтобы их дети знали татарский язык, среди сельских — 92%. В Саха (Якутии) 63% русских горожан и 80% сельчан хотели бы, чтобы их дети знали якутский. В Туве соответственно 45% и 53% русских хотели, чтобы дети знали тувинский. Вместе с тем к введению статуса государственного языка для тувинского одобрительно отнеслись в Туве 15% русских в городах и 12% на селе; для четверти русских это было безразлично, а 46% из них в городе и 55% на селе не одобряли это. По данным исследования под руководством М.Н. Губогло в 1993 г., свыше 70% русских в Башкортостане считали, что живущие в республике должны знать башкирский язык.

К концу 1990-х гг. положение изменилось, митинги и демонстрации, интенсивные обсуждения языковых проблем в прессе ушли в прошлое, забылись. В начале XXI в. уже менее половины русских в республиках высказывали желание учить детей языку титульных народов.

В ряде конституций культурный плюрализм нашел четкую фиксацию. Например, в Татарстанской Конституции гражданам гарантировалось пользование родным языком (ст. 20), обучение на нем в школ (ст. 48). И это не было просто декларацией. На русском училось более 90% русских детей. Но были и удмуртские, чувашские школы. Нам известно, что из Удмуртии приезжали сюда учителя изучать опыт обучения в школах на удмуртском языке (в селах).

В Конституции Саха (Якутии) говорится, что гарантируется сохранение и возрождение коренных народов республики, а также русских и других старожилов, защищаются и обеспечиваются права малочисленных народов, в том числе «на владение пользование... родовыми сельскохозяйственным охотничье-рыболовецкими угодьями... на защиту любой формы насильственной ассимиляции и этноцида... посягательства на этническую самобытность (ст. 43).

В Конституции республик содержатся положения, предусматривающие деятельность национально-культурных обществ.

СОЛИДАРНОСТЬ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

В связи с конституционно-правовыми нормами, появившимися в республиках после провозглашен суверенитетов, и в связи с договорными отношениями больше всего, конечно, изменились отношения русских и титульных национальностей.

Выросло самосознание титульных народов и русских в республиках и областях. У титульных национальностей это было связано с процессом демократизации, возможностью открыто сказать о своих интересах, с национальными движениями, суверенизацией, новыми отношениями с Центром.

У русских это определялось не только демократизацией, но и реакцией на распад Союза, на этнические вызовы в республиках самой России.

В 1989 г., начале 90-х годов татарская элита на идеологическом и политическом уровне вела бой за новый статус республики: сначала за статус союзной республики, потом ближайшей аналогией статуса стал рассматриваться Пуэрто-Рико, находящийся ассоциированных отношениях с США.⁵

---

⁵ Хакимов Р. С. Подходы к федерализму: вариант Татарстана // Современная Казань. Вып. 2. Казань, 1994, с. 65.

Якутская элита, создав свои национальные организации, этническую мобилизацию вокруг идей особого права на доступ к ресурсам, за приоритет в культурно формационном пространстве. В Туве такого уровня идеологического прессинга, как в первых двух республиках, не было, но идеологи ставили под вопрос легитимность вступления Республики в СССР и Российскую Федерацию. В Башкортостане идеологическая мобилизация шла вокруг прав на статус союзной республики и затем республики с особыми правами.

Особенно многочисленными были митинги в Татарстане — 5 тыс., 10 тыс., 15 тыс., даже 50 тыс. человек. Причем в составе митингующих особенно выделялись крайние националисты не только с антироссийскими, но и с антирусскими лозунгами. И хотя официальное правительство сдерживало крайний экстремизм, и большинство понимало, что радикальных националистов немного (по опросам за ними 2-4%, не более), все же свыше 35% русских и 25% татар в 1991 г. оценивали отношения как очень напряженные, а 50% и тех и других чувствовали, что «напряжение ощущается».⁶

У русских свои общественные движения были, но чаще они блокировались не по этническому, а по политическому принципу. Одни шли за демократами, защищавшими права человека, другие — за коммунистами, «при которых были интернационалистские, дружественные (как тогда говорили) отношения». Массовых демонстраций было немного, и они не такие многочисленные. Идеологическая мобилизация в целом шла чаще вокруг соблюдения принципов «прав человека».

На уровне массового сознания этничность, конечно, росла и продолжает расти в современных условиях. Если, по данным опросов в 1994 г.,⁷ половина татар и якутов, 70% осетин и тувин-

---

⁶ Мухаметшин Ф. Н., Исаев Г. А. Республика Татарстан в зеркале общественного мнения. Казань, 1998, с. 145.

⁷ Проект «национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов».

цев относили себя к людям, которые «никогда не забывают о своей национальности», то в 1997 г. — 68% татар, 74% якутов и 83% осетин.⁸

Среди русских такая актуализация этничности встречалась примерно в два раза реже. Например, в 1994 г. в Татарстане она была характерна для 27% русских, в Саха (Якутии) — 21% русских. Но к 1997 г. она выросла и стала характерной почти для 40% русских в обеих республиках.

Усиление этнической мобилизации у русских не было результатом только республиканских ситуаций. В Оренбуржье у русских в 1997 г. она была не меньшей — 43,7% русских «никогда не забывали о своей национальности».

Уровень консолидации тоже был достаточно высоким, прежде всего, у титульных национальностей, а у русских в 1,5–2 раза ниже, но все же достаточно значимым. О потребности в консолидированности мы судили по выбору ответов — «современному человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы». В Саха (Якутии), например, 74% якутов сделали выбор этой позиции в противовес альтернативной: «современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности»; среди русских консолидационную позицию выбрали 37%.

О более выраженной консолидированности титульных национальностей свидетельствовали и ответы респондентов на вопрос «Что Вам дает чувство уверенности в завтрашнем дне?» Первое место в ранговом ряду среди «факторов уверенности» у титульных этносов заняла «поддержка семьи, родственников, друзей». У русских же на первом месте был ответ в Татарстане — «способность заработать», что говорило о расчете только на свои силы, и «ничего не дает» в Саха (Якутии) и Туве, что свидетельствовало о пессимистическом настрое.

---

⁸ Проект «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности». Среди тувинцев в 1997 г. опросы не проводились.

Ощущение интегрированности, близости со своим народом являлось достаточно выраженным и у титульных национальностей, и у русских. Свыше 70% татар, якутов, тувинцев и русских в республиках чувствовали родство со своим народом по языку, около 50% русских и свыше 60% титульных национальностей республик — по культуре, обычаям, обрядам, до 50% и более тех и других объединяло ощущение «родной земли», природы.

В условиях растущей социальной, политической напряженности, экономических трудностей периода реформ увеличились группы этнически акцентированных людей, для которых характерной была гиперэтничность. Об этом можно было судить по группе выбирающих позицию «любые средства хороши для отстаивания благополучия моего народа». Если в 1994 г. среди титульных национальностей ее выбирали 20-25% респондентов, а среди русских в республиках — не более 8%, то в 1997, 1999 гг. доля людей с такой установкой у русских выросла почти до 1/4 и выравнивалась с титульными национальностями. И опять подчеркнем, что возрастание гиперэтничности было характерно для русских не только в республиках: в Оренбургской и Магаданской областях не меньше 27-29% русских тоже придерживались такого мнения. Так что, оборонная мобилизационная готовность у русских усиливалась в разных субъектах федерации.

В республиках же большая этническая мобилизованность групп была характерна для Тувы и Северной Осетии. При этом заметим, что одна из республик была в этнополитическом конфликте с Центром, а вторая считалась, наоборот, пророссийски настроенной. Но в ней был осетино-ингушский конфликт, и это влияло на русских в республике.

Известный конфликтолог Д. Горовиц, изучая российскую действительность и опираясь на международный опыт, прогнозировал развитие межгрупповых конфликтов в республиках, находящихся в противостоянии с федеральным Центром, в частности, в Татарстане в 1993-1994 гг. Мы считали, что ситуация в республиках неоднозначна и есть немало оснований для того, что в межгрупповые конфликты она не перерастет.

Основанием для этого были результаты анализа того, что разъединяет и объединяет контактирующие этнические группы в республиках. Наиболее актуальной оценка была в начале 90-х гг. для Татарстана. Там мы проводили социологические исследования, начиная с 70-х гг.

Мы уже упоминали концепцию норвежского ученого Ф. Барта о том, что не культурная отличительность разъединяет этнические группы (общности),⁹ а те ее характеристики, которые используются как маркеры групповых границ. Мы расширили поиск разделяющих факторов за счет их поиска в политической и социальной сфере. Это было одной из целей Проекта «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности», реализованного в 1996–1998 гг. К тому же мы сделали попытку исследовать разграничивающие факторы и между республиками с особыми полномочиями и областями, включив в поле сравнения население Татарстана, Саха (Якутии), Магаданской и Оренбургской областей. Рассмотрим социальные и политические ориентации этнических групп как возможные разделители. В сфере анализа — прежде всего ориентация на виды собственности, рыночную экономику, оценка ее, а также инновационно-деятельностный потенциал групп.

Социальные ориентации обычно более глубокие, они чаще определяют и политические ориентации, симпатии, антипатии, которые быстрее меняются в зависимости от ситуаций. Поэтому мы начнем анализ с макросоциальных ориентаций, прежде всего, на рыночную экономику.

Отношение к частной собственности и рыночной экономике, претерпело за последнее десятилетие везде существенные перемены. Практически около половины населения и в республиках, и в областях считает, что земля может продаваться и поку-

---

⁹ Barth F. The Analysis of Culture in Complex Societies // *Ethnos* (Stochkolm). 1989. Vol. 54. P. 120–142; Barth F. Enduring and Emerging Issues and the Analysis of Ethnicity // *The Anthropology of Ethnicity and Beyond*.

паться, более двух третей положительно относятся к передаче во владение частным лицам небольших предприятий, кафе, магазинов, небольших участков земли и считает, что «личные доходы не должны ограничиваться государством». И это объединяет общины в их представлениях.

Расхождения в оценках по этническому и территориальному признаку начинаются тогда, когда речь идет о допустимости крупной частной собственности. Так, относительно владения частными лицами крупными предприятиями и крупными участками земли жители Татарстана, причем и татары, и русские, так же как оренбуржцы (русские и татары), осторожнее настроены, чем якутяне и магаданцы. Их оценки в полтора-два раза реже можно интерпретировать как доброжелательные в отношении этих видов собственности.

У татарстанцев и жителей Оренбуржья — горожан оценки варьируются в пределах 19-23%, что по условиям нашей выборки (5% ошибка выборки) надо считать незначимым, у жителей Республики Саха (Якутия) они сходны с магаданцами, но варьируются в пределах 35-43%.

Именно в отношении владения крупной собственностью есть отличия и по этническому признаку. Прежде всего, это касается земли. Если крупные земельные участки считают допустимым передать в частное владение 43% русских в Республике Саха (Якутия), то среди саха — 35%. Возможно, в этом проявилось традиционное отношение к земле у саха, о чем мы уже говорили. Впрочем, и к владению частными лицами крупными предприятиями саха положительно относятся более сдержанно, чем русские (саха — 37%, русские — 43%).

Судя по глубинным интервью с экспертами, возможно, в этом проявляется некая осторожность, обеспокоенность переходом собственности к приезжим -не якутам. Иногда высказывались опасения в отношении приобретения земли и предприятий иностранными предпринимателями.

Созвучно отношению к частной собственности и отношение в целом к рыночной экономике.

Совершенно совпадают установки у татар и русских в Татарстане и Оренбуржье, четверть которых полагает, что переход к рыночной экономике им лично принесет пользу. И также совпадают до одного процента по данному вопросу установки саха и русских в Республике Саха (Якутии). Среди них доля уверенных в том, что лично им переход к рыночной экономике принесет пользу, заметно больше 42%.

Магаданцы несколько неувереннее жителей Республики Саха (Якутии), но все же около 30% из них тоже видят личную пользу от рыночных отношений. Как показывали свободные интервью, чаще всего осторожная оценка реформ связана у магаданцев со сложной для них экономической ситуацией в области. Если якутяне имеют, прежде всего, конечно, горожане, некоторые льготы, полученные в результате расширения суверенитета, то магаданцы от договора, который подписан в 1997 году между органами власти области и органами власти Российской Федерации, пока ничего ощутимого не получили. Отсюда и оценки их были более скептические, чем у якутян.

Русские в областях проявляют больше осторожности и скепсиса в отношении рыночной экономики.

Есть основания полагать, что вообще оценка перехода к рыночной экономике у людей больше зависит от того, как реализуется в республиках и областях этот переход, а не от «традиционализма» в их установках.

Так, какие-либо уравнивательные ориентации ни по этническому, ни по региональному принципу заметно не варьируют. С высказыванием «Лучше, чтобы ни у кого не было успехов, чем чтобы у одних было больше успехов, чем у других» — везде выявили согласие очень сходные и значительно меньшие группы респондентов, чем несогласные с таким мнением.

В современных условиях значительные группы людей среди разных национальностей и в республиках и в областях имеют сходные индивидуалистические ориентации. Этот процесс мы фиксировали таким индикатором как доля людей, которые рассчитывают на собственные силы, а не на помощь государства.

Причем среди татар и среди саха в городах (где они сравнимы и где в основном контактируют с русскими) такие ориентации не меньше, а даже чуть больше, чем у русских: 61-62% и 50-54% соответственно. В Оренбуржье такие установки характерны для 40% населения, в Магадане — для 56%.

Везде и практически в равной мере (69-75%) люди разных национальностей ориентируют детей на то, чтобы «уметь зарабатывать деньги». И у них нет сильного антагонизма к преуспевающим людям — предпринимателям. Негативно к ним относятся менее 10% татар, саха, русских в республиках и Магаданской области, чуть более 10% в Оренбуржье.

Нет существенных различий именно в экономических ориентациях между русскими Саха (Якутии) и Магадана и якутами, живущими в одинаковых городских условиях.

Различия могут проявляться в способах реализации одинаковых рыночных ориентации или в общей системе жизненных ценностей. Поскольку речь идет в целом о макроценностных ориентациях, обратимся к такому индикатору как представление людей о том, «что нужно для возрождения вашего народа».

По поводу самого понятия возрождения народа, культуры, нации (и в значении этнонации, и в значении гражданской общности — согражданства) идут споры. Есть мнение, что вообще не стоит использовать это понятие. Одни считают, что и раньше, в советское время, для народов немало было сделано. Другие полагают, что не стоит акцентировать внимание на каких-то целях, интересах народов — надо говорить об общих целях людей, страны. Но это споры, которые ведут ученые и политики. Когда же мы во время пилотажных (пробных) интервью беседовали с людьми и впоследствии брали интервью у экспертов — управленцев, работников администраций, культурных учреждений, сферы образования, они сами спокойно использовали этот термин. А когда я употребляла его затем, это ни у кого не вызывало отрицательной реакции.

Важно другое: в этот термин обычные люди вкладывают не только этнокультурное значение. Это было очевидно и из сво-

бодных глубинных интервью и из результатов массовых опросов. Сам вопрос в интервью, на наш взгляд, оказался очень информативным. Он фиксирует доминантные ценности для народа, воспринимаемые как лично значимые ценности.

На карточке, которую давали респондентам, были зафиксированы семь ценностей:

- развитие национальной культуры моего народа;
- поддержка религии моего народа;
- развитие рыночной экономики;
- оздоровление природной среды;
- наведение порядка;
- укрепление самостоятельности республики, области;
- обеспечение интересов моего народа в руководящих органах власти республики, области. Респондентов просили ответить, что из записанного в карточке они сегодня считают необходимым больше всего, что назвали бы на втором месте, на третьем.

Из ответов русских в Оренбуржье и татар и русских в Татарстане видно, что и русские (в республике и области) и татары были единодушны, называя чаще всего наведение порядка и оздоровление природной среды как первостепенные ценности. А вот дальше по частоте выборов на третьем месте русские и в Оренбуржье и в Татарстане называли развитие рыночной экономики, а татары — развитие национальной культуры.

У русских за этим шли по частоте выборов представительство их интересов в органах локальной власти (причем эта заинтересованность на том же месте была у русских и в Татарстане и в Оренбуржье), только затем возрождение культуры, религии (у русских Оренбуржья «поддержка религии» была на седьмом месте).

Таким образом, разделяют народы не первостепенные жизненные ценности. Оздоровление природы и порядок это по сути ценности выживания, они общие, хотя и варьируются в пределах 67–75%. Вариации эти вызваны отражением реальной ситуации.

В Татарстане по оценкам населения общая ситуация лучше, что нашло отражение в более высоком доверии к правительству Татарстана, чем к местной власти в Оренбуржье (67% у татар и 49% у русских в Татарстане против 28% в среднем в Оренбуржье).

Понимание порядка за последнее десятилетие изменилось. Если в предперестроечные годы под порядком люди разумели обычно следование нормам государственной морали, требованиям государственных органов, номенклатуры, то теперь речь идет чаще всего просто о приостановке дезорганизации в экономике, криминала, о выплатах зарплат, пенсий и т. п.

Развитие рыночной экономики попадает в разряд близких подобным объединяющим ценностям, хотя разрыв в значимости между самими ценностями имеет место.

В результате разграничивают этнические общности представления о значимости сохранения и развития культуры. У татар оно приобретает этно-политическое звучание восстановления достоинства, равенства. Неслучайно за этой ценностью, стоящей на третьем месте, на четвертом идет «укрепление самостоятельности республики», то есть по сути политическая ценность.

У русских этой политической ценностью является «представительство их интересов» в органах власти. Она у татарстанских и оренбургских русских — четвертая по значимости. Обратим внимание, что у татар в Татарстане, которые в результате суверенизации получили в республике реальный доступ к власти, потребности в таком представительстве стоят на последнем месте и актуализированы не более чем у одной пятой городского населения.

Анализируя результаты социально-экономических и этно-политических ориентации, мы, естественно, обращали внимание на социальный состав проинтервьюированных респондентов, поскольку различия в интересах могли быть связаны с видом деятельности людей, социально-экономическим положением. Но каких-либо существенных смещений нет в группах, выделенных на основе самооценки социального положения (ответ

на вопрос «К какой группе Вы себя относите — специалисты, служащие, рабочие и т. д.»). Среди русских немного больше лишь специалистов и инженерно-технических работников.

Надо к тому же добавить, что у татар и русских есть известная согласованность и положительные тенденции во взаимных оценках достижений, успехов в конкретных видах деятельности. Так, из восьми видов деятельности в четырех оценка достижений русских татарами выше, чем ими самими: в промышленности, предпринимательстве, в науке и образовании, а также в юридической деятельности.

Можно было бы ожидать разобщения этнических групп из-за разницы переживаний социальных невзгод. Но даже такие невзгоды как «вынужденный уход в неоплачиваемый отпуск», «уменьшение зарплаты или часов работы не по собственному желанию» в одних и тех же условиях города русские и татары в Татарстане переживают практически в равных масштабах (8-9% и 12-15% соответственно).

Отметим, что у татар и русских практически одинаковая степень удовлетворенности работой (вполне удовлетворены работой соответственно 21% и 18%, скорее удовлетворены — 24% и 24%), и она не отличается в худшую сторону от той, что есть у русских в Оренбуржье (вполне удовлетворены 15% и скорее удовлетворены 18%).

Достаточно высокая согласованная взаимная оценка социального потенциала, особенно в инновационных видах деятельности, общность в понимании экономического положения создает основу для достаточно узкой и скорее всего подвижной, во многом ситуативной границе, имеющей социальный и политический смысл.

В социальной сфере разобщенность этнических групп создает конкурсность на престижные виды деятельности. Это ощущение конкурсности на трудовом месте для большинства русских и татар одинаково (39% и 38% респондентов той и другой национальности соответственно чувствуют, что на такую, как у них, работу устроиться трудно).

Политическая сфера, в какой-то мере уже затронутая нами, более динамична и еще более ситуативна, но она требует, естественно, специального рассмотрения, во-первых, потому что республики нередко рассматриваются политиками (да и учеными) как районы замедленной трансформации, во-вторых, потому что русских, как более критично оценивающих обстановку в республиках, коммунисты считают группой их потенциального влияния, наконец, потому, что политические симпатии или антипатии влияют не только на восприятие действительности, но и на включенность в инновационную социально-экономическую деятельность.

В России до недавнего времени не было межрегиональных партий, сформированных по этническому и конфессиональному принципу. Но уже на выборах в 1995 году участвовала исламская партия «Нур». Известно также, что некоторые партии «брали на вооружение» русскую идею, причем не только такие крайние радикальные как «Русское национальное единство» (баркашовцы), но и более умеренный Конгресс русских общин.

Формирование гражданского общества в Российской Федерации нашло отражение в появлении новых общественных объединений, часть из которых образуется на этнической основе. Это различные общественные центры, ассоциации, национально-культурные общества. После принятия Закона «О национально-культурной автономии» в 1996 году стали формироваться объединения таких обществ — национально-культурные автономии.

Кроме того, в республиках так же, как и в областях, существуют свои партии (а не только региональные объединения общероссийских), сформированные по этническому принципу. Так, в Татарстане, как уже упоминалось, существуют и более умеренные ТОЦ, ВТОЦ и крайне радикальная партия «Иттифак» (Ф. Байрамова). ТОЦ имеет и некоторые региональные объединения. Например, в Оренбуржье, где проживают относительно компактно и дисперсно татары, есть подразделения ТОЦа.

В Республике Саха (Якутии) существовали партии «Саха-Кэскилэ», «Саха-окум», религиозное общество «Кут-сюр» («Душа-энергия»), объединяющие в подавляющем большинстве

сах. В республиках есть и русские или русско-пророссийские объединения типа РИЗ (Равенство и Законность) в Татарстане, «Русь» в Башкортостане.

Конечно, включенность в общественную жизнь у российского населения в целом небольшая. Политологи оценивают растущую аполитичность как достаточно массовое явление. В республиках и областях, находившихся в поле нашего изучения, картина в чем-то сходная, но в чем-то и отличающаяся.

Очень интересующихся общественными и политическими проблемами в 1997, 1999 гг. везде одинаково немного: и в республиках и областях, и среди русских и титульных национальностей — 10-17%.

Доля же тех, кого эти проблемы «скорее интересуют», составляла в 1997 г. от 40 до 50%, и «скорее не интересуют» — 21-35%. В актуальности политических интересов есть пусть и небольшие, но заметные этнические различия. Русских среди не интересующихся политическими и общественными проблемами в республиках несколько больше, чем среди татар и якутов (соответственно в Татарстане 35% и 25%, в Якутии 42% и 36%). А доля тех, кто «скорее интересуется» и «очень интересуется» больше у титульных национальностей (соответственно в Татарстане 60% против 50% у русских, в Республике Саха (Якутии) — 67% против 57% у русских). Можно было бы предположить, что это реакция русских на этнополитическую активность титульных национальностей, стремление продемонстрировать свою отстраненность от «политических дел». Похожее явление было зафиксировано нами в конце 80-х годов в Эстонии.

Но в соседних с республиками областях доля активных в политическом отношении русских тоже несколько ниже по сравнению с титульными национальностями и не больше, чем у русских, живущих в республиках.

Например, те, кого «скорее интересуют» политические проблемы, составляли среди татар 45%, русских Татарстана — 42%, русских в Оренбуржье — 40%, в Саха (Якутия) — 50% саха и 43% русских и в Магадане — 37% русских.

Таким образом, не очень сильно, но в тенденции *уровень общественно-политической заинтересованности* разделяет титульные национальности и русских в республиках так же, как и республики и области.

В республиках и особенно среди титульных национальностей повыше не только заинтересованность в политической жизни, но и сама общественная активность. Доля тех, кто посещает или участвует в общественных объединениях, организациях вообще невелика — в 1997 г. 14-24%. Но среди татар, якутов она составляет 24-22%, и почти такая же активность у русских в республиках, а у русских в областях 13%-14%.

Этнический фактор является дополнительным стимулятором активности. Среди татар, например, треть активных респондентов посещала национально-культурные объединения. В известной мере этническая активность титульных национальностей разграничивает общности в республиках, тем более что татарские и якутские организации в конце 80-х и начале 90-х проявляли большой энтузиазм. Самих участвующих в этнонациональных объединениях немного и не превышает 1/4 населения, но резонанс от их деятельности был намного больший.

Русские не ответили адекватно на вызов. Серьезной конфронтации в изучаемых республиках не произошло так же, как у республик с соседними областями.

В большинстве регионов России, исключая Северный Кавказ, проявлялась закономерность, выявленная в Татарстане и Саха (Якутии). В Саха (Якутии), правда, наблюдался значительный отток русского населения, но он был в четыре раза меньше, чем из соседней Магаданской области. Поэтому можно предположить, что связан он главным образом не с этническими противоречиями.

Иная ситуация в этом отношении складывается в конце 90-х на Северном Кавказе и в Туве, где русские реагировали на конфликтные ситуации массовыми выездами.

Таким образом, серьезное разграничение по политическим ориентациям между русскими и титульными национальностями в республиках с особыми правами не произошло и не проис-

ходит. И причина этого не только в общей невысокой политической активности населения и не столь сильных различиях в экономическом положении, но и в том, что во многом сходны политические симпатии и антипатии к основным претендентам на них — демократам и коммунистам.

В каждой из республик — Татарстане и в Саха (Якутии) — русские и представители титульных национальностей практически в равной мере испытывали симпатию к демократам (соответственно 15 и 13% в Татарстане, 33 и 30% в Якутии). Не нравятся они также практически равной доле в каждой из контактирующих общин в республиках (в Татарстане — 38 и 44%, в Якутии — 24 и 19% соответственно).

Коммунисты «нравились» 20% татар и 27% русских в Татарстане, «не нравились» — практически 30% и татар и русских.

В соседнем Оренбуржье у русских до 1 процента совпадают с татарстанскими русскими симпатии к коммунистам и практически одинакова доля испытывающих к ним антипатию (25%).

Совпадают политические симпатии и антипатии, как мы видели, и среди саха и русских в Республике Саха (Якутии). Но здесь установки в обеих общинах более симпатизирующие демократам: они нравились 33% саха и 30% русских, а коммунистам симпатизировали соответственно 19 и 24%.

В Магаданской области меньше симпатии к демократам в сравнении с Саха (Якутией). Возможно, это связано не только с резким ухудшением экономического положения в Магадане, невозможностью из-за несвоевременных выплат заработной платы выехать «на материк», как там говорят. Дело еще в том, что в период правительства Е. Гайдара была выдвинута идея о преимуществах вахтового метода работы в области и излишках живущего здесь населения. Но уезжать-то людям отсюда сейчас трудно, а многие и не хотят. Поэтому с демократами здесь связаны неприятные ассоциации, хотя и коммунисты тоже очень многим не нравятся — ведь немало людей здесь еще помнят политические лагеря. И все же с демократами себя ассоциировали (близко и очень близко) во второй половине 1990-х гг.

почти вдвое больше людей, чем с коммунистами (36% против 19%), причем больше и в сравнении с населением других территорий, изучавшихся по Проекту.

Таким образом, сколько-нибудь существенных расхождений в симпатиях и антипатиях к основным политическим силам между этническими общинами в каждой республике не было. Есть различия между регионами, республиками и областями. В целом северо-восток России, восток Сибири отличается более демократическими настроениями, хотя именно настроениями больше, чем поведением. Об этом можно судить по электоральному поведению и установкам на готовность «жертвовать материальным благополучием ради возможности свободно высказывать свои взгляды». Оренбуржье в какой-то мере отличается от Татарстана большим расположением к коммунистам, а Магаданская область несколько большими, чем население Республики Саха (Якутия), симпатиями к демократам.

Сопоставляя данные, иногда легко ошибиться, не зная ситуации в конкретной республике или области. Так, зондируя глубину демократических ориентации, в опросном листе мы ставили вопрос «Что для Вас важнее — иметь нормальный уровень жизни, даже если придется бояться говорить все, что думаете, или иметь возможность безбоязненно говорить все, даже если придется отказаться от материального благополучия». Татары чаще в 1997 г. (и в тенденции в 1999 г.) выбирали второй вариант, чем русские (34% против 25%), Судя по доле ответивших, этот выбор делали среди них не только респонденты из среды интеллигенции. Почему?

Конечно, среди русских больше неудовлетворенных своим материальным положением (72% против 57% у татар, которые нередко имеют поддержку от живущих в сельской местности родственников). Но дело не только в этом. Татары так же, как саха и другие титульные национальности, теряя в материальном обеспечении, приобрели больше потенциала для реализации чувства достоинства, возможность свободно говорить на языке, высоко оценивать свое прошлое, свою культуру.

Русские же в республиках адаптируются к равному партнерству, причем происходит это в условиях ухудшения материального положения и растущей неуверенности в завтрашнем дне. Напомним — среди татар выразили подобную неуверенность 39%, а среди русских — 61%. Проявляется эта неуверенность больше среди людей среднего, то есть основного трудоспособного, возраста и старшего поколения. Ответственность за это русские возлагают на «демократов у власти».

В Саха (Якутии) все оценки изменений в сторону увеличения политических свобод выше, чем в Татарстане и Оренбуржье. Здесь материальное положение русские и саха оценивают одинаково, а удовлетворенность работой у русских даже несколько выше, чем у саха, и доля симпатизирующих демократам в обеих этнических общинах вдвое больше, чем у татар и русских Татарстана.

Более высокая критичность к изменениям у русских в сравнении с саха все же наблюдается. Среди них несколько больше доля тех, кто считает, что «дела в России идут в чем-то в правильном, а в чем-то в неправильном направлении» (29% ответов против 19% у саха), более сдержанные оценки пользы от свободы СМИ, многопартийных выборов, меньшая «уверенность в завтрашнем дне» (неуверенных 64% против 48% у саха), меньше доверия к республиканскому правительству (26% против 56% среди саха).

Таким образом, потенциал демократических преобразований у русских не меньший, а в чем-то больший в республиках. Они могли бы выполнять роль стимулятора преобразований, но ухудшение их материального и социально-политического положения в республиках в результате трансформации вызывает у них опасения дальнейших этнополитических изменений, которые могут произойти только в условиях продолжения «перехода к демократии» и станут для них неблагоприятными. Отсюда их более сдержанные оценки демократических преобразований.

Титульные национальности в республиках также испытывают экономические трудности, но они их переживают в условиях выигрыша в социальном и политическом положении. Осоз-

нающие этот выигрыш понимают, что они могут сохранить его, только поддерживая «демократический переход». Поэтому некоторый дисбаланс политических интересов и ориентации разграничивает этнические группы. Но, как мы показали, рассогласованность ориентации небольшая.

В политической сфере, как уже говорилось, разъединяет, безусловно, проблема участия во власти.

Сближает же русских с титульными народами формирование регионального самосознания. Применительно к населению республик можно говорить об углублении этнорегионального сознания, хотя оно, конечно, больше свойственно титульным национальностям. Этот вопрос мы специально будем обсуждать в Гл. 10.

Основной политический вопрос, который разделяет русских и титульные национальности в республиках — это вопрос об их участии во власти на местах. Для русских не характерны активные протестные акции и движения. И одной из важных причин этого факта, выявленных в данном исследовании, является преимущественный интерес русских в политической сфере к борьбе основных политических сил на российской арене — коммунистов и сторонников трансформации, а также сходство в основных политических интересах с титульными национальностями. Это сходство имеет стратегическое значение в то время как «границы» интересов в социально-политической сфере чаще всего ситуативны.

Существенные культурные маркеры, актуальные в современных условиях и связанные с различающимися социально-политическими интересами, также ситуативны. Важнейшим из таких маркеров в республиках сейчас является язык. Знание или незнание языка титульной национальности открывает или закрывает дорогу к престижным командным должностям, доступ к власти так же, как знание русского языка для титульных национальностей, по-прежнему является условием получения многих специальностей и высшего образования.

Язык — фактор длительного значения в межэтнических отношениях, но вариации в значимости его несомненно ситуативны. В Татарстане, в северокавказских республиках он играет

большую роль и в социальной жизни и в межнациональных отношениях, в Саха (Якутии) или других республиках с преобладающим русскоязычным населением — меньшую.

При этом значимость языка как дистанцирующего фактора воспринимается русскими и титульными национальностями в республиках по-разному. Среди русских знают татарский, тувинский язык 1,5%, а якутский — 7,2% и на работе при общении говорят практически только на русском. 50% татар и якутов, 23% тувинцев на работе говорят только по-русски и треть татар и якутов, 42% тувинцев — на двух языках. Для русских, как видим, незнание языка титульной национальности — довольно жесткая граница в общении. Не зная языка, они не могут хорошо знать и культуру рядом живущих людей, пользоваться средствами массовой информации на их языке. Так, пересматриваемые страницы истории в татарской, якутской печати остаются совсем не известными для русских или иногда воспринимаются ими в рассказах искаженными. Все это создает психологическую неуверенность русских, непонимание восприятий тех или иных событий своими коллегами на работе или соседями.

Титульные национальности и русских объединяют общие жизненные ценности. Отвечая на вопрос «Что важно для Вас, чтобы чувствовать себя счастливым?», татары, русские, саха практически одинаково часто называли: «семья, достаток спокойная жизнь, работа, образование, уважение людей». Приоритетность их несколько отличается у тувинцев за счет более высокой ранговой позиции образования и уважения людей.

От политической, экономической ситуации в каждой республике, статусных позиций этнических общностей и их культурной дистанции зависела и психологическая дистанция в общении русских и титульных национальностей.

ОЦЕНКА НАСЕЛЕНИЕМ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКАХ В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Мы сравним дистанцию в Татарстане и Саха (Якутии) — в республиках, имевших особые соглашения с Центром, и Туве, которая договора с федеральным Центром не имела, а также в Северной Осетии-Алании, которая имела такой договор, но он соответствует Федеральной Конституции, а в общественном мнении эта республика считается пророссийски ориентированной.

И также мы сравним межэтнические установки, измеряющие дистанцию между этническими общностями, в республиках, с одной стороны, и в областях — с другой.

Измерение дистанции осуществлялось с помощью шкалы Богардуса, используемой в мировой социологии для изучения готовности человека принять людей другой национальной принадлежности в качестве гражданина своей республики, партнера в деле, начальника, соседа, друга, супруга (жены) своих детей.

Ситуация принятия мигрантов другой национальности в качестве граждан республики еще недавно, в советское время, не была актуальной и не задевала интересов, живущих в республиках. Теперь она иная. Прибытие инонациональных мигрантов в республики уменьшает долю титульной национальности и может сказываться во время избирательных кампаний, референдумов. Как показывают опросы, пока массовым общественным мнением это не так сильно осознается, тем не менее, различия в установках у титульных национальностей и русских есть.

В целом, по данным опросов, в 1997 г. наименьшая психологическая дистанция между титульной национальностью и русскими в Татарстане. 77% татар и 84% русских готовы «принять человека другой национальности как гражданина своей республики»; среди саха такую установку имеют 69%,

русских в Саха (Якутии) — 71%, а в Туве — 62% тувинцев и 77% русских.¹⁰

Как деловых партнеров, лиц иной национальности готовы принять 61% татар и 72% русских в Татарстане, 56% саха и 54% русских в Саха (Якутии) и 53-50% тувинцев и русских в Туве, 69% осетин и 65% русских в Северной Осетии-Алании.

Еще более чувствительным вопросом является готовность принять начальником человека иной национальности. Среди татар ее выразили 46%, русских в республике — 56%, в Саха (Якутии) 30% саха и 39% русских, в Туве — 28% тувинцев и 34% русских, а в Северной Осетии-Алании — 41% осетин и 57% русских.

Что касается бытового общения, то открытость общению дружелюбном и семейном у татар и русских в Татарстане была не меньшей и даже чуть большей, чем между русскими и осетинами в Северной Осетии-Алании. И заметно больше, чем в Туве между тувинцами и русскими. (Открыты для дружбы были 56% татар и 71% русских, готовы соседствовать соответственно 70% и 80%. В Туве к дружбе с людьми иной национальности были готовы 37% тувинцев и 35% русских, а быть соседями — соответственно 56 и 59%).

Таким образом, в Татарстане — республике с недавним открытым этнополитическим конфликтом с Центром — психологическая дистанция между титульной национальностью и русскими была меньше, чем в других республиках.

По оценке самих респондентов, ущемление свои прав из-за национальности русским в Татарстане Саха (Якутии) приходилось в какой-то мере испытывать отнюдь не в большей мере, чем, скажем, в Северной Осетии-Алании (соответственно 27% и 29% и меньше, чем в Туве (34%). При этом татары в Татарстане ущемление ощущали в той же мере, что русские.

---

¹⁰ Для Северной Осетии-Алании — проблема приема граждан других национальностей на свою территорию не стоит. Туда не приезжают, а уезжают. Приезжали южные осетины, но они лица той же национальности.

Соответственно и межнациональные отношения наиболее благоприятно оценивались в Татарстане.

Как напряженные, межэтнические отношения Татарстане в 1994 г. оценивало 8% татар и 15% русских, в 1997 г. — соответственно — 5,7% (причем до 30% и тех и других выражали уверенность, что отношения будут улучшаться). В Саха (Якутии) напряженными оценивали отношения в 1994 г. 11% саха и 26% русских, в 1997 г. — соответственно 7 и 27%; в Туве в 1994 г. — 14% тувинцев и 47% русских (в 1997 г. здесь опросы не проводились).

В областях уровень межгруппового общения много ниже, чем в республиках. Однако, когда в 1997 г. мы имели возможность сравнить оценки межнациональных отношений в республиках и областях, оказалось, что оценка степени их напряженности в Оренбуржье была совсем не меньше, чем в Татарстане (соответственно 9% и 5-7%).

Низкая доля оценивающих негативно межнациональные отношения, конечно, не означает, что никаких противоречий между общинами нет и люди не сталкиваются с какими-то отрицательными явлениями. В столь сложном обществе, каким стало постсоветское, с неустоявшимися нормами перехода к демократии, экономическими кризисами, трудно ожидать полного благополучия в любой сфере, в том числе и в межэтнических взаимодействиях. И в Татарстане около 40% русских и татар (по данным Г.А. Исаева на 1997 г.) встречались с какими-то отрицательными явлениями в межнациональных отношениях. Среди тех, *кто с ними сталкивался*, большинство русских (62%) видело их «в назначениях на руководящую должность по национальному признаку», 35% встречались с противоречиями «в быту, торговле, в сфере обслуживания», 20% ощущают «отсутствие или недостаточное участие русских в органах власти». Среди татар наибольшее недовольство вызывает «отрицательное отношение к татарам», «неприятные высказывания о них» (34-37%), у 30% вызывает недовольство «неуважение к обычаям, традициям, нежелание учить и использовать татарский язык», у 20% — это назначения на должности по на-

циональному признаку и противоречия бытового характера в торговле, обслуживании.¹¹

В полиэтнических республиках при нарастании противоречий с Центром сразу начинают действовать две противостоящие тенденции. С одной стороны — в массовом общественном мнении недовольство Центром переносится на местное русское население, с другой — официальное руководство республики, околоправительственная элита стремятся сплотить контактирующие этнические общности для сплоченности населения территории в целом при противостоянии Центру.

Что касается самочувствия русских, их мобилизационной готовности к этноизоляции или «оборонному» национализму, то они больше зависят не от проживания в республиках или областях, а от того, в *каких* республиках и в *каких* областях они живут, не от того, какой статус у субъекта Федерации, в котором они живут, а какая в нем экономическая, социальная, политическая ситуация.

В целом же, как ясно из приведенного материала, при очевидном росте этнического самосознания и у титульных национальностей, и у русских в республиках и областях в их установках и поведении преобладало (исключая Северокавказский регион) межэтническое согласие. Оно четко проявляется в ограниченности, подвижности и ситуативности зоны жестких межэтнических границ, в наличии широкого спектра согласованных установок у национальностей в экономической, социальной и социально-психологической сфере. Асимметричность федерации, статус республики или области не являются факторами, четко программирующими в вариациях этих установок этнических групп.

Межэтнические отношения в изучавшихся республиках в начале XXI в. не были конфликтными. Как напряженные, в 2002 г. в Татарстане и Саха (Якутии) их оценивали не более 5%

---

¹¹ Мухаметшин Ф. К., Исаев Г. А. Указ. соч., с. 156-157.

(якуты). Но как «внешне спокойные, но внутренне напряженные», их считали 48% русских и 40% якутов в Саха (Якутии), около 30% русских и 13% татар в Татарстане.

Ущемление по национальному признаку в городах, где общение шире, чувствовали не более 17% якутов и 15% русских в Саха (Якутии), 5% татар и 12% русских в Татарстане, 9-14% башкир, русских, татар в Башкортостане.

Эти различия между национальностями в республиках практически незначимы, так как возможная ошибка составляла, по условиям выборки, 5%. Но всё же некоторая тенденция просматривается. Русские себя чувствовали менее комфортно в Саха (Якутии) и более спокойно в Татарстане и Башкортостане. А среди титульных национальностей хуже оценивали межнациональные отношения якуты.

Надо полагать, что в связи с выборами нового Президента в Саха (Якутии) из среды местных русских — В. Штырова — русские будут здесь себя чувствовать более уверенно. Об этом говорят и беседы с экспертами из республики. У якутов же после президентских выборов сохранилось латентное напряжение, правда, больше адресованное к Москве, нежели к местным русским.

Обращает на себя внимание значимость этнического фактора в сознании молодёжи. По данным татарстанских социологов, проводивших опросы по сходной методике, 36-37% татарстанской молодёжи в возрасте 19-29 лет выбирало позицию «Я никогда не забываю о своей национальности», а среди 15-17-летних — 46% (среди русских соответственно 10-11% и 18%).

Много это или мало? Казалось бы, не большинство. Но это не успокаивает. Молодёжь — группа, которая наиболее подвижна в своих установках — может быть быстро мобилизована лидерами, среди которых бывают и экстремистски настроенные.

Симптоматично, что и по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), работающего на основе общероссийских выборок, учащуюся молодёжь больше, чем другие слои, волновали (в 2000 г.) угрозы взрывов и терроризма (36% при средних показателях для населения в 16%), во-

енные действия в Чечне (63,5% при 48% в целом по населению страны).

Что ещё волновало людей в среде межэтнических отношений? «Неприятные высказывания о людях моей национальности», «Неуважение к языку, обычаям моего народа». Эти явления отмечала пятая часть татар и русских в Татарстане, сталкивавшихся с отрицательными явлениями в межэтнических отношениях.

Среди психологических факторов для людей любой этнической принадлежности важно, чтобы не умалялось их достоинство как члена этнической группы. А с точки зрения социальных позиций для них важно, чтобы национальность не влияла на деловую карьеру. В табл. 1 и 2 мы приводим ответы наших респондентов относительно того, что для них важно, чтобы ощущать равенство или неравенство. Позиции, которые выделены в таблице, составлены на основе предварительных, «пилотажных» опросов. Из самих выделенных вопросов и тем более ответов на них видно, что более всего беспокоит людей в сфере этнического самочувствия.

Как видно из таблиц, после образования для татар, саха и для русских прежде всего важно уважение к достоинству их народа. Даже возможность приобрести собственность, то есть экономические интересы, уступают в сравнении с психологическим состоянием равенства, достоинства. И обратим внимание, что это важно для всех этнических общностей.

Равенство религий тоже примечательный, знаковый символ признания этнического достоинства. Для татар и русских он более значим, чем для саха. Дело в том, что часть саха в стремлении противостоять православию как религии, которую Центр превращает в доминирующую, обращаются к шаманизму. Но сами саха понимают, что шаманизм не может претендовать на равенство в сравнении с мировыми религиями.

Возможность работать на любой должности независимо от национальности в республиках сейчас оказывается более значимым фактором для русских. Хотя сами установки русских на

Таблица 1.

Ответы респондентов Республики Саха (Якутия)

Что для Вас лично очень важно, важно или не важно для ощущения равенства или неравенства (вариант «очень важно», сумма не равна 100%)	город		село	
	яку-ты	рус-ские	яку-ты	рус-ские
Равенство всех религий перед законом	34,0	52,8	46,9	50,0
Представительство Вашей национальности в органах власти	33,8	26,1	50,3	37,3
Возможность работать на любой должности независимо от национальности	32,9	46,7	38,5	56,9
Возможность получить образование	66,5	71,8	71,6	66,7
Возможность приобрести собственность	49,0	46,2	55,8	51
Равное уважение к достоинству каждого народа	55,2	69,2	67,5	68,6

Таблица 2.

Ответы респондентов Республики Татарстан

Что для Вас лично очень важно, важно или не важно для ощущения равенства или неравенства (вариант «очень важно», сумма не равна 100%)	город		село	
	та-тары	рус-ские	та-тары	рус-ские
Равенство всех религий перед законом	53,3	48,7	40,1	38,5
Представительство Вашей национальности в органах власти	22,9	27,3	14,5	23,1
Возможность работать на любой должности независимо от национальности	38,6	50,1	21,6	33,3
Возможность получить образование	57,3	57,3	45,1	50,9
Возможность приобрести собственность	43,0	39,4	23,7	36,2
Равное уважение к достоинству каждого народа	56,7	59,2	33,3	46,2

деловое общение очень благоприятные, готовность работать в этнически смешанных коллективах и даже под руководством человека другой национальности у русских высокая. Предпочтение иметь начальником человека своей национальности среди русских в Татарстане, Башкортостане высказали не более 8-10%, для остальных важно, чтобы начальник был хорошим руководителем или просто безразлично. И схожие установки на деловое общение имеют татары и башкиры.

Таблица 3.

Ответы респондентов Республики Башкортостан

Что для Вас лично очень важно, важно или не важно для ощущения равенства или неравенства (вариант «очень важно», сумма не равна 100%)	город			село		
	башкиры	русские	татары	башкиры	русские	татары
Равенство всех религий перед законом	49,1	49,1	43,9	37,7	61,2	44,9
Представительство Вашей национальности в органах власти	28,7	33,6	23,7	48,7	49,3	33,3
Возможность работать на любой должности независимо от национальности	47	55	45,8	45,6	57,4	53,9
Возможность получить образование	59	63,1	53,7	65,2	74,6	60,7
Возможность приобрести собственность	44,7	48,7	46,5	50,9	57,4	47,2
Равное уважение к достоинству каждого народа	52,8	58,3	52,6	49,1	67,6	51,7

Примечательно, что несправедливое отношение к себе на работе из-за национальности могли отметить не более 1–2% татар и русских и в опросах 1994 г., и в опросах 1999 г., и не более 4–6% башкир и русских (1999 г.). Так что ощущая конкуренцию в социальном продвижении, в трудовых коллективах татары, русские, башкиры сохраняют толерантные отношения. И в целом те же тенденции мы отмечаем в Саха (Якутии).

И сейчас, когда правительство при В. Путине осуществляет укрепление вертикали власти и Государственное Собрание Татарстана по требованию администрации Президента РФ вносит изменения в Конституцию, латентное напряжение существует. Оно, в частности, выразилось в недавнем (15 апреля 2002 г.) принятии VII Курултаем ВТОЦа (Всероссийского татарского общественного центра — центристского общественного объединения) обращения «Об объединении национальных республик и территорий в региональную конфедерацию Идел (Волга) — Урал», в которой содержится призыв к «совместной за-

щите суверенитета республики и суверенных прав и интересов народов», «объединению усилий по сохранению и развитию культуры, традиций, языков, системы образования и просвещения» и содержится призыв к депутатам Госсовета решительно бороться «за Конституцию Республики Татарстан». Но одновременно каких-то открытых симптомов межэтнической конфронтации в коллективах не наблюдалось. Это выразилось недавно в выборе нового ректора Казанского университета — татарина, но которого русские знают как лояльного, этнически не акцентированного человека.

Естественно, социологов и политологов всегда интересуют те слои населения, которые в большей мере склонны к предубеждениям, негативно относятся к межэтническим контактам, так же как и те группы, на которые прежде бывает направлена враждебность.

В мировой практике известен феномен «козла отпущения». Когда ухудшается экономическое положение, повышается конкуренция на рынке труда, всегда кто-то больше испытывает страхи, фрустрации, способные провоцировать агрессию, приводить к деструктивному (по Э. Фромму) поведению.

В советское время в СССР по результатам межреспубликанских исследований¹² мы фиксировали две группы, которые более всего реагировали на депривацию. Это были малоквалифицированные работники в городе и часть сельских жителей. Их межэтнические установки чаще всего детерминировались невысокой культурой и узким диапазоном общения.

За последние 15–20 лет в ситуацию существенного ухудшения материального положения, неуверенности в собственном трудоустройстве и своих детей, падении престижа профессий попала значительная часть образованных кругов населения, специалистов.

---

¹² Социально-культурный облик советских наций. М., 1986.

В середине 2000 г. «испытывали напряжение, раздражение» не только 40% населения с образованием ниже среднего, но практически столько же — 36% людей с высшим и незаконченным высшим образованием.¹³ При этом обострение межэтнических отношений как проблему, которая «тревожит больше всего», среди более образованных групп отмечали чаще, чем в кругах менее образованных людей.¹⁴

По результатам опросов в республиках, в которых мы вели исследования, прослеживалась та же тенденция. Доля людей с негативными установками на общение с лицами других национальностей в деловой сфере среди специалистов редко отличалась в лучшую сторону по сравнению с малоквалифицированными работниками. Она варьировала в республиках в пределах 27–30%. Негативизм наблюдался в готовности принять людей другой национальности в качестве граждан страны, то есть по отношению к иноэтничным мигрантам. Менее всего была готовность общаться с чеченцами, национальностями Кавказа. Уровень негативных установок к ним в больших городах доходил с конца 90-ых годов до 50%. Это давало основание горько шутить социологам, говоря, что «кавказцы спасли евреев» (негативные установки к последним не превышали 9–15%).

Как правило, интолерантность характерна для тех групп, которые в последние 5–10 лет потеряли в своём статусе, были понижены или вообще теряли работу.

Наши эксперты, с которыми я проводила интервью в республиках, фиксировали, что интолерантность характерна и для самих вынужденных мигрантов, которым пришлось сменить место жительства из-за каких-то неблагоприятных событий в их жизни. Это граждане из бывших советских республик СССР, прежде всего среднеазиатских и республик Кавказа.

---

¹³ Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ М., 2000, № 5, с. 65.

¹⁴ Там же. М., 2000, № 2, с. 61.

Интолерантность часто характерна для тех групп горожан, которые встречаются с азербайджанцами, чеченцами, грузинами, армянами на предприятиях торговли, на рынках и сталкиваются с непривычной манерой общения или неуважительностью к себе.

В последнее время жители больших городов в России столкнулись с непривычным для них явлением неравенства в оплате труда. Часть состоятельных людей нередко именно азербайджанцы, армяне, грузины нанимают на работу лиц славянских национальностей — украинцев, белорусов, а иногда и недавних мигрантов-русских, живущих нелегально, за более низкую плату. В других случаях на таких же принципах нанимают на строительные работы нелегальных мигрантов — таджиков, работников с Северного Кавказа.

Это явление С. Боначич (Bonasich, 1972) назвал расколотым рынком, когда представители этнических групп, выполняя одну и ту же работу, получают разное вознаграждение. У постоянных жителей городов это вызывает неприязненное отношение к нанимателям, а нередко и нанимаемым.

Недавние мигранты, особенно из низкостатусных групп, не адаптировались. Нередко живя нелегально, они держатся группами и вызывают недоверие у постоянных горожан. Одновременно само недоверие и недоброжелательность окружения вызывают у них ответную агрессию.

Они сами составляют группу риска, и те, кому приходится сталкиваться с ними, пополняют группы нетолерантного населения, часть которого может откликнуться на призывы российских экстремалов: «Россия для русских».

Любопытны высказывания в сочинениях московских школьников, писавших на тему «Межэтнические отношения в моём городе»: «кавказцы ведут себя не так, как мы», «унижают нас», «неуважительно относятся к девушкам».¹⁵

---

¹⁵ Московский комсомолец. 1999. 8 октября.

Молодёжь, как мы уже отмечали, особенно чувствительна к неуважительному стилю общения. Ответом, к сожалению, становится интолерантность большинства по отношению к меньшинствам. Уже не раз ко мне, как к специалисту, занимающемуся этническими проблемами, обращались родители из азербайджанских, армянских семей, учителя с вопросом, как оградить детей от предубеждённого отношения окружающих.

Принятие Правительством Федеральной программы «Формирования установок толерантного сознания» в 2001 г. было необходимой мерой, на основе которой сейчас готовятся специальные учебные курсы, фильмы, телепрограммы, проводятся тренинги.

Но, естественно, все эти меры дадут конструктивный эффект, если реализация их будет проходить на фоне благоприятных социально-экономических и политических изменений.

Неблагоприятная ситуация с точки зрения межэтнических отношений создается на территориях с высокой долей безработных. Молодежь среди безработных в 1992 г. составляла 48,5 %, в 2000 г. — 37%¹⁶. В республиках, особенно на Северном Кавказе, в Туве в группу безработной молодёжи попадают прежде всего юноши и девушки титульной национальности. Окончив среднюю школу в селе, они не всегда поступают в вузы и техникумы у себя в республике. Хуже зная русский язык, они не могут уехать в другие города России для продолжения учебы и не могут устроиться на работу на месте. Рабочих мест не хватает. Их недовольство проецируется на русских, которые, являясь городскими жителями, трудоустроены лучше.

З. Анайбан, которая специально изучала влияние безработицы на межэтнические установки молодёжи в Туве, считает этот фактор основным, влияющим на нетолерантность в межэтнических отношениях не только в среде молодёжи, но и их родителей.

---

¹⁶ Социальная сфера России: социологический анализ. (1990-2000 гг.). М. 2001 г., С. 70.

Сложными для межэтнических отношений районами являются области с высоким притоком инационального населения: Краснодарский, Ставропольский края, куда переехали армяне и другие национальности из государств — бывших республик Кавказа (турки-месхетинцы и др.). Среди них есть богатые люди. Они скупают землю, строят громадные дома, становятся работодателями-хозяевами для окружающего местного населения. Любое проявление неуважения с той и другой стороны становится спичкой, разжигающей костер межэтнической вражды.

Выступления экс-губернатора Краснодарского края Кондратенко (бацько Кондрат, как звали его местные казаки) и нынешнего губернатора — А. Ткачева с изоляционистскими заявлениями и обязательствами «навести порядок» с нахлынувшими мигрантами пугали не только возможными межэтническими столкновениями местное население, но и стали предметом обсуждения российской общественности.

Межэтническое напряжения вызывает и нерегулируемый приток зарубежных мигрантов, в основном китайцев, в районы Дальнего Востока.

Эта ситуация схожа с другими государствами, которые сталкиваются с нелегальным притоком иноэтничного населения.

Итак, к группам с неблагоприятной ситуацией с точки зрения аккумуляции межэтнического негативизма, интолерантности, в ситуации 90-ых и начала 2000 г. приходится отнести группы квалифицированных работников, понизивших свой статус в связи с тем, что они не смогли адаптироваться к трансформационным процессам, группы которые более веско ощущают на себе относительную депривацию; группы безработных, особенно из среды меньшинств, или работающих за неравную оплату, группа нетрудоустроенной молодёжи и та часть из среды этнического большинства, интересы которых непосредственно могут быть задеты из-за притока иноэтнических мигрантов.

Каким будет ответ русского большинства?

Исследователи русского самосознания, работавшие на материалах Всероссийского центра изучения общественного мнен-

ния, — Ю.А. Левада и Л.Д. Гудков — начиная с середины 90-х годов, писали о его кризисном состоянии.¹⁷

Тенденции ущербности в русском самосознании понятны. Распад Союза, оценка правления Ельцина как «потерянного, пропавшего десятилетия», а некоторыми и как «национального позора», утрата Россией статуса сверхдержавы, темные пятна в истории, связанные со сталинским режимом, и критика даже признаваемой победы во второй мировой войне — все это рождало прежде всего у русских ощущение уязвленного достоинства.

Весьма болезненно переживалось русскими утрата статуса «старшего брата», изменение их положения не только в государствах, образованных в бывших союзных республиках, но и республиках России, неудачи в Чечне. Все подобные переживания становились почвой для русского национализма. Надо с удовлетворением сказать, что поддержка экстремистских групп русских националистов в массовом общественном мнении очень мала. По данным наших опросов, в республиках она не превышает 4-5%. Но настроения, которыми они питаются, — уязвленного достоинства, ущерба от потери былого величия — значительно шире. «Противостоять Западу», «не распродавать наши богатства», противостоять неконтролируемому притоку иномонациональных мигрантов — оборонные настроения, характерные не менее чем для половины респондентов. Доля людей среди русских, которые согласны с мнением «все средства хороши для защиты интересов моего народа» выросла с 9% в 1994 г. к 2000 г. вдвое.

Опасность роста изоляционистских установок, роста этнической интолерантности существует. В этой ситуации многое будет зависеть от власти.

Признаки того, что среди федерального руководства есть силы, стремящиеся утвердить политическое доминирование русских и православия. Но в то же время федеральная власть де-

---

¹⁷ Левада Ю. «Человек советский» десять лет спустя; Гудков Л. Комплекс «жертвы». Особенности массового восприятия российскими себя как этнонациональной общности // Мониторинг общественного мнения. М., 1999. № 3.

монстрирует и шаги в другом направлении — в направлении создания мультикультурного общества, принципов отношений, основанных на партнерстве этнических групп. Президент ездит по республикам, посещает национальные праздники, поощряет принятие программы по «Формированию толерантных установок и предупреждению экстремизма», в Послании 2002 г. формулирует позитивные ценности самосознания граждан страны. В правительстве министр по делам национальностей В.Ю. Зорин проводит совещание по совершенствованию Концепции государственной национальной политики (апрель 2003 г.). К 2003 г. в стране создана тысяча национальных организаций, созданы региональные национально-культурные объединения (НКА), принят закон «О противодействии экстремистской деятельности».

О СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Современная цивилизация считает устранение интолерантности одной из важных задач общественного развития. Признавая эти очевидные ориентиры, важно представить условия их реализации на каждом историческом отрезке времени.

В последние годы проблема толерантности обсуждалась достаточно активно в общественной науке. Объяснялось это потребностью ответить на вызовы нетерпимости и все увеличивающегося многообразия в обществе. Стимулировало обсуждение и решение ООН о провозглашении 1995 года Годом толерантности. Теперь уже проведена не одна конференция на эту тему, выполнены специальные работы у нас в стране и переведены книги зарубежных исследователей. Уже много писали о самом понятии толерантности.¹ Нередко толерантность предлагают понимать как индифферентность к различиям. В нашем представлении *толерантность — это готовность принять «других» такими, как они есть, и взаимодействовать с ними на основе понимания и согласия.* Мне представляется важным обсуждать реальное состояние толерантности в российском обществе, ее возможность, содержание и формы в конкретных исторических условиях и в различных сферах общественной практики.

В данной главе я делаю попытку обсудить политические и социально-экономические условия формирования толерантных установок и поведения людей, социальных групп в сфере межэтнических отношений.

---

¹ Толерантность и согласие. М., 1997; Толерантность в общественном сознании россиян. М., 1998; Tolerance. Екатеринбург, 2000; Уолцер М. О терпимости. М., 2000; Молодежь XXI в. Толерантность как способ мировосприятия. Нижний Новгород, 2000; Толерантность. Екатеринбург, тт. 1, 2, 2001; Век толерантности, 2001, № 1, 2; Бетти Э. Ризрдон. Толерантность — дорога к миру. М., 2001 и др.

Основные социальные практики рассматриваются в главе из этнических полей и связаны с этносоциальным пространством, хотя предшествовавшими исследованиями практически доказано, что чаще всего толерантность в одной сфере взаимодействий коррелирует с другими.

УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Речь пойдет об условиях функционирования толерантности как способе мировоззрения, прежде всего «уважении прав других» и системе ценностей, признающих разнообразие мира, и готовность к взаимодействию с ним в таком его облике.

То есть мы не будем рассматривать толерантность как этическую категорию, ибо включение и этой характеристики потребовало бы анализа еще более широкого контекста, в частности морали и культуры общества, что практически невозможно в рамках главы.

В варианте же идеологического, мировоззренческого и ценностного содержания толерантности главными условиями ее существования на макро- и мезоуровне являются политический и социально-экономический контекст. Именно он будет в центре нашего внимания.

В августе 2001 года российское правительство приняло Федеральную программу «Формирование толерантных установок общественного сознания и предупреждения экстремизма». Это очень ответственный и нравственный шаг Президента В.В. Путина и правительства. Но для того, чтобы эффективно реализовать программу, надо четко представить, при каких условиях это станет возможным.

Мировоззрение и ценности ныне живущих граждан в России сформировались под влиянием противоречивого исторического наследия. С одной стороны, идеология непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата, нетерпимости к инакомыслию («кто не с нами — тот против нас», «если враг не сда-

ется, его уничтожают»), индивидуализму, безусловный приоритет ценности государства, противопоставления себя другому обществу, с другой — декларирование сотрудничества: «Человек человеку — друг, товарищ и брат», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Крепнет единство народов и рас...», «Если бы парни всей земли за руки взялись однажды смогли...».

Конечно, исторический шлейф воспоминаний теперь, в начале XXI века — достояние старшего и отчасти среднего поколения. Но в той или иной форме он остался еще в литературе, учебниках, в межпоколенческой передаче информации (иначе не было бы молодежи в рядах демонстрирующих коммунистов и 30%-ной поддержки КПРФ среди старшего поколения)². Опрос 2000 г. Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ или RLMS)³ показывал, что 46% респондентов предпочитали демократию доперестроечного периода.

Конечно, это было результатом не только неоднозначного советского прошлого, но и только что пережитого десятилетия. Для распространения установок толерантного сознания оно было отнюдь не благоприятным по ряду обстоятельств. Трансформация нашего общества происходила сразу во всех сферах — духовной жизни, политической, экономической. Известный польский социолог П. Штомпка называет такую трансформацию «травматической». Изменения должны были произойти во всех сферах, а идут они в них не синхронно, не совпадая по масштабам, по глубине. Как социологи, мы знаем, что в таком состоянии для общества бывает характерна высокая энтропия, дезорганизация, дезинтеграция. Что и имело место в нашем обществе, оставляя мало места для толерантности и согласия.

---

² Мониторинг общественного мнения. ВЦИОМ, 2001, № 6, с. 53.

³ Мониторинг проводится Исследовательским центром «Демоскоп», Институтом социологии РАН, Институтом питания РАМН, Центром народонаселения Университета Северной Каролины (США). Мониторинг осуществляется с 1994 года, он имел 5 волн, опросы охватывают 8 тыс. человек. О выборке см. Сваффорд М., Косолапов М.С., Козырева П.М. // Мир России. 1999, № 3, с. 153-172 //

Кризис в экономике, нестабильность, рост безработицы вели к социальной напряженности, страхам, росту преступности. Большие группы людей теряли привычный статус, образ жизни, должны были находить новую самоидентификацию, которая воспринималась и неопределенно, и нестабильно. В таких условиях происходит усиление интолерантности в разных сферах и проявлениях.

Приведу только один пример. По данным уже упомянутого мониторинга RLMS, материалы которого любезно предоставили исследователи, в 1998 г. (после дефолта) оценка возможности межпоколенной толерантности снизилась по сравнению с 1996 г. и по группам с разным уровнем образования, и по возрастным на 4-7 пунктов, одновременно также снизилась оценка возможности толерантности между богатыми и бедными.

Наши исследования в сфере межэтнических отношений, которые мы проводили в 1997 г. по проекту «Этнические и административные границы: факторы стабильности и конфликтности» и в 1999 г. (после дефолта) по проекту «Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в России» тоже фиксировали одновременно снижение уровня толерантности (в Саха-Якутии, Татарстане, Оренбургской области по этническим группам на 5-7 пунктов).

Естественно, усиливающаяся социальная дифференциация в обществе, дезорганизация в центре и элементы анархии на местах (хотя нередко они могли быть результатом борьбы за выживание) усиливали интолерантные установки. Среди бедных на протяжении 1994-2000 гг. доля тех, кто оценивает возможность толерантных отношений между ними и богатыми была в 5 раз меньше.⁴

Таким образом, мы имели не только очень непростое наследие, но и сложное настоящее для утверждения толерантности в обществе.

---

⁴ Данные мониторинга RLMS во всех пяти волнах опросов.

Есть и важные позитивные условия. Прежде всего, хотя демократизация в том виде, как реализовывалась в 1990-е годы, и вызывает у значительных слоев общества чувство неудовлетворенности, все же реально демократический транзит произошел. Общество стало идеологически и политически плюральным. Данные опросов ВЦИОМ показывают достаточно высокое разнообразие групп по политическим симпатиям. Отвечая на вопрос «Какие из существующих ныне партий и объединений в наибольшей мере выражают интересы таких людей, как Вы?», в середине 2001 г. 32% ответили, что ни одна партия не выражает их интересы, 20% затруднились ответить, 16% назвали КПРФ (Зюганов), 12% — «Единство» (Шойгу), 4,9% — «Яблоко» (Явлинский), 4,6% — ЛДПР (Жириновский), 2,9% — «Отечество — вся Россия» (Лужков), 2,7% — «Союз правых сил» (Немцов, Хакамада). Все другие объединения получили менее 2% голосов симпатизирующих.⁵

Экономический плюрализм тоже очевиден, и отношение к курсу реформ с осени 1999 г. стало очевидно улучшаться.⁶

Устойчивое отторжение людей от государства (непопулярность государственных институтов, лидеров) тоже поколеблено. С 2000 г. уровень доверия представительным органам власти по-прежнему очень невелик — 10-11%; правительству — 22%; суду, милиции — 12-14%; но армии — уже 33%. Новым стало доверие Президенту России — 75% в 2001 г., 81% в ноябре 2002 г.⁷ Как известно, интеграция вокруг символов — одно из условий распространения установок толерантного сознания в либеральном обществе.

Если считать 2001 г. неким рубежом, когда государство принятием специальной Программы признает толерантность общественной ценностью, то важно оценить, в каком направлении важно двигаться дальше.

⁵ Мониторинг общественного мнения ВЦИОМ, 2001 г., № 6, с. 74.

⁶ Там же, с. 3.

⁷ Общественное мнение. 2002. Ежегодник. М., 2002. С. 51.

Важнейшим условием формирования толерантных установок и поведения в обществе является государственное и общественное устройство, обеспечивающие согласие между группами с разными интересами и повседневным поведением. Российская Конституция 1993 г. соответствует международным правовым нормам, демократическим принципам и дает основания для политической, межэтнической, конфессиональной толерантности. Так, в ней говорится о недопустимости межрелигиозной, межнациональной розни, сохранении языка и культуры народов, самоопределении. Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статьи, предусматривающие наказание за разжигание межнациональной и межрелигиозной розни, а также за оскорбление национальной чести и достоинства. Правда, в судебной практике эти формулировки, как правило, требовали уточнений. Ведь и судьи, и прокуроры, и судебные заседатели учились в наших учебных заведениях и в этнонациональной сфере часто мыслят категориями повседневных стереотипов.

Именно для этой когорты служащих, специализирующихся на борьбе с нарушениями прав человека, касающихся национального достоинства, и с экстремизмом, следует организовать специальную дополнительную профессиональную подготовку, а в юридических вузах и учебных заведениях МВД давать знания, необходимые для осуществления профессиональных функций в многокультурной среде.

Государство же обязано применять необходимые методы для защиты человека от нарушителей общественного порядка. К сожалению, скинхеды (бритоголовые) не находят противодействия в своих индивидуальных или групповых действиях, пока не устроят погромы на рынках, также как московская девушка может не найти защиты у стражей правопорядка, когда к ней неуважительно относится кавказец. Между тем только силовые структуры государства имеют право применять силу к разжигающим межэтническую, межрасовую рознь. Известную роль, видимо, сыграет принятый федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности».

Роль государства в поддержании толерантности, конечно, не исчерпывается обеспечением порядка.

Изучение насилия, непримиримости на постсоветском пространстве подтверждает вывод исследователей (Feldman A. — 1991, Harrison S. — 1993, 1996) о том, что данное явление может быть понято только как многофакторное. Для развития этноконфликтных ситуаций, особенно в насильственной форме, помимо чаще всего обсуждаемых — борьбы за ресурсы, за власть со стороны элитных групп — имеет и имело значение то обстоятельство, что они происходят *в системе, доставшейся нам от прошлого*, не знающей правовых, конвенциональных механизмов регулирования столкновения интересов. Для этого нет ни достаточного законодательного основания, ни соответствующих судебных органов, ни опыта гражданского общества.

Государство, неспособное гарантировать защиту прав меньшинств и социальный порядок в целом, *не воспринимается как справедливая, надэтническая сила*, пользующаяся доверием граждан. Тоска по этой силе обеспечивала рейтинг В.В. Путину, но не распространялась на государственную систему.

Поэтому на постсоветском пространстве особую роль играет наличие в республиках, областях у этнических групп образованной, в том числе имеющей международный опыт, и потому ответственной элиты, готовой к переговорному процессу и компромиссам (очевидный дефицит был в Чеченской республике и наличие в Татарстане).

Приходится обратить внимание на то, что *формы поддержания социального порядка*, к которым *сейчас* стремится администрация Президента, тоже *не лишена печати советского прошлого*. Это проявляется в стремлении к универсальности властно-силовых отношений со всеми партийными, социальными, хозяйственными и этническими структурами. В таких условиях автономные структуры, присущие демократическим системам, либо исчезают, либо существуют как приспособляющиеся к централизованному, практически унифицированному политпространству.

Анализ выстраивания «жесткой вертикали» и подхода к этапу «большой реформы» показывает, что *политические шансы «большого бизнеса» усиливаются, а территориальных властителей (президентов, губернаторов) — снижаются*.⁸

Реформа федеративных отношений перешла к этапу разграничения полномочий и предметов ведения между Центром и регионами, основная цель которого — выработка эффективного механизма ответственности за выполнение функций, возложенных на бюрократию различных уровней. Это увязывается с реформой межбюджетных отношений (Федеральное казначейство становится основным каналом финансовых потоков из Центра в регионы, новое для всех соотношение федеральных и местных налогов — 70% на 30%) и допущением временного ограничения налогово-бюджетных полномочий регионов и возможности «внешнего управления», а значит, и отстранения от власти региональных руководителей.

Региональными элитами эти шаги расцениваются как решение *уйти от договорно-конституционной формы федерализма и способ нивелирования региональных социально-экономических различий и этнонациональных особенностей развития*. Слабые и зависимые регионы сами готовы отказаться от договоров. Противостоят Центру в этом отношении прежде всего сильные регионы — доноры, прежде всего, Татарстан и Башкортостан. Их аргумент — становится не выгодным расширять производство. При прежней системе к 2000 году в стране было территорий-доноров в два раза больше. Даже активный сторонник президентских реформ Прусак говорит о малой реальности со стороны губернаторов удерживать при новой системе регулярные выплаты заработной платы на местах. Удастся ли сохранить консенсус в этой ситуации? Как противоречия отразятся на отношении в республиках к Центру, к русским, на которых распространяется ответственность за действия Москвы?

---

⁸ Бабаева С. Они больше не будут // Известия, 11 октября 2001 г.

Можно ожидать, что в результате реализации федеративной реформы «асимметричная» федерация дополнится «многоуровневой». Верхний уровень займут субъекты — доноры, а нижний — претенденты на «внешнее управление».

Кроме того, разноразностность дополняется *сейчас системой пересекающихся юрисдикций* (несовпадающие судебные, арбитражные и военные округа надстраиваются над регионами) и, естественно, ограничивают власть региональных политических элит. Усиливают контроль над региональными, территориальными структурами федеральные ведомства — Минфин, Прокуратура, Минюст, МВД, ФСНП, Центризбирком, волевое властвование которого проявилось в Саха (Якутии). Система патерналистских отношений не ушла. Она практически может усиливаться, ибо никакого противовеса ей (контроля за действиями федеральных структур) нет. Но она явно не может быть прочной и потребует корректировки, ибо вступит в противоречие с общемировым процессом демократизации и глобализации, частью которой является, наряду с усиливающейся экономической интеграцией, передача функций на места.

Таким образом, если политическую унификацию удастся осуществить проще, пока не сформировались новые классовые солидарности, то унифицировать управление регионами при сохранении демократических тенденций будет намного труднее, ибо этот процесс противоречит и общему развитию в условиях глобализации. Дисбаланс согласия на мезоуровне неблагоприятно скажется на межгрупповой толерантности в более широком плане и на межэтнической в частности.

Но в сегодняшней нашей аудитории важно обсудить вопрос о роли публичной сферы для межэтнической толерантности и самой публичной сферы в области межэтнических взаимодействий. Здесь вырисовываются как бы два поля. Это — взаимодействие власти и публичной сферы и самих непосредственных действий в межгрупповых отношениях, т.е. как складывается отношение к этническим группам.

Безусловно важна публичная сфера, в которой обсуждаются действия Центра и региональных властей. В связи с тем, что идут согласования законодательного поля, приведение республиканских конституций и законов с законами и Конституцией РФ, интересно было наблюдать, каким способом эти отклонения сейчас регулируются. Закон не всегда является очевидным регулятором отношений. Например, в Конституции РФ есть позиция о том, что отношения между федеральным центром и республиками могут быть урегулированы и договорами. Это 5-я позиция 11-й статьи. Она была принята, конечно, в условиях согласования интересов федерального центра с республиками тогда, когда ни Татарстан, ни Чечня, в каком-то варианте и Башкортостан, не подписывали Федеративный договор, и позиция о договорах была результатом компромисса. Но факт, что эта позиция есть в Конституции РФ и сейчас.

Так вот, останется ли договор в Конституции Татарстана всецело, было результатом переговоров лидеров республик и администрации Президента или даже прямых переговоров М.Ш. Шаймиева с Президентом РФ. Если договорятся М.Ш. Шаймиев с В.В. Путиным, то останется позиция о том, что Республика Татарстан объединена с Российской Федерацией на основе Конституции и договора, если нет — этой позиции не будет. То есть опять не закон регулировал правовое поле, а патрон-клиентные отношения, вот этот переговорный процесс.

Таким образом, роль элитных команд у нас чрезвычайно велика. И именно на них мы можем возлагать какие-то надежды и в регулировании толерантности в публичной сфере. Что они говорят, как они говорят, в какой мере они выражают интересы групп и в какой свои личные интересы — это остается предметом внимания в публичной политике.

В ходе реализации наших проектов мы отслеживали эту публичную сферу в Центре и республиках через прессу. С точки зрения толерантности — интолерантности немало зависит от употребления тех или иных терминов. Они часто касаются очень тонких моментов. Например, в центральной прессе чаще пишут Татария, Башкирия, особенно те, кто настроен больше

централизаторски или заботятся о чистоте русского языка. Между тем, в Конституции РФ 1993 г. записаны эти республики как Башкортостан и Татарстан. То есть живущие в республиках имеют право по Конституции РФ себя так называть. И они в своей прессе используют эти термины, а используемые в центральной прессе нередко воспринимают как ущемляющие.

Как это интерпретировать? Пока существуют оба термина, я думаю, что это проявление толерантности в публичной сфере. Но надо сказать, что эта толерантная площадка практически все время сужается. И мы являемся свидетелями этого процесса.

В результате в публичной сфере в республиках существует образ «другого», образ если не врага, то во всяком случае противостоящего. Он фокусируется вокруг, во-первых, власти в федеральном Центре и, во-вторых, в отношении доминирующего народа. И с другой стороны, в центре России пресса формирует образ «других» вокруг республик, причем не только властей республик или областей, но и в целом республик, регионов.

Для регулирования этого публичного пространства интересны и применимы концепции, о которых писал Джон Ролс в отношении справедливости, потому что в этой теории есть положения о плюрализме. И сохранение, а скорее принятие, плюрального пространства в публичной сфере этнического поля необходимо для толерантности в таком регионально и этнически разнообразном государстве, как наше.

К тому же мы живем сейчас в такой ситуации, когда в стране различные виды оппозиций минимизируются. Партии становятся более едиными. В парламенте мы тоже видим, что происходит увеличение единообразия. Партии, которые выражают интересы социальных групп, не сформированы. Отсюда, какой-то оппозиционной силой, которая необходима для развития, могут оставаться территории, территориальные объединения людей, где они реально могут защищать свои интересы — интересы выживания, интересы развития.

Поэтому мне кажется, что и в публичной сфере акцент важно было бы откорректировать. Не рационально представлять

регионы только феодальными владениями, именовать их руководителей «баронами». Не будем забывать, что трансформация в стране зависит отнюдь не только от реформаторов в Центре. Она зависит от людей в регионах, в том числе от их лидеров.

На уровне регионов интолерантность стимулируется социальными противоречиями. Что касается сферы межэтнических отношений, то, конечно, на них будут влиять реальные и представляемые неравенства. Они проявляются сейчас в трех вариантах: 1. Неравное участие во власти, которое больше осознают русские в республиках, (назначение на руководящую должность по национальному признаку по опросам на ноябрь 2000 г. отмечали 77% русских и 40% татар в Республике Татарстан); 2. Ущемление национального достоинства, чаще ощущаемое титульными национальностями (так, неуважение к традициям, языку народа отмечали 30% татар и 10% русских в Р.Т.).

В то же время наблюдаются разнонаправленные этнические неравенства в социальных группах. Так, в Саха (Якутии) среди административной, художественной и гуманитарной интеллигенции больше представлены якуты, а в среде производственной интеллигенции, частично бизнес-элите, среде квалифицированных рабочих больше представительство русских. У каждой этнической группы в такой ситуации создается свое представление о достоинствах и ущемленности группы. Поддерживать толерантные отношения в этой республике сложнее, хотя там все время идеологически постулируется, что в условиях Севера сама природа диктует толерантность как норму общения.

Межличностная этническая интолерантность существенно различается в пространственном измерении. В наибольшей мере она фиксируется в больших городах, на территориях высокого притока инонационального населения (Краснодарский край, Ставрополье, Ростовская обл., Оренбуржье), в зонах насильственных конфликтов и постконфликтных ситуаций (Северный Кавказ, Тува).

На территориях более-менее благоприятных межэтнических отношений тревожным является ощущение интолерантности в

группах учащейся молодежи. Так, в Татарстане с отрицательным отношением к людям национальности респондента сталкивалась половина учащейся молодежи (среди предпринимателей — 29%, рабочих и ИТР — 17%). Именно эта группа чаще всего сталкивалась с неприязненными высказываниями о людях их национальности (39%, среди рабочих — 20%, предпринимателей — 29%).⁹

Учитывая такие реалии, нам представляется важным рассматривать интолерантность не только в категориях фрустрации — агрессии и личностных особенностей, но дополнить эти подходы концептом *растущих социальных ожиданий и конкурентных отношений* на фоне политической изменчивости и экономической нестабильности.

Эти социальные закономерности мы изменить не способны, но можем как раз использовать публичную сферу, чтобы объяснить их населению, дать реальные оценки и ориентиры. В этом отношении ответственность ученых, публицистов перед обществом особенно велика. Пока мы знаем о существовании фонда «Панорама» в Москве и некоторых журналов, ориентированных на мобилизацию общественности против экстремизма, интолерантности. Но важно расширить просветительскую работу через радио, телевидение, массовую прессу, учебные заведения.

ЦЕННОСТИ И СИМВОЛЫ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО ПОЛЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Этнический фактор претерпел существенные изменения в Российской Федерации в сравнении с той ролью, которую он играл в Советском Союзе. В Союзе русские были самым большим по численности и доминирующим в общественно-политической жизни народом, но другие этносы являлись не просто значительными по демографическому и социально-экономическому по-

---

⁹ Данные опросов на ноябрь 2000 г. исследовательского Центра под руководством Г.А. Исаева в РТ.

тенциалу, но и составляли вместе половину населения страны. Ни одно серьезное преобразование нельзя было осуществить, не учитывая громадного этнического многообразия страны.

Не сразу, но довольно быстро, чуть более чем за год (1992 — начало 1993 г.) политики в России осознали, что живем мы теперь в другой стране с доминированием одной этнической общности. И поскольку в недавнем прошлом, а в какой-то мере и теперь, с этническим фактором были связаны конфликты и унижения, многим хочется как можно скорее «забыть» о нем совсем или, по меньшей мере, просчитав «на один-два хода», сбросив со счета (иноэтническое население составляет всего 17%), идти дальше. Но стремиться однозначно использовать ситуацию — отнюдь не признак политической дальновидности. Ведь именно сейчас создаются прецеденты и стандарты общения, которые на многие годы войдут в историческую память народов.

По меньшей мере три обстоятельства важно было бы учесть, исходя из интересов не только сегодняшнего дня, но и будущего:

1. Этнический фактор в России — это, отнюдь, не только положение инационального населения, проблемы включенности его в модернизационные процессы, его роль в социальной и политической жизни страны, взаимоотношения с ним доминирующего этноса — это самосознание и менталитет самого большого по численности народа — русских. От их ценностных ориентации, стандартов поведения и установок, в том числе межэтнических, серьезнейшим образом зависит характер неизбежной трансформации общества.

2. В менталитете русского народа сохраняется представление о России как о многонациональной державе. Нерациональным было бы менять эти представления. Ведь 17% иноэтнического населения — не такая малая величина: 27 миллионов человек. Это более чем 5 миллионов татарского населения, более чем миллионное чувашское, башкирское, мордовское население.

Народы эти в представлении большинства русских «нашенские». Они не должны оставаться с нами только потому, что им «некуда деться», а поскольку им с нами лучше. Для этого сейчас нельзя де-

лать шагов, которые позволили бы им в будущем с недоверием относиться к высказываниям о гуманности русского народа.

На территории проживания многих народов сосредоточены важнейшие для России природные ресурсы. Следовательно, в экономических преобразованиях придется учитывать этнический фактор.

3. Наконец, тенденция развития не исключает того, что в ряде регионов искусственно развалившийся Союз может быть реанимирован в новых формах, следовательно, поле этнического разнообразия будет снова расширяться, а значит не только в политической, но и экономической, духовной сферах взаимоотношения народов снова станут актуальной проблемой.

Следовательно, не только с научной, гуманитарной, но и политической точки зрения важно углубить наши представления об этничности, тем более что база ее изучения (факты, события, формы проявления и т.д.) чрезвычайно расширилась за последние годы и нуждается в обобщении.

Этничность мы понимали широко. Это не только этническая идентичность, этническое самосознание людей, но и реальное следование этим специфическим формам поведения, особенностям в видении и восприятии мира, в жизненных ориентациях.

Одним из элементов этничности являются ценности и символы, которые разделяются людьми. Изучение их велось и ведется в разных концепциях интерпретации этнического феномена — реальной этничности: как в прежней, которую В.А.Тишков относит к примордиалистской, трактующей этничность как объективную Данность, как бы изначально заданную характеристику человечества; так и в конструктивистской, рассматривающей этносы как «воображаемые общности», точнее было бы сказать «создаваемые общности», а этнические чувства, представления как результат интеллектуальных усилий «профессионалов представлений» — писателей, ученых» политиков.¹⁰

Однако, в силу самого предмета изучения все, кто занимался ценностями и символами в этносоциологическом, этнопсихологическом аспекте интуитивно понимали значимость

конструктивистской концепции. В первой же монографии «Социальное и национальное» был выделен специальный раздел (пусть теперь, с высоты нашего теперешнего видения, и фрагментарный) о влиянии на умонастроения средств пропаганды.¹¹

Не случайно первые же встречи и обсуждения проблем этничности, национализма с Э.Геллнером в конце 1970-х — начале 80-х годов на конференциях в Бургвартенштайне (Австрия), Таллинне и Москве выявили очень многие общие подходы к пониманию этнического феномена, роли интеллигенции, средств массовой информации, системы образования в формировании этничности и национализма (не «в оценочном» понимании).

Однако, до того как конкретизировать свой подход к пониманию ценностей и символов в этническом феномене, мы прежде всего солидаризируемся с теми, кто считает, что «обстоятельный анализ требует интеграции всех этих подходов».¹²

Теоретическим представлениям этнических ценностей и символов, разработанным в Западной литературе, посвящено немало работ. В отечественной науке специальных исследований ценностей и символов этносоциологического, этнопсихологического характера нет. Однако при изучении культуры народов, этнографии общения» символических элементов одежды, знаков ритуального поведения этнографами сделаны существенные наблюдения.¹³ В этносоциологических исследованиях система ценностей рассматривалась как одна из важнейших характеристик нормативной культуры народов.¹⁴

---

¹⁰ Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. Доклад на заседании Президиума Российской Академии наук, 23 февраля 1993 г. М., 1993. С.5, 7. Он цитирует: Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*, London, 1984. N 52-53.

¹¹ Социальное и национальное. М., 1972. С.302-310.

¹² Crawford Y. *Comparative Reflections on Ethnic Conflict*. UNRISD Workshop on Ethnic Conflict and Development. Dubrovnik, 1991, 3-6 June. P. 8; Тишков В.А. Межнациональные отношения в Российской Федерации. М., 1993. С. 5.

¹³ Бгажноков Д.Х. Очерки этнографии общения. Нальчик, 1983.; Басилов В.Д. Избранники духа М., 1989.

¹⁴ Социально-культурный облик советских наций. М., 1992.

Важно обсудить ценности и символы в ракурсе этнического самосознания, т.е. не только с этносоциологической, но и этнопсихологической точки зрения. Они понимаются в самом широком смысле «как значимость явлений и предметов реальной действительности, главным образом, в функции социально-нормативных регуляторов поведения людей, как коллективные представления, имеющие личностный смысл, очень важный для формирования культуры толерантности».

С точки зрения концептуального подхода к этническому феномену в целом мы считаем важным подчеркнуть, что ценности и символы, пожалуй, более чем какой-либо другой элемент этничности являются «конструктами» разного уровня — глубинной, личностной и актуализированной, идеологизированной значимости.

Личностные, глубинные, ценностные структуры, в соответствии с которыми люди конкретной этнической общности в той или другой мере строят свое повседневное поведение, как бы входят в ментальность народа. Это, отнюдь, не только какие-то чисто специфические ценности, присущие этносу — они, как правило, носят общечеловеческий характер, например, семья, работа, здоровье, личные достижения, успех, безопасность, гуманность, спокойствие или активность. Но при этом значимость этих ценностей, очередность их звучания в самосознании народа носит этническую специфику и окраску. Они усваиваются в процессе социализации личности, начиная с семьи, родственников, друзей т.е. прежде всего в среде непосредственного окружения, и понимание этих особенностей очень важно для формирования толерантных установок межэтнического общения.

Другой характер имеют ценности общественные: Родина, свобода, язык народа, факты исторической памяти и т.д., которые тоже интериоризируются личностью, но степень включенности в них зависит от того, насколько идеологизировано общество.

И те и другие — конструкты, формируемые общением, но первые более стабильны, вторые — идеологизированные — как правило, более ситуативны и в разной мере актуализированы в

зависимости от обстоятельств. Они в неизмеримо большей степени находятся под влиянием социальной инженерии, являются результатом деятельности интеллектуальных элит, политических деятелей.

В американской социальной антропологии есть целое направление, изучающее ценности в системе и соотношении с ключевыми символами, выделяющее «базовые структуры», «идеологические принципы», которые эти ключевые символы отражают.¹⁵ В работах Е. Альберта, С. Дю Боса, А. Коэна, С. Тернера мы находим не только теоретические подходы, но конкретно-исторические примеры рассмотрения культур через призму символов и ценностей. В ходе дискуссий на симпозиумах российских и американских исследователей по проблемам этичности, организованных в 1984-1989 гг. при поддержке Айрекса, была сделана попытка сопоставить ход и направление этнических процессов, используя результаты кросс-культурных исследований в СССР, США, Африке, Европе. Анализ скользящей системы базовых ценностей и их идеологизированных конструкторов учеными, работавшими на разном материале, позволял делать общие прогнозы. С.Тернер и А. Коэн фиксировали уже в 1984-1985 гг., что даже в США при их уровне унифицирующей технизации, при отсутствии соединения этничности с государственностью «плавильный котел» не стал реальностью, и мультиэтническое общество скорее можно определить как «салат», самостоятельный вкус составляющих которого сохраняется именно за счет вариаций систем ценностей.

Ученые из СССР, участвовавшие в дискуссиях и работавшие на материале советских наций (Ю.Арутюнян, Ю.Бромлей, М.Губогло, Л.Дробижева, В.Евтух, В.Козлов), констатировали относительно устойчивое сохранение пласта этнически окрашенных личностных ценностей и элементов этничности и, одновременно, су-

---

¹⁵ Geertz C. The Interpretation of Cultures. N. Y., 1973; Du Bois C. The Dominant Value Profile of American Culture. 1955. Vol. 57, N 6. См. подробнее статьи Кузнецова И.М., Аклаева А.Р., Коротеевой В.В., Галкиной Е.М.

щественно интегрированных идеологизированных общественных ценностей и символов (типа «борьба за мир», «укрепление обороноспособности», «моральное здоровье молодежи»). Еще тогда мы обращали внимание на роль мощного аппарата пропаганды, в том числе работавшего через средства массовой информации, «задающего» ценности и контролировавшего поведение людей через систему директирующих нормативных символов («дружба народов», «взаимопомощь», «интернационализм» и т.д.). Тогда толерантность в значительной мере была декретированной нормой.

Теперь, после опыта последних лет, совершенно отчетливо видно, что тогда мы фиксировали процесс в мало динамичной ситуации. Перестроечный и постперестроечный периоды продемонстрировали многообразие этнической мобилизации, в ходе которой чрезвычайно активно реанимировались или создавались новые ценности и символы, этнической элитой конструировались целые блоки идеологизированных ориентиров, метафор, актуализированных ценностей.

С научной и практической точки зрения интересно проанализировать, почему именно те или иные ценности и символы включались в систему, с чем было связано их массовое распространение, как конструирование систем зависело от состава элитных групп, задающих ее, насколько это конструирование нацелено было на распределение и удержание власти и подчинено инструментальным целям, почему та или иная система ценностей возбуждала чувства и стимулировала деятельность, какие факторы и события приводили к появлению в массовом сознании актуализированных ценностей.

Прежде чем перейти к некоторым наблюдениям относительно функционирования ценностей и символов в этническом самосознании народов в условиях трансформации общества, сделаем еще некоторые предварительные замечания.

В американской социальной антропологии в системе ценностей выделяются те, что связаны с общими представлениями о мире, месте человека в нем, о предназначении человека — смысле жизни (так называемые «ценностные допущения»), доминан-

тные ценности или так называемые ядра, именуемые еще «ключевыми символами», в которые обычно включаются общечеловеческие ценности — здоровье, работа, семья, знания и т.п., но в таком сочетании их по значимости, которые отличают народы в современном мире. Выделяются также ценности, связанные с определенными нравственными нормами, моралью (ценности-запреты, предписания), включающие определенные одобряемые черты личного поведения (преданность, коллективизм) и вообще какие-то характеристики личности.

Во всех ценностях психологи видят когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы

Выделение систем ценностей для изучения культур имеет свое методологическое значение, для наших же задач изучения этого феномена в условиях общественно-политической трансформации целесообразно:

1. Выделить ценности: а) задаваемые официальной идеологией, б) альтернативные идеологизированные ценности, выдвигаемые оппозиционными группами интеллигенции (диссидентами, лидерами национальных движений, ассоциаций) и в) ценности, регулирующие реальное повседневное поведение людей.

Типичный пример начала «перестройки»: официальная идеология в Центре и республиках декларировала ценность двуязычия — «два крыла в полете». Одновременно оппозиционная интеллигенция, ратовавшая за национальный язык как важнейшую ценность народа повсеместно от Эстонии, Латвии, Молдовы до Якутии, Тувы ориентировала население на изучение и употребление своего языка — «без языка нет народа». Но в то же время, нормативная ценность повседневного поведения диктовала: относиться к языку по потребности. Потому в разгар пропаганды за восстановление белорусского языка в конце 80-х — начале 90-х в школы с белорусским языком обучения даже в Минске, где декларирование этой ценности было наиболее интенсивно, записалось немногим больше 4-х сотен детей, а пришлось учиться еще меньше. В Тбилиси и Баку школы с русским языком обучения в то же время не добирали учащихся.

2. Учитывать, что ценности, реально регулирующие поведение, могут существенно расходиться с декларируемыми.

Эти различия легко понять на таком примере. В советскую эпоху ценность образования была очень велика по всей стране. В культуре народов, отстававших в прошлом, в 70-ые — 80-ые годы она была особенно значимой. Именно в эти годы многие народы сделали самый существенный рывок в этом отношении. Особенно заметным он был у казахов, киргизов, бурят, калмыков. Казахи по доле лиц с высшим образованием вошли в число 9 титульных этносов союзных республик, которые почти выровнялись с наиболее урбанизированными народами. У бурят, калмыков за эти годы доля специалистов с высшим образованием в республиках стала, как мы уже писали выше, в 2 раза больше, чем у русских. В связи с этим официальный престиж учителя, ученого был высок, а образованность воспринималась как эталон цивилизованной нации.

Однако конкурсы в вузы были самыми большими не в педагогических вузах, а в торговых училищах и вузах, готовящих работников сферы торговли, экономистов.

Можно вспомнить и о модификации такой всеми признаваемой национальной ценности как историческое прошлое.

Историческое прошлое было и остается важным индикатором этнической идентичности. По результатам опросов этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН среди русских РСФСР, грузин, узбеков в 80-е годы этот фактор был на 3-4 месте. По данным опросов ВЦИОМ, среди русских около 30%, а грузин, армян, азербайджанцев 53-42% связывали мысли о своем народе именно с историческим прошлым.¹⁶

Понятно, что оценка важных для людей той или иной национальности «другими» может серьезно влиять на толерантность в общении.

В СССР официальная идеология формировала установки на революционное прошлое, ценность событий революционной зна-

---

¹⁶ Советский простой человек, М., 1993. С. 133.

чимости, На это была ориентирована вся система образования, пропаганды. И как идеологизированная ценность она принималась. Достаточно вспомнить массовые демонстрации в дни революционных праздников с национальной модификацией в оформлении и традициях их проведения.

Но когда молодежь, людей среднего возраста и пожилых спрашивали о предпочитаемых праздниках — свыше 80% молодежи в возрасте до 20 лет, более 70% 30-39 летних и 79% лиц в возрасте 60 лет и старше называли Новый год.¹⁷

А что касается исторического прошлого, то оно тоже больше связывалось не с революционными событиями. Об этом можно судить по ответам респондентов на вопрос о наиболее выдающихся людях всех времен и народов.

На первом месте опрошенные в разных районах СССР называли В.И.Ленина как государственного деятеля. Но деятели революции — Киров, Фрунзе, Котовский, Свердлов шли, соответственно, на 50, 71, 104 и 112 месте, в то время как Петр I, А. Невский — на 3 и 45.

3. Интереснейший вопрос: какие же ценности удерживает сознание, регулируя поведение людей более устойчиво, менее ситуативно. Играет ли роль в этом этнический фактор. Период трансформации в общественных отношениях — благодатное время для изучения этого процесса.

В начале трансформации или перестройки, как тогда говорили, доминировала идеология разрушения. Вся предшествовавшая идеология рассматривалась как предмет критики. Это касалось всех сфер жизни общества, в том числе и этнонациональной. Но тогда мало кто размышлял о том, что сама эта официальная идеология была многослойной и содержала в себе разные ценности, включая те, которые характерны для современного цивилизованного общества, и декларировала такие из них, как свобода, ценность человеческой жизни и, в том числе, дружба народов, «человек человеку надежный товарищ и брат», не-

---

¹⁷ Там же. С. 247.

мало интеллектуальных, гуманистических ценностей — творческий труд, служение народу, Отечеству — т.е. таких, которые опирались на вековую культуру народов. Кроме того, немало морально-нравственных ценностей, которые исторически были присущи народам, поддерживались официальным общественным мнением. Например, русской «деревенской прозой» культивировались ценности сохранения традиций, чистоты человеческих отношений, семьи и т.д., у народов Кавказа и Средней Азии — уважение к старшим, поддержка родственников и т.п. Время от времени их пытались объявить архаическими, но они поддерживались какими-то кругами общественности, авторитетами (Д. Лихачев, В. Овечкин, Р. Гамзатов, Ч. Айтматов) и, когда нужно, к ним обращались даже государственные и общественные деятели, поддерживая взаимопонимание.

Вот эти-то ценности разрушительной идеологической атаке не поддались и в измененном виде «перекочевали» в постперестроечное пространство. Ценность семьи по-прежнему по всем опросам Отдела этносоциологии ИЭА РАН и ВЦИОМа удерживала первое место, и это характерно как для русских, так и для других народов; к идее справедливости как ценности русского, российских народов возвращаются все время, трансформируя ее в «каждому по заслугам»; служение Отечеству трансформируется в государственническую идеологию. Повысилась значимость ценности «достойного места своего народа», территории. Иначе, как можно оценить результаты опроса ВЦИОМ относительно Севастополя в Российской Федерации, когда 75-80% респондентов ответили, что это город российский.

Итак, многие ценности, которые сейчас выдержали проверку на прочность, это — ценности, сохранившиеся от прошлого дореволюционного, или те, что просто привычные. Ситуация напоминает ту, когда в начале века люди предпочитали садиться в машины, напоминавшие им кареты.

Другое наблюдение, которое подтверждается результатами опросов: сохраняются и распространяются, особенно среди молодежи, те ценности, которые не артикулировались, но существо-

вали. Делать деньги считалось капиталистической ценностью, и в наших анкетах, чтобы они были «проходимы», включалась ценность «жить в достатке». Подчинять свою жизнь достижению личного успеха тоже считалось непоощряемой ценностью, но реально люди знали, что «надо говорить» и что делать. При этом в соответствии с традициями эстонцы, например, не считали зазорным поставить ценность «жить в достатке» среди жизненных ориентиров и «оплату труда» среди факторов удовлетворенности работой» число первостепенных, а у русских, молдаван они отступали тогда при опросах на вторые роли.¹⁸

Но при этом многое прочитывалось между строк. Если, например, мы получали данные по узбекам, что «интеллигентские», условно говоря, ценности: «творчество», «интересная работа» шли на третьестепенных местах, а «материальный достаток» — на втором, то ясно было, что это реальная, недекларируемая система ценностей.

Теперь эти ценности открыто называются регулирующими поведение («личный успех», «делать деньги», «не упускать своего»). В системе жизненных ценностей «достаток», судя по нашим опросам в Москве, уже в 1992 г. у русских вышел на 2-е место после семьи, опередив и «интересную работу», и «спокойную жизнь», и «условия для творчества».

4. Следующий важный для нас вопрос — почему те или другие ценности становятся фетишем, декларируются и тиражируются элитными группами в условиях трансформации общества. При спокойном эволюционном развитии было ясно — правительственные элитные группы помогали создавать те ценности, которые служили укреплению государства и государственной идеологии. Так бывает во всех странах, было и у нас. «Союз нерушимый ...сплотила навеки великая Русь», «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек» — ценность единой, сплоченной страны, не только декларировалась, но и воспринималась большинством населения и как общегосу-

---

¹⁸ Социально-культурный облик Советских наций М, 1986. С. 240.

дарственная, и как важная для каждого народа. Идеологи искали и находили ценности, поддерживающие государство, способные стать массовыми: «советский народ», «в дружбе наша сила». Искусство состояло в том, чтобы найти такие ценности, которые были бы не отторгаемы людьми. И, если теперь присмотреться, большинство из них имели в подоснове своей ценности, способные близко, лично восприниматься на основе тех ядер ценностей и символов, которые есть в каждой культуре. Это и способствовало взаимопониманию в обществе. Не случайно теперь исследователи и политики ищут ценности, которые воспринимались бы без отторжения, как основа российскости.

Гуманитарная интеллигенция всегда неоднородна, и часть ее была готова тиражировать все, что одобряется «верхом», другая жила идеями гуманизации общества или просто личного достоинства и по мере возможности продвигала ценности равенства, толерантности: «когда я говорю Россия, то не позволит мне душа задеть хоть чем-нибудь грузина, еврея или латыша» (Е. Евтушенко).

В начале политических и социальных изменений конца 1980-х годов появились иллюзии «рациональной социальной реконструкции», «просвещенной правящей элиты», «востребованность науки». Они сыграли свою роль в возбуждении умов, хотя иллюзорность построенных мифов становилась со временем все очевидней. Однако, на первом этапе все хотели скорее воспользоваться «гласностью». Мы пережили несомненно поучительный период, который позволяет приоткрыть завесу механизма того, как и почему избираются ценности для овладения умами и настроениями масс.

Одной из первых практически каждой национальной элитой была выдвинута ценность выживания — экологической безопасности. О спасении Байкала, нерациональности переброски сибирских рек, истреблении природы говорили с самого начала В. Распутин, В. Белов и другие лидеры русского национального движения. В Армении общественные движения начали с мобилизации общественного мнения против атомной электро-

станции под Ереваном, в Латвии тоже начали возбуждение национальных чувств с требования закрытия атомной электростанции. В Казахстане — движение «Невада» объединяло людей против использования территории для военного полигона, наносящего вред здоровью людей. В Молдавии один из самых пагубных ущербов, который осознавался и обсуждался лидерами национального движения, виделся в бездумном отношении к земле, в химизации и уничтожении виноградников. В Якутии речь идет об ущербе от подземных ядерных взрывов, губительном отношении к природе.

Ответ на вопрос — почему именно ценность экологической безопасности выдвинута первой или одной из первых — может быть найден в том, что ценность эта была менее политизирована, открыта и даже признаваема властью предрежащими и, вместе с тем, она бесспорнее всего воспринималась людьми и, одновременно, легко применяема как общенациональная и как этническая ценность. Ценность выживания народа способна стимулировать массовую мобилизацию, толерантно восприниматься людьми любой национальности.

Другая ценность, вокруг которой осуществлялась этническая мобилизация, — язык народа. От Белоруссии, где действительно национальный язык уходил с исторической сцены, до Татарстана, в столице которого больше половины татар дома говорили на двух языках, и большинства других автономий России, где не было даже средних школ на национальных языках, до Эстонии, где были самые высокие показатели издания литературы на национальном языке, — везде значимость сохранения языка провозглашалась важнейшей национальной задачей. Но эта ценность, воспринимаемая всеми, объединяла одних, но разъединяла с «другими».

Понятно, почему именно на этом концентрировалось внимание общественности. Язык — практически основной этнический индикатор. Тот, кто первым заговорил об этом, — этнополитологи Эстонии, хорошо знали, что по результатам этносоциологических опросов, язык занимает первое место среди фак-

торов, которые респонденты называют, когда относят себя к тому или другому народу. Значит, тезис о сохранении и приоритета своего языка будет поддерживаться массами, «работать на консолидацию» национальности. Однако, не все русские могли воспринимать (как мы писали в Гл. 5 и 8) эти ценности «других» толерантно, ибо они свой язык тоже считают ценностью.

Другая ценность — территория — была «стимулирована» в сознании людей и заработала там, где вопросы эти были большими издавна, имели «исторический шлейф»: Карабах у армян; земли, принадлежащие до репатриации ингушам, калмыкам; оторванные территории у бурят и т.д. Представления о «Родной земле» очень быстро были аккумулированы из исторических преданий, эпических произведений, оживлены в народной памяти и стали оселком толерантности — интолерантности.

Культура прошлого также очень быстро становилась реанимируемой ценностью в этническом самосознании. Ведь разрушению прежде всего подвергалась официальная идеология, а она пронизывала массовую культуру. Отстраненными оказались недавно наиболее популяризируемые литературные произведения от «Поднятой целины» С. Шолохова до «Молодой гвардии» А. Фадеева, целый пласт песенной культуры от «Дан приказ ему на запад» и «Марша энтузиастов» до «Москва моя, страна моя — ты самая любимая»; непопулярной, критикуемой стала значительная часть нормативной культуры, задаваемой официальной идеологией. Маргинализацию переходного времени нельзя было не компенсировать. Поэтому за нравственной культурой обратились к религии. В духовной культуре источник пополнения ценностей видели в дореволюционных произведениях, творениях зарубежных соотечественников, в традиционной культуре.

Актуализация исторического наследия стала не просто одним из способов уйти от унификации периода модернизации и заметной ориентацией в России и республиках в 70-х — начале 80-х годов (вспомним радость от восстановления исторического Суздаля, Кижей, Углича и Ярославля, празднования Тбилиссы в восстановленном старом Тбилиси), Наследие теперь стало

ценностью, отторжение от которой воспринималось как национальный ущерб. Горевали по потерянному все, и это способствовало этнической мобилизации, солидарности.

О том, что эти ценности были объединяющими больше как контрверсия, протест говорит отношение к религии. Число заявляющих, что они — *верующие*, увеличилось на начало 90-х годов по данным ВЦИОМа до 40%, в то время до середины 1980-х максимальные данные по России не поднимались более 8-12%, в 1989 — около 20%, но при этом характерные для верующих ответы давали лишь 7-8%.

Ратую за потерянную культуру и демонстрируя готовность бороться за нее, действительно обращалось к ней куда как меньше людей. Характерно, что и в начале 90-х среди великих людей — деятелей культуры русские по-прежнему называли главным образом А. Пушкина и Л. Толстого, которые были символами национальной гордости. Ни забытые отечественные писатели, ни зарубежные в число первых 115 имен не попадали.¹⁹ Тот же процесс наблюдали ученые в Эстонии, Литве.

Итак, даже не следуя декларируемым ценностям» люди готовы их защищать, если они воспринимаются как лично значимые, сохранившиеся в исторической памяти. Чаще всего, именно в этих случаях элита, политические деятели могли опираться на них, выстраивая систему символов, вокруг которых солидаризировались массы.

И такая система была создана. Идеологи в Эстонии писали: нация — не только этно-культурная общность, у нее широкие интересы во всех сферах, в том числе экономике, политике; защищать и реализовывать их можно только с помощью государственности.²⁰

Ценность государственности, суверенитета была осмыслена не только в республиках бывшего Союза. Российские публи-

---

¹⁹ Советский простой человек. С 169, 217.

²⁰ Советская Эстония. 1988, 2 февраля.

цисты писали о том же.²¹ Можно вспомнить и выступления В.Распутина, В.Белова на Съезде Народных депутатов СССР, на Верховном Совете СССР с идеями выхода из СССР. Но анализируя время и место декларирования идеи государственности, можно заметить, что появлялась и стимулировалась она прежде всего там, где у народов исторически существовала государственность в том или ином виде.

Кроме того, серьезнейшим образом на закрепление и использование символов, в частности, своей государственности, суверенитета, влияла политическая ситуация.

В условиях сецессии государственность сепаратизирующихся становится конфликтной в обществе, но в спокойной исторической обстановке она содействует толерантности.

Далее, можно заметить, что выдвигаемые национальные ценности, как правило, выстраивались идеологами в новую ценностную систему, связанную с символами-фетишами — «рынок», «цивилизованность», на начальном этапе — «демократия».

По мере того, как гуманитарно-политизированная верхушка интеллигенции теряет монополию на выработку ценностных систем, свои ценности выдвигают предприниматели, банкиры, и они отбирают из национальных символов-ценностей те, что соответствуют их миропониманию и интересам. Так, в России, например, стимулируется идея евразийства, выражающая интересы народов России и имеющая исторические корни: равноправия, но не патроната в отношениях с народами; национально-экономического интереса; защиты и поддержки национального капитала; приоритета на использование природных ресурсов,

Можно вспомнить, как лидеры Российского Союза промышленников и предпринимателей (РСПП) заявляли о неополитических ориентациях своей организации. Но когда объединение лидеров этого Союза стало ориентированным на завоевание места на политическом Олимпе, то партия «Обновление», в которую

---

²¹ Гулыга А. Русский вопрос // Наш Современник. 1990. N1. С. 168, 176; Проханов А. Заметки консерватора // Наш современник, 1990, N5, С. 90, 91.

входили А. Владиславлев, А. Вольский — лидеры РСПП — солидаризировалась с Гражданским Союзом, в котором национальные идеи, ценности входили в число программных требований (целостность России как сильной мировой державы, концепция евразийства).

Как только проходит пик этнической мобилизации, в периоде трансформации общества наступает полоса, когда этнообъединяющие ценности уходят на периферию, и реальное поведение людей начинают регулировать главным образом групповые ценности и символы. И тогда дифференциация групп по этническим ориентациям становится менее очевидной. В молодежных субкультурах мы редко встречаем ориентацию на ценности, имеющие этносимволизирующее значение (конечно, за исключением молодежных групп, объединенных во имя каких-то национальных идей, типа «молодые рыцари», «Россия молодая»).

В профессиональных группах тоже не часто наблюдается объединение во имя этнических ценностей. Исключение составляют профессионалы-идеологи, специально занимающиеся этнической политикой или обеспечивающие группам поддержку с использованием этнической символики.

Однако в России в целом до такой поры мы еще не дожили. Выдвинутые либерально-демократические идеологемы не соответствуют реальным экономическим и социальным отношениям, а также «кризису сознания» интеллектуальной элиты, лишенной привычных способов социального самоутверждения.²²

Ко всему этому добавляется ситуация, когда в стране идут противоречивые, неуправляемые старые и спонтанные новые процессы, иногда не соответствующие, условно говоря, нормальному обществу. Осознание идущих процессов отстает или просто не поддается осмыслению, что дает основание для характеристики ситуации как ситуации «когнитивной неопределенности». Но именно в

---

²² Дилигенский Г. Динамика и структурирование политических представлений в современной России // Куда идет Россия; Альтернатива общественного развития. М., 1993.

этой обстановке возможным вариантом становящегося структурирование политического спектра вокруг этнонациональных проблем. Это касается как русских, так и других народов.

Начиная с конца 1980-х гг., мы убедились, как легко утверждаются национальные идеи, когда ценности одной эпохи разрушены, а другие не утвердились. Мы наблюдали, что именно с их помощью легко завоевывается политическая власть, влияние, ибо они обращены к элементарным интересам и эмоциям людей.

Политически мобилизирующими оказывались те ценности, выдвигаемые элитой, которые:

1. имели достаточное базовое основание, воспринимались людьми лично, как приоритетные, безусловно важные для них (язык, возрождение культуры, экологическая безопасность для выживания человека и народа);

2. имели «исторический шлейф», хранились в исторической памяти, возбуждали пережитое или переживаемое (государственность и пересмотр границ и т.п.);

3. наконец, являлись компенсирующими, как бы восполняли тот ущерб, который сохранялся в историческом сознании (национальная потеря) или образовывался в результате вакуума в социальном, политическом сознании.

Толерантное взаимодействие людей разной этнической принадлежности в такой ситуации проверялось на прочность. Оно остается, как мы видели (Гл. 8), не простым.

Если произойдет смена экономических и социальных представлений в Российской Федерации о частной собственности, свободном предпринимательстве, критериях престижа, если будут четкие политические ориентиры государственного руководства и его способность обеспечить безопасность внутри страны и на ее границах, то возобладает рационалистическая тенденция, возможность политического манипулирования этнонациональными идеями, ценностями сократится.

Изучение функционирования этнического и общегосударственного самосознания дает возможность увидеть тенденции формирования толерантного общества.

РОССИЙСКАЯ, ЭТНИЧЕСКАЯ И РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ СОВМЕСТИМОСТЬ

В работе мы исходим из социологического подхода к анализу идентичностей. В центре внимания — соотнесение личности с группой, представления о группе, социальные механизмы самоопределения индивидов в многообразных группах, в данном случае — этнической, локальной, республиканской, общероссийской. Каждая из них включает в себя индивидуальную и коллективную идентичности разного масштаба и содержания. Мы постараемся проанализировать их, показав соотношение между этими проявлениями идентичности.

Мы исходим из широкого понимания идентичности. Компонентами идентичности являются: самоидентификация (отнесение себя к этнической группе, локальной, государственной общности), представления о своей группе — «образ мы» и интересы, которые связывают эмоционально окрашенное отношение к таким образам с поведением людей и групп (регулятивная составляющая идентичности). В «образ мы» включаются автостереотипы (представления о себе), которые формируются на основании соотнесения с гетеростереотипами (представлениями о Других), а также представления о культуре, языке, территории проживания, историческом прошлом, государственности. Весь этот набор представлений, как правило, присутствует на групповом уровне идентичности. Он находит отражение в мифах, легендах, литературе, произведениях художественного творчества (включая триумфальные арки, гербы и т.п.), в текстах средств массовой информации, выступлениях лидеров и т.д.

«Коллективные представления», по Э. Дюркгейму, являются наиндивидуальными феноменами сознания: они имеют собственное содержание и не сводятся к сумме индивидуальных

сознаний. На индивидуальном уровне мы, как правило, не фиксировали полного набора всех представлений. В ходе опросов респонденты чаще всего идентифицировали себя по языку, этнической принадлежности родителей, культуре, общности исторической судьбы, реже — по территории, государственной принадлежности, религии и т.д. Этнонациональная идентичность на индивидуальном уровне ситуативна, изменчива. Между тем, на идеологическом уровне этнонациональной идентификации присутствует полный набор всех представлений. Этот уровень идентичности изучается нами на основе анализа литературы, прессы, официальных документов, мифов, дискурса политических текстов.

В нашем исследовании мы в известной мере соединяем социально-психологический и идеологический уровни изучения идентичности. Представляя результаты изучения социально-психологического уровня идентичности, поясним, что к *социальным* представлениям мы относим не любые идеи, взгляды, теории, а лишь те, которые входят в сферу повседневного сознания людей, становятся «продуктом здравого смысла» (концепция С.Московичи и его последователей)¹ и оказываются способны регулировать поведение людей. Но не все идеологемы, задаваемые органами государственной власти, политической и интеллектуальной (художественно-творческой, научной) элитами становятся массовыми представлениями. Вспомним Э. Хобсбаума: «изобретение традиции» бывает успешным тогда, когда трансляция послания элит происходит на той частоте, на которую настроены массы.²

Для изучения идентичностей нам представляется наиболее эффективным полипарадигмальный подход. Поэтому социаль-

---

¹ Серж Московичи, От коллективных представлений к социальным, Вопросы социологии, 1992, т. 1, N2.

² Eric Hobsbawm and Terence Ranger, eds., The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.

но-психологический подход (Н.Тajfel)³ мы соединяем с изучением сетевых социальных отношений в сообществах (Warner W.L.)⁴

В измерениях категориальности и интервальности наиболее эффективным оказывается рассмотрение идентичности в трёх направлениях — содержания, интенсивности и конкурентности (contestation). Мы постараемся проанализировать:

- 1) Насколько интенсивна каждая из идентичностей;
- 2) Каково основное содержание каждой идентичности;
- 3) Насколько те или другие виды идентичности являются психологической потребностью («удовлетворением для души») и насколько они связаны с социальными интересами («для своего кармана» — по С.Наyes);⁵
- 4) Имеет ли место конкуренция или совместимость этнонациональной, республиканской и государственной идентичностей в современной России.

Источником для рассмотрения проблем будут служить результаты социологических исследований, которые проводились под моим руководством в 1994 и в 1999 годах по сопоставимой программе и выборке в трех российских республиках — Татарстане, Саха (Якутии), Северной Осетии (Алании) — по 1000 респондентов в каждой республике.⁶ Для сопоставления приводятся некоторые данные по Оренбургской области, где живут русские и татары (это позволит сравнить идентичности татар в Татарстане и за пределами республики). Некоторые данные по

---

³ Henri Tajfel, ed., *Differentiation between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations*. London and New York: Academic Press, 1978; Henri Tajfel, *Social Identity and Intergroup Relations*, New York, 1982.

⁴ W.L. Warner and P.S. Lunt, *The Social life of a modern community*, New Haven: Yale University Press, 1941.

⁵ Carlton Hayes, *Essays on Nationalism*, New York, 1966, p. 117.

⁶ Леокадия Дробичева и др., *Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг.* Москва: Мысль, 1996, с.7-9; Леокадия Дробичева, ред., *Социальная и культурная дистанция. Опыт многонациональной России*. Москва: Институт социологии РАН, 1998, с.373-376.

состоянию на 2002 год по этим республикам были любезно предоставлены нам Д.Бари-Бартлет, в исследовании которой я была приглашена участвовать.

Кроме того, мы используем данные глубинных интервью, проведённых мною с представителями элитных групп. Представители элиты — по 34 человека в каждой из республик были отобраны на основе данных массовых опросов, в ходе которых респонденты отвечали на вопрос «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает интересы людей Вашей национальности?» Затем проводился опрос экспертов из аппаратов президентов республик, учёных и представителей наиболее влиятельных политических партий. Их мы просили назвать людей, которые, с их точки зрения, в наибольшей мере влияют на выработку и принятие важнейших решений, на общественное мнение в республике (нами используется определение элиты, связанное с участием в принятии решений).⁷ Так отбирался корпус представителей элиты республик для проведения интервью. 110 интервью, собранных в 1995 году, были опубликованы.⁸ 112 интервью, собранных в 1999 году, не опубликованы. Часть из них мы используем в нашем исследовании для понимания того, почему в массовом общественном сознании существуют те или другие идентичности.

В рамках одной статьи мы, конечно, не можем изложить все результаты изучения российской, республиканской и этнической идентичности. Представим те из них, которые в наибольшей мере связаны с целями настоящего проекта.

---

⁷ Lowell G. Field, John Higley, *Elitism*. London: Routledge and Kegan Paul, 1980; Иосиф Дискин, *Россия: трансформация и элиты*. Москва: Элтра, 1995.

⁸ Говорит элита республик Российской Федерации: 110 интервью Леокадии Дробижевой, Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 1996.

АКТУАЛЬНОСТЬ И ИНТЕНСИВНОСТЬ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

Все три вида идентичностей, которые мы рассматриваем, в человеческом восприятии вписываются в другие множественные идентичности, и на индивидуальном уровне в большинстве случаев в более или менее спокойной социально-политической обстановке они отнюдь не являются доминирующими. Если мы специально не ориентируем наших респондентов на обсуждение этнической, республиканской или общегосударственной идентичности, то они не часто актуализируют её.

Выяснение значимости этих идентичностей осуществлялось с помощью известного в социологии и психологии теста М.Куна — Т.Макпартленда,⁹ в котором респондент дает 5 ответов на вопрос «Кто я?» По устной инструкции интервьюер просил назвать наиболее важные для респондента характеристики. Как правило, этнические категории составляли в наборе всех самоопределений в 1994 году (когда воспоминания о национальных движениях и этнических конфликтах были ещё очень свежими) не более чем 6-14%. Конечно, они были актуализированы в ситуациях конфликтов, особенно насильственных (в Северной Осетии-Алании). Гражданская идентичность в групповых идентификационных матрицах также не занимала тогда большого места.

Базовые категории доминируют при самоидентификации у представителей всех национальностей. К базовым категориям нами отнесены такие самоопределения, как «человек», семейные, ролевые, гендерные и профессиональные характеристики. Они составляют от 50 до 70% всех самоидентификаций. Религиозная принадлежность обычно выступает как поддерживающая этническую.

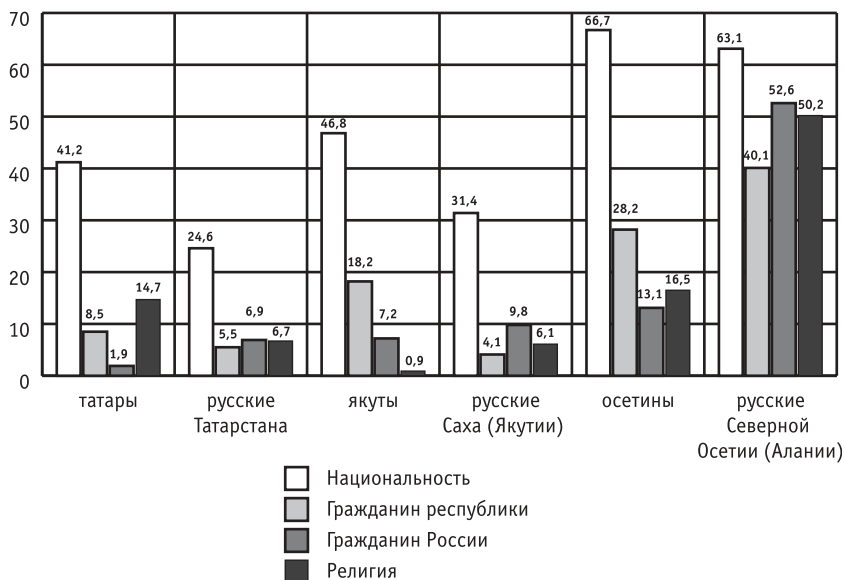
---

⁹ Manford H. Kuhn, Thomas S. McPartland, An Empirical Investigation of Self-Attitudes, American Sociological Review, 1954, vol.19, N1, p. 68-76.

Этнические самоопределения респонденты давали себе чаще, чем называли себя гражданами России или локального сообщества (см. рисунок 1). Наиболее выраженной этнической идентичность была у осетин и русских в Северной Осетии — Алании. Общая постконфликтная ситуация с Грузией по поводу возможного присоединения Южной Осетии, наплыв беженцев из района конфликта и последующие насильственные столкновения между осетинами и ингушами, естественно, не давали забыть всем жителям этого региона о своей этничности. Но надо сказать, что эта ситуация обостряла и республиканское и российское самосознание. По результатам опросов было очевидным, что для осетин и русских, причём для последних даже в большей степени, принадлежность к республике и России имело намного большее значение, чем для жителей других регионов.

Казалось бы, в Татарстане и Саха (Якутии) начало 1990-х годов было временем прямых последствий провозглашения су-

Рис 1. Этнополитические категории в групповых Я-образах
(городское население, % к опрошенным, данные 1994 г.)

веренитетов, принятия конституций, в Татарстане — проведения референдума и этнополитического конфликта с Москвой. Солидаризация татар в республике, а для русских — значимость российской общности могли бы существенно повыситься. Но, как мы видим, на уровне личностной самоидентификации это сильно не сказывалось. Это не значит, что не менялись ориентации на солидарность — внутриреспубликанскую или российскую. Пока мы демонстрируем интенсивность этнической идентичности в сравнении с другими.

Достаточно значимый уровень её сохранялся и к рубежу веков. В опросах 1999 года мы задавали вопрос в следующей формулировке: «Встречая в жизни разных людей, с одними мы легко находим общий язык, понимаем их. Иные же, хоть и живут рядом, остаются всегда чужими. Если говорить о Вас, то как часто Вы ощущаете близость, единство с перечисленными ниже людьми, о ком Вы могли бы сказать — это мы?» Далее шло перечисление, приведённое в Таблице 1. Для примера мы приводим результаты опросов по городским татарам Татарстана.

Таблица 1.

Интенсивность этнической, республиканской и российской государственной идентичности, городские татары в Татарстане
(в % к опрошенным)

Идентификации	Часто	Иногда	Никогда	Не знаю
1. С людьми моего поколения, возраста	64,8	27,6	5,0	2,6
2. С людьми той же профессии, рода занятий	54,2	29,6	9,7	6,5
3. Со всеми гражданами России	17,9	35,7	31,7	14,7
4. С жителями Республики Татарстан	24,9	42,5	20,5	12,0
5. С теми, кто живёт в том же городе (селе), что и я	34,9	48,7	9,4	7,0
6. С людьми моей национальности	44,0	39,3	9,1	7,1
7. С людьми того же достатка, что и я	50,4	33,4	7,0	9,1
8. С людьми, близкими мне по политическим взглядам	26,1	26,1	22,3	25,5
9. С людьми моей веры	40,8	28,4	13,2	19,6
10. Другое (указать, с кем именно)				

Тенденции подтверждались прежние: ни этническая, ни республиканская или общероссийская идентичности не занимали приоритетных мест по сравнению с другими, более важными для людей идентичностями — поколенческими, профессиональными, статусными.

Среди идентичностей, представлявших для нас исследовательский интерес, на первом месте у татар, якутов, русских везде шла этническая идентичность, далее следовала республиканская и затем российская идентичность. Причём у русских в Саха (Якутии) последняя опережала республиканскую (71% против 60%). У татар и русских в Татарстане российская идентичность на 6-10 пунктов уступала республиканской по данным опросов 1999 и 2002 годов. Русские в Татарстане, казалось бы, находятся в центре России — одну ночь надо проехать, чтобы прибыть в столицу страны. Тем не менее, у них российская идентичность оказалась менее значима, чем у русских, живущих в далёкой Саха (Якутии). Хотя здесь русские нередко говорили нам «у вас в России», но видимо, имеет значение тот факт, что только треть русских являются уроженцами Саха (Якутии), ещё примерно треть живёт там 20 лет, а остальные ещё меньше. Межэтнические отношения здесь сложнее, чем в Татарстане, поэтому у русских в идентификационной матрице чаще присутствует российская идентичность. В Татарстане же республиканская солидарность подпитывалась политикой региональной власти, избежавшей шоковой терапии, демонстрировавшей баланс этнических интересов, в то время как Центр не раз задевал чувства не только татар, но и русских, публично называя республику то «феодальной», то коммунистической, то исламской.

По данным опросов 2002 года, выраженность всех трёх видов идентичности выросла. Но соотношение их между собой не изменилось. Этническая идентичность более выражена, актуальна, интенсивна. Можно говорить о *чувстве этнической солидарности*. Это подтверждается и выбором респондентами ответа «Современному человеку необходимо ощущать себя частью своего народа». Его сделали более 60% городских татар,

около 80% якутов, примерно половина русских в республиках и Оренбургской области. Для чего это важно?

ЭТНИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРС

Известно, что сторонники инструменталистской концепции считают этничность ресурсом мобилизации для экономического и социального благополучия.¹⁰ Для нас было важным установить, насколько это представление отражает современное массовое общественное сознание.

Судя по результатам опросов 1999 г., более 69% русских и 40% татар в Татарстане были уверены, что у татар больше возможностей занять высокий пост в республике, более 50% русских и 26% татар полагали, что татарам легче получить хорошо оплачиваемую работу. Такие же представления были в отношении представителей титульной национальности отмечены и у русских и якутов в Саха (Якутии). А в Оренбургской области это касалось русских в представлениях и их самих, и татар, живущих в области (см. таблицы 2, 3, 4 — для сравнения). Не столь многим, но всё же где-то около одной пятой опрошенных в Татарстане и Саха (Якутии), казалось, что и «открыть своё дело» проще лицам титульной национальности. Эти оценки фокусированы на социальном поле конкурентных взаимодействий — власть, должность, бизнес.

Конечно, на такие оценки может влиять изменение статуса контактирующих этнических групп. Был поколеблен статус русских как «старшего брата», полагали, что титульные народы получили суверенитет и следствием этого были не только реальные ролевые изменения, но и приписывания. Но важно, что значимость этнической идентичности росла в глазах населения. Не раз доказанная «теорема Томаса», согласно которой соци-

---

¹⁰ David Laitin, *Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad*. Ithaca, NY; London: Cornell University Press, 1998.

Таблица 2.

**Распределение ответов городских жителей Татарстана
на вопрос: «У людей каких национальностей в Вашей республике
больше возможностей...»
(% от числа опрошенных)**

	Не знают, нет ответа	Не зави- сит от нацио- наль- ности	У татар	У русских	У других нацио- наль- ностей	Другой ответ
Ответы татар						
занять высокий пост в органах власти	20,1	31,9	43,4	8,5	1,7	1,1
получить хорошо опла- чиваемую работу	17,4	49,7	26,2	13,9	3,0	1,6
открыть свое дело	24,5	54,9	13,0	10,2	3,4	1,7
Ответы русских						
занять высокий пост в органах власти	15,1	14,3	66,3	3,7	1,8	0,7
получить хорошо опла- чиваемую работу	14,5	25,5	55,3	7,3	1,2	2,9
открыть свое дело	23,7	43,0	24,6	6,5	2,8	5,6

Таблица 3.

**Распределение ответов городских жителей Оренбургской области
на вопрос: «У людей каких национальностей в Вашей республике
больше возможностей...»
(% от числа опрошенных)**

	Не знают, нет ответа	Не зави- сит от нацио- наль- ности	У татар	У русских	У других нацио- наль- ностей	Другой ответ
Ответы русских						
занять высокий пост в органах власти	54,9	11,3	21,1	3,7	13,6	0,7
получить хорошо опла- чиваемую работу	55,5	17,2	14,1	6,7	12,1	0,3
открыть свое дело	60,5	24,9	8,5	..	34,2	..
Ответы татар						
занять высокий пост в органах власти	31,2	24,8	36,5	2,4	8,9	1,0
получить хорошо опла- чиваемую работу	29,6	37,5	24,7	2,8	9,1	1,0
открыть свое дело	34,3	42,2	11,8	4,3	4,3	6,5

Таблица 4.

**Представления о факторах дискриминации городского населения
Татарстана, Башкортостана, Саха (Якутии), Оренбургской области
(% к опрошенным)**

Несправедливое отношение ко мне было связано...	Татарстан		Башкортостан			Саха (Якутия)		Оренбургская обл.	
	Татары	Русские	Башкиры	Русские	Татары	Якуты	Русские	Русские	Татары
С тем, что я женщина (мужчина)	7,1	9,0	14,3	20,1	15,4	9,5	14,8	17,1	11,8
С моей национальностью	5,8	7,0	19,7	8,5	12,8	19,7	8,0	4,4	18,2
С моими политическими взглядами	3,8	5,5	9,8	4,9	6,7	7,1	6,7	5,4	6,1
С тем, что я не местный	3,1	1,7	9,8	3,2	6,2	8,1	6,6	2,4	9,7

Таблица 5.

**Распределение ответов городских жителей Саха (Якутии)
на вопрос: «У людей каких национальностей в Вашей республике
больше возможностей...»
(% от числа опрошенных)**

	Не знают, нет ответа	Не зависят от национальности	У якутов	У русских	У других национальностей	Другой ответ
Ответы якутов						
занять высокий пост в органах власти	16,5	12,6	54,9	22,6	2,0	0,6
получить хорошо оплачиваемую работу	17,8	24,9	23,6	30,3	10,4	..
открыть свое дело	23,3	30,2	18,4	30,3	6,3	..
Ответы русских						
занять высокий пост в органах власти	13,2	11,6	69,4	3,3	4,0	2,3
получить хорошо оплачиваемую работу	14,4	18,7	54,0	6,5	8,3	3,3
открыть свое дело	20,6	36,5	20,6	12,0	7,3	5,8

альная ситуация, воспринимаемая людьми как реальная, реальна по своим последствиям, — работала и на нашем поле. Данные объективных показателей — социальной мобильности (доля повысивших социальный статус), инновационные установки — готовность ради успеха сменить место работы, жительства, специальность, пойти на риск — у титульных национальностей были во всех изучаемых районах несколько выше, чем у русских. Таким образом, этничность действительно стала одним из ресурсов. Ресурсов «для кармана»? Да, но не только.

Уже не раз отмечалось, что в условиях, когда бывшие граждане СССР потеряли свою прежнюю государственную идентичность, веру в правильность своего исторического выбора и в реальность многих достижений, когда значительная часть населения меняла свой привычный социальный статус, этническая солидарность стала представляться им ценностью неизменной, давала некоторую психологическую поддержку. В поликультурной среде этническая идентичность приобретает особую чувствительность и к самооценке, и к оценке себя Другими на уровне повседневного общения и на уровне деклараций властных элит, в дискурсе СМИ, в текстах учебников, научной и художественной литературы. Все, кто изучает этничность, легко могут привести множество примеров подобных реакций. Достаточно вспомнить, как реагируют татары и русские на изменение содержания, которое вкладывается в понятия «татарское иго», «штурм» или «взятие» Казани и т.п.

Чувство достоинства — неизменный спутник, а иногда и главный работающий элемент в этнической идентичности. Практически у всех этнических групп, в ответах на вопрос, что важно для человека в ощущении равенства, это — второй по значимости фактор после возможности получить образование. Чувство достоинства важнее даже в сравнении с возможностями получить работу (независимо от национальности) и приобрести собственность. Причём данные по различным этническим группам близки по значениям и являются сходными в одинаковых социокультурных условиях.

Поэтому отношение к суверенитету республик связано не только с реальными экономическими и политическими интересами элит и с представлениями масс о «чуть лучшей жизни за счёт него», но и с чувством компенсируемого достоинства — этнонационального для титульных национальностей, но в известной мере и для регионального самочувствия всех, живущих в республиках. В этом региональном самочувствии осталось и ещё недавнее унижающее историческое воспоминание о поездках в Москву «за колбасой», да и теперешнее представление о несправедливости распределения благ между Центром и периферией. Итак, этническая, так же как и региональная, идентичность, нужна не только «для кармана».

СОЦИАЛЬНАЯ СРЕДА ЭТНИЗИРОВАННЫХ АКТОРОВ

Для политиков, так же как и для исследователей, отслеживающих направления и локализацию социальной напряжённости, имеет значение выявление тех групп, которые акцентируют этничность среди других видов идентичностей. Предполагается, что в случае её более высокой актуализации и интенсивности этнические интересы будут чаще управлять поведением людей. Отсюда стремление конструкторов деполитизации этничности акцентировать множественность идентичностей. Наш опыт изучения этничности и межэтнических отношений даёт основание для выводов, что для снятия интенсивности этнической идентичности важно отнюдь не одно, а несколько условий. Для того, чтобы точнее определить эти условия, мы, прежде всего, сделали попытку выяснить, насколько значимы те социальные группы, про которых можно сказать, что у них интенсивная, актуализированная этническая идентичность.

В целом этническая солидаризация типа «мы — татары», «мы — русские» распространена, как мы видим, широко и характерна более чем для 90% респондентов во всех этнических группах. Несмотря на это, доля тех, кто часто себя этнически

идентифицирует, кто «никогда не забывает что я — якут (татарин, осетин, русский человек)», больше среди сельских жителей, среди специалистов среднего звена и неквалифицированных работников, то есть среди тех, кого можно отнести к низшему слою среднего класса и к низшему классу. Это чаще всего немолодые люди. Так, среди саха в группе до 40 лет доля тех, кто себя часто этнически идентифицирует, составляет 34%, а среди более старших возрастов — 50%, у татар соответственно — 52 и 58%. Среди специалистов высшей квалификации у татар, якутов, русских, так себя идентифицирует от 39 до 44%, а среди специалистов средней и низшей квалификации, работников физического труда их доля составляет от 52 до 70%. Те же тенденции отмечены нами и в Оренбуржье.

Так что, акцентированная этническая идентичность — все же рудимент, но рудимент живой и довольно широко распространенный, или же результат каких-то ситуаций, обостряющих этнические чувства. Конструирование новых идентичностей или актуализация множественной идентичности (идея В.А.Тишкова)¹¹ в той среде, которую мы выделили, будет слишком сложным делом, ведь среда общения этих людей и интересы не слишком многообразны. Этническая акцентированность их идентичности — чаще всего следствие обиды на социальные беды и результат поиска врага — «козла отпущения». Это та массовая этническая идентичность, которая стимулируется негативизмом. То же самое, как мы рассмотрим далее, относится к российской идентичности.

В самом неблагоприятном варианте такая актуализированная интенсивная этническая идентичность (мы ее называем гиперидентичностью), выражается в готовности к любым средствам действия во имя своей национальности. В нашем опросном листе респондентам предлагалось согласиться или не согласиться с рядом высказываний, в том числе с теми, кто счита-

---

¹¹ Валерий Тишков, Политическая антропология. Российские исследования в гуманитарных науках. Москва, 2000, Т. 14, с. 64-65, 67.

ет, что «любые средства хороши для защиты интересов своего народа». По данным на 1997 году так считало практически не менее четверти опрошенных (25% татар, 29% осетин, 34% саха, 23-29% русских в республиках). В 1999 году агрессивная гиперидентичность не уменьшилась. Чаще всего она тоже была характерна для менее благополучного, обездоленного населения.

Лечить социальные беды — одно из направлений снятия не только социальной, но и этнической напряженности и гипертрофии этничности. Но это средство тоже годится не для всех. Ведь и в более благополучной, образованной среде, в группах мобильного населения, адаптировавшегося к новой жизни, от 30 до 40% респондентов демонстрируют актуализированную этническую идентичность. Но чаще всего это связано с конкуренцией людей разной этнической принадлежности в социальной сфере или ситуативными ущемлениями достоинства людей, не всегда реальными, а нередко презентуемыми элитой. Именно в такой среде категоризируется этническая идентичность.

ЧТО «РОДНИТ» СО СВОИМ НАРОДОМ: ДОМИНИРУЮЩИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Категоризация идентичности осуществляется и на уровне повседневного восприятия у индивидов, и на идеологическом уровне.

Обыденное повседневное восприятие этнической идентичности изучалось традиционно через анализ ответов респондентов на вопрос «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?». После предварительного пилотажа нами было внесено в опросный лист несколько наиболее значимых описаний: «язык», «культура/обычай», «природа», «черты характера, психология», «религия», «историческое прошлое», «общая государственность», «внешний облик». У русских первые четыре места из 8 вариантов описаний занимали язык, культура, природа, историческое прошлое. Первые три символа являются этнообъеди-

няющими и у титульных народов республик. На четвертое место у якутов в 1994 году были поставлены черты характера, в 1999 году с культурой конкурировал признак — «родная земля, природа», у тувинцев (1994 год) — внешность, у татар — родная земля, природа. Общность исторической судьбы большую значимость имела в Северной Осетии-Алании, для осетин и русских (39% против примерно 30% в других республиках). Сказывалось приграничное расположение республики в условиях попытки сецессии в соседней Чечне и борьбы за объединение с южными осетинами. В Татарстане число определяющих себя по религиозности выше, чем в других республиках (30% у татар, 28% у русских в республике, при 7% у якутов и 10% у русских в Саха (Якутии)). Таким образом, в этнокатегоризации достаточно отчетливо отражается реальность.

Мы не случайно методологически развели представления (по Московичи) и идеологию. На примере этнокатегоризации видно, что далеко не все задаваемые в идеологии постулаты осваиваются людьми. Вспомним, как много в литературе говорится о государственности русских, а по принадлежности к государству идентифицируют себя не более 20-25%, причем чуть больше показатели как раз в самой дальней от Москвы республике Саха (Якутии). На идеологическом уровне в декларировании ценностей этнической идентичности истории государственности всегда придается большое значение. Татарские идеологи, обращаясь к истории золотоордынского периода, «увеличивают вес» исторических обоснований значимости своего народа. В «Сумерках империи» Рафаэль Хакимов обосновывает совместимость прав человека и прав этнической группы: «этничность это часть моих прав как личности».¹²

Самое распространенное обоснование этнической идентичности, конечно же, дается через значимость языка для культуры народа, отсюда шли требования придания татарскому язы-

---

¹² Рафаэль Хакимов, *Сумерки Империи*. Казань: Татарское книжное издательство, 1993, с.33.

ку статуса государственного языка, без которого невозможно развивать высокую (по Э.Геллнеру) культуру.¹³ В дискурсе о татарской идентичности много внимания уделялось воспоминаниям о распространении образования у татар через медресе, ценности образования в представлении народа. В последние годы в связи с обоснованием введения латинской графики задавалась идея значимости образования на латинице для более интенсивного вхождения в мировое информационное поле.

В идеологическом обосновании этничности саха также заметное место уделялось историческому прошлому (жизнь до прихода русских, попытки складывания государственности, поиски археологических памятников, обосновывающих автохтонность саха). Также как у других народов выражалась обеспокоенность потерей языка (отсюда борьба за принятие закона о государственном языке), культуры.¹⁴ Особенностью дискурса вокруг якутской идентичности была концентрация тревог за потерю своей особой природы, ресурсов и декларирование «природной толерантности», связанной с суровой природой. О толерантности якутские идеологи заговорили раньше идеологической кампании в связи с объявлением ООН 1995 года — годом толерантности.

В идеологическом дискурсе в Северной Осетии, помимо общих для всех других народов идей защиты языка и культуры, как уже говорилось, особое значение придавалось истории народа в связи с необходимостью обоснования территориальных границ и требованиями воссоединения северных и южных осетии.

Идеологическое поле для русской идентичности в республиках складывалось под влиянием как идеологов, формулируемых за пределами этих республик, так и ассоциированных с тем, что говорилось, писалось идеологами титульных национальностей. Не случайно анализ категоризаций обыденного сознания русских показывает высокое созвучие в выборе ими ха-

---

¹³ Дамир Исхаков, Модель Татарстана: «за» и «против», Казань, Панорама — Форум, 1995, N1, с.55-58.

¹⁴ Исхаков, Ук. соч., с. 53.

рактистик своей идентичности с теми народами, в среде которых они живут. Идеологический накал в обосновании русской идентичности в республиках, конечно, меньше. Русские чаще живут идеями, транслируемыми из Москвы, а в самих республиках — той информацией, которая поступает из местных газет, выступающих оппозиционно по отношению и к центральной, и к местной власти.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ И ИДЕОЛОГЕМЫ ЭЛИТЫ

Региональная идентичность у всех национальностей, дающих название республикам, более выражена, чем общероссийская (так же, как, впрочем, и у русских в Оренбуржье), но менее значима, чем этническая. Для более 80% татар «образ мы» ассоциируется с «людьми моей национальности», с жителями республики — у 67%, с гражданами России — у 53%. Обратим внимание на русских в республиках, для которых тоже характерна достаточно высокая ассоциированность с республикой своего проживания. В Татарстане 70% русских чувствуют себя в основном татарстанцами (27,9%) или идентифицируют себя в равной мере и с республикой, и с Россией. В Саха (Якутии) такая идентификация характерна для более чем 40% русских.

Республиканская идентичность связана не только с естественной привязанностью большинства людей к месту, где они живут, работают, находятся в повседневном общении с природой, привычными людьми, но так же, как и этническая идентичность — с политическими и экономическими интересами. Нам представляется важным разделить и республиканскую идентичность на то, что важно «для души» и «для кармана».

В интервью с представителями элит нередко встречались совершенно понятные обоснования привязанности к республике. Приведу некоторые высказывания из интервью с молодым бизнесменом — алмазником из Якутска: «Иногда утром просыпа-

юсь и вспоминаю красоту нашей природы, рыбалку, людей из села, которые учили меня охотиться, хвалили за учебу. Такой ягоды, как у нас, не найдешь в других местах, а река, солнце какое! Я учился в Ленинграде, а наши места всегда вспоминаю. Теперь я редко выбираюсь за город, но я знаю, что все это рядом и тут я свой, чтобы со мной не случилось». Русский преподаватель вуза рассказывал, что его не раз приглашали переехать в Москву (он хороший организатор — Л.Д.) и он объяснял, почему он этого не делает: «Знаете, здесь все мое и все меня знают. Идешь по улице, многие здороваются. А потом здесь такая рыбалка, охота — Я без этого уже не могу! Такое чувство, что это моя земля». В записях интервью встречаются высказывания, которые скорее всего можно описать как гордость за данную республику — «ведь мы богатая республика», «всю страну «кормим», «Какие у нас люди — ученые с мировым именем (называют Сагдеева, Халикова и др.), «у нас образованных людей много». Такие представления отмечены и в Татарстане, и в Саха (Якутии). В Северной Осетии-Алании в интервью доминировал «образ республики — защитницы интересов России, красивой природной зоны.

Образ республики, естественно, и на обыденном уровне формируется в сопоставлении с Другими. Другим чаще всего выступает «Центр», «Москва», которая часто принимает неверные решения (разрушили Союз, забирают деньги, ресурсы и т.п.), «заставляли нас делать...» (строить экологически вредные предприятия, не платя работникам оборонных предприятий — «мы вынуждены платить из местного бюджета», «не дают денег для переезда в другие города России рабочим с закрывающихся приисков» и т.п.). В республиках сравнение идет также с другими регионами. В Татарстане, Саха (Якутии) сравнивают себя с дотационными республиками, которым «приходится отдавать заработанное нами» (мы работаем больше, лучше). В Северной Осетии-Алании представления фокусируются на лучших с точки зрения безопасности условиях в других регионах, на враждебности окружения со стороны Ингушетии, Чечни. В Оренбургской области, конечно же, сравнивают себя с Баш-

кортостаном и Татарстаном, которые «имели больше прав», поэтому живут лучше.

Региональная идентичность на массовом уровне поддерживалась большим доверием к местным властям. Когда уровень доверия к Б.Ельцину падал до очень низкого уровня (от 2% до 10%), рейтинг М.Шаймиева, М.Николаева всегда был выше — 50-60%. Больше доверяли республиканской власти в 1994 году не менее 40% осетин, саха, татар и одна пятая часть русских в Татарстане, Саха (Якутии), 11% — в Северной Осетии. В то же время больше доверяли общероссийской власти всего 2-4% русских в республиках (никакой власти не доверяли тогда 20-30% представителей титульных национальностей и более 30% среди русских). К 2000 году в защите своих интересов на власти республики рассчитывало 20% русских и татар в Татарстане, 40% саха и 12% русских в Саха (Якутии). На российское правительство рассчитывали не более 7-12% респондентов в республиках, а в Оренбургской области — 5%. К 2002 году уровень доверия к центральной власти вырос, особенно к президенту России (его рейтинг доходил до 60-70%), но правительству больше доверяли все же местному, чем общероссийскому.

В исследованных нами республиках уровень региональной идентичности оказался выше, чем в областях (кроме Оренбуржья, мы работали в Магаданской области). Это связано не только с более широкими правами, которые они имели по Договорам с Центром и в соответствии с принятыми ими Конституциями и Конституцией Российской Федерации (допускающей подписание таких Договоров и признающей их статус). Имеет значение и исторический шлейф воспоминаний — от причин образования республик (национальные волеизъявления) до их больше символического, но все же отличного в сравнении с областями, положения в Советском Союзе, а в разных республиках важны и уровень образования населения, уровень урбанизации. На наш взгляд, трудно говорить об этих ресурсах применительно ко всем республикам в сравнении с областями. Республики, как и области, разные, но символический ресурс у республик до пос-

ледного времени был выше. Современные условия характеризуются значительной конкуренцией между субъектами Российской Федерации в этом отношении. Значимость символического ресурса стала уступать другому виду ресурсов — бизнес-ресурсам (природные богатства, потенциал региональных элит, интересы олигархов, поддержка федерального Центра и др.).

Идеологический уровень региональной идентичности разрабатывался элитой (политической и научной) в республиках в 1990-е и в начале 2000 годов более масштабно, чем в областях. Перечислим основные идеологемы региональных стратегий. В Татарстане наиболее разносторонне декларирована была «модель Татарстана». Она включала, как известно, не только мирный способ решения этнополитических конфликтов (путь переговоров, который широко пропагандировался, начиная с конференций в Гааге и поездки М.Шаймиева в США), но и поддержание межэтнического мира в самой республике, разработку новой ориентации в экономической политике (уйти от односторонней зависимости «нефтяной жилы»), стремление сделать республику «известной в мировом сообществе». В дискурсе татарстанских лидеров все время присутствовали образы: «Мы — татарстанцы», «многонациональный народ Татарстана». По инициативе советника Шаймиева Рафаэля Хакимова пропагандируется связь республиканской идентичности с демократическим транзитом: «Националы» выступают за демократизацию в той мере, в какой она предоставляет народам свободу».¹⁵

Центральной идеей, конечно, была идея суверенитета республики. Этот лозунг был нужен, как декларировали элиты, для того, чтобы «вхождение в федерацию» было действительно добровольным, чтобы федерация строилась снизу, чтобы была возможность самим распоряжаться ресурсами.¹⁶ Надо сказать, что эти идеи

---

¹⁵ Хакимов, Ук. соч., с. 37.

¹⁶ Фарит Мухаметшин, Республика Татарстан. Особенности социально-политического развития на рубеже веков. Казань: ГУУПИК «Идеал-Пресс», 2000, с. 76-80 и др.

разделялись в 1990-х годах довольно широким кругом населения республики. Отвечая на вопрос «Какое развитие республики Вам представляется наилучшим?», более 50% горожан и сельских татар, 47% русских в городах и 62% в селах называли суверенитет в составе России (Тогда слово «суверенитет» знали даже в селах, ибо об этом много говорили по радио, в прессе). Ставился и более простой и понятный вопрос о том, кто должен распоряжаться «землей, природными ресурсами» (ведь не все понимали, хотя и слышали это слово «суверенитет»). Татары и русские в ответах на него тоже были достаточно солидарны: более 40% русских и татар считали, что право распоряжения должна иметь только республика и еще около 20% татар и более 30% русских были за совместное с Российской Федерацией распоряжение ресурсами. В интервью элит, в прессе звучала идея особого образовательного потенциала республики («давно были образованным народом»), который позволяет брать на себя больше ответственности, реализовывать масштабные проекты. Особое место уделялось более модернизированной религии, необходимой для реализации трансформационных планов. Джадидизм — «открытая религия», «она поощряет к делу и даже накопительству, только надо отдать и мечети для поддержания малоимущих».

В Саха (Якутии) региональная идентичность формировалась прежде всего за счет трех основных стратегических ориентаций: 1. Экономическая самостоятельность должна быть закреплена законодательно (в том числе отношения собственности, форм хозяйствования, финансовой, налоговой, ценовой, инвестиционной политики). 2. Из поставщика сырья мы должны превратиться в поставщика готовой продукции на базе новых технологий. 3. Закрепить приоритетность аборигенных форм природопользования. «Мы выдвинули экономическую самостоятельность республики на первый план».¹⁷ Элита часто пользо-

---

¹⁷ Суверенная республика Саха (Якутия) (1991-1996): Проблемы коренных преобразований Якутии. Якутск: Институт гуманитарных исследований АН Республики Саха (Якутия), 1999, с. 8-44.

валась солидаризирующим понятием «мы — якутяне». Эта идеология помогала в электоральной борьбе и президенту М.Николаеву, и другим этническим идеологам на выборах середины 1990-х годов. Надо сказать, что и стратегия политики в области образования тоже в основном подчинялась тем же целям. Право республики на распоряжение ресурсами поддерживали более 60% саха и более 40% русских, идеи совместного использования их республикой и Российской Федерацией в целом 20% саха и 50% русских.

В Северной Осетии-Алании идеологическая база региональной солидарности была более бедной и узкой. Длительное время она сводилась к обоснованию территориальных притязаний. Идеи суверенитета здесь стимулировались тогда, когда надо было добиться от Москвы поддержки этих притязаний. Но вот сама идея суверенитета внутри России здесь находила в начале 1990-х годов даже большую поддержку, чем в других республиках. Судя по материалам интервью, это было следствием не внешней границы и жесткой дистанцированности от Центра, а скорее возложения ответственности на Москву за распад Союза, сожаления о прошлом времени при коммунистах, когда «все жили дружно» (этот регион является «красным»), приписывания ответственности «демократам в Москве» за трудное экономическое положение и боязни дальнейших реформ. В конце 1990-х годов уровень «суверенных притязаний» здесь падал, но недовольство центральным правительством оставалось, что отражалось в электоральном поведении на общероссийских выборах.

Итак, республиканская идентичность имеет внутренние и внешние обоснования. В чем-то она является сходной с этнической идентичностью — с точки зрения близости и реальности ее восприятия, традиционности ее воображения, большей легкости ее конструирования. Но она далеко не всегда и не во всем противостоит формируемой российской идентичности.

ОБРАЗЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ГЛАЗАХ ЭЛИТЫ И В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

В том, что российская государственная идентичность должна утверждаться, согласны специалисты разных научных школ и направлений. Они расходятся в стратегии и способах её формирования. Это предмет специального историографического анализа.¹⁸ Здесь же мы анализируем собранные в 1999 году данные глубинных интервью с элитами о российской идентичности, в сопоставлении с данными массовых опросов. Это поможет представить, находится ли российская идентичность в конфронтации с представлениями об этнической идентичности.

Судя по материалам опросов, накануне XXI века на личностном уровне россиянами себя определял не такой уж узкий круг людей — более половины татар и 60% русских в Татарстане, более 60% саха и 70% русских в Саха (Якутии), более 60% оренбуржцев (ниже рассмотрим подробнее, кто и как часто идентифицирует себя как россияне). В условиях, когда бывшие советские граждане потеряли свою прежнюю страну, затрудняются в описании её реальных географических очертаний (за счёт событий на Северном Кавказе), когда название страны традиционно (и в дореволюционные, и в советские времена) не совпадало с названием этнического большинства (этим русские отличаются от грузин, эстонцев или латышей), когда были поколеблены прежние ценности, а новые только формируются и ещё неизвестно, на каком пространстве они должны утвердиться, эти данные выглядят не так трагично. Ведь нашей стране ещё только чуть больше 10 лет.

---

¹⁸ Частично этот анализ осуществлён мной в работах: Леокадия Дробизева и др., *Демократизация и образы национализма...*; Leokadia Drobizheva, *Russian Ethnonationalism*, in Leokadia Drobizheva, Rose Gottemoeller, Catherine McArdle Kelleher, and Lee Walker, eds., *Ethnic Conflict in the Post-Soviet World: Case Studies and Analysis*. Armonk, NY; London: M.E. Sharpe, 1996, p.129-147.

И все же у большинства населения в стране российская идентичность уже есть. В качестве россиян чаще себя идентифицируют люди молодого и среднего возраста.¹⁹ Это понятно: люди старшего поколения еще нередко чувствуют себя гражданами СССР. С тем периодом у них связана молодость, многие тоскуют по прежней стабильности, привычной в прошлом жизни. Иное — молодежь, сформировавшаяся в 1980-1990-е годы, для которой СССР — уже история и воспоминания родителей. Среди имеющих российскую идентичность (по сравнению с теми, кто ее не имеет или теми, кто выбирает местную) чуть больше тех, кто удовлетворен работой, у кого положение на работе за последнее время улучшилось, кто выбирает позицию «жить трудно, но можно терпеть» и «все не так плохо, и жить можно». Среди них, естественно, оказывается больше тех, кто «часто», а не «иногда» идентифицирует себя «со всеми гражданами России», но не больше тех, кому нравятся русские националисты и кто «чувствует себя близко» с ними (3-8% опрошенных по всем массивам).²⁰

Однако, отмечается и проблемная ситуация: часть русских в регионах (15-30%) и представителей титульных национальностей в республиках (более 50% башкир, около 60% татар и еще большая доля саха) чувствовали себя в основном башкортостанцами, татарстанцами, якутянами. Среди них могли быть и люди, которые вообще чаще живут локальными интересами и представлениями, и те, кто разочаровался в Центре, и те, у кого просто пока не сформировалась новая российская идентичность (т.е. это не обязательно люди, противопоставляющие себя россиянам, нелояльные граждане).

Среди представителей титульных национальностей, дающих название республикам, чаще фиксируется сдвоенная идентичность. Так, например, среди татар, *большие* чувствующих себя

---

¹⁹ 92% русских в Саха (Якутии) и 70% в Оренбуржье в возрасте до 25 лет идентифицировали себя больше как россияне, а в возрасте старше 50 лет, соответственно, 72 и 62%.

²⁰ Данные 1999 года подтверждены опросами 2002 года.

татарстанцами, почти 50% ощущают себя также и россиянами, а четверть вообще чувствует себя *в равной мере* и татарстанцами, и россиянами. К тому же люди, которые имели слабую государственную идентичность или не имели ее совсем, не обязательно — сепаратисты или враждебно настроены к государству. Их этническая или республиканская идентичности могут быть ближе им по культурным, этическим параметрам и, что, видимо, особенно важно — по их непосредственным интересам.

Образ россиян, в какой-то мере фиксируемый в ходе массовых опросов, основывается на агрегированных показателях взглядов на страну, на то, какой ее хотят видеть граждане. Эти показатели не вскрывают всей сложности и внутренней разнообразности содержания, которое несет в себе этот образ. Поэтому мы попытаемся совместить их с материалами глубинных интервью с теми людьми, которые и конструируют этот образ или транслируют его в массы — с представителями элит. В их описаниях образа России, с которым они себя идентифицируют, присутствует несколько составляющих.

Прежде всего, цивилизационное определение России — страна европейская или страна между Востоком и Западом («мы все же страна западной цивилизации», «мы — евразийцы»). Несколько раз было употреблено определение «российская цивилизация». Наполнение этих определений идет обычно за счет набора присутствующих людям нашей страны экономических, социально-культурных ценностей в сопоставлении с Западом или Востоком: передовая; отстающая; модернизирующаяся; европейская; богатая ресурсами, людьми; «блоху подкуем»; «освоили космос»; «если не потеряли бы от войн, революции, были бы передовой страной»; «нам есть чем гордиться»; «имеем культурное наследие, признаваемое всем миром»; а в качестве противопоставления Западу идет: «мы — больше азиаты», «не бережем ресурсы», «достигаем штурмом», «не хватает культуры», «нужна палка, дисциплина».

Набор описаний часто связан с историческими именами от Петра I, Столыпина до Ленина, Сталина, Хрущева, Брежнева и Горбачева с Ельциным. С цивилизационными определениями

сочетаются и раздумья о том, в каком направлении должно идти развитие. Среди интервью не было ни одного, в котором бы звучала идея вернуться в советское прошлое, хотя среди респондентов были и коммунисты, и представители оппозиционных партий. Никто не назвал желаемой перспективой капитализм. Это примечательно: никто не оперировал этим понятием, но почти все использовали определения «Запад», «американцы», «как Америка», «как в Европе». Чаще всего Россия, которую хотели бы видеть, — это страна с преимуществами Запада («благополучно живущее большинство населения», «рациональное использование ресурсов», «порядок в организации труда»), но отличная от него («у нас свои ценности», «общество должно быть более справедливым», «не должно быть бедных», «не допускать свободы порнографии», «сохранить культуру» — в это вкладывается обычно протест против примитивизма массовой культуры, считающейся западной). В целом, из этих описаний формируется доминирующий образ россиян как людей, живущих в стране постоянно догоняющего развития. Но, поскольку это задевает самолюбие думающих людей, то конструируется образ — мы отличная (не загадочная, а какая-то особая), другая страна. При этом никто не дал названия того общества, которое сложится в обновленной России.

Одна из ведущих черт образа — внешнеполитическая составляющая: отношения с западными странами, с НАТО, проблематика стратегии, которой надо придерживаться («дружба» или «изоляция», «наступать» или «встраиваться», «защищать границы», не распродавать богатства). Запад выглядит привлекательным и угрожающим одновременно. Доминирует в определении желаемого образа все же Россия с политикой прагматизма. Большая или меньшая настороженность к Западу и к Востоку сочетается с надеждой на развитие сотрудничества во имя экономического благополучия и сохранения мира («избежать риска», «не допустить конфликтов» и т.п.).

Внутренняя составляющая образа соединяет представления о большой, богатой ресурсами стране, с культурным наследием,

которым гордятся, с представлениями о попоранном достоинстве, потерях и ущербах от революции, войн, неразумной перестройки (комплекс неполноценности). В этих внутренних описаниях значительное место занимает «образ врага» («давит Запад», «приехало много мигрантов», «не перевариваем нахлынувших из Китая, Вьетнама, с Кавказа» и т.п.). Негативная эмоциональная подпитка образа звучала в большинстве интервью. Именно она стимулирует оборонные, а иногда и агрессивные ориентации.

Напомню, что наши элитные респонденты были определены на основе ответов в массовых опросах, проведенных по репрезентативной выборке, когда был поставлен вопрос: «Кто, с Вашей точки зрения, лучше других выражает сейчас интересы людей Вашей национальности?». Следовательно, можно полагать, что они в значительной мере отражают то мнение, с которым солидаризируется большинство наших граждан. Конечно, в каждом конкретном регионе, в зависимости от особенностей обстановки, могут быть отклонения от этих мнений. Но в целом субъекты Российской Федерации, в которых мы работали, репрезентируют общую ситуацию в стране и ее разнообразие (исключая Северный Кавказ, хотя в Северной Осетии-Алании сравнительные исследования проводились в 1994 и 1997 годах).

Выводы, полученные на основе элитных интервью, коррелируют с данными массовых опросов и дополняют их. В разных регионах и этнических группах сохраняется общегосударственная патриотическая ориентация. И в 1999 и в 2002 годах свыше 60-70% русских, татар, якутов, башкир считали, что «даже для спасения экономики России нельзя распродавать ее природные богатства». Однако государственный патриотизм в основном был взвешенным, умеренным. Об укреплении военной мощи россияне слышали часто по радио, телевидению, но с мнением о том, что «для сохранения военной мощи Российской Федерации можно идти на снижение жизненного уровня», соглашалось менее 10% в республиках и Оренбургской области.

Российская идентичность не стала доминирующе этноцентричной. В 2002 году около 60% русских в республиках было со-

гласно с мнением: «Российское правительство должно делать больше для обеспечения прав национальных меньшинств». И это в условиях, когда антикавказские настроения отнюдь не снижались. С мнением, что «Россия должна быть для русских», в республиках солидаризировалось не более 20% русских. Правда, в целом по России, по данным ВЦИОМ, осенью 2001 г. лозунг «Россия для русских» полностью или с оговорками поддерживало 58%.²¹ Эти данные говорят о том, что ультрапатриотизм чаще свойствен политикам популистского толка, чем населению. Но, конечно, доминирующие этноцентристские установки в государственной политике и у 20% русских в республиках и еще больше в целом в стране — почва достаточная, чтобы развертывать идеи этнического доминирования. Подобные взгляды также распространены и среди представителей титульных национальностей в республиках, что создает опасность межнациональной конфронтации.

В таких ситуациях важно, какие идеи являются не разъединяющими, а объединяющими для различных этнических групп. Одну из них мы уже назвали: это защитная идея — сохранение в стране природных ресурсов. Другая — осторожные отношения с Западом. Большинство и русских, и титульных национальностей едины в отношении к Западу, согласны с тем, что «Запад нам оказывает экономическую помощь, чтобы поставить нашу страну в зависимость». В то же время это не изоляционизм. Более трети респондентов расширение отношений с Западом оценивали положительно, а 40–50% — видели в этом и положительное и отрицательное. После 2000 года это соотношение существенно не менялось.

Таким образом, массовое общественное мнение в целом ближе к центристскому типу российской идентичности. Устойчиво сохраняется психологическое чувство ущерба, потерь. Практи-

---

²¹ Юрий Левада, В какие игры играют толпы, Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены, 2002, N4, с.60.

чески половина и русских, и люди других национальностей полагают, что теряют самобытность культуры. Хотя считается, что ощущения потери, ущерба сплачивают общность, но сплочение на такой основе непродуктивно, и к тому же каждый народ в потере культурной самобытности винит «других». Этими другими выступают для всех «Запад» или «советская власть». Но для нерусских вина нередко возлагается на доминирующий этнос, на русский народ. Позитивные, объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать. Их давно ищут политики, идеологи, и нельзя сказать, что успешно. Не исключено, что это будут обычные повседневные ценности — достатка, стабильности, безопасности, справедливости. Именно такая ситуация заставляет, на наш взгляд, ставить вопрос — «стоит ли противопоставлять этническую, региональную и общероссийскую идентичность»?

ПРОТИВОСТОЯТ ИЛИ ВЗАИМОДОПОЛНЯЮТ ДРУГ ДРУГА ЭТНИЧЕСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ?

Как мы видели, когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то не совпадает, а в чем-то совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на национальности родителей, представлениях о единстве в языке, культуре, историческом прошлом, территории. Российская идентичность — на месте страны в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Содержание той и другой идентичности не противопоставляет их, не взаимоисключает, а способно дополнять друг друга. Это дает нам основание говорить о совместимости этих идентичностей, о важности акцентировать такое представление.

Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичностей, государство должно выстроить си-

стему отношений, основанную на взаимопонимании и доверии. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности этого большинства. Но такая тенденция приводит к тому, что общероссийская идентичность обязана стать привлекательной и для других народов России, соответствовать также и их интересам.

Этнонациональная и российская идентичности совместимы и пересекаются в том случае, если и та и другая выражены в пределах нормы. Нормальной этнической идентичностью мы считаем ту, при которой образ своего народа воспринимается как положительный, отношение к его культуре, истории благоприятное (что не отрицает критики каких-то их сторон), имеет место естественный патриотизм (не переходящий в фаворитизм), который предполагает толерантные установки на общение с другими народами, людьми других национальностей, понимание их вклада в историю.²²

При нормальной этнической идентичности люди могут испытывать разную потребность в ассоциированности с этнической группой и иметь разный уровень консолидированности с ней. Это зависит как от типа личности (у каждого из нас разная потребность в сопричастности, аффилиации с группой, различные чувства эмпатии, сопереживания), так и от ситуации (есть ли какая-то заинтересованность в этнической солидарности, страхи, потребность уйти от унификации и др.). Но именно то, что они открыты для общения с другими этническими группами, толерантны к ним, не создает препятствий для общероссийской солидаризации. Уважение к своему народу, его культуре создает возможность для понимания подобных чувств у «других». В свою очередь, признание прав и интересов «других» и

---

²² Выделение типов идентичности дано нами в книге: Национальное самосознание, национализм и регулирование конфликтов. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995.

есть основа мультикультурного общества в стране. Не этнический нигилизм и этнокультурная гомогенность, а интеграция на основе взаимодополняющих и совмещающихся ценностей, представляющих общие интересы. При такой модели общества каждый народ, этническая группа становятся заинтересованными в консолидированном государстве. Его преуспевание, стабильность, признание в мировом сообществе представляют общезначимые интересы, а общечеловеческие ценности — семья, дети, благополучие, справедливость и свободы — разделяются большинством. Именно такую ситуацию и фиксируют социологические исследования — у значительной части населения этническая и российская идентичности совмещаются.

Призывы искать «национальную идею» для России пока никакого успеха не принесли. Для России в начале XXI века является органичным то, что декларировал В.В. Путин накануне президентских выборов: никакой «государственной официальной идеологии» восстанавливать в России не нужно, «не должно быть принудительного гражданского согласия. Любое общественное согласие... может быть только добровольным».²³ Но стратегия развития для страны, для консолидации российских граждан целесообразна. Если лидер страны подтверждает, что достойное будущее будет достигаться за счет универсальных принципов рыночной экономики и демократии, соединенных с реальностями России, это — определенный ориентир для новой российской идентичности. Но совмещение и пересечение этнической идентичности с общероссийской будет успешным тогда, когда последняя не претендует на доминирование и подчинение себе. Подпитывать российскую идентичность этническая идентичность русских, так же как и всех других народов страны, может лишь в том случае, если она не принимает гипертрофированные формы.

---

²³ Владимир Путин, Россия на рубеже тысячелетия, Российская газета, 1999, 31 декабря, с.4.

Этноцентричная идентичность труднее совмещается с общегосударственной идентичностью, если она акцентирует безусловное некритическое предпочтение этничности ее²⁴, а не является точкой отсчета для восприятия другой культуры. Среди респондентов, которые выбрали позицию «Я никогда не забываю о том, что я русский (татарин, башкир...)», практически вдвое меньше тех, кто чувствует себя россиянами или имеют сдвоенную российскую и региональную идентичность. Тем более несовместим с российской идентичностью доминирующий этнический тип идентичности. В этом варианте этничность становится для людей, группы первостепенной, главенствующей ценностью («Мы все только клетки одного великого организма»²⁵, «Кто не с нами — тот против нас»), права народа признаются выше прав личности, представление о превосходстве своего народа сопровождается дискриминационными установками в отношении других этнических групп. В бытовом восприятии россиян именно такая идентичность ассоциируется обычно с национализмом. Несовместим с гражданской, государственной идентичностью и этнический фанатизм — крайняя форма гиперидентичности, когда люди готовы идти на любые жертвы и действия, вплоть до терроризма. Однако точно так же, как этническая гиперидентичность несовместима с общероссийской, так и общегосударственная гиперидентичность и государственная идеология способны пугать и отталкивать граждан собственной страны и стать непривлекательными для народов, ее населяющих.

Российская идентичность — уже реальность. Несмотря на сохраняющийся высокий уровень и интенсивность этнической идентичности, новая российская идентичность со временем (пока

---

²⁴ В когнитивной сфере при таком типе идентичности разделяются лозунги: «Все для нации, ничего против нации», заявления: «Все средства хороши для защиты интересов моего народа», в эмоциональной сфере — страх, беспокойство, напряженность.

²⁵ Речь. Газета русской партии, 1993, N1, с.4.

идет привыкание к названию, символам, масштабам, территории) и по мере укрепления доверия к стратегии президента, к действиям центральных властей будет усиливаться, и уже имеет место психологическая закономерность — привыкание. Российская идентичность, так же как и этническая, — это процесс и поле социальных, этнокультурных, цивилизационных сетевых взаимодействий. От социальных ресурсов субъектов, действующих в этом поле, будет зависеть направление развития — совмещение, замещение или расхождение этих идентичностей.

В последние годы мы являемся свидетелями укрепления государства, федерального Центра, что дает основание прогнозировать тенденцию усиления и общероссийской государственной идентичности. Однако это еще — не гражданская идентичность. Когда интересы и права граждан, независимо от национальности, защищены государством, а институты гражданского общества ведут диалог с государством от имени конкретных групп, сообществ, тогда только можно надеяться на гибкую и прочную общероссийскую консолидацию, соответствующую реалиям современного общества.

ВЫБОРКА ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹

Программа этносоциологического исследования «СН» предусматривала в качестве объекта изучения взрослое население (старше 18 лет) четырех субъектов Российской Федерации — трех национальных республик — Саха (Якутии), Татарстана, Башкортостана — и Оренбургской области. Таким образом, использовалась такая модель территориальной выборки, объектом которой является население (или какая-либо его часть), проживающее на обследуемой территории и единицей отбора на всех ступенях многоступенчатой выборки, кроме, может быть, последнего, служат территориальные образования.

Исходя из специфики структуры государственной статистики, теоретических положений теории выборки и большого опыта проведения крупномасштабных социологических исследований, мы сделали вывод, что для большинства массовых социологических, социально-экономических, этносоциологических исследований на уровне субъекта Федерации оптимальной по многим параметрам является территориальная, стратифицированная, вероятностная модель выборки — трехступенчатая для городского населения и двухступенчатая для сельского населения. На первой ступени в качестве первичных единиц отбора (ПЕО) в обоих случаях выступают населенные пункты, на второй ступени вторичными единицами отбора (ВЕО) в городских населенных пунктах являются какие-либо опросные (счетные, избирательные, почтовые, ЖЭКи) участки, а в сельских населенных пунктах в качестве ВЕО обычно выступают домохозяйства. Как очевидно из вышесказанного, на первой ступени сразу же, еще до начала отбора ПЕО, осуществлена стратификация населения по призна-

---

¹ Автор текста — М.С. Косолапов, выборка по Башкортостану была рассчитана Е.В. Козеренко.

ку городское — сельское. Это позволяет нам распределить выборку пропорционально доле городского и сельского населения в обследуемом субъекте Федерации. К этой стратификации обычно добавляются еще один, два стратифицирующих признака. Мы во всех субъектах Федерации стратифицировали еще городские поселения по численности.

Однако, даже при наличии такой общей модели территориальной выборки для субъекта Федерации, выборка для каждого конкретного субъекта, в котором проходило обследование, разрабатывалась специально (выборка вообще является в некотором смысле «штучным товаром»). При этом учитывались различные факторы, такие, как специфика в постановке задачи, предварительные сведения об изучаемой совокупности (например, форма организации и возможность получения основ выборки на различных ступенях, доступность определенных территорий и категорий элементов совокупности), количество интервьюеров, которое может быть задействовано на полевой стадии и, прежде всего, финансовые возможности.

Например, в выборочной модели для национальных республик — Саха (Якутии), Татарстана, Башкортостана мы вынуждены были провести дополнительную стратификацию сельских населенных пунктов по долям проживающих в них жителей титульной и нетитульной национальностей. Причем, если в Татарстане и Башкортостане это было сделано, в основном, только из содержательных соображений о влиянии национального состава села на установки респондентов, то в Саха (Якутии) это диктовалось еще и чисто технологическим обстоятельством. По условиям обследования требовалось, чтобы респондентов титульной национальности опрашивали только интервьюеры титульной национальности, и наоборот. Число респондентов в одном сельском населенном пункте должно было составлять 25 человек и посылать в одно село со смешанным населением двух интервьюеров разных национальностей при якутских расстояниях и, соответственно, огромных транспортных расходах было просто невозможно. Кроме того, трудно было бы в этом случае

найти и интервьюеров, которые согласились бы ехать на такие расстояния для опроса 7–8 респондентов: их заработок в этом случае был бы слишком мал. К. счастью, оказалось, что в Саха (Якутии) очень мало сел со смешанным населением, в них проживает всего несколько процентов сельчан.

Итак, на первом этапе, исходя из размера выборки в 1000 респондентов и условий (ограничения по ресурсам), что в выборочной точке должно быть опрошено не менее 20–25 респондентов, во всех четырех субъектах Федерации были определены саморепрезентирующие выборочные точки, которые по своей численности населения обязательно попадают в выборку — это самые крупные города данных субъектов. Остальные городские населенные пункты были стратифицированы, как уже было сказано, по размеру, и в каждой страте было отобрано с помощью процедуры случайного отбора соответствующее количество городов или поселков городского типа (пгд). Исключение составила только Саха (Якутия), где многие города являются труднодоступными. Поэтому, после определения саморепрезентирующих городов, в отдельную страту были выделены все городские поселения, находящиеся в зоне прямого авиационного или автомобильного доступа из Якутска. Из них случайным образом было отобрано необходимое число городов и пгт, с объемом выборки, пропорциональным доле населения данной страты в городском населении. Остальные города и пгт отбирались только в тех районах (улусах), где расположены уже отобранные города и пгт (саморепрезентирующие или прямого доступа). Такой путь определялся существовавшими ограничениями по ресурсам.

По такому же пути и по тем же соображениям мы шли при отборе сельских населенных пунктов по всем четырем субъектам Федерации — отбор шел только из списка сел в районах, где расположены уже отобранные города и пгт.

На второй ступени в городах и пгт использовались в качестве ВЕО счетные участки переписи 1989 г. или микропереписи 1995 г. либо избирательные участки. Применялся механический

отбор с заданным шагом. После выбора конкретных опросных участков в них проводился натурный обход для составления списка жилищ (квартир, частных домов). Из полученного списка на третьей ступени выборки механическим отбором осуществлялся выбор необходимого количества жилищ (с учетом размера предполагаемой недостижимости), в которых будет производится опрос. В селах ступень отбора опросных участков отсутствует (опросным участком является само село) и в качестве списка жилищ использовались похозяйственные книги, по которой и велся отбор жилищ в выборку.

И наконец, на последней ступени, при отборе респондента в семье, мы использовали известную процедуру Киша.

Так как в исследовании стояла задача сравнения групп населения титульной и нетитульной национальностей, то для выравнивания наполненности групп в Саха (Якутии), Башкортостане и Оренбургской области был осуществлен добор респондентов титульной национальности (татар в Оренбуржье). В сущности, это были самостоятельные выборки. В Татарстане, где численность жителей титульной и не титульной национальностей отличается незначительно, проблему удалось решить без довыборки, путем некоторого увеличения размера основной выборки.

После исследования была проведена косвенная оценка качества выборки путем сравнения выборочных распределений и данных госстатистики по основным социально-демографическим характеристикам для каждого из обследованных субъектов Федерации. Все отклонения лежат в границах принятых стандартов и легко устранялись при необходимости путем перевзвешивания.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Трансформационные процессы и решение этнонациональных проблем в российском обществе	7
Останутся ли этнические проблемы актуальными в XXI веке	18
Глава 2. Поиски политической стратегии в этнонациональной сфере и социальные практики	22
Эволюция концептуальных подходов	22
В поисках политической стратегии	26
Представим ряд выводов из этих исследований	36
Глава 3. Динамика социальной стратификации взаимодействующих народов	47
Социальная дифференциация	47
Проблемы этнических элит	58
Участие во власти	61
Стратификация в сфере энокультурных практик	65
Глава 4. Этнические границы	73
Социально-экономические и политические ориентации: что объединяет и разъединяет этнические группы	75
Культурные маркеры этнических границ	108
Глава 5. Проблемы интеграции этносоциально-ифференцированного общества	113
Этнические аспекты изучения социальной дифференциации	113
Фрагментация пространства как возможная основа для интеграции	123
Смогут ли средние слои этнических групп стать потенциалом межэтнической интеграции?	138
Глава 6. Проблемы асимметричной федерации в глазах элиты и масс	147
Исторические аргументы	147
Правовые аргументы	155
Социально-экономические и культурные обоснования	158
Социальная практика диктует решения элит. Элиты формируют общественное мнение	161

Глава 7. Постперестроечный национализм:	
различия в понимании и уроки	209
Основные подходы к изучению	209
Национализмы на постсоветском пространстве:	
характер и типология	217
Возможность либерализации национализма	245
Глава 8. Межэтнические отношения в республиках	
Российской Федерации на рубеже веков	263
Факторы, детерминирующие межэтнические отношения	264
Конституционные гарантии	266
Солидарность и дифференциация	271
Оценка населением межэтнических отношений	
в республиках в трудовых коллективах	290
Глава 9. О социальных и политических проблемах	
формирования толерантности в российском обществе	305
Условия функционирования толерантности	306
Ценности и символы в контексте формирования	
толерантного поля межэтнических взаимодействий	317
Глава 10. Российская, этническая и республиканская	
идентичность: конкуренция или совместимость	336
Актуальность и интенсивность идентичностей	340
Этничность как социальный ресурс	344
Социальная среда этнизированных акторов	348
Что «роднит» со своим народом: доминирующие	
идеологемы этнической идентичности	350
Республиканская идентичность: массовое сознание	
и идеологемы элиты	353
Образы общероссийской идентичности в глазах элиты	
и в общественном мнении	359
Противостоят или взаимодополняют друг друга	
этническая и российская идентичности?	365
Приложение. Выборка этносоциологического исследования	370

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДРОБИЖЕВА Л.М.
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Верстка, обложка *И.Ю. Белов*

Подписано в печать 16.12.02. Формат 60 x 90 ¹/₁₆
Гарнитура Journal. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 1000 экз.

ИД № 06136 от 26.10.2001.
Издательство ООО «Центр общечеловеческих ценностей».

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в Полиграфической фирме «Момент»
141400, Московская обл., г. Химки, ул. Нахимова 2.

ISBN 5-88790-064-4